

К 175-летию
со дня рождения
Н. А. НЕКРАСОВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

XI—XII

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"НАУКА"
1998

УДК 82/89; 882

ББК 83.3(0)5

Н 47

Редакционная коллегия:

**О. Б. АЛЕКСЕЕВА, Б. В. МЕЛЬГУНОВ,
Н. Н. МОСТОВСКАЯ (ответственный редактор)**

Рецензенты:

И. А. БИТЮГОВА, Т. П. ГОЛОВАЦОВА

Серия основана в 1951 г.

I. СТАТЬИ

Н. Н. Скатов

ПЕРЕЧИТЫВАЯ НЕКРАСОВА

Довольно давно, еще до революции, вышла одна из первых тогда о Некрасове книг известного в дальнейшем литературоведа, посвятившего поэту всю свою долгую работу, многое разыскавшего, учредившего. В частности, утвердившего и важную традицию дотошных изучений и комментирования и в то же время достойных, бесспорных, но довольно вялых и многословных общих характеристик, все расползавшихся и расползавшихся.

В статье по поводу этой «первой ласточки» яркий и пронзительно талантливый Василий Розанов мрачно прогнозировал:

«О Некрасове... будут появляться именно КНИГИ, всесторонне исследующие его личность и его творчество,— и еще очень долго эти книги будут широкоучеными увражами, скорее усиливающимися ЗАКРЫТЬ и СКРЫТЬ настоящего Некрасова, нежели объяснить его, — будут усиливаться стесать в нем острые и непререкаемые углы и приноровить его к общему ходу российской словесности, чтобы он не „выпячивался“ из этого хода... Хоронят одно из самых ярких явлений... не столько даже русской литературы, сколько русской культуры и... просто русской жизни...»¹

Любопытно, что совсем с другой стороны В. И. Ленин, в своих литературных характеристиках обычно вскрывающий прежде всего социально-политическую суть явления (вспомним его статьи о Льве Толстом), в случае с Некрасовым обратился к личности: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского».² Не уверен, что мы до конца поняли эту так часто повторяемую формулу, впрочем, частота повторения, как правило, обратно пропорциональна глубине понимания.

Итак: «лично слабым».

Между тем совсем лично не слабый Добролюбов признавался Некрасову, что видит в нем одного из самых сильных людей, каких только знает, а сам Чернышевский писал Некрасову: «Силы ваши огромны...»³ И в третьем лице: «Он был великодушный человек сильного характера... Человек с сильной волей...» Чернышевский же — А. Н. Пыпину 14 августа 1877 года: «...если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека».⁴ «Люблю, — скажет о Некрасове Лев Толстой, — не любовью, а любованьем».⁵ Даже не любивший поэта «любовью» Толстой не смог не залюбоваться этим ослепительно ярким и могучим явлением нашей жизни.

Некрасов прошел испытание бедностью и искушение богатством. Он начинал в петербургской трущобе, а потом покупал за бешеные деньги родовое имение князей Голицыных (знаменитая теперь его именем Карабиха) и содержал для нечастых охот постоянно охраняемые громадные угодья в Новгородской губернии. «Он был страст-

¹ Розанов В. В. По поводу новой книги о Некрасове (В. Е. Евгеньев-Максимов. Н. А. Некрасов: Сборник статей. М., 1914) // Новое время. 1916. 8 янв.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1961. Т. 22. С. 84.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1949. Т. 14. С. 325.

⁴ Там же. 1950. Т. 15. С. 88.

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90-та т. М.; Л., 1953. Т. 62. С. 309.

ный человек и „барин“, этим все и сказано», — определил Некрасова с какой-то своей, особой стороны Александр Блок.

Зоркий глаз охотника не изменял ему и в литературе. Ведь это Некрасов, редактор и издатель, «вывел в люди» чуть ли не всю русскую литературу второй половины века: нашел и сразу напечатал Льва Толстого, обнаружил и представил Белинскому как «нового Гоголя» Федора Достоевского, вызвал из долгого забвения Федора Тютчева. А Добролюбов? А Чернышевский? А Фет? А вся почти демократическая проза? И здесь же молодой Случевский... В пору болезни Некрасова соредатор его по «Отечественным запискам» Салтыков-Щедрин напишет: «... без него мы все — мат».

Могучая личность и редкостный ум Некрасова подчиняли себе почти всякого, с кем он имел дело. Достоевский точно ощутил в некрасовской стихии то, что сам же назвал настоящим духом и тоном Байрона. Недаром образ некрасовской личности так волновал его воображение («Подросток»). Тем более что они — поэт и писатель — явили и два противоположных типа людей; отчаянный безудерж бросал в бездну Достоевского-игрока, а железное волевое начало почти неизменно держало на гребне удачи и успеха игрока Некрасова. «Миллион, — писал Достоевский, — вот демон Некрасова!» И он же объяснял причины, таившиеся как раз в могуществе личности поэта. «Это был демон гордости, жадности самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы... Это была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого... Такого ли самообеспечения могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная так отзываться на все святое и не покидавшая веры в него». Впрочем, Достоевский — народный писатель (то есть писатель, для которого идея народа была основной спасительной идеей), говоря о Некрасове, точно определил, каким самообеспечением спасался Некрасов, призвав одного свидетеля: «Этот свидетель — народ. То есть любовь его к народу!.. я о том только скажу, что мне ясно, почему Некрасов так любил народ, почему его так тянуло к нему в тяжелые минуты жизни, почему он шел к нему и что находил у него. Потому... что любовь к народу была у Некрасова как бы исходом его собственной скорби по себе самом. Поставьте это, примите это — и вам ясен весь Некрасов, и как поэт, и как гражданин».⁶

Великий психиатр нашей литературы тогда не мог знать о таких пробах и анализах, которые подтверждали бы точность его диагноза. Позднейшим поколениям они обычно становятся известны.

Письма. Вот одно — 1857 года. Некрасов — Толстому: «Хорошо ли, искренно ли, сердечно ли (а не умозрительно только, не головою) убеждены Вы, что цель и смысл жизни — любовь? (в широком смысле). Без нее нет ключа к собственному существованию, ни к сущ(ествованию) других, и ею только объясняется, что самоубийства не сделались ежедневным явлением. По мере того как живешь — умнеешь, светлеешь и охлаждаешься, мысль о бессмысленности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим, — и они, вероятно (т. е. люди в настоящем смысле), чувствуют то же — жаль становится их, — и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы, — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука. Все это я выразил очень плохо и мелко — что-то не пишется, но авось Вы ухватите зерно. Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние» (Н 1, 10, 334—335).

Эти нравственные принципы суть основание всей поэзии Некрасова. Ведь его истинно национальный эпос и есть своеобразная «круговая порука». Да и лирика его являет новый тип именно русской лирики, потому что почти вся основана на «посылке к другим». В других, а по конечному, по самому последнему счету — в народе, увидено собственное спасение. «Народ, — сказал Достоевский, — был

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1984. Т. 26. С. 124—125.

настоящую внутреннюю потребностью его не для одних стихов. В любви к нему он находил свое оправдание. Чувствами своими к народу он возвышал дух свой». ⁷ Вот исток и объяснение кровного родства Некрасова с народным духом и народной судьбой. Да, здесь не так называемая народная тема, удачно решенная, а судьба, вопрос собственной жизни и смерти. Потому-то Некрасов и возводил свое страдание в сострадание, а чувства разрешал в сочувствии. Это стало его исторической миссией человека и гражданина, отчетливо осознанной призванием: «Я призван (!) был воспеть твои страдания, терпением изумляющий народ!» И теми же уже предсмертными словами — о себе: «Усни, страдалец терпеливый!» Ведь он и сам был человеком изумляющего терпения. Он сказал однажды: «...я о себе был всегда такого мнения, что все могу выдержать». Он все выдержал: и нищету, и богатство, пережив тяжесть первого и поняв тщету второго. И вытерпел страшные муки последней болезни, то есть не просто вытерпел (куда здесь денешься), а перевел и этот страшный жизненный, а вернее, уже смертный опыт в стихи своих «Последних песен», до конца продолжая напоминать, по выражению Бальмонта, что, пока мы все дышим, есть люди, которые задыхаются.

Но и улыбаться, и смеяться, и радоваться он тоже если и умел, то никогда почти наедине, но только с народом и в народе. Всегда и во всем. Даже нововременец В. Розанов засвидетельствовал, что Некрасов был на месте, когда строилась идеологическая и словесная предпосылка к революции, по-русскому — к «смуте».

Однако что же значат ленинские слова: «...колебался, будучи лично слабым...»? Конечно, для революционера ленинского типа способность колебаться, раздваиваться представляла как личная слабость. А при всей силе характера цельным человеком Некрасов не был. «Некрасов, — сказал Достоевский, — есть русский исторический тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время. Но этот человек остался в нашем сердце. Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то опять-таки любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было что искупить...» ⁸

Видимо, потому же поэта неудержимо влекло к цельным образам героев («Пророк»). И эта же жажда цельности, законченности, полноты бытия, соединения и разрешенности всего привели к образу-идее, которой обязана Некрасову вся русская культура, да и вся жизнь русская. Здесь ему, кажется, никто не предшествовал. Даже Пушкин. У довлевшего себе Пушкина, очевидно, не было в этом внутренней необходимости. Мы часто и привычно уже повторяем: «Пушкин — наше все». Однако в этом всем Пушкине было одно исключение. Оно-то и стало для Некрасова всем. Мать! У Некрасова это действительно такое все, что свело к себе личное и народное, национальное и всемирное, человеческое и божеское. Одно пояснение на совершенно хрестоматийном примере. Так, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» не просто создан, как обычно пишут, образ матери (часть «Крестьянка»). Ничего там не понять, если не увидеть материнство как чувство всеохватное, всепроникающее, людское и природное. Потому-то, скажем, глава о смерти мальчика Демушки начата своеобразной интродукцией — картиной природы: мать-птица рыдает по своим сгоревшим птенцам-детям. Потому-то следующая глава о материнском самоотвержении названа «Волчица»: в беспощадно правдивых картинах образы матери-волчицы и матери-человека, оставаясь реальнейшими сами по себе, высвечивают друг друга и сливаются в некий символ. Потому-то сама крестьянка в тоске и душевном смятении обращается к образу покойной матери, в молитве своей призывает «заступницу», «матерь Божию». А в минуту высшего напряжения духовных и физических сил сама разрешается от бремени, давая новую жизнь. В поэзии Некрасова мать — безусловное, абсолютное начало жизни, воплощенная норма и идеал ее. В этом смысле мать есть главный «положительный» герой некрасовской

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Там же. С. 126.

поэзии. Мать — последнее прибежище перед лицом всех потерь, утраты самой музыки, перед лицом самой смерти. И мать утешает, прощает, отпускает:

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я скороню тебя весной.

(Н 2, 3, 204)

Мать наделена здесь прерогативами божества, всевластием, по сути происходит обращение к «Богу» в образе матери, ибо так утешать, прощать, отпускать может лишь бог.

Таким образом, в поэзии Некрасова есть некая восходящая триада развития образа — даже шире — идеи матери: мать, мать-родина, мать-Бог. Подобное движение есть и в процессе создания образа — и шире — идеи героя: приятель, гражданин, пророк. При этом происходит своеобразное возвращение к «наивностям» «первоначального христианства с его демократически-революционным духом», о котором говорил В. И. Ленин.⁹

Конечно, для Некрасова бога как такового, в церковно-православном представлении, не существовало. Тем более не приходится говорить о чем-то складывающемся в религиозную концепцию. И все же в последних стихах Некрасова мы видим поиски абсолютного утверждения перед лицом абсолютного отрицания — смерти.

И если, например, в поэме «Мать» успокаивает и утешает ее поэт, то в стихотворении «Баюшки-баю» это делает она. Он утешает здесь, она уже там. Она дарит не обещания чего-то, в разрешении всего:

Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча.
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стоны,
Ни человеческой слезы...

(Н 2, 3, 203)

Но Некрасов слишком «земной», и есть все-таки последнее земное утешение, «властное» над ним до конца. Без него разрешение всего не разрешение, и «Бог» сходит на землю:

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

(Н 2, 3, 204)

Недаром именно с Некрасовым искони подводились под русское сознание главные опоры.

«Обыкновенно, — писал один старый критик, — после Некрасова идешь дальше

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1962. Т. 33. С. 43.

в своем художественном развитии, и идешь в другую сторону, — но русский юноша, русский отрок именно у него получает первые неизгладимые заветы честной мысли и гражданского чувства».

Приходится сказать, однако, что ныне, по данным просвещенческой статистики, «русский отрок» все меньше обращается к Некрасову, и если идет в своем развитии в другую сторону, то уже не после Некрасова, а потому и вряд ли идет дальше. В таких случаях мы чаще всего склонны обвинять поэта: не устарел ли, не отстал ли? А вопрос, может быть, стоит поставить иначе: а не отстал ли «русский отрок» от заданной высоты в своем, иной раз стремительном попятном духовном движении? Может быть, дело не в поэте, а иной раз в расстраивающемся у «русского отрока» механизме солидарности, сочувствия и сострадания. Но не будем винить только юношей и отроков. Сформулированное много лет назад Б. Эйхенбаумом положение сохраняет и для нас, взрослых, всю свою насущность: «Пора показать, что Некрасов — сложная и живая историко-литературная проблема, для уяснения которой, несмотря на существование всяких специалистов, облюбовавших себе эту „легкую” тему, сделано очень мало».¹⁰

¹⁰ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 35.

А. П. Чудаков

СЛОВО И ПРЕДМЕТ В СТИХЕ НЕКРАСОВА*

В начале 1920-х (...) Вольге прибежал к Вячеславу Иванову: «Вот Некрасов — замечательный, несправедливо забытый поэт». — «Вы думаете, несправедливо?..» — задумчиво спросил Вячеслав Иванов.

Л. Гинзбург

Наши критики-реалисты мало оценили вечную сторону поэзии Некрасова. С ревнивой мелочностью они прилепились к его полемике и сатире, к его сухому и прозаическому взгляду на жизнь, к отрицанию красоты и злобе дня.

Д. Мережковский

«С тех пор, как прошел через русскую литературу своими неровными, часто неверными шагами этот загадочный человек с горящими глазами и преклоненной головой, нет покоя в русской литературе, нет для него отведенного уютного места в ней, и если одни называют его большим поэтом, то другие возражают словом: гений, а третьи — словом: бездарность. Трудно себе представить, сквозь какой строй самых искренних восклицаний, удивления, негодования, любви и непонимания прошел при жизни и после смерти Некрасов», — писал Ю. Тынянов в 1912 или 1913 году.¹ Лет через десять он скажет: «...споры вокруг Некрасова умолкли — он признан, по-видимому, окончательно».² Это оказалось не то чтоб совсем так. Внутренняя полемика с прежней критикой доселе окрашивает многие работы. К. Чуковский вплоть до 60-х годов, в том числе и в известной книге «Мастерство Некрасова» (где сняты наиболее острые и свежие формулировки книг ранних), продолжал доказывать, что Некрасов — великий поэт и мастер. Но в целом в работах последнего полувека утвердился панегирический тон. Он предопределялся уже самой тематикой и подходом. В литературе ни об одном русском писателе нет такой гигантской диспропорции между исследованиями о реальных проблемах творчества, поэтики и статьями и книгами, озаглавленными: «Карающая лира», «Поэзия труда и борьбы», «Поэт мечты народной», «Женская доля в творчестве Некрасова», «Поэт крестьянской (революционной) демократии» (десятки), «Великий поэт революции» и т. д. и т. д. А. Белый проницательно обозначил типические темы этого рода на ближайшие три четверти века: «Я могу далее связать взгляд Некрасова на русскую деревню с идеологией его времени (...) я могу связать идеологию Некрасова с общественными противоречиями эпохи (...) объяснить его психологию психологией „кающегося дворянина-помещика” или же психологией „интеллигента” (...) представителя оторванной от народа либеральной интеллигенции и осветить этот пессимизм чуждостью для Некрасова пролетарского мироощуще-

* Статья написана на основе докладов, прочитанных в МГУ (излож. см.: Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 153) и Тюбингенском ул-те (1987).

¹ Тынянов Ю. Н. Некоторые черты поэзии Некрасова. (Частное собрание).

² Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 18.

ния».³ Но в этом случае, замечал А. Белый, «я буду иметь дело не с Некрасовым-лириком, а с Некрасовым-публицистом; анализируя так, я не увижу поэта».⁴

Кроме известных работ С. А. Андреевского, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, К. И. Чуковского, К. А. Шимкевича, В. В. Гиппиуса, а в последнее время Б. О. Кормана, затруднительно назвать какие-либо общие сочинения о поэтике Некрасова. Из частных работ больше всего посвящено проблемам жанра, сюжета и композиции, конфликту, меньше — стиху и языку. Почти ничего — проблеме вещного мира Некрасова.

1

Всякий художник говорит на вещном «языке» своей эпохи. Однако подчиненность предметным ее формам различна. Одни писатели не очень внимательны к вещному облику современности, заслоняемому и даже подавляемому в их художественном мире задачами, полагаемыми неизмеримо более существенными. Этому — сущностному — типу художественного мышления противостоит другой — формоориентированный. Художники, ему принадлежащие, чутко реагируют на текущие, постоянно меняющиеся вещные и ситуационные формы жизни своего социума.⁵

Это не значит, что у писателей сущностного видения нет запечатленных примет современной вещной жизни — например, таких живых ее выражений, как мода. К моде был внимателен Достоевский.⁶ «Многие из атрибутов блоковской демонической женщины, — писала Л. Я. Гинзбург, — шлейфы, духи, шелка, мех, перья, вуаль, узкие ботинки (...) непосредственно связаны с модами 900-х годов». Но, как точно замечает она здесь же, «в то же время все это вынесено за пределы повседневной реальности».⁷

У поэтов формоориентированного восприятия вещь приближена к своему изменчивому бытию. Однако и среди них, иные из которых отличаются удивительной предметной точностью и наблюдательностью (Фет), Некрасов занимает особое место.

Много писалось о близости Некрасова к натуральной школе, физиологическому очерку. Для формирования его поэтики, однако, важнее его связь с фельетоном, водевильными куплетами, романсами, журнальными сатирами, нарождающимся новым жанром — сценами.

Уже в первых известных нам стихотворных фельетонах Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840) и «Говорун» (1843), восходящих к водевильным куплетам («водевильная болтовня о том, о сем, а больше ни о чем», по слову Белинского⁸) и до предела насыщенных современными реалиями, упоминаются первая в России железная дорога Петербург—Павловск, оркестр в ресторане Палкина, только что проведенное газовое освещение, выставленные на Невском дагерротипы, еще не потерявшие впечатления новизны гранитные сфинксы, поставленные на набережной Невы, движущийся манекен в витрине «завившика», появившиеся в обилии книги с политипажами, демонстрируемое в одном из балаганов чучело кита и проч. Как писал в примечании к «Говоруну» сам автор, «в этой пьесе дело наполовину идет о мелочах, занимавших тогдашнюю петербургскую публику».

Современность — более того: злободневность, еще более: сиюминутность — черты водевиля, куплетов, стихового, газетного и журнального фельетона, памфлета, «сатиры». В стихах Некрасова, выполненных в этих жанрах или связанных с ними генетически, найдем сведения о новейших театральных постановках, знаменитых актерах, музыкантах, художниках, политических деятелях, ценах, модах («жилеты, шелком шитые, недавно // Вошли в большую моду» — «Новости. Газетный фель-

³ Белый А. Символизм. М., 1910. С. 243. — В одном теоретик символизма ошибся, предполагая возможность темы «Отношение к смерти Некрасова, мировых лириков, Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра, Гартмана, Ницше и т. д.». Подобными темами не интересовался никто.

⁴ Там же.

⁵ Подробно см. раздел «Два типа литературного мышления» в нашей работе «Предметный мир литературы» (Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 275—280).

⁶ См.: Чудаков А. П. Предметный мир Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Вып. 4. С. 101—102.

⁷ Гинзбург Л. О лирике. Изд. 2-е. Л., 1974. С. 269.

⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VII. С. 8.

етон. 1845») и даже именах портных (герой «Чиновника» платье заказывает у Кинчерфа — «тогдашнего портного средней руки», делает примечание автор), правительственных распоряжениях, новых танцах, погоде, клубах.

Обращение к современности в ее сиюминутном облике было принципиальным.

Мне в трактире бьющий стекла
Купеческий сынок в пятнадцать лет
В сто тысяч раз важнее Фемистокла
И всех его торжественных побед!

В полемике с А. В. Дружининым Некрасов, разделяя писателей «на два рода» — рисующих человека «без отношения к месту и времени» и других, «которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке»,⁹ — себя несомненно относил к «другим».

Некрасов менялся, расширялся и усложнялся его идеологический диапазон, но внимание к современности в ее вещно-ситуационной конкретности навсегда осталось одной из главных особенностей его поэзии — «неизгладимая печать увлечений миражной жизнью легла на его произведения то желчными пятнами, то — увы! — отзъбами пошлых водеvilльных куплетов».¹⁰ «Водеvilный склад (...) сохранился у него до последних дней»,¹¹ — замечал Н. Страхов, а в одном из писем выражался еще более определенно: «Меня не могло не удивлять господство узкой теории, требовавшей служения современной минуте».¹² Статья В. Г. Авсеенко называлась «Поэзия журнальных мотивов». Неиссякаемое устремление к злободневной современности, став составной частью видения Некрасова, имело и теневую сторону. Ни у кого из русских писателей, кого мы числим в ранге великих, нет такого количества слабых, написанных «на тему» и «по поводу» произведений, как у Некрасова (разве что у Твардовского и Маяковского, но советская литература — дело особое). Всплывает имя Чехова — но это не совсем то. Среди ранней поденщины Чехова встречаются настоящие шедевры юмористики, вроде «Смерти чиновника» или «Хамелеона», оставшиеся в литературе, к тому ж после нескольких первых лет он навсегда оставил эти жанры. Некрасов же продолжал писать свои вполне средние фельдетонно-злободневные стихи и после «Рыцаря на час», «Размышлений у парадного подъезда» и одновременно с работой над «Кому на Руси жить хорошо». Как если б Чехов после «Дамы с собачкой» вдруг написал что-нибудь вроде своего «Руководства для желающих жениться» или «Современных молитв». «Сатирические произведения Некрасова — богатая добыча для его противников, — замечал современный критик, — склад материалов для нападений на его стих, на его манеру, на его тенденциозность».¹³

В журнальной статье (в тогдашнем значении слова) факт важен сам по себе, а не как непременно художественно преобразованный. В стихи Некрасова, ориентированные на журнал, фельдетон, попадают ситуации, вещи, не несущие на себе след формующей руки поэта. Не потому, что это рука не художника, что она слаба, вяла, равнодушна — нет, она тверда, нервна, отзывчива. Но Некрасов полагал возможным и в зрелые годы печатать стихотворения, ориентированные на такой нетрансформированный факт, если он был важен, показателен, нужен с точки зрения общественной борьбы. Его стихи переполнены политическими намеками, оценками, наблюдениями, дидактикой, изложением так называемых передовых мыслей — зачастую в самой прямой прозаической форме.

Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила пленяли
Сердце женское в древние дни.

⁹ Из письма В. П. Боткину // Переписка Н. А. Некрасова в двух томах. М., 1987. Т. I. С. 193.

¹⁰ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 492.

¹¹ Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 144.

¹² Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского. СПб., 1883. С. 174.

¹³ Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе. СПб., 1888. Т. II. С. 32.

Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее...

(«Балет»)

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намеком натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковос:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое-трое —
У них тогда училось все живое...

(«Медвежья охота»)¹⁴

Если к подобным строкам добавить разного рода повествовательные связки типа:

Дедушка, кстати, солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши, как брата,
Ласково с ним говорил...

(«Дедушка»),

то даже в зрелом творчестве Некрасова наберется немало строк, напоминающих стих только рифмой и метром.

Все это давало легкую поживу как его хулителям, издавна использовавшим прием прозаического пересказа некоторых некрасовских стихов, от которого те мало что теряли,¹⁵ так и хвалителям, извлекавшим из таких стихов ясно выраженные политические формулы, заучивавшиеся наизусть в кружках, далеких от искусства, или какую-нибудь «теорию трудовой стоимости в стихах».¹⁶

Прозаические (т. е. поэтически не деформированные) темы, идеологемы, ситуации оказались явлением обоюдоострым. Прозаизация была связана с величайшими достижениями Некрасова-поэта (см. §4), и она же некоторым стихам препятствовала подняться до уровня поэзии. Это и были «те фальшивые ноты, без которых не обходится почти ни одна страница его стихов».¹⁷ Некрасов понимал это не хуже своих критиков, но настаивал на своем на них праве: «Прежде всего выговариваю себе право, может быть, иногда на рутинный и даже фальшивый звук, на фразу, то есть буду говорить без оглядки, как только и возможно говорить искренно».¹⁸

В предсмертном автобиографическом наброске он писал: «Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, кри(тических) ст(атей) Белинского, Боткина, Анненкова и др(угих)».¹⁹ Оба фактора, за которыми признается решающая роль, —

¹⁴ И как это часто бывает у Некрасова, здесь же, через три стиха, посвященные Белинскому знаменитые строки большой лирической силы:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

Вопрос о нецельности и неравномерности текста большого поэта, особенно актуальный для литературы советских десятилетий (обращаясь к уже упомянутому имени, вспомним «Страну Муравию»), впервые встает именно при изучении творчества Некрасова.

¹⁵ Чуковский замечал об этом приеме, примененном С. А. Андреевским, который изложил отрывок из «Княгини Волконской» «в виде прозы, чуть-чуть переставив слова», что «стихи не пострадали нисколько, пожалуй, даже выиграли в ясности и полноте» (Чуковский К. 1) Некрасов как художник. Пг., 1922. С. 58; 2) Чуковский К. Некрасов: Статьи и материалы. Л., 1926. С. 178).

¹⁶ Покровский М. Н. Н. А. Некрасов // Н. А. Некрасов. М., 1929. С. 122.

¹⁷ Страхов Н. Н. Указ. соч. С. 135.

¹⁸ Письмо Л. Н. Толстому. 31 марта 1858 г. // Переписка Н. А. Некрасова. Т. II. С. 45. (Здесь и далее — курсив автора статьи).

¹⁹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1953. Т. XII. С. 24.

внепозитические. На роль великих друзей Некрасова в формировании у поэта жестких социально-политических доктрин не раз с большим удовлетворением указывалось в советском литературоведении. Чернышевский «вел борьбу против пассивных чувств и настроений в поэзии Некрасова (...) за ее активные чувства»,²⁰ Добролюбов тоже «боролся против эгегическо-пассивной психологии».²¹ Будущие исследователи покажут зависимость пиков и спадов этих качеств его поэтики от характера отношений с революционными демократами, с одной стороны, и Тургеневым, Дружининым — с другой.

А. В. Дружинин в статье 1856 года разделял поэзию Некрасова на «временно-дидактическую» и включающую «свободное творчество и всесторонность создания», «певца» и «памфлетиста и сатирика».²² Ю. Николаев (Ю. Н. Говоруха-Отрок) видел в Некрасове два лика: «Некрасова-поэта» и «Некрасова-версификатора на гражданские темы».²³ Со страстным противопоставлением одного Некрасова другому выступил в своих знаменитых лекциях о современной русской литературе (вышедших в 1893 г. отдельной книгой) Мережковский: «Некрасов иногда становится на точку зрения, чуждую великому и свободному искусству, утилитарную, исключительно экономическую, и тогда его поэзия превращается в холодную прозу, его могучая лирика — в журнальную сатиру. Именно это служение злобе дня, т. е. слабую сторону Некрасова, превозносили наши реалистические критики. Они совершенно упустили из виду, что есть другой Некрасов — великий и свободный поэт (...) Некрасов, верующий в божественный и страдальческий образ распятого Бога (...). Он тоже имеет силу, как Достоевский и Л. Толстой, любить русскую землю мировую, всечеловеческой любовью (...) он далек от мелких насущных вопросов жизни, от злобы дня, от цифр и деловой статистики. Поэт достигает великой красоты, служит ей бескорыстно, как Пушкин, как Лермонтов, как служили и будут ей служить все истинные поэты на земле».²⁴ Двойственное в мире Некрасова — поэтическое, просветленное и «грубый протоколизм» «нашей бедной действительности» — отмечал А. Басаргин.²⁵ Чрезвычайно важны собственные слова Некрасова в письме к В. П. Боткину, обнажающие эту двойственность его мироощущения: «Ты и Тургенев еще и тем мне милы и дороги, что только вы знаете и умели понять, что во мне было всегда два человека — один официальный, вечно борющийся с жизнью и ее темными силами, а другой такой, каким создала меня природа. Этого-то второго человека, я убежден, ты любишь во мне и ценишь, и за что тебе спасибо».²⁶

2

Однако пристальное внимание к злободневным событиям, сугубо современным ситуациям и реалиям сохранилось у Некрасова навсегда, став чертою его зрелой поэтики. Трудно назвать в русской литературе другого поэта, у которого в лирическое стихотворение с такой легкостью и свободой входили бы упоминания о ценах, модах, слухах, уличных происшествиях. «Водевильно-александринские пошлости оскверняют его высокую поэзию», — считал А. Григорьев.²⁷ Конечно, позже черта эта сильно трансформировалась. Злободневность, запечатленная пером фельетониста-водевилиста, превращалась в современность, увиденную зрелым журнальным бойцом, тактиком общественной борьбы; вглядыванье в реалии обыденного быта превращалось во внимание к социальному бытию.

Социальность Некрасова — одна из излюбленных тем советского литературоведения.

²⁰ *Верховский Г. П.* Новое время — новые песни: (Об идейно-психологическом повороте в жизни и поэзии Н. А. Некрасова) // Статьи и материалы. Ярославль. 1968. Вып. II. С. 112.

²¹ Там же. С. 113.

²² *Дружинин А.* Стихотворения Н. Некрасова. Москва, 1856 // Некрасовский сб. Л., 1967. Вып. IV. С. 244—266.

²³ Московские ведомости. 1893. № 7.

²⁴ *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч. М., 1914. Т. XVIII. С. 237—239.

²⁵ *Басаргин А.* Поэзия Н. А. Некрасова. М., 1902. С. 27—29.

²⁶ Переписка Н. А. Некрасова... Т. I. С. 233. — Ср. у Л. Толстого в его письме к Некрасову от 2 июля 1856 г.: «Ваши последние стихи мне нравятся, в них грусть, то есть любовь, а не злоба, то есть ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет, и в вас меньше, чем в ком другом. Напустить на себя можно, можно притвориться картавым, и взять даже эту привычку» (Переписка Н. А. Некрасова... Т. II. С. 38).

²⁷ *Григорьев А.* Указ. соч. С. 479.

Но, как правило, исследователей интересуют соотношения «типических обстоятельств и среды», «характер взаимоотношения человека со средой», «конфликт между героем и средой».²⁸ Эти категории (если их принимать вообще) характеризуют верхние уровни художественной системы писателя. Между тем, ежели какую-либо черту мы готовы считать доминантной, надобно поглядеть, проявляется ли она на нижних уровнях художественной системы. Обнаруживается ли социальность на уровне художественного предмета?

Предмет, выступающий прежде всего в качестве социального знака, в полной мере заявил о себе в творчестве шестидесятников, и прежде всего в жанре сцен. В таких произведениях, как например «Ночь под светлым днем» (1859) Н. В. Успенского, «Мирные сцены из военного быта» (1861) Н. И. Наумова, «Уличные сцены» (1862) В. А. Слепцова, «В балагане. Ярмарочные сцены» (1865) Г. Успенского, «В Петербурге. Летние сцены» (1866) Ф. М. Решетникова, отдельные эпизоды, картины, диалоги не связаны никакой формальной сюжетной связью (например, единым рассказчиком или героем), но вводятся как бы по праву самого их возникновения. В лавках торгуют, в конторе идет спевка, подъезжает конка или экипаж, в кухне готовят угощение для разговленья, на углу стоит нищий, в трактире пьют, франт-писарь с унтер-офицерской дочкой беседуют... Сцены (а с 70-х годов — сценки) — это не изображение внутреннего мира героев или авторская рефлексия по поводу изображенного, но эпизод социальной жизни, остановленная картина социального быта: действие обычно происходит в людном (как стали говорить позже — общественном) месте — на улице, в трактире, в лавке, на ярмарке, на постоялом дворе. Главное место занимает диалог, авторский комментарий минимален, вещный набор ограничен. Поэтому такую важную роль играет каждая вещь как социальный знак. Авторы сцен работали параллельно с Некрасовым; он печатал их в своих журналах. «Сценочность» некоторых текстов Некрасова бросается в глаза.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

⟨...⟩

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

(«Утро»)

Обычные виды ⟨...⟩

Обычные встречи: обоз без конца ⟨...⟩
Солдатики! Жидкий безусый народ ⟨...⟩
Доносятся горькие стоны...
Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь. ⟨...⟩
Обычные²⁹ сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкуются.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке...

(«Княгиня М. Н. Волконская»)³⁰

²⁸ Гин М. М. Принципы изображения действительности. Характер и среда // Гин М. М. О своеобразии реализма Некрасова. Петрозаводск, 1966. С. 11—13, 35. — Достоинства поэта в этой системе ценностей видятся «в четкости социального мышления и гениальной чуткости к социальным противоречиям, в демократизме и резких обличениях феодально-крепостнического и капиталистического гнета» (Гин М. М. Социалистические мотивы в наследии Н. А. Некрасова // О Некрасове: Статьи и материалы. Ярославль, 1971. Вып. III. С. 26).

²⁹ Одно из самых типичных для сцен (еще более — для сенок) явление — подчеркивание обычности, привычности обстановки, ситуации: «Трактир с обыкновенною обстановкой» (Волгин И. Сцены из купеческого быта // Гудок. 1862. № 47).

³⁰ Любопытные соображения по поводу этого типа композиции (правда, без связи со сценочностью), называемого им «мгновенной перспективой», находим в статье Г. Дудека: *Dudek G. Die Kompositionen — formen in der frühen Lyrik N. A. Nekrassows // Zeitschrift für Slavistik. 1956. Bd I. H. 3. S. 91.*

И, как и в сценах 60-х годов, всякая вещь у Некрасова репрезентирует социальный уклад, общественную принадлежность ее владельца, нацелена на вызывание вполне определенных эмоций. Владелец «роскошных палат» всегда мерзавец, а крестьянин, мастеровой, честный труженик живет всегда в «обстановке убогой».

В стихотворении «Плач детей» такие обыденные вещи, как стены, окна, двери, потолки, становятся социально знаковыми, потому что они входят во второй член противопоставления, где первый — «поля и нивы золотые», которых не видят несчастные дети, узники фабричных стен. Церковь — не только место вознесенья молитвы, она — символ тяжести русской жизни:

Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

(«Свадьба»)

Храм въздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей.

(«Тишина»)

Некрасов, видимо, единственный из лирических поэтов XIX века, у кого социальность предметного мира проявилась в такой степени (мы не берем так называемую «некрасовскую школу», состоящую из его эпигонов или поэтов третьего ряда или тех и других вместе).³¹

3

Особенно резко это качество бросается в глаза в некрасовском пейзаже. Этот вид описания в отличие от изображенной рукотворной обстановки (улицы, дома, интерьера) — традиционно внесоциальная категория, связанная с красочно-пластической предметностью. Но таковою она была до Некрасова. Его пейзаж всегда содержит детали, переводящие его в социальную плоскость.

Вот пример как будто чисто изобразительного пейзажа в «Псовой охоте»:

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом. <...>

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу под горою бежит,
Инеем зелень долины блестит,
А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Однако и в него походя легко вторгается деталь из социальной сферы — без боязни перебить эту удивительно чистую по краскам картину:

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп скрипит (*запрещенный законом*)...

Ср. сделанные на основе другой категории — «поэтического монтажа» — интересные наблюдения над композицией «Коробейников» и «Современников» в ст. М. Брауна: *Braun M. Nekrassovs Kompositionstechnik // Die Welt der Slaven. 1966. XI, N 1—2.*

³¹ «Некрасов открыл в нашей поэзии новую струю. <...> Эта новая струя — есть реальный и социальный элемент в его поэзии» (*П<тковский> А. Стихотворения Н. Некрасова // Книжный вестник. 1861. 31 декабря. № 24. С. 435—436.*)

Но эта чуть иронически поданная деталь эмоционально нейтральна (редкий случай). Обычно подобные сопроводительные подробности создают резкий отрицательно-экспрессивный ореол — нищеты, угнетения, произвола, гибели.

Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.

(«Пожарище»)

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.

Но все это, конечно, обман, внешняя сторона:

А по бокам-то все косточки русские...

(«Железная дорога»)

С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые сонные галки,
Что сидят на вершине стога.

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

(«Утро»)

Эти детали встраиваются в общую унылую природную картину, усиливая тоску. А если таких деталей нет, то они подразумеваются, они — неперемнная подоснова любого русского пейзажа.

Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водворенье дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит, голову склоня!

(«Несчастные»)

Не только солнце — автора не обманывает и прекрасная лунная ночь. Один из лучших некрасовских пейзажей (в стихотворении «Рыцарь на час») завершается подобным же образом:

Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность наяга!

Так же строятся пейзажи и в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!

<...>

Уж налились колосики.
 Стоят столбы точеные,
 Головки золоченые
 Задумчиво и ласково
 Шумят. Пора чудесная!
 «Ой, поле многохлебное!
 Теперь и не подумаешь,
 Как много люди божии
 Побились над тобой〈...〉
 Не столько росы теплые,
 Как пот с лица крестьянского
 Увлажили тебя!..»

В некрасовский пейзаж вторгаются то жандарм («Перед дождем»), то поднявший кулаки фельдъегерь, то стоны матерей новобранцев («Княгиня М. Н. Волконская»). Поистине, «что бы ни рисовал поэт, мужик прорывает полотно и высовывает свою голову».³²

В этом соседстве и под напором всепоглощающей уныло-скорбной эмоции отрицательно-экспрессивный характер приобретают и картины природы, традиционно в русской поэзии связанные с чувством раздолья, широты, размаха. «Ширь поднебесная», белая снежная равнина, волжские просторы, золотые нивы — у Некрасова это та огромная арена мучений, где «бедная баба из сил выбивается», стонут бурлаки, едут «в промерзлой овчине» мужики. Да и сама ширь — это или «равнина безлесная», где «солнце нещадно палит», или равнина «унылая», над которой, «как мать над сыновней могилой, стонет кулик», или сожженные солнцем нивы, иль земля «в белом саване смерти» («В полном разгаре страда деревенская...», «На Волге», «Балет», «Саша», «Уныние»).

Чистое, беспримесное наслажденье природой в мире Некрасова невозможно; чуть возникнув, оно тотчас становится предметом удивленно-оправдательной рефлексии:

Далекий свод небес, усеянный звездами,
 Нам кажется, простерт с любовью над нами;
 Любуясь месяцем, оглядывая даль,
 Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
 Что слаще радости... Откуда чувства эти?
 Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не дети!
 Ужель поденный труд наклонности к мечтам
 Еще в нас не убил? 〈...〉

〈...〉 И лучше поскорей
 Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
 Лишенные даров довольства и свободы,
 Мы живо чувствуем сокровища природы,
 Которых сильные и сытые земли
 Отнять у бедняков голодных не могли...

(«За городом»)

Восхищенье, любованье природою (камыши, волны, «стаи белых птиц», «синий бесконечный лес», «месяц над прудом») возможно только в идеале или в прошлом лирического героя; в настоящем — все иное:

Прибрежных птиц знакомый крик
 Зловещ, пронзителен и дик,
 И говор тех же самых волн
 Иною музыкою полн!

(«На Волге»)³³

³² Сакулин П. Н. Н. А. Некрасов. М., 1928. С. 36.

³³ Такое любованье есть у раннего Некрасова, но это столь на него непохоже, что исследователи в него не верят. Так, живые поэтические картины охоты в «Псовой охоте» (1846) некоторые авторы считают пародийными и снижающими. (См. коммент. К. Чуковского в «Полн. собр. соч. и писем» (М., 1948. Т. I. С. 524—525), а также: Бухштаб Б. Я. Сатира Некрасова в 1846—1847 гг. // Некрасовский сб. М., 1960. Вып. III. С. 22—26).

В пародии на Фета («Лето», 1854—1855) Некрасов вышучивает поэтическую конкретность фетовского предметного изображения, скрупулезность, точность наблюдений («по утрам продолжительны росы»), фиксацию запахов, звуков, сталкивание разнокачественных ощущений (голос «словно пахнет грибами»). Но главное — все это складывается в стихотворение, построенное как самодовлеющий лирический пейзажный этюд, ничего, кроме изображения смены состояния природы и чувств автора по этому поводу, не содержащий. От такой лирики Некрасов был очень далек.

Недаром для Некрасова «самый трудный род поэтических произведений — это те произведения, в которых, по-видимому, нет никакого содержания, никакой мысли; это пейзаж в стихах, картина, обозначенная двумя-тремя чертами» (Н 2, 11₂, 46).

Обязательность социальной позиции — при неизбежных издержках — в лучших вещах Некрасова оказывала глубокое влияние на стихи о природе. Чувство человеческой причастности и вины пред живым позволило ему нарисовать картины гибели леса в поэме «Саша», исполненные тоски и мрачной силы.

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы
И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной. {...}

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном
Раненый стонет, зовет, проклиная.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Это ощущение погубленных деревьев как *трупов*, а вырубки как поля жестокого боя (выше: «Враг уже мертвого топчет героя») особенно впечатляет теперь, на фоне нашей вялой «экологической» поэзии.

Сострадающим взглядом посмотрел он на привычное «хозяйственное» убийство животных и их мучительство безжалостной «рукой человека».

Гонят стадо гусей на убой.
(«Утро»)

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача. {...}
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымась, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).

(«О погоде»)

Пейзажей у Некрасова много. Но замечательный их мастер, нарисовав картину, всякий раз тут же как бы спохватывается: не слишком ли она безмятежна, идилична, далека от нужд страдающего народа? В. Брюсов писал о некрасовском урбанистическом пейзаже: Некрасов как *поэт* «чувствует своеобразную красоту города», но как *гражданин* «видит его отрицательные стороны, почти кланет его».³⁴

У Некрасова нет тягучего философского и фетовского или тургеневского бескорыстно-созерцательного восприятия природы. Если этоприятие или восхище-

³⁴ Брюсов В. Собр. соч. В 7-ми т. М., 1975. Т. VI. С. 186.

ние, то оно — не освобожденное любованье, но стремление — почти прагматическое — на этом «врачующем просторе» заглушить «музыку злобы» в этой душе («Тишина», «Надрывается сердце от муки...»), душе «гения уныния» (Чуковский).

Пародируя Фета, сам Некрасов в пейзажах был не менее конкретно-предметен. Но на его стиховых пейзажах всегда лежит убегающая тень высокого облака поэтической традиции. Прочие сегменты описания предлежащего мира от нее более свободны. В изображение внешней сферы существования некрасовских извозчиков, литераторов, солдат, купцов, мужиков попадали детали, дотоле в поэзию не проникавшие. «Красноречивым гигиенистом» назвал С. Андреевский автора «О погоде», и это так и было. Он — первый из русских поэтов, изобразивший полноту вещной жизни человека в ее неиерархической целостности, с ее обыденными делами, домом, сырыми подвалами, грязными онучами и новыми липовыми лаптями, хлебом с мякиной и хлебушком ржаным, кваском и совсем не кваском.

Для русской прозы после натуральной школы это было не ново. Стих тоже двигался в этом направлении — многое уже было у Пушкина. Но в отличие от автора «Евгения Онегина» с его утверждением поэзии обыденной жизни («морозной пылью серебрится его бобровый воротник» — поэтичностью этой картины восхищался еще Белинский), в отличие от разносторонней и «объективной» рисовки этой жизни в физиологическом очерке и нарождающейся сценке Некрасов в изображении внешнего мира явил совсем другое.

Это было то, что потом несправедливо припишут Чехову («трагедия будней») и под знаком чего рождаются описания Блока — полные «повседневной прозы, питающей поэзию драматизмом и тревогой».³⁵ Лучше всего это свойство определит сам поэт: «Мерещится мне всюду драма» («Ванька»). Всякое описание рождает у автора целый комплекс общественных эмоций; для Некрасова это был ближний или дальний результат и, пользуясь выражением Ж. П. Сартра, «неизбежный горизонт».

В области тропики эта страстная идеологизация рождала особого рода социально-предметный гротеск.

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.

(«Балет»)

Все сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ...

(«О погоде»)

...дома

Стоят, как крепости пустые (...).
Угрюмы лавки, как тюрьма.

(«Несчастные»)

Стояли лопухи недвижно над прудом.
Так узники глядят из окон каземата.

(Из поэмы «Мать»)

Несомненно, именно здесь — истоки поэтики русской революционной песни с ее резкой идеологической окраской образов:

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночь черна.

(И. Гольц-Миллер. «Слу-шай!»)

Обычная обстановка города видится Некрасовым как цепь страшных картин нищеты, разврата, голода, обмана, угнетения. Это ощущается как предвосхищение толстовского разоблачительского остранения современной городской цивилизации (у Толстого в

³⁵ Пастернак Б. Избранное в двух томах. Т. II. Проза. Стихотворения. М., 1985. С. 239.

более глобальном аспекте).³⁶ Но это уже особая тема толстовского (и вообще русского) революционного всеотрицающего разрушительного радикализма.

В допушкинское время контуры стихового предмета, окутанного сетью перифраз, были неотчетливы. Однако и у Пушкина, начав стремительно сближаться со словом, он все же не стал «чистым» предметом — но виделся, как через деления оптического прицела, сквозь культурно-историческую словесную маркировку. Некрасов ввел предмет как таковой — вне его словесно-литературного ореола. Множество предметов мира Некрасова до этого просто еще не побывали в каком-либо изображенном мире и этот ореол не приобрели. Этот «сырой» предмет оказался художественным предметом нового типа. И дело было именно в его резкой социальной окраске. Нейтральная бытовая вещь не маркирована. Предмет же нищего, убогого, контрастного по отношению к нормальному быту подчеркнут (остранен, сказали бы формалисты, выголошен, сказал бы Бахтин), обладает своим эмоциональным воздействием (возрастающим оттого, что предмет этот включен в стиховой мир). Это воздействие другого плана, чем в предшествующей литературной традиции, с ее точки зрения — «неэстетическое». Поэтому столь многие из современников отказывали стиху Некрасова в поэтичности.

Но дело было не в собственно вещи из крестьянского быта. Она уже существовала в литературе. Но изображалась как принадлежащая миру «поселян». Дело было в установке на ее включение как социально знаковой.

Такой художественный предмет оказался носителем новой суггестивности.

4

Естественно, что такое отношение к изображенной вещи было теснейшим образом связано с новым отношением к стиховому слову.

О «непоэтичности» стиха Некрасова за полтора века собралась большая литература. В критических и ученых статьях найдем многочисленные выписки с канцеляризмами, профессионализмами, вульгаризмами, газетными жаргонизмами. Их действительно много у Некрасова — таких слов, как *аттестовать*, *атмосфера*, *акционерная компания*, *гонорар*, *консоляция*, *картофель*, *квитанция*, *микстура*, *надуть*, *начальник отделения*, *паралич*, *подлец*, *преферанс*, *рожа*, *субсидия*, *шорник*. Много наблюдений сделано над диалектизмами Некрасова (главным образом иждивением ярославских и калининградских исследователей).

По диапазону это были лексические искания гоголевского масштаба.

О силе тяги к этим словам говорит то, что их неожиданно находим даже в достаточно тривиальных некрасовских фольклорных стилизациях, которые и выделяются из общей массы таких поделок едва ли не только этим.

Налево легкий *штат* царицы.
(«Баба яга, Костяная Нога»)

С обязаньем *подпиской*,
Чтоб к земле держалась близко.
(«Сказка о царевне Ясноцвете»)

Вся эта лексика входила в его стих традиционным для литературы того времени путем, как входила она в прозу В. Даля или Д. Григоровича, — через устный рассказ от лица героя, через сказ. Герой этот — чиновник, извозчик, мелкий литератор, крестьянин, финансист, разночинец (обедневший дворянин). Только до середины 50-х годов Некрасов написал около полутора десятков таких произведений: «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840), «Говорун» (1843—1845), «Отрывок» (1844), «В дороге», «Пьяница» (1845), «Огородник», «Так, служба!..» (1846), «Вино» (1848), «Филантроп» (1853), «Признания труженика» (1854), «Секрет» (гл. 2), «В больнице» (1855) и др.

³⁶ Любопытны конкретные схождения. Ветер «флагом гордого дворца играет, как простой тряпицей» («Несчастные»). И ср. у Л. Толстого: знамена — «подхваченные куски материи на палках» («Война и мир»).

Но новаторство Некрасова лежало не на пути стихотворного сказа. Начало новаторства было во включении всех этих непоэтических слов в авторитетно-авторское повествование, как это бывает в прозе.

Главная особенность поэтической речи, по Бахтину, в том, что она отрешена «от всякого взаимодействия с чужим словом»,³⁷ «требует единообразия всех слов, приведения их к одному знаменателю»,³⁸ тогда как определяющая черта прозы — «возможность употреблять в плоскости одного произведения слова разных типов в их резкой выраженности без приведения к одному знаменателю». ³⁹ Но существуют поэтические системы, где происходит прозаизация лирики; среди творцов таких немногих в XIX веке систем Бахтин называет Некрасова.⁴⁰ Проблема включения чужих голосов в лирику Некрасова исследована Б. Корманом, правда, вне связи с прозаизацией стиха, что отразилось в самом термине — «*поэтическое многоголосье*». ⁴¹ Между тем существенно новым была именно прозаизация — полное смещение главной установки стиховой речи — принципиальная возможность вхождения в нее любых чужих голосов. Именно это было непривычной всего и больше всего ставилось Некрасову в вину. И благодаря этому в стих Некрасова входило нелитературное,⁴² из реальных бытовых речевых жанров взятое слово, живые голоса эпохи.

Некрасов хорошо знал и устные их виды благодаря постоянному общению с людьми самых разных социальных слоев, и письменные, занимаясь в юности за плату составлением прошений, аттестатов, деловых бумаг.

Так, в «Школьнике» в речи повествователя мы узнаем последовательно голоса крестьянского мальчика, крестьянина-отца, деревенской дьячихи; целый хор голосов слышим в стихотворениях «В полном разгаре страда деревенская...», «Тройка», «Свадьба», «Размышления у парадного подъезда», «Папаша», «Маша», «На смерть Шевченко». ⁴³ Сложен речевой состав «Власа» — от экспрессивного народного просторечия («не поверит гроша медного», «слыл кашеем-мужиком», «пуще все неможется») и «тона набожной старушки», по слову Достоевского, до лубочной фразеологии в картинах ада — «Данта лубочного из русской харчевни»⁴⁴ — и лексики духовных стихов о Страшном суде: «Ефиопы — видом черные // И как углие глаза». ⁴⁵

Говоря о тяге Некрасова к «сырому» бытовому слову, нельзя не видеть и другое, не менее сильное тяготенье, существовавшее рядом и тоже с дебютных вещей, — к «литературному» слову. (Случай нечастого совмещения противоположных начал, но в поэтическом, социальном и психическом мироощущении Некрасова уживалось много таких несоединимостей).

Некрасов — редкостно «литературный» поэт. И не только в свой подражательный период, когда его стих отзывался то Жуковским, то Ершовым, то Бенедиктовым. Из вполне зрелого Некрасова Чуковский десятками выписывал «пушкинские» эпитеты и строки. Это была не несамостоятельность, но та же любовь к *не своему* слову. Ею же диктовалось и увлечение перепевами (непародический их характер давно показан Тьяньновым и Эйхенбаумом). Все это бытовое и литературное многоголосье, восходя к единой внутренней установке, было как бы пробами и подходами с разных сторон к его будущему и уже совершенно оригинальному поэтическому стилю, наиболее полно воплотившемуся в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

³⁷ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 98.

³⁸ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972. С. 341.

³⁹ Там же. С. 342.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Корман Б. О. Лирика Некрасова. Изд. 2-е. Ижевск, 1978. С. 155—187. Впервые: Корман Б. О. «Поэтическое многоголосье» в лирике Некрасова // Некрасов в школе. М., 1960. С. 177—193.

⁴² Точнее, надо бы сказать, что иногда это было слово литературное, но пропущенное еще только через прозу — чаще всего натуральной школы, которую Некрасов хорошо знал и к которой прикосновенен был сам.

⁴³ См.: Корман Б. О. Лирика Некрасова. С. 157—174.

⁴⁴ Мандельштам О. Записные книжки. Заметки // Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 201.

⁴⁵ Ср. в «Житии преподобного Василия Нового» про «ефиопов, у которых лица были черны, как сажа или смола, глаза, как горящие угли». (Отмечено в ст.: Гин М. М. От факта к образу и сюжету: Заметки о стихах Н. А. Некрасова // О Некрасове: Статьи и материалы. Ярославль. 1968. Вып. II. С. 45).

К народной речи Некрасов обращался издавна, начиная со стихотворений «В дороге» (1845) и «Огородник» (1846). Но это была еще стилизация «под условную народность»,⁴⁶ достаточно традиционный сказ. Новаторство явилось, когда народное слово вошло в авторскую речь как его лексическая единица или в характерной для такой речи грамматической форме, или в том и другом.

Первым опытом в этом роде был «Гробок» (1850).

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет *детинушка*.
На глаза его суровые
Слезы выжала *кручинушка*.

В стихотворении «Орина, мать солдатская» речь автора-рассказчика очень близка речи героини:

«Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!
Посетила ли кручинушка?
Молви — может и размыкаю».

Тожественность грамматических форм ее речи и авторской концовки обнажается рифмой:

И погас он словно *свеченька*
Восковая, предыконная...

Мало слов, а горя *реченька*,
Горя *реченька* бездонная!

В «Кумушках» с «детушки», «могилушка» в речах героев соседствуют «ребятушки», «думушки» в авторской речи. Народно-поэтическим языком теперь говорит не персонаж, но сам автор-повествователь, употребляя эту лексику на равных правах со словами общелитературного языка. Во «Власе» точно так же рядом с церковнославянизмами и просторечием ставятся фольклорные «матушка Москва» и «зимушка студеная».

Развернутым опытом нового стиля, будущего стиля (и ритма) «Кому на Руси жить хорошо» явилось стихотворение «Зеленый шум» (1862—1863). Фольклорный стиль здесь как будто мотивирован сказом, но мотивировка эта особая. О том, что это сказ, узнается только в четвертой строфе («Скромна моя хозяйшюшка Наталья Патрикеевна»). До этого же речь воспринимается как авторская. Как авторский ощущается и насыщенный фольклорными образами пейзаж, формально включенный в речь рассказчика:

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая
И белая березонька
С зеленою косой!

Прозаическая установка допускает использование любого неавторского слова не только для дистанцирования от него, но и для целей положительных; этот замещенный чужой речью голос звучит как вполне авторитетно-авторский. Такое использование находим в прозе Гоголя и Достоевского, таковы у позднего Чехова поэтизмы, им самим не раз осмеянные и дискредитированные.

⁴⁶ Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 265.

Некрасов прозаическую установку принял в стихе. Парадоксальным образом она оказалась повивальной бабкой нового *поэтического* качества.

В большой форме новый некрасовский стиль впервые нашел свое воплощение в поэме «Коробейники», где «является у поэта такая сила народного созерцания и народного склада, что дивисься поистине скудости содержания при таком богатстве оболочки».⁴⁷

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
<...>
Хорошо было *детинушке*
Сыпать *ласковы* слова,
Да *труденько* Катеринушке
Парня ждаль до Покрова.

Недаром эти стихи «вернулись» в фольклор; первые известны всем; последние как народную песню исполнял замечательный гуслир М. К. Северский.

Но здесь же литературно-книжная лексика:

Тайну свято сохрани.

И везде — свободное соседствование фольклорных и чисто просторечных и диалектных форм:

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки *важеватые*,
Глядь, туда же *приплелись*.

Установка авторской речи изменилась настолько, что в нее в качестве собственно авторской могло быть включено любое чужое слово — в том числе и народно-поэтическое; такое включение в донекрасовской поэтической традиции было невозможно. *Прозаизация обернулась новой поэтизацией.*

На этой основе был создан совершенно особый сложный речевой строй поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Широкая дороженька
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною
Заброшенной землей...
<...>
Весной, что внуки малые
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли...

В стих спокойно ставится землеустроительный термин («неудобная»); свободно соединяются образы фольклорные и голоса героев с метафорикой литературной речи («нити серые»):

...уж скоро странничек
Доскажет бль афонскую,

⁴⁷ Григорьев А. Указ. соч. С. 488.

Как турка взбунтовавшихся
 Монахов в море гнал <...>
 Услышишь шепот ужаса...

Столь же легко входят в текст поэмы риторические конструкции, эмоциональные формулы:

Ой, люди, люди русские!
 Крестьяне православные!
 Слыхали ли когда-нибудь
 Вы эти имена?
 То имена великие,
 Носили их, прославили
 Заступники народные!
 <...>
 Такая почва добрая —
 Душа народа русского...
 О сеятель! Приди!

В новой манере сохранилось прежнее внимание Некрасова к социальному художественному предмету, восходящему к натуральной школе и сценам шестидесятников.

Дом с надписью: училище,
 Пустой, забытый наглухо,
 Изба в одно окошечко
 С изображеньем фельдшера,
 Пускающего кровь.
 Есть грязная гостиница,
 Украшенная вывеской...

Но эта социально-конкретно-предметная лексика, поставленная в один ряд с фольклорной и включенная в интонационный строй нового стиля, обретала более широкие изобразительно-поэтические возможности — подобно тем, какие имеют реалии в народной песне.

По пьяным по головушкам
 Играет солнце вешнее...
 Хмельно, горласто, празднично,
 Пестро, красно кругом!
 Штаны на парнях плисовые,
 Жилеты полосатые,
 Рубахи всех цветов;
 На бабах платья красные,
 У девок косы с лентами,
 Лебедками плывут!

В новонайденном стиле счастливо соединились главные художественно-идеологические устремления Некрасова. Прежде всего были найдены так нужные этому поэту слово и вещь, манифестирующие крестьянскую принадлежность и тип сознания его героев. Через фольклорное слово в поэзию Некрасова входили элементы народно-крестьянской модели мира не как только изображенные (это и раньше было в литературе), а как самостоятельно, на равных правах с автором моделирующие мир. Но при том такое слово отвечало тяге Некрасова к слову преображенному, уже побывавшему в поэтической системе — в данном случае в мощной стихии народной поэзии — и несущему в себе ее заряд. Новая художественная система оказалась способной вместить и обнять все предшествующие искания поэта.

Н. Л. Вершинина

ТРАДИЦИИ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЗЕ НЕКРАСОВА 1840-х ГОДОВ

Изучение традиций сентиментализма в раннем творчестве Некрасова до настоящего времени не было целью и предметом специальных научных исследований, хотя предпосылки такого изучения несомненно существовали. Еще в 50-е годы XIX века Ап. Григорьев утверждал, что Некрасов наряду с Достоевским является «одним из двух самых ярких светил школы сентиментальных натуралистов».¹ Причем критик видел развитие принципов «сентиментального натурализма» в творчестве зрелого Некрасова, тогда как исток их находил в произведениях самых ранних. «... Явления мелкие часто бросают свет на явления крупные»,² — писал он по поводу первой повести Некрасова «Макар Осипович Случайный» (1840), полагая, что уже в ней проявились черты, позже определившие творческую позицию писателя: выбор для изображения предметов «мелких», повседневных, чрезмерное, вплоть до идеализации, углубленное внимание к ним.

В советскую эпоху В. В. Виноградов подробно остановился на вопросе о том, как во второй половине 1840-х годов в демократической литературе «создавался особый вид сентиментально-натуралистической новеллы», где приемы сентиментализма в «синтезе с поэтикой живых литературных течений» получили «новое функциональное содержание». В числе писателей, которых захлестнула волна интереса «к формам XVIII и начала XIX века из сферы сентиментализма как русского, так и иноземного», Виноградов называет Некрасова.³

По мнению ряда исследователей, возвращение к сентиментальным формам писателей «натуральной школы» было закономерным: оно отметило тот этап существования «школы», когда «задача состояла не только в преодолении сентиментализма, но и в использовании его достижений».⁴ «Это было своеобразное, даже иногда ироническое преломление отдельных элементов сентиментализма сквозь поэтику натуральной школы»,⁵ — писал Н. Л. Степанов.

В позднейших работах проблема «Некрасов и сентиментализм» по-прежнему возникает как частный аспект исследований. Она в основном входит в тот круг проблем, который вскрывает связи Некрасова (поэта и прозаика) с традицией русского и европейского романтизма,⁶ а также с развитием «общего строя физио-

¹ Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 268.

² Там же. С. 267.

³ Виноградов В. В. Школа сентиментального натурализма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избр. труды. М., 1976. С. 162.

⁴ Пруцков Н. И. Этапы развития гоголевского направления в русской литературе // Чечено-Ингушский пед. ин-т. Учен. зап. 1946. № 2. Филол. сер. Вып. 2. С. 141.

⁵ Степанов Н. Творчество Достоевского // Лит. учеба. М.; Л., 1931. № 9. С. 90; см. также: Белецкий А. Достоевский и натуральная школа в 1846 году // Наука на Украине. Харьков, 1922. № 4.

⁶ См.: Пиенная Ф. А. Роль романтических «начал» в творчестве писателей натуральной школы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975; Прозоров Ю. М. Н. А. Некрасов и русский романтизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980; Глуховская И. И. Сентиментальный натурализм в русской литературе 40-х годов XIX века. (Проблема метода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984; Пайков Н. Н. Ранняя проза Н. А. Некрасова и русская литературная традиция: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

логий» в эпоху 40-х годов: «от интереса к законам „действительности“, к социальной и сословной среде, где персонаж дан слитно со средой, живя и изменяясь вместе с нею, через опосредствующие формы сентиментализма и патетики, отделяющие персонаж от действительности... к антропологическому изъятию человеческой сущности из окружающих обстоятельств».⁷

«Мощная романтическая доминанта»,⁸ присущая, как показали современные исследования, всему творчеству Некрасова — от начальных опытов до конца жизни в литературе, — вобрала в себя те специфические качества, которые могли возникнуть лишь на почве сентиментализма, отодвинула вопрос о сентиментальной традиции на периферию других, более разработанных и традиционных вопросов. Характерна логика эстетического мышления самого поэта: обращаясь к проблемам литературной преемственности, метода, стиля художника, «идеального» элемента в искусстве, его сочетания с «натуральным», Некрасов нигде не касается проблемы сентиментальной традиции, никак не подчеркивает ее автономного места.

Однако исследователи, как было отмечено выше, усматривают связь Некрасова с наследием сентиментальной культуры как в общем плане (В. В. Виноградов, Н. И. Пруцков, Н. Л. Степанов), так и в частных аспектах.⁹ Наша задача — показать, что приобщение к системе ценностей, выдвинутой на первый план сентиментализмом как стадией духовного развития общества, имеющей четкие исторические границы, стало фактом внутренней жизни писателя в период 40-х годов и предопределило выбор тех форм, тех средств поэтики, которые апробировались когда-то создателями сентиментального стиля. Нам представляется, что освоение Некрасовым этих лет традиций сентиментализма происходило на уровнях столь глубоких, что именно в силу этого не могло быть осознанным: оно органично срасталось с мировоззренческими, психологическими и творческими процессами, вливалось в общую социально-идеологическую атмосферу эпохи.

О характере сложного восприятия Некрасовым наследия сентименталистов свидетельствует его творчество — прежде всего проза 40-х годов. Проза как бы запечатлела тот «внутренний мир... ощущений и идей», который сделался зримым благодаря «творческой фантазии» начинающего писателя.¹⁰ Объективно он воплощал завет Белинского: не довольствуясь миром «души и чувства», «выводить вовне внутренние видения своего духа»,¹¹ находить и отрабатывать те опосредованные формы письма, в которых бы скрытое по мере возможности проявилось, запечатлелось в области внешней.

Именно внешняя сторона прозы (как и стихов) молодого Некрасова побудила исследователей настойчиво констатировать факт, что владеющие писателем искренние серьезные чувства выразились в границах мертвящих, «назойливых»,¹² «чужих трафаретов».¹³ Между тем трафаретность, присущая беллетристике рубежа 30—40-х годов, была объективным принципом ее поэтики, ее родовым признаком, который не шел вразрез с устремлением литературы в целом. Как считал Б. М. Эйхенбаум, «для послепушкинской эпохи характерна массовая тяга к чужим литературам». «Количество» творческих связей русских писателей с западноевропейскими авторами было, например, таково, что нельзя было увидеть в этом проявление «простого „влияния“ того или другого поэта». «Общее тяготение к чужому» получало значение факта «исторически необходимого».¹⁴

В целом ряде работ (исключение составляют исследования последних лет) их

⁷ Манн Ю. Человек и среда: Заметки о «натуральной школе» // Вопросы литературы. 1968. № 9. С. 125.

⁸ Пайков Н. Н. Указ. соч. С. 7.

⁹ См., напр.: Манн Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы топологии русского реализма. М., 1969. С. 284—285; Пайков Н. Н. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1976—1982. Т. 3. С. 372.

¹¹ Там же.

¹² Гужовский Г. Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 354.

¹³ Чуковский К. Тростников-Некрасов: (Черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова) // Там же. С. 43.

¹⁴ Эйхенбаум Б. М. Творчество Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л., 1926. Т. 1. С. XII.

авторы с сожалением размышляют о том, что Некрасов во многих случаях использовал романтические шаблоны. Правда, следование им, как правило, сочеталось с тенденцией к переосмыслению, а значит, и преодолению готовых клише — тенденцией, ярко выраженной в ранней прозе Некрасова, но явно до конца не осуществленной. Результатом стал резкий «стилистический разнобой».¹⁵ Как писал В. Е. Евгеньев-Максимов, уже в первых повестях («Макар Осипович Случайный», «Без вести пропавший пиита») Некрасов «делает решительную попытку порвать с романтическими шаблонами и перейти к стилю натуральной школы... Однако отход от романтизма не сразу дается ему». Об этом свидетельствует, например, повесть «Певица» (1840), «продолжающая линию», начатую сборником «Мечты и звуки». С точки зрения В. Е. Евгеньева-Максимова, непонятное, как бы наперекор себе идущее «смешение элементов различных стилей» — шаг вперед и здесь же шаг назад — препятствует «полноте и целостности художественного восприятия».¹⁶ К сходным выводам подводит и исследование А. Зиминой: «Стиль Некрасова представляет собой смешение самых разнородных элементов, за которыми подчас трудно различить подлинное лицо самого автора».¹⁷

Под «шаблон» легко подводятся и так называемые «натуральные» тенденции в ранней прозе Некрасова. А. Зиминая, например, даже представляет полный перечень тем, которыми объединяются в отдельные подгруппы повести с «реальным» элементом в содержании: «повести о чиновнике, о ростовщике, о „хлыщах“, об обманутой девушке, о разночинце».¹⁸ Разделить цикл «городских» (да и иных) произведений молодого автора подобным образом не составляет труда, так как писатель в основном находится в границах общепринятого, идет по хорошо проторенным беллетристической литературой дорогам.

На наш взгляд, столь откровенная шаблонность, порождающая стилистическое разноречие, которое бросается в глаза при целостном анализе прозы Некрасова 40-х годов, вовсе не затушевывает личности ее создателя, «подлинного лица самого автора», если иметь в виду многосторонность, отличающую сам образ его воззрений. Разностильностью, ярко представленной, запечатлен поиск различных подходов к жизни, точек отсчета, осознание неоднозначных критериев, возможных при оценке жизненных ситуаций. Опыты в прозе Некрасова этих лет, взятые вместе, свидетельствуют о том, что писатель стремился уйти от «крайностей», свойственных состоянию литературы того времени: беспочвенного, ходульного идеализма, с одной стороны, и заземленного практицизма — с другой. Эклектизм стилистических конструкций характерен не только для прозы молодого Некрасова, но и для беллетристики этих лет в целом.¹⁹ За каждой такой конструкцией просматривается задушевная мысль, которая, собственно, и создает ее всю — своего рода монтаж, являющийся, по образному высказыванию исследователей этого жанра, не чем иным, как «очной ставкой материалов».²⁰

Герои ранней прозы Некрасова, близкие по духу ему самому, все время стоят перед проблемой выбора — выбора между житейским благополучием и сохранением нравственной чистоты и чести. Двоемирие в прозе Некрасова (часто романтически заостренное) представлено в основном «жанровыми» героями разных типов. Общечеловеческое содержание, высокая концентрация которого должна отличать «нежанровых» героев от безликой толпы, заключено писателем в соответствующий трафарет, и потому само обретает черты «жанровости», «стесненное условиями времени, места,

¹⁵ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. I—III. М.; Л., 1947—1952. Т. I. С. 275.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зиминая А. Некрасов-беллетрист // Творчество Некрасова: Сб. статей под ред. А. М. Еголина. М., 1939. С. 175. (Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит. Т. 3).

¹⁸ Там же. С. 170.

¹⁹ Как указывает в специальном исследовании Н. И. Якушин, в 40-е годы «сентиментальная повесть существовала наряду с романтической и даже реалистической... Кроме того, во многих повестях нередко сочетались черты абсолютно противоположных литературных направлений. Так, в сентиментальной повести можно найти черты романтизма и реализма, в романтической — черты сентиментализма и реализма, а в реалистической — элементы сентиментализма и романтизма» (Якушин Н. И. Русская повесть в «Отечественных записках» 1840-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. С. 3).

²⁰ Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах / Под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1930. С. 10.

своей социальной роли...».²¹ Пример тому — «бедный Клим», в котором «идеальность» сближена с ходульным романтическим идеализмом, обуславливая переход героя из «нежанрового» в тип житейски примелькавшийся, привычный, род театрального ампула. Возможен и другой вариант. Сугубо «жанровый», «пошлый» герой Орест Сабельский в повести «Жизнь Александры Ивановны» (1841), вдруг обретая внутреннюю свободу, способность к раскаянию, начинает жить по законам не «натурального», а классического «сентиментального» трафарета и, так сказать, меняет «жанровую» характеристику.

Определенный и далеко не случайный подбор трафаретов, взятых из разных художественных систем, позволял проникнуть в многочисленные, тончайшие перемены мыслей и чувств, тревоживших в те годы Некрасова. Как прозаик он был воспитан на произведениях того поколения беллетристов, о котором один из самых ярких его представителей писал: «В любом авторе я найду сто мест, взятых целиком у других; другой может найти столько же; а это не мешает им быть оригинальными, потому что *они иначе смотрели на вещи*».²²

В ранней прозе Некрасов прибегал к средствам поэтики, выработанным сентиментальной культурой, потому что в соотнесенности с ней мог полнее сказать о ряде проблем — из мира людских отношений, человеческой психологии, сферы морали. Сентиментализм стал для писателя частью той художественной реальности, которую он был намерен создавать из сочетания неоднородных элементов: бытовых и «идеальных», прозаических и поэтических. Сентиментализм по своему культурному типу был в контакте с этими обеими сферами, пытался гармонично объединять их. Этим он принципиально отличался от романтизма, стремящегося к осмыслению двух сфер в резко подчеркнутом противопоставлении.

Внешнее присутствие сентиментальных элементов в ранней прозе Некрасова выразилось двояко: в качестве декларативных заявлений, близких его нравственной программе, и — на грани подражания, а иногда пародии — как сентиментальная стилизация. Очень важно, что для Некрасова как для писателя и человека в это время еще не кончилась пора становления. «Чужое слово» в таком случае, как пишет М. М. Бахтин, присутствует уже «не в качестве сведений, указаний, правил, образцов и т. п. — оно стремится определить самые основы нашего идеологического мироотношения и нашего поведения...».²³

Сентиментальность переживания («идейно-эмоциональное осмысление жизни, углубляющееся до значения пафоса»²⁴) опиралась на бытовавшие в беллетристической литературе тех лет формы сентиментальной поэтики: «приемы рисовки, образы, стилистические аксессуары, символику».²⁵ Думается, что «уклон к сентиментализму» в массовой литературе наблюдался задолго до гоголевской «Шинели»²⁶ и был порожден не только общественно-философскими мотивациями, но и причинами психологически-морального плана.

Отношение к сентиментальному (как к внутренней идее, пафосу и как к определенной стилистической манере) в общественном сознании 40-х годов не было однозначным. В своей сложности и многомерности этот вопрос должен составить предмет специальной работы. Мы отметим только то, что может прояснить позицию Некрасова, оттенок личностной неповторимости в его концепции сентиментального на фоне многих, освещающих эту проблему суждений.

Внимание Белинского, В. Майкова, литераторов самых различных социальных ориентаций было привлечено к проблеме сентиментального, к комплексу связанных с ней идей. Этим идеям они отводили определенное место в процессах широкого

²¹ Берковский Н. Реализм буржуазного общества и вопросы истории литературы // Западный сб./ Под ред. В. М. Жирмунского. М.; Л., 1937. Кн. I. С. 71.

²² Бестужев-Марлинский А. А. Соч. В 2-х т. М., 1981. Т. 2. С. 520.— Курсив автора статьи.

²³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 154.

²⁴ Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1971. С. 104.

²⁵ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 162.

²⁶ В. В. Виноградов писал: «Находя опору в личном почине вождя „Шинель” и в параллельных „филантропических” устремлениях французской литературы, — уклон к „гражданскому”, социально-философскому сентиментализму вызвал возрождение цикла сентиментальных сюжетных схем...» (указ. соч. С. 162).

осмысления современной действительности. Белинский считал необходимым напомнить своим современникам, что для людей конца минувшего столетия «сентиментальность» была «первым выходом из одервенелости». ²⁷ «В лице Карамзина, — писал критик, — русское общество обрадовалось, в первый раз узнав, что у него, этого общества, есть душа и сердце, способные к нежным движениям». ²⁸ А. Д. Галахов, выступивший как аналитик-исследователь сентиментально-романтических представлений в своих прозаических сочинениях второй половины 40-х годов, отметил в «Истории русской словесности», что своим главным успехом «Бедная Лиза» Карамзина была «одолжена выраженным в ней общечеловеческим элементом». «Долг литератора, — писал Галахов, — состоял в том, чтобы читателям давать примеры сердечных привязанностей, сострадания к несчастным, нежности и деликатности чувств, гуманного обращения с низшими, благоволения ко всем. Карамзин исполнил этот долг...» ²⁹

В 40-е годы наблюдается тенденция, особенно зримо проявившаяся в беллетристической литературе: в противовес чувствительности истинно высокой появляется ее эрзац в виде опошленного, сниженного, расхожего ее варианта. «... У нас еще недавно, — пишет Белинский в рецензии на «Аббадонну» Н. Полевого (1840), — слова „чувствительность“ и „чувствительный“ употреблялись для отличия людей с чувством и душою от людей грубых, животных, лишенных души и чувства; следовательно, они употреблялись в благородном и похвальном значении; а теперь эти слова употребляются у нас для выражения слабого, расплывающегося, растленного и приторного чувства». ³⁰ Чувствительность «раздражительная, нежная, слезливая, приторная», с точки зрения Белинского, «очень хорошо выражается словом „сентиментальность“». ³¹ То же самое явление фиксируют В. Майков, позднее А. Галахов: «...литературный сентиментализм был опошлен неразумными поклонниками Карамзина, доведенный ими до мелкой приторной чувствительности (*sensiblerie*), так что самое слово утратило свой прежний смысл и обратилось из похвалы в порицание». ³²

При анализе произведений раннего Некрасова становится понятно, что в его задачу как художника не входило превращение «чувствительности» в ее крайность — пошло-слезливую «сентиментальность». Его проза не сливалась с тем потоком риторических эмоций, который, размывая все границы, «затоплял» собой огромный пласт беллетристики. Более того, есть основания считать, что в раннем творчестве Некрасова четко просматривается антитеза подлинной «чувствительности» и «мелкой» «сентиментальности», причем симпатии писателя явно отданы первой. Целый ряд примеров подтверждает этот вывод: истинным страданиям Александры Ивановны противостоят насквозь фальшивые любовь и сострадание Ореста Сабельского («Орест был большой мастер на сентиментальные фразы» — Н 2, 7, 173); высоко патетическая тема нравственной чистоты, благородства, жертвенности в отношениях детей и родителей («Повесть о бедном Климе», «Жизнь Александры Ивановны», перевод мелодрамы А.-Ф. Деннери и Г. Лемуана «Материнское благословение, или Бедность и честь») предстает в сниженно-водевильной интерпретации в истории «бедной» Амалии во второй части романа о Тростникове; здесь же, однако, помещен эпизод, посвященный чистейшей любви к своей матери девушки глубоко несчастной, замечательной в духовном отношении («История Параша»).

Как показывает молодой Некрасов, в «чувствительность» могут цинично облачаться те, кто отличается особой бессердечностью и действует, руководствуясь грубым расчетом. Столкновение изначально высокой моральной роли «чувствительности» с тем, какую функцию ей придают в практических целях, создает эффект этической и стилевой несуразницы, намечает концепцию жизни как грустного парадокса.

Так, в «Повести о бедном Климе» постоялки Дурандихи рассчитывают на высокопарно-чувствительные сентенции как на подспорье в отсрочке квартирного

²⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 4. С. 293.

²⁸ Там же. Т. 6. С. 100.

²⁹ Галахов А. История русской словесности: Учебник для средних учебных заведений. СПб., 1886. С. 166.

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 3. С. 491.

³¹ Там же. Т. 4. С. 293.

³² Галахов А. Указ. соч. С. 166.

платежа. Корыстные побуждения легко уживаются с сентиментально-дидактическими фразами: с их помощью выказывается участие больному и не имеющему средств Климу.

«Но он в несчастии, а несчастные достойны сострадания; на кого же и надеяться им, как не на добрых людей! Бог вам заплатит! — с чувством сказала дева, третий месяц уже не платившая за квартиру.

— Бог вам заплатит! — повторила вдова, находившаяся в таком же положении, и обе они взглянули на хозяйку взором, вызывавшим на сострадание...

— Заплатится сторицею, — продолжала дева, — потому что добродетель никогда не остается без награждения!» (Н 2, 8, 25).

Последняя фраза (отчасти повторяющая эпитафию) опровергается всем объективным содержанием повести; в вышеуказанной сцене на фоне вопиющей безнравственности она звучит уже горькой иронией.

Грустным фарсом вместо действительной драмы, основанной на естественных проявлениях искреннего обоюдного чувства, становятся отношения Зеницына и оскорбившей его Задумской («Опытная женщина», 1841). В финале повести Зеницын произносит речь, предмет которой — контраст истинного чувства и притворной «сентиментальности». Их совсем не различает «опытная женщина», сознательно их поменял местами герой: «Я был в горячке любви... и в припадке красноречия вылил пред вами из души моей чувства, которыми она тогда была переполнена... И что ж? Вы назвали меня актером! Теперь, когда жар мой давно простыл, рассудок принял свои права, с рассчитанным отчаянием, поддельным огнем начал я высказывать чувства, которых не было в душе моей, — вы приняли их за изливание сердца!» (Н 2, 7, 254).

В отстаивании права истинной «чувствительности» влиять на жизнь и смысл искусства Некрасов спорит с оппонентами и потому часто декларативен. Он демонстрирует деление героев на «холодных» и «чувствительных», избрав присущий сентиментализму критерий. Для Некрасова менее важно, попадет ли его герой в пределы романтической дилеммы плотского и идеального, земного и небесного. Он не мог бы так сравнить своих двух героинь-сестер, как сделал это, например, М. П. Погодин («Русая коса», 1827): «старшая живет в душе своей, живет чувствованиями... это музыка»; младшая, «наоборот, живет, кажется, в мире внешнем», везде ищет «сторону вещественную... Это какая-то легкая поэзия».³³ В произведениях Некрасова герои делятся только на тех, кто обладает даром откликаться на чужие горе и страдание, и тех, кто не имеет этого дара, кто нравственно глух. Таковы «чувствительный» дворник («сострадательный человек») и бесчувственный домохозяин в «Жизни Александры Ивановны»; представитель «нищей братии» «добрый Никита» и его товарищ Матвей, хвастливо циничный, в «Повести о бедном Климе»; принимающая участие в героине бедная девушка, родственница хозяйки, и сама хозяйка, вместе с мужем и постоялками готовая «осквернять низким расчетом» предметы, которые принадлежат умирающему («Повесть о бедном Климе», «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»).

У Некрасова есть особый разряд героев, чьи сердца подобны «куску карельской березы» (Н 2, 7, 40), а души — «приходно-расходной книге» (Н 2, 7, 133). Этот тип и социально, и морально был раскрыт им с позиций сентиментальной этики (сравним у П. Львова: «Ни у кого нет таких каменных сердец, как у знатных господ»³⁴). «Чувствительность» в мировоззрении Некрасова заняла место категории этической, по своей сущности гуманной и демократической, сделалась символом страдания и сострадания. Как писал П. Н. Сакулин, «нежное», «чувствительное» сердце есть вместе с тем и сердце «доброе», философия сентиментализма «зиждется» на двух главных «принципах»: «психологическом (примат чувства) и этическом (добродетель в сердце)...».³⁵

³³ Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984. С. 22—23.

³⁴ Львов П. Российская Памела, или История Марии, добродетельной Поселянки. СПб., 1789. Ч. II. С. 64.

³⁵ Сакулин П. Н. Русская литература: Социально-синтетический обзор литературных стилей. Ч. II. Новая литература. М., 1929. С. 280.

Стихотворение Некрасова «Скорбь и слезы» (1840) проникнуто романтической страстностью, насыщено романтической лексикой, но декларирует высоту сентиментального чувства в противовес внутренней пустоте, сердечной черствости, духу холодного эгоизма: «Средины нет — бесчувственность иль мука, / А я узнал, что тяжелей... / О нет! Ни капли слез, роптаний ни ползвучка! / Тоска, ты друг души моей!» (Н 2, 1, 344).

Влияние элемента «чувствительности» (переходящей в сочувствие), всечеловеческой значимости его как элемента реального, чуждого всякой абстракции, наполненного мировоззренческим смыслом, было концептуально осознано и раскрыто Некрасовым в процессе создания автобиографического романа о Тростникове, осознано, очевидно, с опорой на соответствующие суждения и концепцию «идеального» в зрелых трудах Белинского. Во второй статье цикла статей о Пушкине (1843) Белинский говорит об «общей участи времени», о «нашей грустной эпохе, которой недостает еще сил ни оторваться совершенно от романтизма средних веков, ни возвратиться вновь и вполне в обманчивые объятия этого обаятельного призрака...». «Спасение» своих современников он видит в «совершенном отрицании неопределенного романтизма средних веков», которое, однако, «не есть отрицание от всякого идеализма и погружение в прозу и грязь жизни, как понимает ее толпа, но просветление идею самых простых житейских отношений, очеловечение естественных стремлений».³⁶

Есть основания думать, что Некрасов начала 40-х годов осмыслял сложный синтез элементов «идеального» и «реального» в контексте действительности в тесной связи с Белинским: совпадают не только общий ход рассуждений, но и логика мысли, отдельные обороты, формы словесного выражения.

НЕКРАСОВ

«Я не принадлежал к числу людей, удовлетворяющихся положительными житейскими целями» (Н 2, 8, 152).

«То было в моей жизни время безотчетной тревоги, бессознательных порываний, время аскетического кружения в сфере отвлеченных идей, когда я жил жизнью сердца и думал, что одной жизни сердца довольно для человека» (Н 2, 8, 152).

В черновых вариантах:

«Полный безотчетной тревоги, безотчетного стремления...» (Н 2, 8, 500).

«Чуждый исторического смысла действительности, я и не подозревал ... кровного родства жизни с поэзией...» (Н 2, 8, 500).

Некрасовская концепция «идеального» (как «высокой и благородной цели, к которой должен стремиться человек высокой природы», — Н 2, 8, 500) опирается на положения, сходные с теми, которые выдвигает Белинский: «Я не находил ее («благородной цели». — Н. В.), потому искал там, где ее совсем не было: в мире отвлеченных идей, фантастических образов, неопределенных призраков — и не подозревал, что она гораздо ближе от меня — в самой деятельности практической» (Н 2, 8, 500).

БЕЛИНСКИЙ

«...такие люди («живущие в отвлеченной идее». — Н. В.), конечно, несравненно выше людей... удовлетворяющихся самыми простыми и положительными целями житейскими».³⁷

«Есть в жизни человека время, когда он бывает полон безотчетного стремления, безотчетной тревоги. (...) Такая же пора безотчетного стремления и бессознательных порывов была и у человечества...»³⁸

«Но горе тому, кто в наше время... в жизни сердца вознадеется найти полное удовлетворение всем своим стремлениям!»³⁹

«Но есть природы аскетические, чуждые исторического смысла действительности, чуждые практического мира деятельности, живущие в отвлеченной идее...»⁴⁰

³⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 6. С. 130.

³⁷ Там же. С. 148.

³⁸ Там же. С. 149.

³⁹ Там же. С. 127.

⁴⁰ Там же. С. 148.

В прозе 40-х годов Некрасов соотносит тип романтического героя с героем «жанровым», с миром «простых житейских отношений», с людьми, обладающими «естественными стремлениями» (Белинский). «Идеальное» начало наполняется не отвлеченно-романтическим, но человечески-гуманным содержанием. Ему дается право корректировать образ мышления романтического идеалиста 40-х годов, его естественным носителем становится человек из народа. Диалог Тростникова с Агашей в третьей части романа о Тростникове тщательно перерабатывался автором в плане заострения контраста между непосредственной добросердечностью и благородством простой девушки и претенциозно-смешным «аристократизмом» идеалиста. Простое оказывается самым истинным, высоким — высоким в такой степени, что герой, пренебрежительно не замечающий тех, кто принадлежит к «бессмысленной черни», вдруг испытывает непонятную «неловкость», сознает свою вину перед Агашей, постигает душу в ней, ее духовное превосходство. Через это Тростникову открывается подлинный «смысл действительности» — доброта и сострадание являются «проводниками» этого смысла.

«Поворот к правде» (Н 1, 12, 23), о котором применительно к 40-м годам писал Некрасов, совершился, на наш взгляд, путем отталкивания от беспочвенного романтизма и движения к реалистическому мироощущению, которое прошло в своем развитии посредствующий «сентиментальный» этап. Лишь учитывая это, можно понять смысл эволюции героя в третьей части романа о Тростникове. В этом плане примечателен не только разговор с Агашей, но и эпизод, где Тростников вплотную сталкивается с нищими. Индивидуалистическое презрение к «толпе», к «нищей братии» сменяется интересом и состраданием к тем, кто принадлежит к миру «бродяг и тунеядцев». Герой, прежде не видевший в них ничего, «кроме хитросплетенной лжи», не успокаивает теперь «такой мыслью жесткость собственного сердца, леность руки, которая поленилась... достать из кармана грош» (Н 2, 8, 252). Следуя главному принципу сентиментальной этики: «интересен и ценен каждый человек, независимо от своего социального положения»,⁴¹ — автор романа выражает «социальные чувства сентименталиста»: «гуманность и демократизм».⁴² Он задает вопрос: «Не в равнодушии ли людей, не трогающихся простыми слезами, не поражающихся картинами скромной и робкой бедности, чаще скрывается источник тех ухищрений, наглой лжи и всяких обманов, к которым прибегает бедный, чем в его испорченности и закоснелости?» Именно вслед за этой мыслью, которой герой «сильно был потрясен», он начинает думать «просто и дельно» о том, «как может сделаться человек нищим, бродягой и шарлатаном», и впервые сознание, что «было же что-нибудь, что довело человека» до его состояния, приводит его к реалистическому, новому взгляду на мир (Н 2, 8, 252).

В свое время Карамзин готов был променять десять описаний парижских «монументов искусства», «редких вещей», «предметов великолепия, вкуса» «за галерею примечания достойных людей в Париже, живущих не в огромных палатах, а по большей части на высоких чердаках, в тесном уголке, в неизвестности».⁴³ Пафос сентиментального сочувствия «бедным людям» вновь оживает, с той или иной степенью социальной заостренности, в общедемократических настроениях 40-х годов. Н. Мундт, например, начал свою повесть «Домик в Подгорной Слободке» (1839) со вступления, в котором объявил «простоту и бедность» своих героев качествами, имеющими полное право на внимание читателя и его сочувственный интерес. Автор уверен, что и в местечке, «называемом скромным именем Подгорной Слободки», «в этих маленьких домиках, осененных ивами и березами, живут люди, знакомые с радостью и горем, с улыбкой и слезами. В сердцах их кипят такие же страсти, такие же желания, как и в гордых обитателях лучших петербургских улиц».⁴⁴ Программное заявление Некрасова в третьей части романа о Тростникове: «И я спустился в душные те подвалы...», завершающееся словами: «И сильнее поразили меня такие картины... глубже запали в душу, чем блеск и богатства твои, обманчивый Петербург!» (Н 2, 8, 250—251), — также восходит своим пафосом к просветитель-

⁴¹ Сакулин П. Н. Указ. соч. С. 280.

⁴² Там же. — Курсив П. Н. Сакулина.

⁴³ Карамзин Н. М. Избр. соч. В 2-х т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 449. — Курсив Н. М. Карамзина.

⁴⁴ Утренняя заря. Альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. СПб., 1839. С. 204—205.

ским началам литературы, когда лица незаметные и скромные, судьбы простые и обыкновенные впервые как равноправные вошли в область искусства.

Сентиментальные и романтические тенденции в массовой литературе не только сливались, составляя единую «риторическую» струю — в повестях молодого И. Панаева, Е. Гребенки, Н. Полевого, М. Жуковой, А. Александрова, А. Новомлинского и многих других, но и нередко противостояли друг другу. Так, в рецензии на альманах «Утренняя заря» 1839 г. критик «Отечественных записок» одобрительно отозвался о повести Н. Мундта «Домик в Подгорной Слободке» на том основании, что это «простая наивная повесть, не заключающая в себе ни необыкновенных событий, ни трескучих метафор...».⁴⁵ Положительная оценка Белинским повестей М. Жуковой также связана с тем, что предметы, избираемые ею, — «человеческие», положения, в которые поставлены герои, — «естественные, простые, чуждые всякой натянутости и эффектов».⁴⁶ Н. И. Надеждин в обозрении русской литературы за 1838 год противопоставил Карамзину Жуковского, отдав свои симпатии последнему. Карамзин, по его мнению, указал литературе неверный путь, идя которым она «готова была рассыпаться в мелочи». «Но... является Жуковский с своим глубоким, идеальным воззрением на мир... с своею поэтической думою, которая, отрешаясь от мелочного, влечет за собою душу в идеальный, далекий мир...»⁴⁷

Исходя из противостояния друг другу «романтических» и «сентиментальных» воззрений, современный исследователь выделяет их главное, коренное отличие: «писатели-сентименталисты стремились искать нечто высокое в низменном, писатели-романтики — нечто возвышенное в порочном и достойное возвеличивания в отверженном».⁴⁸ Осуждение с позиций истинных и мнимых ценностей ложной значительности романтизма с его нравственным эгоцентризмом и ориентацией на исключительное требовало в 40-е годы нравственного и эстетического обоснования, которым закладывался новый творческий метод. Его «началами» стали антиподы отвлеченного идеализма: сентиментализм и натурализм. Закономерно поэтому, что, подчеркивая разницу между великолепием «огромных домов» и нищетой «чердаков и подвалов», Некрасов таким образом не только звал к «чувствительности», но и подчеркивал другое: то, что поведет читателя «по грязной лестнице, в грязные комнаты, к грязным людям» (Н 2, 8, 294). Слово «грязный» употреблялось им «в том смысле, в каком понимают его многие читатели», то есть в буквальном, не облагороженном, физиологически точном.

Таким образом, писатель отвечал на тот вопрос, который выдвинуло время: как «согласить чувство изящного с неизящными предметами действительного общества, среди которого мы живем и должны жить»,⁴⁹ соотнести дух благородства, сентиментального сочувствия униженным с трезво правдивым показом их состояния, с «разобнажением» (Ап. Григорьев), соединив в цельной картине обе тенденции в разнонаправленности их устремлений. В результате писателю удалось предугадать образ нового героя времени в лице столь ожидаемого им читателя-реалиста и ему адресовать свое творчество: «Не для тех я пишу, кто, завидев несчастного, умирающего от смрадных ран, зажав нос, торопятся пробежать мимо, но кто спешит к нему с помощью и утешением, тот поймет мою цель» («Сургучов», Н 2, 8, 294).

В ранней прозе Некрасов не только декларирует важность сентиментальных ценностей, но и нередко прибегает к стилизации выражающего их литературного стиля, видя в нем в ряде случаев противодействие как проявлениям художьного идеализма, так и господству пошлости, реализм «косной» среды, «обстановки». Стилистические перебивы в повести «Макар Осипович Случайный» основаны на стремлении автора противопоставить мелким и уродливым страстишкам карьериста Случайного (и ему подобных) чувства естественно-возвышенные, мысли поэтические, удовлетворяющие вечным порывам души. Сухой и иллюзорно легкий, а в действительности жесткий стиль писателя, когда заходит речь о карьеристских планах

⁴⁵ Отечественные записки. 1839. Т. 2. № 2. Отд. VII. С. 9.

⁴⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 3. С. 366—367.

⁴⁷ Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Отд. VII. С. 7.

⁴⁸ Поспелов Г. Н. Указ. соч. С. 55.

⁴⁹ Галахов А. Д. Из записок человека // Отечественные записки. 1847. Т. 55. № 12. Отд. I. С. 309.

Случайного, вожделенно ожидающего доходного места, постепенно растворяется в меланхолических размышлениях автора, обретает очень личную, лирическую тональность. И об этом говорит не столько смысл текста, сколько его мелодия, характерная для стиля сентиментализма особая музыкальность.

«Пробило час. Он оделся, поцеловал жену свою и отправился в дом князя Н.

Было около половины второго, когда Случайный пришел туда. Его ввели в великолепную меблированную комнату и просили подождать немного. Стены приемной были увешаны портретами знаменитых лиц всех эпох и всех историй. Нужно было только не быть Случайным, чтоб засмотреться, задуматься над этими свидетелями земного ничтожества; только для его бесчувственной души, угонувшей в расчетах, взятках и мечтах самолюбия, не было тут ничего достойного внимания. Эти лица, полные или воинственной отваги, или ученого добродушия, или поэтической задумчивости, не могли, хоть на минуту, не тронуть чувствительной струны в человеческом сердце.

Я люблю, когда в уединенной комнате, где я свободно могу предаваться думам, висят по стенам портреты, особенно если это портреты отживших. Когда я вхожу в такую комнату, мне кажется, что я не один, и их серьезные лица иногда заставляют меня остановить улыбку, которая готова вырваться на уста от какой-нибудь веселой мысли. Иногда я стою, склоня голову, грусть меня одолевает, тяжелые думы приходят одна за другою и дружно сжимают сердце; вдруг в такую минуту я поднимаю голову, встречаю на их лицах холодную улыбку, и мне становится стыдно своих детских печалей. Так чудно действие этих лиц на душу, то бьющуюся наслаждением, то замирающую от холода!» (Н 2, 7, 38—39).

Стилистически и интонационно здесь воспроизводится манера сентиментальной прозы Карамзина. Приведенный отрывок из повести Некрасова ощущается как созданный в атмосфере карамзинских повестей, например «Натали, боярской дочери»: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере я люблю сии времена; люблю на быстрых крыльях воображения летать в их отдаленную мрачность, под сению давно истлевших вязыв искать брадатых моих предков, беседовать с ними о приключениях древности, о характере славного народа русского...»⁵⁰

Способность к «чувствительности» делает более человечным, естественным занятого собой романтического героя-идеалиста — его облик при этом соответственно обретает сентиментальные стилистические черты. В черновиках «Повести о бедном Климе» романтическое отчаяние героя переходило в сентиментальный порыв: «Клим хотел кинуться в реку, о стену разбить себе голову, но ему жаль стало матери, голос природы громко заговорил в его сердце, ему хотелось хоть раз еще взглянуть на ту, которая дала ему жизнь, перед тем как расстаться с ее даром...» (Н 2, 8, 467).

К моменту создания Некрасовым первых прозаических опытов сентиментальный тип творчества был уже «опозорен», по выражению В. Майкова, риторической школой в литературе. «А между тем, — писал критик, — каждый из нас чувствует, что на самом деле между истинною, натуральною нежностью и сентиментальностью — огромная разница. (...) Зачем отступать от того, что само по себе прекрасно, если только оно здорово и правильно? Разве нежность непременно должна быть маниловщиной?»⁵¹ П. Н. Кудрявцев в повесть «Сбоев» (1847) ввел монолог в защиту «искренней» меланхолии: «Вы, господа, не любите меланхолии, всегда подозревая в ней приторную сентиментальность; но, я надеюсь, вы простите Ольге ее печаль хоть за то, что в эту печаль перешла вся ее любовь к матери. Поверьте, что не всякая печаль есть та меланхолия, о которой вы думаете; есть печали искренние, святые, перед которыми бы устыдилась ваша меланхолия, если б встретились с ними в жизни...»⁵²

⁵⁰ Карамзин Н. М. Избр. соч. В 2-х т. Т. 1. С. 622.

⁵¹ Майков В. Н. Литературная критика. Статьи. Рецензии. Л., 1985. С. 84.

⁵² Отечественные записки. 1847. Т. 51. № 3. Отд. I. С. 55.

Очевидно, Некрасов принадлежал к тому кругу писателей, который на пути к реалистическому мировоззрению и типу творчества осваивал духовную сферу жизни через приобщение к культурным ценностям прошлого, созданным в эпохи романтической и сентиментальной культур. Первые прозаические опыты Некрасова откровенно эклектичны с точки зрения стиля. Этим запечатлен, по-видимому, тот диапазон, который соответствовал этическим и эстетическим исканиям писателя, отражал сложную лирическую гамму его чувств и переживаний. В конце жизни, как вспоминает А. Ф. Кони, поэт сетовал на то, что он всегда был скован в главном: «некогда» было «жить душою и для души».⁵³ Но ранние 40-е годы отмечены именно интенсивной работой души, ума, чувства и стремлением, часто с помощью творчества, осмыслить непреходящие, главные вопросы человеческой жизни.

⁵³ Кони А. Ф. Некрасов и Достоевский: По личным воспоминаниям. Пг., 1921. С. 33.

Н. Н. Мостовская

НЕКРАСОВ И БЕЛИНСКИЙ В 1840-е ГОДЫ

История взаимоотношений Некрасова и Белинского вбирает в себя ряд сложных проблем: становление художественного мышления и мировоззрения поэта, отношение Некрасова к поколению 1840-х годов, лучшим представителем которого был Белинский, многообразные творческие связи (начало их относится к 1839 году, до времени личного знакомства), сотрудничество в одних и тех же журналах и газетах,¹ участие в некрасовских сборниках «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник», Некрасов и Белинский в «Современнике» и др.

Мысль Белинского, его идейная устремленность, так же как обаяние его личности, его огромное нравственное воздействие, признание авторитета и роли учителя, ставшее нормой для многих лучших последователей критика, — все это присутствует в творчестве Некрасова.

Известно, что поэт одним из первых заговорил о Белинском в печати. В самом начале 1850-х годов, когда имя критика было под строжайшим цензурным запретом, Некрасов проникновенно писал о нем в стихотворениях «Деловой разговор»² (1851), «Памяти приятеля» (1855). (Название «Памяти Белинского» появилось лишь в 1877 г. в издании: Некрасов. СПб., 1877. Серия «Русская библиотека»). О Белинском вспоминается в стихотворении «Поэт и гражданин»,³ творческая история которого связана с поэмой «В. Г. Белинский». Личность критика, его нравственный облик нашли воплощение в лирической комедии «Медвежья охота», в поэме «Несчастные».

Некрасов писал о Белинском и в своей прозе, причем гораздо раньше, чем в стихах. Не случайно черновая рукопись романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848) изобилует многочисленными вкраплениями, реминисценциями из текстов статей критика. Одно из загадочных некрасовских прозаических произведений, известное в литературе под условными названиями «Каменное сердце» и «Как я велик!» (в академическом издании опубликовано по первым строкам рукописи

¹ В 40-е годы Некрасов и Белинский почти одновременно печатались в «Отечественных записках», «Литературной газете», «Финском вестнике», «Русском инвалиде». См., в частности: Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: (Хроника, гипотезы, находки). СПб., 1995. С. 3—61.

² Некрасов имел в виду статьи Белинского о Пушкине, напечатанные в «Отечественных записках», когда писал в стихотворении «Деловой разговор»:

Я также верил вам, сочувствовал душой,
Когда в своих статьях, приличных и достойных,
Вы отзывались с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.
Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал искусство,
В том был глубокий ум, горело ярко чувство,
Светилась прекрасная душа!..

(Н 2, 1, 91)

³ Строфу из «Поэта и гражданина»

И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..

(Н 2, 2, 11)

можно рассматривать как напоминание об участии и декабристов, и Белинского.

«В тот же день часов в одиннадцать утра...»), по-видимому, и задумывалось как рассказ о Белинском и его кружке. Подтверждение находим в творческой истории этого незавершенного замысла, связанного с поэмами «В. Г. Белинский», «Несчастные».

Все эти вопросы в той или иной мере освещались в научной литературе, в трудах В. Е. Евгеньева-Максимова,⁴ Ф. Я. Приймы,⁵ А. М. Гаркави,⁶ М. М. Гина⁷ и других исследователей творчества Некрасова и Белинского.

Однако проблема «Некрасов и Белинский» во всем ее объеме и сложности не исчерпана до конца, многое в ней требует корректив, уточнений, дальнейшего изучения. Остановимся, в частности, на некоторых малоисследованных эпизодах литературной деятельности Белинского и Некрасова 1840-х годов, характерных для их творческих связей этого периода.

По авторитетному свидетельству А. Н. Пыпина, Некрасов очень рано и вернее всех остальных друзей критика, членов его кружка, «успел понять и сохранить предание Белинского».⁸ Суждение это подтверждается как логикой развития творчества поэта, прозаика, критика, журналиста, блестящего организатора общественно-литературной жизни эпохи, так и его автопризнаниями, зафиксированными в автобиографических записях и в мемуарной литературе. В одной из некрасовских записей раскрывается характер его творческих исканий в начале 1840-х годов и объясняется отношение к Белинскому: «Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, крит(ических) ст(атей) Белинского, Боткина, Анненкова и др(угих)» (Н 1, 12, 23—24). Это авторское свидетельство раскрывает и круг чтения молодого Некрасова, в котором отдается предпочтение критическим статьям Белинского. Заметим попутно, проблема «Некрасов — читатель Белинского» еще ждет своего исследователя. Обильный материал для ее осмысления содержится как в незавершенной прозе Некрасова, так и в его критике и публицистике.

Приведем другое авторское признание, зафиксированное в воспоминаниях А. Я. Панаевой: «Моя встреча с Белинским была для меня спасением».⁹ Оно корреспондирует с суждением Некрасова в письме к М. В. Белинской (от 27 сентября 1857 г.), в котором Белинский назван «духовным воспитателем» и «руководителем» в трудное для поэта время. О роли Белинского в творческой судьбе Некрасова не менее проникновенно писал Достоевский: «Белинский угадал его с самого начала и, может быть, сильно повлиял на настроение его поэзии».¹⁰

Несмотря на то что влияние Белинского на формирование мировоззрения и таланта поэта было вполне естественным, творческие связи этих современников не укладывались только в рамки учитель—ученик. Очень скоро, уже в середине 1840-х годов, Белинский и Некрасов становятся сподвижниками и в известной мере единомышленниками. Об этом свидетельствует история их деятельности в период подготовки двух выпусков некрасовского сборника «Физиология Петербурга» (1845), особенно его первой части.

Давно установлено, что оба сборника (так же как и «Петербургский сборник»), объединявшие молодых последователей Гоголя, стали организационными центрами натуральной школы. За Белинским сохранялась руководящая роль теоретика, идеолога, за Некрасовым — практического организатора и издателя. На титульном листе альманаха значилось: «под редакцией Н. Некрасова», что вызвало возмущение критика «Северной пчелы».¹¹ Но участие Белинского не ограничивалось лишь

⁴ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов и его современники. М., 1930. С. 44—48.

⁵ *Прийма Ф. Я.* Некрасов и русская литература. Л., 1987. С. 14—20, 39—42, 80—84 и др.

⁶ *Гаркави А. М.* 1) Поэзия Некрасова и литературная школа Белинского // Вопросы русской литературы 1840—1870-х годов. Л., 1954. С. 120—177. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 171. Сер. филол. наук. Вып. 19). 2) К теме «Некрасов и Белинский» // Некрасовский сб. Калининград, 1972. С. 57—66.

⁷ *Гин М. М.* Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957. С. 29—85.

⁸ *Пыпин А. Н.* Н. А. Некрасов. СПб., 1908. С. 45.

⁹ *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1972. С. 290.

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за январь 1877 года // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В. 30-ти т. Л., 1983. Т. 25. С. 30.

¹¹ Критик «Северной пчелы» Л. В. Брант, выступавший под псевдонимом «Я. Я. Я.», иронизировал по этому поводу: «Труды русских литераторов под редакцией... Н. Некрасова?...» (Северная пчела. 1845. № 234).

написанием программного «Введения» и статьи «Петербург и Москва» (для первого выпуска альманаха). Во втором выпуске «Физиологии Петербурга» Белинский напечатал статьи «Александринский театр» и «Петербургская литература». Все три статьи критика представляли собой своеобразные физиологические очерки, что соответствовало задачам некрасовского альманаха.

По-видимому, весной и летом 1844 года Некрасов и Белинский вместе обсуждали замысел и состав «Физиологии Петербурга». Оба они жили в это время на дачах под Петербургом, за Лесным институтом (Некрасов — «в деревне, близ Муриной заставы, дом крестьянина Ермолая Иванова, № 1» (Н 1, 10, 39), Белинский — в Лесном), и могли часто встречаться.¹²

К этому времени Некрасов уже напечатал в «Литературной газете» (1844, 2 марта, 6, 13, 27 апреля, 11, 18 мая) серию фельетонов-очерков петербургской жизни под названием «Хроника петербургского жителя», несколько позднее (в «Литературной газете» от 10, 17 августа 1844 г.) — статью «Черты из характеристики петербургского народонаселения». В последней содержалась характеристика отдельных петербургских типов, сопровождающаяся обильными цитатами из «Панорамы Санкт-Петербурга» А. П. Башуцкого (СПб., 1834).

По справедливому предположению Б. Я. Бухштаба, эта статья Некрасова первоначально предназначалась в качестве введения к первой части «Физиологии Петербурга», затем, по-видимому, была отклонена как не соответствующая этому жанру.¹³ Существенно и то, что в разгар работы Белинского и Некрасова над альманахами уже был написан и запрещен цензурой (4 апреля 1844 года) некрасовский очерк «Петербургские углы». По свидетельству А. Я. Панаевой, Белинский познакомился с ним в рукописи и высоко оценил его. Заметим, что у мемуаристки есть явные неточности в датах. Она относит чтение «Петербургских углов» к зиме 1842 года.¹⁴ Очевидно, что оно состоялось позднее, в конце 1843 года (в это время Некрасов завершил работу над очерком) и скорее всего весной или летом 1844 года, в период частых встреч Некрасова с Белинским. Но содержание отзыва критика излагается Панаевой достоверно. «Белинский уже прочел „Петербургские углы“, — пишет она в «Воспоминаниях», — но слушал чтение с большим вниманием и посматривал на слушателей, желая знать, какое впечатление производит на них чтение. Я заметила, что реальность „Петербургских углов“ коробит слушателей. По окончании чтения раздались похвалы автору. Белинский, расхаживая по комнате, сказал: — Да-с, господа! Литература обязана знакомить читателей со всеми сторонами нашей общественной жизни».

Эта мысль прозвучит и в написанном Белинским «Вступлении» к первой части «Физиологии Петербурга». «В самом деле, — писал здесь критик, — <...> много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества? Скажем более: где у нас эти книги? Их нет».¹⁵ Далее критиком обосновывалась мысль о необходимости создания беллетристики гоголевского направления. При этом он опирался на опыт некрасовского и других «наших очерков петербургской жизни», вошедших в первую часть альманаха, очерков, содержащих, по мнению критика, «более или менее меткую наблюдательность и более или менее верный взгляд на предмет, который взялись они изображать» (VIII, с. 384). Так, «Вступление» Белинского явилось своеобразным манифестом нового литературного направления (название «натуральная школа» появилось позднее, после того как оно было употреблено в насмешку Булгариным в 1846 году). Оно базировалось на конкретном

¹² О том, что Некрасов посещал Белинского летом 1844 г., вспоминает свояченица Белинского А. В. Орлова. См.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Изд. 2-е. М., 1977. С. 556—558; Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 382; Гаркави А. М. К теме «Некрасов и Белинский» // Некрасовский сб. Калининград, 1972. С. 59.

¹³ Бухштаб Б. Я. Некрасов-фельетонист // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 53.

¹⁴ А. Я. Панаева пишет в Воспоминаниях: «Первый раз я увидела Некрасова в 1842 году зимой. Белинский привел его к нам, чтобы он прочитал свои „Петербургские углы“» (Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 97).

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Л., 1955. Т. VIII. С. 375. — Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

литературном материале, среди которого «Петербургским углом» Некрасова принадлежало первое место. Содержание очерка Некрасова (быт и судьбы низших сословий, людей из народа, обитателей петербургского «дна») и художественная специфика в духе натуральной школы полностью отвечали задачам гоголевского направления, сформулированным Белинским во «Вступлении».

Важно и другое. Очевидно, оба организатора «Физиологии Петербурга» (во «Вступлении») подчеркивались единодушие «составителей этой книги» и целостность ее замысла) заказывали другие материалы, однотипные по содержанию и названию, отталкиваясь от некрасовских «Петербургских углов» как от образца.

Это предположение основывается, с одной стороны, на том, что очерк Некрасова выдвигался на первый план своей программностью, органическим соответствием принципам натуральной школы. С другой стороны, хронологически «Петербургские углы» были подготовлены раньше «Петербургского дворника» В. Луганского (Даля), «Петербургских шарманщиков» Д. Григоровича, «Петербургской стороны» Е. Гребенки.¹⁶ Все эти произведения вошли в первую часть некрасовского альманаха. Первый выпуск «Физиологии Петербурга» и по содержанию, и композиционно представлял собой стройное единство: Белинский своим «Вступлением» открывал книгу, Некрасов «Петербургскими углами» замыкал. Кроме того, само название некрасовского очерка сразу же стало своеобразным символом литературы гоголевского направления и в этой связи неоднократно упоминалось как Белинским, так и противниками натуральной школы. В частности, в рецензии на первую часть «Физиологии Петербурга» Белинский назвал «Петербургские углы» Некрасова и «Петербургского дворника» В. И. Даля лучшими в сборнике. «„Петербургские углы“ г-на Некрасова, — писал он, — отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновенным мастерством изложения. Это живая картина особого мира жизни, который не всем известен, но тем не менее существует, — картина, проникнутая мыслью» (IX, с. 51). Это же суждение он повторил в рецензии на вторую часть «Физиологии Петербурга» и в статье «Русская литература в 1845 году» (IX, с. 217, 391). К «Петербургским углам» Белинский обратился и в статье «„Тарантас“». Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба» (1845), и в обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Обосновывая правомерность реалистического изображения жизни «в наготе страшной истины», Белинский в качестве примера приводил некрасовские «углы», «убежище нищеты, отчаяния и разврата» (X, с. 89, 297).

Среди многочисленных критических отзывов, спровоцированных некрасовским очерком, наиболее характерным стало выступление сотрудника «Северной пчелы» Л. В. Бранта. «Г-н Некрасов, — писал он, — питомец новейшей школы, образованной г-ном Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные...» Симптоматично, что, выступая против Некрасова, редактора «Физиологии Петербурга», Брант приписал ему же и «Введение», написанное Белинским, намекнув при этом на знакомство с биографией писателя. «Яркость и милые частности описания, — иронизировал он, — не позволяют

¹⁶ Очерк «Петербургские углы» представляет собой отрывок из главы V «О петербургских углах и о почтенных постояльцах, которые в них помещаются» части первой незавершенного и не опубликованного при жизни Некрасова романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Начало работы над «Петербургскими углами» (в составе главы) относится, вероятно, к концу 1843 года. Основанием для такого предположения является некрасовская помета «7 сентября» без указания года, сделанная в черновой рукописи главы. Эта дата может относиться лишь к 1843 году, так как 4 апреля следующего, 1844 года «Петербургские углы» были запрещены Петербургским цензурным комитетом (РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 37, л. 38—41 об.). Вторичное прохождение очерка через цензуру (цензор А. В. Никитенко дал разрешение 11 февраля 1845 года) явилось причиной задержки выхода в свет первой части «Физиологии Петербурга». Цензурное разрешение первой части «Физиологии Петербурга» — 2 ноября 1844 года; выход в свет — 27 марта 1845 года (см.: Комментарий Н. Н. Мостовской к «Петербургским углам» — Н 2, 7, 579—583). В то время как «Петербургский дворник» был опубликован в «Литературной газете» лишь в номерах от 28 сентября и 3 октября 1844 года с примечанием «Из подготовляемой книгопродавцом А. И. Ивановым к изданию книги „Физиология Петербурга“». В августе 1844 года Некрасов через посредство В. Р. Зотова интересовался «Петербургскими шарманщиками» Григоровича. В письме к Зотову он спрашивал: «Да не поспел ли его „Шарманщик“?» (Н 1, 10, 40). Очерк Е. П. Гребенки «Петербургская сторона» датирован «19 сентября 1844» (см.: Физиология Петербурга, ч. 1, с. 251).

сомневаться, что автор „Записок” непосредственно знаком с „углами”, изображает их как действительные и очевидные.¹⁷

Глубоко знаменателен для литературного содружества Некрасова с Белинским в 1840-е годы и тот факт, что Некрасов выступил в роли пропагандиста основных идей Белинского, изложенных во «Вступлении» к «Физиологии Петербурга», задолго до публикации альманаха. В сентябре 1844 года он напечатал в «Литературной газете» (№ 36 от 14 сентября) фельетон «Литературные новости», в котором разъяснял основные положения неизвестного еще читателям первого программного документа гоголевской школы — «Вступления» Белинского. На этом основании М. М. Гин вполне убедительно атрибутировал этот фельетон Некрасову, высказав предположение, что та часть, в которой речь шла о предполагаемом выходе в свет первого выпуска «Физиологии Петербурга», написана, по-видимому, в тесном контакте с Белинским, «возможно, при его непосредственном участии».¹⁸ Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что Белинский, очевидно, был знаком с содержанием фельетона, и Некрасов пользовался его литературными советами.

Атрибуция М. М. Гина недостаточно развернута и потому нуждается в дополнении и корректировке. К смысловым и текстуальным сопоставлениям некоторых положений «Литературных новостей» Некрасова с основными тезисами статьи Белинского исследователь по существу не обращался. Между тем они существенны не только в качестве доказательства авторства Некрасова, но и как отражение духовной общности, единомыслия Некрасова и Белинского в решении важных литературно-эстетических вопросов времени.

Проследим, в чем заключалось сходство фельетона Некрасова с «Вступлением» Белинского. В «Литературных новостях» читаем: «Нас вообще не совсем бесосновательно упрекают в холодности ко всему нашему, русскому, домашнему, как бы оно замечательно и колоссально ни было» (Н 1, 12, 220).

Белинский начинает свое «Вступление» с того же тезиса: «Русскую литературу часто упрекают за равнодушие к предметам отечественным. Это обвинение и справедливо, и несправедливо» (VIII, с. 375). Смысловое и текстуальное сходство этих суждений очевидно. Далее Некрасов продолжает в «Литературных новостях», развивая мысль Белинского о назначении физиологического очерка как наиболее действенного, мобильного программного жанра натуральной школы: «Книга, о которой мы выше упомянули, берется по мере сил своих пополнить этот ощутительный недостаток. (...) Она поставила себе целью ознакомить читателей с Петербургом в физиологическом отношении. В ней не найдете вы описания улиц, театров, гульбищ петербургских, но найдете характеристику всего этого более или менее верную. Найдете взгляд на Петербург сравнительно с Москвою; найдете характеристику его жителей; несколько отдельных типов, почему-либо особенно замечательных; встретите черты из жизни разнородных классов петербургского народонаселения и таким образом ознакомитесь несколько с самою петербургскою жизнью... Конечно, никто не будет спорить, что цель книги очень полезна» (Н 1, 12, 221).

Небезынтересно сравнить, как пишет об этом же Белинский. «Содержание нашей книги, напротив, не *описание* Петербурга в каком бы то ни было отношении, но его *характеристика* преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения» (VIII, с. 383). Здесь же Белинский объясняет назначение физиологических очерков, собранных в некрасовском альманахе: «...благосклонному вниманию публики предлагается в этой книге опыт характеристики Петербурга, несколько очерков его внутренних особенностей. Предмет занимателен и важен» (VIII, с. 383). Заключительная фраза корреспондирует с приведенной выше некрасовской оценкой «Физиологии Петербурга»: «...цель книги очень полезна». Подобного рода смысловые совпадения можно было бы продолжить.

Как объяснить их? Прежде всего Некрасов был талантливым читателем и интерпретатором Белинского. Известно, что он обладал феноменальной памятью.

¹⁷ Северная пчела. 1845. 19 окт. № 236. С. 942; см. также: 17 окт. № 234. С. 934—936; 18 окт. № 235. С. 942—943.

¹⁸ Авторство Некрасова устанавливается М. М. Гином по связи с фельетоном в «Литературной газете» (1844, № 33) и с фельетоном «Петербургская хроника» (Литературная газета, 1844, № 35, 7 сент.), а также по близости к «Вступлению» Белинского (см.: Н 1, 12, 441—442).

Кроме того, эта статья, по-видимому, обсуждалась ими совместно. В то же время текст «Литературных новостей» не просто дословный пересказ первоисточника и не цитация его, так как ряд тезисов критика (о соотношении гениев и талантов, о массовой беллетристической литературе) Некрасов оставляет в стороне. С некоторыми из них он будет позднее полемизировать.¹⁹

Приведенные смысловые и стилистические совпадения можно рассматривать и как проявление того «замечательного сходства», о котором писал позднее Некрасов: «Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале» (Н 1, 12, 13). Зафиксированное Некрасовым «замечательное сходство», объясняемое рядом причин и прежде всего тем, что оба они были людьми общих литературных интересов, одной речевой культуры, — одна из сложных проблем текстологии и камень преткновения при установлении авторства статей и рецензий Белинского и Некрасова 1840-х годов, периода их сотрудничества в одних и тех же журналах и газетах, в которых они печатались, не подписываясь.

Месяцем ранее «Литературных новостей» в «Русском инвалиде» за 1844 год (30 июня, № 170 и 13 августа, № 182) был опубликован анонимный фельетон «Журнальные отметки», посвященный той же теме, что и некрасовские «Литературные новости». В результате тщательного анализа этого фельетона, на основании смыслового и текстурального сопоставления его содержания с «Вступлением» к первой части «Физиологии Петербурга», а также с другими статьями критика («Петербург и Москва», «Александринский театр», «Петербургская литература»), в которых речь шла о физиологическом очерке, о Гоголе и натуральной школе, Ф. Я. Прийма, подготовивший обширный раздел *Dubia* в XIII томе академического издания, атрибутировал эту статью Белинскому. По-видимому, отсутствие документального аргумента в пользу авторства Белинского привело к тому, что «Журнальные отметки» опубликованы в разделе *Dubia*. Между тем система доказательств, предложенная исследователем, вполне убедительна.²⁰ Напомним ее основные положения.

Центральная идея «Журнальных отметок» выражена в следующих словах: «Мы, русские, очень мало доньше заботились об изображении нашей общественной жизни вообще, еще менее об изображении жизни петербургской и всего, что представляет Петербург великого, поучительного, занимательного, забавного, оригинального (...) Было несколько физиологических статей, пыгавшихся охарактеризовать ту или другую сторону петербургской жизни, но эти попытки так ничтожны, что об них не стоит и упоминать» (XIII, с. 206).

Это же размышление о важности физиологического очерка на петербургскую тему содержится во «Вступлении» к «Физиологии Петербурга»: «При этой качественной бедности в числительном богатстве у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы, в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний, знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России» (VIII, с. 376—377). Здесь же Белинский пишет о «Физиологии Петербурга» как о первом в русской литературе опыте характеристики Петербурга, «его внутренних особенностей».

И в «Журнальных отметках», и во «Вступлении» Белинского речь идет об изданных во Франции физиологических очерках, посвященных Парижу, — «Le Diable à Paris» (1845); в обеих сопоставляемых статьях упоминается «Панорама Санкт-Петербурга» А. П. Башуцкого, изданная в трех частях в 1834 году.

Автор «Журнальных отметок», так же как и Белинский во «Вступлении», в статье «Петербург и Москва», говоря о художественном изображении Петербурга, называет одни и те же имена — Гоголя, Панаева, Гребенки. Белинский во

¹⁹ По-видимому, в статье «Русские второстепенные поэты» (1849) Некрасов выразил свое несогласие с категориями, которыми пользовался Белинский: гений, талант, гениальный талант. «Беседующий теперь с читателями, — писал он, — крепко не любит педантических разделений и подразделений писателей на гениев, гениальных талантов, просто талантов и так далее. Подобные деления ему казались более или менее произвольными и всегда смешными» (Н 2, 11, кн. 2, 61).

²⁰ См.: Прийма Ф. Я. Комментарий к «Журнальным отметкам» // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. XIII. С. 339—341.

«Вступлении» добавляет к ним Одоевского, Соллогуба, Даля. Значительная часть «Журнальных отметок» пронизана мыслью, что Петербург должен быть предметом изображения и исследования в физиологическом очерке: «...петербургские улицы — предмет не столь бедный и бесплодный для физиологических наблюдений, как может показаться с первого взгляда» (XIII, с. 209). Об этом же Белинский писал во «Вступлении», рекомендуя читателям новую книгу в качестве «опыта характеристики Петербурга, несколько очерков его внутренних особенностей» (VIII, с. 383).

Предложенные исследователем атрибуционные доводы, основанные на анализе идейного содержания текста фельетона из «Русского инвалида», сопоставлении его с текстом «Вступления» и других статей Белинского, можно продолжить.

В частности, в фельетоне названы разнообразные петербургские типы, представляющие собой благодарный повод для наблюдений и размышлений внимательному «физиологу»: «офицер, чиновник, писатель, книгопродавец, шарманщик, актер, купец из русских и купец из немцев, магазинщица-французенка, магазинщица-немка, магазинщица-русская, сапожник-русский и сапожник-немец и пр. и пр.» (XIII, с. 207). Аналогичные темы для «физиологических очерков» зафиксированы в статье Белинского «Петербург и Москва»: «петербургские швейки», «лакейские балы», «петербургский немец», «купцы с бородами», «купцы из немцев, даже англичан», «русские купцы», «чиновник — это туземец, истый гражданин Петербурга» и др. (VIII, с. 406—408). Вместе с тем в этом перечне, так же как и в фельетоне из «Русского инвалида», охвачены в единой картине все черты быта Петербурга, даны небольшие, но меткие очерки различных социальных типов петербургских жителей.

Помимо этого в пользу авторства Белинского свидетельствуют также язык и стиль «Журнальных отметок»: присущая им экспрессивная тональность, частое использование риторических вопросов, характерная для Белинского этого периода лексика. Приведем примеры.

Автор «Журнальных отметок» пишет об одной из тем физиологического очерка: «... Какое разнообразное и занимательное зрелище представляют петербургские улицы! (...) Гоголь первым показал нам, что описание улицы может быть также в своем роде не только чрезвычайно занимательно, но и художественно. Его описание Невского проспекта (...) поражает изумительною наблюдательностью и чудною верною красок» (XIII, с. 207).

Сравним с рассуждением на эту же тему во «Вступлении» Белинского: «А сколько материалов представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! (...) Какая пища для ума наблюдательного, для пера юмористического!» (VIII, с. 377). Далее Белинский называет произведения Гоголя, по которым можно «в особенности изучить Петербург».

Еще одно наблюдение. В фельетоне неоднократно повторяются характерные выражения Белинского: «внутренняя разность характеров» (XIII, с. 207), «внутренняя жизнь Петербурга» (XIII, с. 206), в противоположность «внешней», описательной ее характеристике.²¹

И последнее. Автор фельетона, призывая молодых литераторов изучать все стороны общественной жизни России, видел особый смысл в исследовании и изображении Петербурга, города, по укладу своего быта ярко обнажавшего социальные противоречия современности. Эта же мысль пронизывает «Вступление» Белинского и его статью «Петербург и Москва». Существенно, что проблемность «Журнальных отметок», присущая всем критическим выступлениям Белинского, также является дополнительным аргументом в пользу авторства критика. Таким образом, предложенная впервые Ф. Я. Приймой атрибуция этого фельетона Белинскому не вызывает сомнений.

Однако вопрос об авторстве этого фельетона осложняется тем, что существует и другая точка зрения, высказанная позднее Б. Я. Бухштабом в книге «Библиографические разыскания по русской литературе XIX века» (М., 1966), опубликованной через семь лет после выхода в свет XIII тома «Полного собрания сочинений»

²¹ Об употреблении слов «внутренний» и «внешний» в статьях Белинского см.: Батюто А. И. Тургенев и Белинский: (К вопросу об идейно-эстетических связях) // Русская литература. 1984. № 2. С. 51—52.

Белинского (1959). Исследователь весьма категорично и без учета системы доказательств Ф. Я. Приимы атрибутировал этот фельетон Некрасову.²² Его основным аргументом является тематическая близость этого фельетона к фельетону Некрасова «Черты из характеристики петербургского народонаселения», напечатанному несколькими днями раньше в «Литературной газете» (от 10 до 17 августа 1844 года). Действительно, некоторые тематические аналогии между этими фельетонами есть. Но различия, обойденные вниманием исследователя, гораздо существеннее. В частности, в отличие от «Журнальных отметок» из «Русского инвалида» «Черты из характеристики петербургского народонаселения» изобилуют цитатами из книги Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга». Между тем Белинский во «Вступлении» к «Физиологии Петербурга» и автор «Журнальных отметок» оценивали критически эту книгу, так как в ней преобладало лишь внешнее, этнографическое, лишенное художественности, описание города. «...Предприятию, весьма полезному и прекрасно начатому, не суждено было дойти до окончания, не говоря уже о том, что со времени его издания Петербург во многом уже изменился, — пишет Белинский. — Сверх того, книга г-на Башуцкого имеет в виду преимущественно *описание*, а не *характеристику* Петербурга, и ее тон и характер более официальный, нежели литературный» (VIII, с. 383). Та же мысль (и почти в тех же выражениях) развивается и автором «Журнальных отметок»: «„Панорама Петербурга“, начатая г. Башуцким и обещавшая представить в подробной и стройной картине физиологию (внешность) Петербурга, к сожалению, не окончена. Да притом со времени ее издания Петербург во многом весьма и весьма изменился, так что вышедшие донныне части ее во многом требовалось бы значительно дополнить. (...) И все это касается только внешности, наружной формы нашей столицы. Относительно же внутренней жизни Петербурга — этот богатый и во всех отношениях чрезвычайно интересный предмет донныне у нас не обработан решительно нисколько» (XIII, с. 206).

Другой аргумент Б. Я. Бухштаба в пользу принадлежности «Журнальных отметок» Некрасову — в аналогии между заметкой Некрасова «Литературные новости» (в «Литературной газете» от 14 сентября 1844 года) и фельетоном «Журнальные отметки» (в «Русском инвалиде» от 30 июля 1844 года). «Основная тема этой заметки, — пишет исследователь, — сравнение Парижа, в котором ежегодно является множество „различных физиологий“, с Петербургом, о котором „донныне так мало писано и так мало пишут“ (Н 1, 12, 221). Заметка, таким образом, перефразирует интересующий нас фельетон».²³ Последнее замечание едва ли справедливо, так как и содержание фельетона значительно глубже (о чем речь шла выше), и пафос «Литературных новостей» заключался в стремлении Некрасова привлечь внимание читателей к программному «Вступлению» Белинского и к самой книге, ставшей событием в литературной жизни времени.

Все изложенные соображения позволяют с уверенностью утверждать, что Некрасов не был автором этого фельетона. Возможно, как участник «Русского инвалида» он мог знать о его содержании, так же как в процессе общения с Белинским в период подготовки «Физиологии Петербурга» ему стали известны статьи критика «Вступление», «Петербург и Москва», входящие в состав первой части альманаха.

В научной литературе широко бытуют лишь выступления Некрасова и Белинского, опубликованные после выхода в свет «Физиологии Петербурга»: рецензия Некрасова в «Литературной газете» (1845, 5 апреля, № 13), явившаяся своеобразным комментарием к сборнику,²⁴ и рецензии Белинского на первую и вторую части «Физиологии Петербурга» в «Отечественных записках» (1845, № 5, цензурное разрешение 30 апреля, и № 8, цензурное разрешение 30 июня). В первой рецензии Белинского защищались принципы натуральной школы от нападок «Северной пчелы», обвинявшей «Петербургские углы» в «грязности». Между тем фельетон Белинского и заметка Некрасова были обнародованы до выхода в свет некрасовского

²² См.: Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966. С. 56—60.

²³ Там же. С. 58.

²⁴ «Добро пожаловать книга умная, предпринятая с умною и полезною целью», — писал автор «Петербургских углов», — отмечая в ней кроме литературных достоинств «достоинство правды, весьма важное и даже главное в сочинениях такого рода» (Н 2, 111, 187).

сборника. Обе публикации перекликаются между собой, выполняют одни и те же функции и являются существенным дополнением к истории творческих связей Некрасова и Белинского в период становления натуральной школы и их совместной деятельности в подготовке «Физиологии Петербурга».

Духовная близость с Белинским, согласие с его литературно-эстетическими принципами сказались как в первых критических опытах молодого Некрасова, так и в иных формах его литературной деятельности этого времени. Достаточно назвать стихотворение «Чиновник», представляющее своего рода физиологический очерк; водевиль «Петербургский ростовщик», первоначально предназначавшийся для первой части «Физиологии Петербурга»; «физиологические» зарисовки в незаконченном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» («О петербургских углах и почтенных постояльцах, которые в них помещаются», «История ежовой головы», «Необыкновенный завтрак» и др.); обширный перечень характерных для натуральной школы тем, зафиксированный в набросках к этому роману («Кондитерская, ресторация, театр, путешествия по Невскому, карты» — VIII, с. 517),²⁵ частично реализованный в другой незавершенной повести Некрасова «Сургучов».

Таким образом, изучение текстов, приписываемых Белинскому и в известной мере близких Некрасову, не только связано со специальными вопросами эвристики, но и во многом уточняет историю творческих отношений Некрасова и Белинского.

²⁵ Ср. составленный в 1840-е годы Тургеневым план петербургских очерков под названием «Сюжеты»: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. 2-е изд. М., 1978. Т. 1. С. 415.

Б. В. Мельгунов

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» В 1840—1844 ГОДЫ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ РЕЦЕНЗИЙ)

Когда говорят об оценках и восприятии классических литературных произведений в периодической печати соответствующего времени, эти отзывы всегда так или иначе классифицируются. Для воссоздания объективной картины этого восприятия мало что дает простое количественное соотношение «положительных» и «отрицательных» оценок журналов.

Гораздо важнее для нас *литературно-общественное* соотношение оценок интересующего нас произведения в различных органах печати. И чем ярче творческая, общественно-политическая индивидуальность писателя, чем глубже и многообразнее различия общественных позиций журналов, газет и группирующихся вокруг них деятелей литературы, тем точнее должны мы сопоставлять и дифференцировать мнения критиков разной ориентации.

Общественная позиция «Литературной газеты», формально примыкавшей в первой половине 1840-х годов к «Отечественным запискам», была весьма переменчива и непоследовательна, а ее эволюция еще не привлекала сколько-нибудь пристального внимания историков литературы и журналистики.

Отсутствие работ о составе редакции, сотрудниках критико-библиографического отдела, фельетонистах газеты и об изменениях в составе этих сотрудников затрудняет анализ оценок, данных тем или иным литературным явлениям.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть в общем известные отклики «Литературной газеты» на произведения Шевченко в плане их авторской принадлежности и тех перемен, которые претерпевало это издание в 1840—1844 годах.

С начала 1840 года «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», издававшиеся во второй половине 1830-х годов А. А. Краевским, были преобразованы им в самостоятельное издание под названием «Литературная газета». Она просуществовала до 1848 года. Однако лучший период «Литературной газеты» — первая половина 1840-х годов, когда здесь сотрудничали А. В. Кольцов, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, В. И. Даль, Е. П. Гребенка, И. И. Панаев, Д. В. Григорович и многие другие писатели, имена которых обычно связывают с историко-литературным понятием *натуральная школа*.

К концу первого года существования «Литературной газеты» ее владелец и редактор Краевский следующим образом объяснял возникновение этого издания:

«„Литературная газета“, прежде издававшаяся под названием „Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», составляла до 1839 года отдельное, самобытное издание, не соединенное ни с какими другими журналами. Но в прошлом году, предприняв издание „Отечественных записок“ и продолжая издавать по-прежнему „Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», я по необходимости должен был сделать их газетою вспомогательною при моем большом журнале. Естественно, газета должна была утратить свою самостоятельность, сделавшись отголоском того, что говорилось в „Отечественных записках“, так что в 1839 году, равно как в 1840,

в русской литературе было два издания, имевших одинаковое направление, одинакую цель и, так сказать, одинакий цвет».¹

Реальный смысл этой «стратагемы» редактора «Отечественных записок» заключался, по-видимому, в том, что он получал орган «быстрого реагирования» на недружественные выходы болгаринской «Северной пчелы» и вновь образованного «Маяка», который с самого начала не скрывал свою враждебность к направлению «Отечественных записок».

Литературно-общественная позиция нового издания Краевского была сформулирована В. Г. Белинским в рецензии на альманах «Утренняя заря» (СПб., 1840), открывавшей критико-библиографический отдел первого номера газеты:

«Мы будем избегать длинных повестей и статей, которые надобно было бы разрывать на многие нумера, как это делают все французские и немецкие газеты, и через это вредить их занимательности, но станем выбирать такие повести, рассказы, статьи, которые дышат современным живым интересом, замечательно какою-нибудь резкою характеристическою чертою. По той же самой причине читатели не увидят в листках наших много стихотворений, и мы просим покорнейше гг. доброхотных поэтов (уж эти нам поэты!) не беспокоиться присылать к нам произведений своих, от которых редакции „Литературных прибавлений“ в прошлых годах, признаемся откровенно, отбоя не было, но не отказываемся печатать такие стихи, которые запечатлены талантом неподдельным, и в особенности такие, которые при этом условии имеют интерес современный».²

Участие Белинского в новой газете не ограничилось в 1840 году одной этой статьей, задававшей тон изданию. Кроме указанной рецензии в «Литературной газете» этого года ему принадлежит еще несколько рецензий: на книгу Л. В. Бранта «Петербургские критики и русские писатели» (№ 12 от 10 февраля), на журнал «Репертуар русского театра» (№ 17 от 28 февраля), на роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и «Римские элегии» Гете в переводе А. Н. Струговщикова (№ 42 от 25 мая), фельетон «Журналистика» (№ 43 от 29 мая).

В течение января—июля 1840 года Белинский напечатал в «Литературной газете» шесть обзоров под рубрикой «Александринский театр» (№ 4, 8, 10, 45, 55, 61), лишь однажды уступив эту рубрику (в № 15 от 21 февраля) М. П. Сорокину. Говоря об участии Белинского в «Литературной газете» 1840-х годов, следует помнить также, что далеко не все рецензии и статьи великого критика, напечатанные здесь, к настоящему времени выявлены.³

С самого начала года газета выходила с подписью Краевского, однако неофициальным ее редактором был В. С. Межевич — бойкий журналист и поэт, товарищ Белинского по Московскому университету, сотрудничавший с ним еще в «Телескопе» и «Молве». С 1839 года Межевич был редактором «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» и активно сотрудничал в изданиях Краевского.

В «Литературной газете» 1840 года мы находим несколько публикаций Межевича, подписанных, как правило, криптонимом «Л. Л.». Последняя из них — обзор «Михайловский театр», напечатанное в № 37 «Литературной газеты» от 8 мая и подписанное: «М-Ч». Его отрицательная рецензия на юношеский стихотворный сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» в № 16 газеты от 24 февраля 1840 года анонимна.

Однако с апреля того же года Межевич, не отказываясь от участия в «Литературной газете», стал сотрудничать в болгаринской «Северной пчеле», чтобы «помогать» с нею «Отечественные записки».⁴

В письме к М. А. Языкову от 16 апреля 1840 года Белинский сообщал, что Межевич «кажется, душою и телом предан Полевому, Гречу и Булгарину». — «С богом! — раздраженно резюмировал этот факт критик. — Давно бы так!»⁵

¹ Литературная газета. 1840. 25 сент. № 77. Стб. 1756.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. III. С. 380—381.

³ В XIII томе академического «Полного собрания сочинений» Белинского помещено еще около десятка статей и материалов из «Литературной газеты» 1840 года, приписываемых этому критику.

⁴ Литературное наследство. М., 1950. Т. 56. С. 143.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XI. С. 518.

Несколько месяцев Межевич сотрудничал с Булгариным, оставаясь фактическим редактором «Литературной газеты». Вскоре выяснилось, что Межевич является автором таких выходов «Северной пчелы», «которым, — как писал Белинский В. П. Боткину 31 октября 1840 года, — позавидовали бы и Греч с Булгариным».⁶

В поисках замены Межевичу Краевский остановился на кандидатуре редактора «Пантеона» Ф. А. Кони. С начала августа 1840 года Кони, очевидно, уже исполнял обязанности редактора газеты Краевского, а в конце того же месяца Краевский объявил о передаче «Литературной газеты» редакции Ф. А. Кони.⁷ Новый редактор привлек к сотрудничеству в газете ближайшего своего помощника по «Пантеону» Н. А. Некрасова.

В течение 1840 года «Литературная газета» поместила рецензии на 12 авторских стихотворных сборников:

1. Кум-сват. Быль XVI века (...) А... Е... М., 1839 (№ 4 от 13 января).
2. Вадемекум. Стихотворения А. М. Медведенко. М., 1839 (№ 9 от 31 января).
3. Стихотворения Николая Богданова. М., 1840 (№ 11 от 7 февраля).
4. Запорожцы. Поэма Д. фон. Лизандера. М., 1840 (№ 15 от 21 февраля).
5. Н. Некрасов. Мечты и звуки. СПб., 1840 (№ 16 от 21 февраля).
6. Три песни Патриота. СПб., 1840 (№ 32 от 20 апреля).
7. Кобзарь, Т. Шевченко. СПб., 1840 (№ 36 от 4 мая).
8. Дельные безделки. Стихотворения М. Демидова. М., 1840 (№ 52 от 29 июня).
9. Мои счастливейшие минуты в жизни. Стихотворения Александра Ивановича Долгорукова. М., 1840 (№ 58 от 20 июля).
10. Опыты, П. С. Филимонова. М., 1840 (№ 76 от 21 сентября).
11. Ветка, Иеремии Галки. Харьков, 1840 (№ 86 от 26 октября).
12. Песнь русского Барда. М., 1840 (№ 98 от 7 декабря).

Десять из названных рецензий — резко отрицательны, в том числе издевательская рецензия В. С. Межевича на первый стихотворный сборник Некрасова. Положительно оценены только два стихотворных сборника, оба они принадлежат украинским поэтам.

«Г-н Шевченко, — писал анонимный критик «Литературной газеты», — назвал именем „Кобзаря“ собрание своих украинских дум и песен. Мы прочли это собрание с величайшим удовольствием и рекомендуем его всем любителям малороссийской поэзии. В стихах г. Шевченко много огня, много чувства глубокого, везде дышит в них горячая любовь к родине. Его картины верны с натурой и блещут яркими живыми красками. Вообще в авторе этих малороссийских стихотворений виден талант неподдельный».

Приведя в качестве одного из лучших стихотворение «Думи мої, думи мої», автор рецензии выразил уверенность, что «думы г. Шевченко не только в Украине найдут „шире сердце“, „ласкаве слово“, „ширу правду“ и „славу“, но и между теми из москалей, которым не чужд поэтический язык русской Италии».⁸

Кому принадлежит эта рецензия — Межевичу или Белинскому?

Известная рецензия Белинского на «Кобзаря» напечатана в майском номере «Отечественных записок» 1840 года и вышла в свет через одиннадцать дней после выхода № 36 «Литературной газеты». Критик «Отечественных записок» более сдержан в своих похвалах молодому украинскому поэту, но его отзыв не входит ни в малейшее противоречие с отзывом «Литературной газеты» и вслед за ним предсказывает высокую художественно-воспитательную роль в духовном формировании не только украинского, но и русского читателя.

«Книги, писанные по-малороссийски, вроде (...) „Катерины“ Шевченка (стр. 21), имея нравственную цель и будучи рассказаны языком понятным для всякого малороссиянина, без сомнения принесут величайшую пользу южнорусским простым людям — читателям».⁹

⁶ Там же. С. 568.

⁷ Литературная газета. 1840. 28 авг. № 69. Стб. 1565.

⁸ Там же. 4 мая. № 36. Стб. 839.

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. IV. С. 172.

Не вызывает сомнения согласованность рецензий на «Кобзаря» в обоих изданиях Краевского. Мы не удивимся, если когда-нибудь будет найдено документальное подтверждение авторства Белинского в рецензии «Литературной газеты» на первую книжку Шевченко.

Вторая одобрительная рецензия «Литературной газеты» 1840 года на стихотворный сборник — тоже украинского поэта — появилась уже после смены редакции и принадлежит, вероятнее всего, Ф. А. Кони. Это отзыв на книгу Иеремии Галки (псевдоним Н. И. Костомарова) «Ветка» (Харьков, 1840). Приводим текст этой рецензии:

«Очень миленькие стихотворения украинского поэта, которому малороссийская литература одолжена прекрасными драматическими сценами, известными под названием „Савва Чальй“. Из уважения к правде и к самому г. Иеремию Галке мы не скажем, чтобы талант его отличался особенною силою и глубиною, — нет, этого мы не скажем, но тем не менее с охотою будем читать его прекрасные стихотворения, от которых так веет свежою украинскою природою. Этого достоинства — мы уверены — никто не отнимет у г. Иеремию Галки — в стихах его так много украинской природы, а в украинской природе вы знаете сколько поэзии?..»¹⁰

* * *

Кто был автором рецензии на поэму Шевченко «Гайдамаки» в № 15 «Литературной газеты» от 12 апреля 1842 года? За время от выхода «Кобзаря» и до появления в книжных магазинах Петербурга новой поэмы Шевченко в редакции «Литературной газеты» произошли существенные перемены. Осенью 1840 года Краевский решил отделить «Литературную газету» от своего журнала, передав редакцию газеты в аренду Ф. А. Кони.¹¹ Одним из основных сотрудников «Литературной газеты» стал помощник Кони по редакции «Пантеона» Н. А. Некрасов. В газете 1841 года печатались прозаические произведения Некрасова, его театральные обозрения и рецензии.

Между прочим, в рецензии на второй выпуск издания А. Ф. Смирдина «Сто русских литераторов» (1841) Некрасов одобрительно отозвался об иллюстрации Шевченко к повести Н. И. Надеждина «Сила воли». Участие В. Г. Белинского в «Литературной газете» 1841 года резко уменьшилось. В настоящее время известна всего лишь одна статья критика «Отечественных записок» — фельетон «Журналистика», напечатанный в № 24 от 27 февраля.

В объявлении об издании на 1842 год был дан длинный список сотрудников газеты, в котором титулом «критик» сопровождалось два имени: Арнольд («музыкальный критик») и Белинский. Некрасов в этом списке назван дважды — под собственным именем и под псевдонимом *Перепельский*.¹² Однако при подведении итогов 1842 года редактору «Литературной газеты» пришлось дать гораздо более скромный список участников издания, в котором уже ни Арнольд, ни Белинский не упоминались.¹³

В этом году значительную долю журнальной работы Ф. А. Кони взял на себя. Его фамилией или инициалами подписано огромное количество статей в отделе «Театр», фельетонов, очерков в отделе «Науки, художества, искусство».

В отделе «Критики» «Литературной газеты» 1842 года инициалами Кони подписана всего одна рецензия — на перевод романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» (№ 1).

Основным сотрудником критико-библиографического отдела «Литературной газеты» 1842 года был Н. А. Некрасов. К настоящему времени выявлены как некрассовские или приписаны ему предположительно — с разной степенью убедительности — 23 небольшие литературные рецензии 1842 года и два театральные обзора. Почти все эти рецензии относятся к первым трем месяцам этого года.

¹⁰ Литературная газета. 1840. 26 окт. № 86. Стб. 1964.

¹¹ Там же. 25 сент. № 77. Стб. 1756; 21 дек. № 102. Стб. 2348—2349.

¹² Там же. 1841. 14 окт. № 116. С. 403—404.

¹³ Там же. 1842. 20 дек. № 50. С. 1027.

Однако это вовсе не значит, что весной 1842 года Некрасов прекратил писать для «Литературной газеты». Ведь наши знания об анонимном участии Некрасова в критическом отделе газеты Кони этого года основаны главным образом на данных, содержащихся в трех сохранившихся записках Некрасова к книгопродавцу И. Т. Лисенкову от января—февраля 1842 года с названиями требуемых для рецензирования книг (Н 1, 10, 33—34). В конце февраля 1842 года в конторе «Отечественных записок» и «Литературной газеты» была открыта лавка А. И. Иванова, который стал и управляющим контор обоих изданий. Именно это обстоятельство объясняет прекращение деловой переписки Некрасова с Лисенковым и отсутствие документальных сведений о деятельности Некрасова — критика в «Литературной газете» весной 1842 года.

Именно в это время Кони уехал на все лето в Москву, возложив обязанности редактора на Некрасова. В письме к Кони в Москву от 2 апреля 1842 года Некрасов писал: «Я (...) прилагаю и буду прилагать свои старания относительно „Лит(ературной) газеты“ сколько хватит сил моих» (Н 1, 10, 33—34).

Белинского, не принимавшего, как уже говорилось, в этом году авторского участия в «Литературной газете», серьезно беспокоило такое положение этого издания. «Нет ли слухов о юноше — Кони? — писал он В. П. Боткину в Москву 20 апреля 1842 года. — Пропал, бессовестно бросив свою дрянную газетишку...»¹⁴

В отсутствие своего патрона Некрасов несомненно был если не единственным, то по крайней мере основным сотрудником отдела «Критики» «Литературной газеты». В одном из фельетонов под рубрикой «Журнальная всякая всячина» хорошо информированный Ф. В. Булгарин намекал на личную редакторскую беспомощность Кони в «Литературной газете» — «отголоске» «Отечественных записок» — и практическое лидерство в этом издании Некрасова:

«Г-н Кони пробовал быть сотрудником в другом журнале, но дело не пошло на лад (...) Что тут делать? Г-н Кони взял к себе в сотрудники *известных* остроумием драматургов и вояжеров — гг. Перепельского и Дершау и судит о русской литературе, пишет и печатает...»¹⁵

Итак, рецензия на «Гайдамаков» была напечатана в «Литературной газете» в отсутствие Кони. И наиболее вероятным ее автором является Н. А. Некрасов. Тонкий ценитель поэзии, Некрасов-рецензент вообще охотнее всего писал о стихотворных изданиях, а других постоянных сотрудников в отделе «Критики» «Литературной газеты» 1842 года не было.

«Г-н Шевченко владеет прекрасным поэтическим дарованием и пишет на мало-российском языке чудесные стихи, — писал критик «Литературной газеты». — Его „Гайдамаки“ есть произведение, проникнутое мыслью и чувством, дышит неподдельным вдохновением и сверкает искрами живой, разнообразной и пылкой фантазии. Если б „Гайдамаки“ были написаны на русском языке, то эту поэму должно было бы причислить к числу лучших русских поэм».¹⁶

В. Г. Белинский в своей рецензии на «Гайдамаков» («Отечественные записки». 1842. № 5) резко разошелся с критикой «Литературной газеты» в оценке поэмы Шевченко. Как убедительно показал Ф. Я. Прийма, негативное отношение Белинского к «Гайдамакам», другим позднейшим произведениям Шевченко и вообще к украинской литературе было обусловлено литературно-общественной ситуацией и журнальной борьбой первой половины 1840-х годов.¹⁷

Мнение Белинского о харьковском альманахе «Молодик» на 1843 год, в котором было помещено несколько стихотворений Шевченко, также разошлось с мнением критика «Литературной газеты». «Малороссийский отдел» альманаха, «как не принадлежащий к русской литературе», критик «Отечественных записок» решил «пройти молчанием».¹⁸

Рецензия на «Молодик» 1843 года в «Литературной газете» принадлежит Некра-

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XII. С. 106.

¹⁵ Северная пчела. 1842. 20 нояб. № 261. С. 1643.

¹⁶ Литературная газета. 1842. 12 апр. № 15. С. 312.

¹⁷ Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. М.; Л., 1961. С. 72 и далее.

¹⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, Т. VIII. С. 34.

сову. Не называя стихотворений Шевченко, Некрасов, однако, в целом одобрительно отозвался о «малороссийском отделе» харьковского альманаха:

«„Молодик” — приятное явление в том отношении, — писал он, — что оно показывает, что и провинции наши начинают заниматься литературой и находят в ней интерес. Между многими именами столичных литераторов мы находим в этом сборнике произведения авторов малороссийских. „Молодик” — альманах; поэтому приятнее было бы, если б он знакомил нас более с людьми, пишущими в Малороссии, чем с трудами наших столичных писателей, кой-как собранными и без строгого разбора помещенными в этой первой части. Вообще все статьи харьковских писателей в „Молодике” гораздо дельнее и лучше столичных» (Н 2, 11, 118).

Осенью 1843 года Краевский продал свои права на издание «Литературной газеты» книгопродавцу А. И. Иванову, взяв на себя обязанности ответственного редактора. Разумеется, редактор «толстого» журнала «Отечественные записки» не мог фактически исполнять обязанности и редактора еженедельника. «Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями, — свидетельствует Н. А. Некрасов в автобиографии 1872 года, — а сдал мне всю ее за 6000 р. в год» (Н 1, 12, 13).

Начало работы Некрасова в качестве неофициального редактора «Литературной газеты» ознаменовалось его программной статьей «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», напечатанной в двух первых номерах газеты 1844 года.

Доверие Некрасову столь важных обязанностей, разумеется, не могло состояться без санкции или рекомендации Белинского, который не только постоянно следил за «Литературной газетой», но и с 1840 года эпизодически участвовал в ее критическом отделе и «Смеси». Не случайно поэтому, когда Белинский в «Отечественных записках» и Некрасов в «Литературной газете» расходились в оценках каких-либо произведений, Белинский пенял своему молодому коллеге (Н 1, 12, 13).

Известно, что Белинский и сам принимал участие в критико-библиографическом отделе «Литературной газеты» 1844 года. В основном корпусе академического «Полного собрания сочинений» критика в 13 томах помещено пять рецензий из этого издания 1844 года, еще две — в отделе «Dubia» (т. XIII). Некрасову к настоящему времени атрибутировано всего 14 критических статей и рецензий из «Литературной газеты» 1844 года.

Можно с уверенностью сказать, что степень участия в критико-библиографическом отделе газеты этого года Белинского и Некрасова выявлена далеко не полностью. Вместе с тем ясно, что оба они — основные критики «Литературной газеты» этого времени, и сколько-нибудь деятельное участие в ней других критиков в эту пору маловероятно.

Первый выпуск «Молодика» на 1844 год (Харьков, 1843) также не был обойден вниманием «Отечественных записок» и «Литературной газеты». Причем журнал откликнулся на это издание гораздо ранее, чем газета. Рецензия Белинского была напечатана в первом номере «Отечественных записок» 1844 года.

В этом выпуске «Молодика», как известно, Шевченко не участвовал, хотя его творчество нашло здесь наивысшую оценку в статье Иеремии Галки (Н. И. Костомарова) «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке». Эта статья носила полемический характер и отстаивала право на существование самобытной украинской литературы.

«В этой статье, — возражал Белинский, — г. Галка исчисляет всех сочинителей, писавших по-малороссийски, начиная от Котляревского до гг. Основьененко и Шевченко включительно. Он утверждает, что Котляревский, как умный человек, написал свою пародию на „Энеиду” вследствие пробуждавшейся в обществе реакции против классицизма (...). Нет, мы уверены, что Котляревский, как умный и талантливый малороссиянин, понял, что на малороссийском, как и на всяком другом отдельном наречии, только и можно писать что пародии или простонародные сказки и повести, и ничуть не думал затевать из того литературы».¹⁹

¹⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 107.

В редакции «Литературной газеты», появившейся значительно позднее журнальной, выражалось скептическое отношение к попытке авторов «Молодика» изобразить Украину «на крыльях ветра стремящейся к европейской образованности».

«Но пускай бы дело шло только о парижском и лондонском изяществе, в котором мы желаем Харькову всякого преуспевания, — писал рецензент «Литературной газеты», — нет, шутка заходит гораздо дальше. — Г-н Галка, например, в статье своей „Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке“ все еще придерживается мечтаний о самобытной малороссийской литературе и очень сердится на „некоторых рецензентов, утверждающих, что и без нее человек может быть счастлив так же, как без литературы чувашской, черемисской или мордовской“».²⁰

Принадлежность этой рецензии Некрасову маловероятна, так как ее содержание противоречит взглядам, высказанным Некрасовым в его рецензии на предыдущий выпуск «Молодика». Наиболее вероятным автором этой рецензии следует, очевидно, считать Белинского, скептически относившегося к идее самобытного развития украинской литературы.²¹

Когда весной 1844 года одновременно вышли две книжки Шевченко — «Гамалия» (на украинском языке) и «Тризна» (на русском языке), «Отечественные записки» обратили внимание только на вторую из них.

«Книжка довольно загадочная, — писал не установленный до сих пор автор рецензии на «Тризну». — Если не ошибаемся, она что-то вроде поминальника по усопшему, которого мир не знал и не узнает, несмотря на стихи г. Шевченко, потому что эти стихи — самые украинские, и мы не понимаем, как не попали они в „Молодик“».²²

Эта рецензия вполне соответствует взглядам Белинского той поры на украинскую литературу, и если не написана им самим, то по крайней мере одобрена для публикации в журнале.

Вскоре и «Литературная газета» поместила в одном номере рецензии на обе поэмы Шевченко. Обе они написаны одним автором (что видно по внешней и внутренней связи рецензий) — тем же, которому принадлежит рецензия на первый выпуск «Молодика» 1844 года. Приведем начало рецензии на «Гамалию», содержащее автоотсылку к этой цитированной выше рецензии.

«Книжка, не имеющая никакого отношения к русской литературе, потому что написана на малороссийском языке. Мы уже высказали наше мнение о малороссийских книгах, являющихся в русской литературе, и теперь остаемся при нем же. Для любителей малороссийских стихов приводим небольшой отрывок...»²³

За выписанным далее в рецензии отрывком из «Гамалии» следовала концовка рецензии с переходом ее в другую — на «Тризну»:

«Г-н Шевченко не требует, чтоб вы непременно читали эту брошюру; если вы не любите малороссийского наречия — читайте другую брошюру г. Шевченко, вышедшую вместе с первой и писанную по-русски. Вот она...»²⁴

Рецензент, явно не разгадавший общественно-политический смысл «Тризны», иронически излагает внешнее содержание поэмы, приводящее его к столь же ироническому выводу:

«Автор хотел развить поэтически простую и глубокую мысль, которую так часто приходится слышать в народе: „Вот она, жизнь-то человеческая!“ Цель похвальная!»²⁵

Если работу по критико-библиографическому отделу в «Литературной газете» 1844 года Некрасов делил с Белинским и, возможно, с какими-то другими сотрудниками, то обязанности фельетониста на протяжении почти всего года исполнял сам Некрасов.

В «Петербургской хронике» 41-го номера газеты, давно атрибутированной Д. С. Лихачевым Некрасову,²⁶ мы находим едва ли не самую первую печатную информацию

²⁰ Литературная газета. 1844. 9 марта. № 10. С. 179.

²¹ См. об этом: *Прийма Ф. Я.* Указ. соч. С. 77.

²² Отечественные записки. 1844. № 5. Отд. VI. С. 50.

²³ Литературная газета. 1844. 18 мая. № 19. С. 335.

²⁴ Там же. С. 335.

²⁵ Там же. С. 336.

²⁶ Некрасов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 3. С. 372.

о шевченковском замысле «Живописной Украины». Весьма вероятно, что фельетонист и фактический редактор «Литературной газеты» получил эту информацию от самого Т. Г. Шевченко. Приводим ее текст:

«...Скажем несколько слов о некотором художественном издании, которое в скором времени должно явиться в нашей литературе. Это „Живописная Украина“, издание, предпринятое г. Т. Шевченко с целью знакомить Малороссию с Велико-россиею. В состав этого издания будут входить рисунки трех родов: 1. Снимки с мест, примечательных по красоте, с исторических древних укреплений, монастырей, памятников. 2. Рисунки, в которых будет передаваться характер народного малороссийского быта в настоящее время; представлены будут народные костюмы, сцены из пьес, преданий, поверий и пр. 3. Рисунки чисто исторического содержания; этот отдел обоймет только времена казацких войн.

„Живописная Украина“ будет выходить в числе двенадцати эстампов в год; в нынешнем году появятся шесть эстампов, из которых три уже готовы и вскоре должны выйти. Вот их содержание: а) „Сельская сходка“; б) „Чигиринские дары“; в) „Ландшафт в окрестностях Киева“. Рисунки делаются самим г. Шевченко, хорошо знающим малороссийскую природу, историю и старину, и гравировются *на меди*».²⁷

«Литературная газета» первой половины 1840-х годов судила о творчестве Шевченко, как нам представляется, главным образом устами Некрасова и Белинского. Как видим, позиции этих критиков, стоявших рядом в литературно-общественной борьбе того времени, в данном случае существенно расходятся. Это расхождение определялось разными представлениями о соотношении русской и еще только возникавших национальных литератур, о соотношении литературы метрополии и провинции.

²⁷ Литературная газета. 1844. 19 окт. № 41. С. 694; Н 2, 12, 163—164.

Л. Н. Душина

О СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ РИТМА
«ТРЕХ ЭЛЕГИЙ» (А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ) НЕКРАСОВА

Еще сто лет назад С. А. Андреевский заметил, что Некрасов со всей решительностью заново поставил вопрос: «Что же такое собственно поэзия?»¹ Это замечание ученого можно продолжить и конкретизировать: Некрасов-поэт способствовал изменению представлений о поэтичности ритмов, стилей, жанров. Была здесь своя диалектика: поэзия Некрасова одновременно и вся выросшая из русской поэтической традиции, и разрушительная для нее. Некрасов больше многих других поэтов способствовал пониманию преемственности традиций именно как борьбы. Сопроотивление традиции нередко оказывалось у Некрасова стимулом поэтического вдохновения.

На рубеже 18—19-го столетий чрезвычайно важным для развития русской поэзии было преодоление «неправильностей» стихотворного языка, и именно из этого преодоления выростала гармоническая точность стиха Жуковского и Пушкина. В 1850-е годы, напротив, как утверждает Некрасов (в статье «Русские второстепенные поэты»), русскую поэзию способно обновить лишь преодоление «гладкости и правильности» стиха, сделавшихся его общим местом, своего рода поэтической банальностью (Н 2, 11₂, 33).

Подобное преодоление выражалось в лирических стихах самого поэта и в их повышенной личностности. Была в них пульсация современности, острая динамика нравственных представлений, осложненных наплывом сиюминутного, раздраженного, почти нервического чувства. Некрасов — один из самых личностных поэтов. Той же личностностью пронизано отношение Некрасова к поэтической традиции. Конкретнее это можно увидеть, например, в том, как обновлял поэт жанровую традицию элегии. Научный взгляд 1920-х годов актуализировал стилистическую новизну и смелость Некрасова. Взгляд сегодняшний открывает как существенную черту поэтики Некрасова жанровую динамику. В чем заключался новый характер некрасовской элегичности?

Поэт гражданского темперамента, у которого и лирика отмечена «обнаженностью общественно-политической идеи»,² Некрасов, как представляется, всегда оставался поэтом элегичным. Едва ли можно принять точку зрения одного из самых тонких исследователей некрасовской стиховой формы Б. М. Эйхенбаума, который, однако, утверждал, что элегичность была присуща творчеству поэта в самом раннем и самом позднем его периодах. «Так обнаруживается связь Некрасова с традициями русского стиха, — пишет ученый, — в начальном периоде, когда естественно ослабевает в нем тенденция к преодолению канонических форм».³ Другими словами, обращение Некрасова к элегии объясняется подчинением устоявшимся формам русского стиха. Вероятно, так оно и было в ранний, подражательный период творчества поэта. Но едва ли — в последний. И главное: элегия не уходила из поэзии Некрасова и в среднем ее периоде (Б. М. Эйхенбаум полагал, что на среднем этапе «элегии

¹ Андреевский С. А. Литературные очерки. СПб., 1902. С. 159.

² Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1985. С. 429.

³ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 60.

прекращаются — недаром им вынесен приговор устами гражданина»⁴). Более того, элегичность как особое качество некрасовской поэтики укрупняло его элегию как жанр, преобразуя стих, интонацию, ритм произведений.

Элегический жанр — один из самых выразительных в жанровой системе русской лирики. Строй русской лирики элегичен по самой своей природе. Русская поэзия изначально тяготеет к лирике, русская лирика — к элегии. Начиная, возможно, уже с М. Н. Муравьева элегия в русской поэзии оказывается большим, чем только жанр. Она становится мироощущением лирического поэта и его читателя. И вполне можно предположить, что выразившая это мироощущение школа Жуковского началась не с него, а с М. Н. Муравьева.

Если вся русская поэзия начальной, предпушкинской поры согрета и одушевлена печалью, то эта одушевленность сконцентрирована в гармонии элегической. Но сама гармония пока распространяется на тему, эмоциональную атмосферу, и в меньшей степени — на ритмику. У Жуковского элегичность уже переходит из темы и эмоциональной ее окраски в стиль с его главным атрибутом — элегическим ритмом. У Пушкина элегичность начинает выступать ресурсом многообразных возможностей стиля и ритма в пределах даже одного произведения. Еще один шаг на этом пути — поэзия Некрасова. Элегическая ритмика у Некрасова обнаженнее, конкретнее мотивирована насущным. Она все более как бы смещается из общего эстетического выражения в идейноличностное, преобразая, таким образом, сам тип лирического героя. За личностью подобного выражения стоит не просто гражданская позиция поэта, но почти всегда драматическая сущность этой позиции, обусловленной противоречиями сегодняшнего дня. Думается, что русская поэзия конца 50-х—начала 70-х годов прошлого века переживала своеобразный кризис реалистического выражения. Именно потому обращение Некрасова к элегической классической традиции было таким пристрастным и настойчивым. Обратимся к элегическому циклу «Три элегии» (А. Н. Плещееву) (1874), рассмотрев его со стороны ритмической содержательности жанра.

В элегиях начала века сама тема задавала стиль и ритм, жанрово выражавшиеся (так происходило в медитациях М. Н. Муравьева («Ночь») — и вплоть до первых элегических опытов В. А. Жуковского («Вечер»)). Некрасов же начиная с темы, непредсказуемо претворявшейся в ритм, жанровой традиции противоборствует. Особенно отчетливо это противоборство проявилось в трехчастности элегической жанровой формы «Трех элегий». Именно в этом цикле осуществилась особая содержательность ритмической структуры. Действительно, почему элегия у Некрасова расчленяется, раздвигается на три стихотворения, на три разные структурные организации? Ведь почти чеканная ритмическая форма третьей элегии делает ее как будто бы вполне автономной, не требующей «предварительного» развития?

Но когда вслушиваешься в ритм этой элегии, то начинаешь ощущать некую недосказанность, некую незавершенность, а может быть, и противоречивость ритмической организации. С одной стороны, четко выдержанный размер поддерживает мысль стихотворения о жесткой неотвратимости происходящего: «Все кончено!», «Вопрос решен». Уже сам пропуск ударения в четвертой стопе последователен, как бы предрешен, неотвратим. В итоге утверждается повелительное наклонение: «Усни... умри!...» Эти два слова — из неразработанной четвертой строфы. Строфа оборвана, и заключительное полустихие подчеркивает ритмическую основу стихотворения, его ритмическую модель. Но, с другой стороны, преобладающие в элегии вопросительные интонации, усиленные финальной позицией следующего за вопросом многоточия, размывают жесткий «итог» стихотворения и размыкают ритмическую модель. Получается: вопрос решен, но одновременно он и ставится на наших глазах в ожидании ответа. Стихотворение, таким образом, не может осуществиться и завершиться лишь в себе самом. От него идет импульс к первым двум элегиям цикла (так же как, конечно, и от них к нему). Оно живет лишь в контексте элегического цикла.

Обратимся к первой элегии. Из трех элегий, образующих цикл, она самая традиционная: лексически, стилистически и интонационно-ритмически. Наверное, именно с ней связано прежде всего посвящение А. Н. Плещееву. Плещеев —

⁴ Там же. С. 57.

посредник между Некрасовым и пушкинской элегической традицией. Тень Пушкина лежит на этой элегии. Это не раз отмечали исследователи, это видится без труда. «Изгнание, заточенье»; «ревнивые мечты»; «ревнивая печаль»; «роковые волны»; «прошлое, которого не жаль»; «берега чужого моря»; выразившая неразрешимую ситуацию антитеза «Простить не можешь ты ее — И не любить ее не можешь!..» (Н 2, 3, 128—129) — все это приметы стилистики пушкинского времени. Можно предположить, что и сам жизненный срез у Некрасова тот же, что в зрелых элегиях Пушкина: пора сомнений и разочарований. И, конечно же, ямба, «воздушный и певучий»,⁵ — атрибут пушкинской стиховой поэтики.

Рассмотрим выходы из этой традиционной структуры, то есть ее нарушения. Может быть, через сбой в ритмической структуре легче будет понять элегическое мироощущение Некрасова, особенности его элегической поэтики. Обратимся к интонационно-ритмическим отступлениям от метра, помня, что в поэзии ритм своеобразно выявляется через метр: тип, способ отступлений от метра, нарушений метра, по-видимому, прежде всего и определяет индивидуальность ритмов того или иного поэта, особенность ритмики того или иного стихотворения.

Метрически рисунок четырехстопного ямба первой элегии цикла довольно явно нарушается забегающими в начало строки хорейскими ударениями. Подобный метрический сбой есть уже в первой строфе (1-я и 3-я строки). Конечно, о сбое здесь можно говорить пока условно: ведь это только начало, стих еще не определился, не выстроился. А может быть, это еще и просчеты или небрежности стихотворной техники? Но к кульминационному перелому в стихотворении, то есть в седьмой и восьмой строфах, эти хорейские ударения — акценты актуализируются, становятся и содержательно, и ритмически значимыми.

Резкий метрический сбой в кульминации стихотворения помогает вырваться наружу отчаянию лирического героя, его недоумению перед несправедностью жизни, обнаруживает разлад в душе. Вера борется с неверием, сомнениями. В этой же связи обратим внимание еще на одно нарушение метра: пропуски ударений в третьей стопе, а затем в четвертой стопе, возвращение к исходному. Лирический герой жаждет верить в счастливое продолжение любви и боится поверить. В восьмой, кульминационной, строфе стих крепнет, мысль стремится проникнуться адекватной поэтической формой, и то, что можно назвать метрическими сбоями, здесь звучит едва ли не как ритмическая норма: так последовательны и настойчивы хорейские ударения в трех из четырех строках строфы. В следующих за кульминацией строфах не будет ни одного подобного метрического сбоя (то есть хорейских начальных ударений). Стих как бы «успокоится», вера найдет некий компромисс с неверием.

И еще один важный случай нарушения системы: в последовательно выдержанной в стихотворении схеме перекрестной рифмовки имеет место единственная перестановка в заключительной одиннадцатой строфе. В результате элегия оканчивается не мужской перекрестной, а женской кольцевой рифмой. Таким образом, в финальной строфе возникает кольцо и своего рода замкнутый безнадежный круг, потому что в начале строфы задан вопрос («Безумец! Для чего тревожишь / Ты сердце бедное свое?»), а в конце строфы не содержится ни малейшего его разрешения («Простить не можешь ты ее — / И не любить ее не можешь!..») (Н 2, 3, 129). Из-за финального положения это, хотя и единственное, нарушение, конечно же, очень значимо. А само финальное, последнее слово в позиции женской рифмы как бы недоуменно повисает. Решение не найдено, ответа нет. Тем более поэтически и психологически оправдана следующая, вторая элегия цикла.

Поначалу кажется, что разлад в душе лирического героя, заявленный в первом стихотворении и выразившийся среди прочего через сбой в метро-ритмической системе стиха, снимается во второй элегии тем, что поэт растворяет свое элегическое тревожно-унылое чувство в изначальной определенности, твердой заданности образов, связанных с песенной народной традицией («очи ясные», «розы душистые» и т. д.). Обращаясь к этой устойчивой традиции, равно как и к бодрому хорейскому ритму, поэт как бы стремится сообщить интонациям стиха уверенность и равновесие. Ради

⁵ Андреевский С. А. Указ. соч. С. 171.

этого, думается, он даже использует («поддерживая» стих) наивную тривиальность приема городского фольклора:

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее...

(Н 2, 3, 129—130)

Трижды повторенное «там» может быть в равной мере воспринято как свидетельство небрежности поэта и как мастерское следование своего рода имитации народной поэтической традиции.

Подобная вариантность использования приема побуждает и на все стихотворение взглянуть как на сложную организацию. Об этой сложности говорят полярные проявления одного и того же метрического компонента. Четырехстопный хорей, заявленный началом первой строки как бодрый, почти плясовой, частушечный, вдруг обращается, не выходя в целом из метра, в печально тянущийся трехдольник. Заметим, что в каждой из четырех строф элегии есть свой особый узор проникновения трехдольника в начальные стопы хореических строк — и каждый раз при этом срабатывает эффект неожиданности.

Через этот искусно организованный сбивчивый ритм как бы передаются мало и плохо сочетаемые смыслы, оттенки чувств, мыслей. Ведь то мажорное чувство, которое возникает благодаря энергическому ритму хорея, конкретной, песенно-устойчивой лексике, тут же и колеблется недосказанностью образа абстрактной «обетованной страны», тревожным многогочием, завершающим строфу, и, конечно, ритмическим напряжением из-за неожиданных сбоев метра. Возможно, что тревожному напряжению способствует и разновеликость ритмически полярных рифм. В стихотворении соединены дактилическая и мужская рифмы. А перекрестное их положение еще усиливает — в данном поэтическом контексте — ощущение запутанности, неразрешенности ситуации.

Заключительное полустишие завершает и «разговор» с А. Н. Плещеевым, которому посвящено произведение. Ведь элегический цикл можно рассмотреть, допуская, правда, известную вольность, как обсуждение вопроса, как диалог, как спор с товарищем (хотя одновременно, конечно, и поэта с самим собой): а что если еще раз поверить надежде, обмануть себя? или покориться суровой правде и навсегда отринуть «мечту любви», но как и зачем тогда жить поэту? Смысловые варианты сомнений поэта выражаются в произведении в его ритмическом многообразии, а в постоянном противоборстве ритмических сбоев с метрической основой прослеживается упорная, хотя и настойчиво скрываемая, вуалированная интонационно и лексически, стержневая мысль произведения.

Изгнание, заточенье в глуши несут печаль и одиночество, но это можно преодолеть («выручит судьба»). Враг вносит в жизнь опасность, но и это не так страшно. Страшнее и непоправимее — предательство возлюбленной, быстро текущего времени, отпущенного человеку самой судьбой. Предательством оказывается и самообман, когда разум и чувство раздваиваются и заводят в тупик. В Некрасовскую эпоху предательство становится темой элегии, что почти немыслимо для эпохи пушкинской, для которой предательство — более из мира прозы: коварство женского поведения воспринималось в иной ценностной системе.

У Некрасова появляется «прозаический» эквивалент поэтизации элегического любовного чувства. Обусловлен он, едва ли не главным образом, привходящими внешними обстоятельствами. Драматизм переживания от этого, конечно же, не меньший, и само чувство не беднее оттенками, только эти оттенки иные: нервность, резкая раздражительность, быстрая смена настроений, горькое сомнение, а в нем — лихорадочная жажда верить, несмотря ни на что (по экспрессии и типу душевного напряжения это, может быть, сродни Достоевскому).

Трехчастность элегической формы, циклический, круговой ритм, казалось бы, призваны спасти положение, вернуть элегическое чувство к исходной цельности и гармонии. Однако в третьей части звучат строки: «Непрочно всё...». «Непрочность» в этом произведении — один из синонимов предательства. Нет спасения даже в самой поэтической традиции, в самой Музе, потому что некогда устойчивый,

традиционный ритм элегической гармонии «пугается», сам себя перебивает, дает сбой. Поэту кажется, что он творит ритм, а это сбивчивый и оттого непредсказуемый ритм направляет развитие темы. Поэт надеется, что он творит жизнь (любовь, прочную привязанность, обновление), а это жизнь, с ее неожиданным предательским развитием событий, определяет непреложный исход: «Смерти жди...», «Усни... умри!..» (Н 2, 3, 130).

Но в том-то и дело, что на этом финальном витке последней элегии возникает мощный поэтический импульс, отсылающий к начальным, жизнеутверждающим положениям первых двух элегий. Поэтическое бытие вечно и нескончаемо, как нескончаем этот циклический круг надежд и их несвершений. Нет ответа на мучительные вопросы: «Зачем же ты, о сердце! не миришься / С своей судьбой? (...) Зачем же ты в душе неистребима, мечта любви, не знающей конца?..» (Н 2, 3, 130). Их не может быть, как не может быть конца поэтической «мечте любви». От первой пространной элегии к третьей, сжатой и лаконичной, каждый раз проходит эта поэтическая жизнь, и она бесконечна. Ритмическая координата некрасовского элегического цикла образуется противоборством метра и его ритмических нарушений. Она соотносится с традиционной элегической темой любви и ее нетрадиционным воплощением. Это определяет драматический смысл произведения.

В. А. Кошелев

О ВОЗРАСТНЫХ УКАЗАНИЯХ В ПОЭМЕ
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Предмет настоящих наблюдений — авторские указания на возраст персонажей поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Эти возрастные пометы (весьма необычные) выстраиваются в некую цельную, хотя и противоречивую систему, позволяющую прояснить некоторые существенные стороны идейно-этического замысла самой поэмы.

Исследователи обратили внимание, пожалуй, лишь на одно характерное указание подобного рода:

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.

(Н 2, 5, 126)

Обозначен возраст героини в прологе к главе «Крестьянка». Он соседствует с характерной репликой 38-летней женщины, представленной буквально через несколько страниц (в финале главки «До замужества»):

«Пьешь водку, Тимофеевна?»
— Старухе — да не пить?..

(Н 2, 5, 135)

Самоназвание героини — «старуха» — в соседстве с точным указанием возраста, казалось бы, дает основание утверждать, что этой деталью Некрасов хочет подчеркнуть тяжелую долю женщины в царской России: ей 38 лет, а она от непосильной работы выглядит уже «старухой». Однако в данном случае исследователи явно осторожничают.

Л. А. Розанова, например, предпочла рассмотреть это противоречие как следствие «изменений в планах писателя».¹ Т. А. Беседина привела свод вариантов, относящихся к этому указанию: от варианта к варианту шел процесс «омолаживания» героини.² «Была старуха бодрая / Годов под шестьдесят» (Н 2, 5, 407); «Была старуха бодрая / Пятидесяти лет» (Н 2, 5, 408); «Здоровая и плотная / Лет сорока пяти» (Н 2, 5, 482).

Возникшая в окончательном варианте 38-летняя «старуха» выглядит между тем довольно неплохо:

Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Суrowa и смугла.

(Н 2, 5, 127)

¹ Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий. Л., 1970. С. 154—155.

² См.: Беседина Т. А. Изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школе: (В помощь учителю). Вологда, 1974. С. 84—85.

В «45-летнем» варианте еще характернее: «Глаза большие, ясные... Пряма и высока» (Н 2, 5, 482). Ни странники-правдоискатели, ни крестьяне, советующие обратиться к Матрене Тимофеевне, вовсе и не думают относиться к ней как к «старухе»:

А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.

(Н 2, 5, 119)

Так что видимое «противоречие» возраста и самоощущения героини существует только в пределах ее самооценки. Но откуда возникает подобная самооценка у женщины «осанистой», «плотной», «гладкой», с «большими, ясными» глазами и «богатейшими» ресницами? Эта самооценка, кстати, не совпадает с православно-христианским мироощущением, ибо, согласно Библии, «дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет» (Псалтырь, Пс. 89, ст. 10); соответственно этому Матрена Тимофеевна должна находиться в поре «половины жизни», но никак не старости.³

Вот «возрастное» противоречие иного характера, относящееся к «Гавриле Афанасьичу Оболту-Оболдуеву»:

Помещик был румяненский,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет...

(Н 2, 5, 68)

Между тем ни прямо, ни косвенно Гаврила Афанасьич нигде не назван «стариком». И не воспринимается в качестве такового. Уменьшительно-ласкательные эпитеты, дающие представление о чем-то «маленьком», «крепеньком»; внешность, связанная с охотой («Венгерка с бранденбурами, / Широкие штаны»), и множество деталей, характеризующих именно человеческую молодость, как бы нагнетено в этом образе: «Ухватки *молодецкие*» (Н 2, 5, 68); «Из тарантаса *выпрыгнул*» (Н 2, 5, 71); «Здоровый смех помещичий...» (Н 2, 5, 71); «Эй, Трошка! рюмку хересу...» (Н 2, 5, 71); «А ты, примерно, *яблочко* / С того выходишь дерева?» (Н 2, 5, 73); «*Вскочив* с ковра персидского, / *Махал* рукой, *подпрыгивал*, / *Кричал*...» (Н 2, 5, 75) и т. д. А его слушатели, как и подобает находящимся рядом с молодостью, «...молча слушали, / Глядели, *любовались*, / *Посмеивались* в ус...» (Н 2, 5, 76).

Так же как и в случае с Матреной Тимофеевной, возрастное указание здесь, кажется, повисает в воздухе и даже сбивает с толку. Но для чего оно потребовалось Некрасову?

Подобного рода указания на возраст персонажа, противоречащие его непосредственному восприятию, достаточно многочисленны и явно не случайны: они открывают весьма своеобразную бытовую «философию возраста», отразившуюся в знаменитой поэме, в которой развернут комплекс собственно народных «возрастных» представлений о «круге жизни» человека. Но в структуре некрасовского повествования эти представления оказываются очень своеобразно преломленными.

Традиции, идущие от представлений глубокой древности, выделяли семь опорных «возрастов», в пределах которых существует человек: младенческий, детский (или ребяческий), отроческий, юношеский (или молодой), возмужалый (или взрослый), мужеский (или середовой, или нетяглый) и старческий (или дряхлый). Возрастам в разных источниках давали семилетний, полусемилетний или двусемилетний сроки. Вся эта книжная традиция соответствовала магии «семерки»: семь «возрастов» воспринимались наряду с семью днями творения, семью планетами, семью человеческими добродетелями и т. п.

В народной традиции эта конструкция значительно упрощалась: здесь рассмат-

³ Ср. наблюдения о «жизненном круге», подробно развернутые применительно к биографии А. С. Грибоедова: *Строганов М. В.* Год рождения Грибоедова, или «поллуги жизни» // А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 10—19.

ривались преимущественно три «возраста»: молодость, мужество (середовость) и старость. В словаре В. И. Даля они представлены следующим образом: «*Старый человек*, пртвпл. *молодой* и *середовой*, преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и более». Именно эти три типа возрастных указаний становятся в поэме Некрасова основными. При этом автора интересуют прежде всего крайние «полюса» этой «триады» — *старость* и *молодость*.

Эти два «полюса» выделены уже в «Прологе» — в коллективном образе семи странников.

Старик Пахом потужился
И молвил, в землю гляючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву...

(Н 2, 5, 5)

«Старик Пахом» — единственный из семи мужиков — индивидуализирован с самого начала: зафиксирован тот своеобразный «жест», с которым он представляет своего «кандидата» в счастливицы. Да и сам этот «кандидат» необычен: Пахом апеллирует не к «счастливцу» из социальных слоев современной России, а к типу социальной традиции, исторического обычая, — едва ли не к сказочному «вельможному боярину». Он занимается весьма достойным стариковским делом — пчеловодством: «...соты медовые / Нес на базар в Великое...» (Н 2, 5, 6). Характерно, что во всех предприятиях странников именно Пахом высказывает самые здравые суждения и совершает основополагающие действия: предложил отдохнуть «до солнца» (Н 2, 5, 7), поймал «птенчика крохотного» (Н 2, 5, 8), додумался заморозить «одежду старую» (Н 2, 5, 13) и т. п.

Другой полюс индивидуализации персонажей «Пролога» — «братя Губины, Иван и Митрадор»:

А два братана Губины
Так просто с недоузлочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.

(Н 2, 5, 6)

Интонация их представления совершенно иная («братан» — уменьшительное от «брат»); их «начальное» деяние оказывается делом явно необязательным («свое же стадо» пасется, а им среди дня потребовался «конь упрямый»). Их «кандидат» в счастливицы — не просто «купец», но «купчина толстопузый», «плакатный» тип социальной внешности: на «тошего» купца они и внимание не обратят. Поступки, совершаемые «братанами», свидетельствуют и об их «молодечестве», и о «недомыслии»; так, дополнительно к яствам самобранной скатерти они стащили редьку:

Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде — страсть!

(Н 2, 5, 129)

Эти же «полюса» выделяются и на протяжении всей поэмы. «Середовой» по возрасту персонаж представляется в ней, как правило, в безразличном, стилистически нейтральном ключе («просто» Роман выдвигает «кандидатом» в счастливицы «просто» помещика; «просто» Лука — «просто» попа и т. п.). Напротив, персонажи «старые» и «молодые» даны с определенной эмоциональной и смысловой окраской.

Ко второй половине XIX века антиномия «старость—молодость» была далеко не новостью в русской поэзии. Эта закрепленная устойчивой традицией романтическая антитеза во множестве вариантов представлена в творчестве Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Языкова, Баратынского, Бенедиктова и других:

Пускай венки плетет нам *младость* —
Повеселимся, милый мой,

Пока не прибрела с клокой
Плешивая дочь ада — старость...

(П. А. Вяземский)

«Младость» в этой антиномии — непрменный компонент романтически очерченного «счастия», соотносимый с такими условными понятиями, как «радость», «вино», «любовь», «нега», «утеха», «свобода» и т. п. «Старость» в свою очередь — это «увядание», «прах», «печаль», «болезни», «думы тяжкие»... Подобное употребление этих понятий характерно, кстати, и для молодого Некрасова (не только для сборника «Мечты и звуки», но и для «Последних элегий», и для стихотворения «Праздник жизни — молодости годы...»).

В «Кому на Руси жить хорошо» эта антиномия приобретает совершенно иной характер. Во-первых, оказывается, что персонажей, прямо названных «молодыми», в поэме совсем немного: «Каменотес-олончанин, / Плечистый, молодой...» (Н 2, 5, 51); дочери Последыша — «молодые барыни» (Н 2, 5, 87) и «парни добрые» (Н 2, 5, 188), сыновья Трифона Добросклонова Савва и Гриша. Все они так или иначе «уведены» от основного сюжета поэмы (не случайно странники в своих поисках счастливица «не заметили» Гришу Добросклонова), а их, порой, возвышенные порывы часто вызывают прямо скептическое к себе отношение со стороны носителей «старости». Тот же «старик Пахом» иронически «осаживает» молодого каменотеса:

«Ну, веско! А не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..»

(Н 2, 5, 51)

Некрасов как бы экспонирует народное представление о «молодом», зафиксированное в словаре В. И. Даля: «нестарый, юный; проживший немного века; невзрачный, невзрослый, незрелый, неперематоревший еще». Никакой романтизации молодости при этом не допускается.

«Стариков» в некрасовской поэме значительное количество — даже и среди эпизодических фигур: «Богатые помещицы, / Старушки богомольные...» (гл. «Поп» — Н 2, 5, 23); «Спасибо даже барину / Забыл сказать старик...» (дед Вавило из «Сельской ярмонки» — Н 2, 5, 33); «Эй, полюби меня! {...} Хмельную бабу, старую, / Зааа-паааа-чканную!...» (Н 2, 5, 39); «Пришла старуха старая, / Рябая, одноглазая...» (Н 2, 5, 50), и т. д. Все претенденты на звание «счастливого» (гл. «Счастливые»), кроме «каменотеса-олончанина», приближены к старческому возрасту. И Последыш — «старик», и его дворовый Ипат — «старик», и бурмистр Влас — «седой мужик», «старинушка», и Яков Верный — холоп примерный, и его господин Поливанов, и «старец» Кудеяр, и, конечно, «Савелий, богатырь святорусский», которому «уж стукнуло / По сказкам, сто годов» (Н 2, 5, 142).

При этом Некрасов не проявляет по отношению к старцам никакого особенного пиетета, демонстрируя опять-таки комплекс собственно народных представлений, обозначенный у Даля в многочисленных формулах типа: «Старый что малый, а малый что глупый»; «Из старого ума выжила, нового не прижила»; «Младость не без глупости, старость не без дурости» и т. д. Романтическая традиция изображать человеческую старость неким застывшим, обреченным состоянием отвергается изначально. Характерный пример подобного рода «статической» старости — аллегория В. Ф. Одоевского «Старики, или Остров Панхай» (открывавшая первый выпуск альманаха «Мнемозина» 1824 г.), где образ «стариков» и состояние «духовной старости» объявлены чем-то тупиковым, предельным. Некрасов решает проблему совершенно иначе — «старость» становится «подвижным» состоянием.

Большинство «стариков» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» весьма активны: и духовно (Яким Нагой, Яков Верный, «старец» Кудеяр и другие), и в отношении бытовом, даже деловом: «дядя Влас», например, выступает в роли идеального «менеджера», сумевшего организовать многофункциональное хозяйство. При этом «старость» оказывается состоянием, весьма относительным: у «старухи» Матрены Тимофеевны есть свой «дед» — Савелий, который умер всего за три года до встречи ее со странниками.

С понятием «старости» связано и одно из ключевых для идейного смысла поэмы понятие «греха», которое становится предметом обсуждения персонажей — предметом, не менее значимым, чем «счастье». При этом «грех», то есть поступок, противный закону Божьему и определяющий вину человека перед Господом, рассматривается в его расширенном, философском понимании.

Уже в первых «бытовых» главах поэмы широко разворачиваются примеры «греха»: сначала о «грехе» говорит поп, а затем он реализуется в сценках и диалогах из «Сельской ярмонки» и «Пьяной ночи»:

«Там впереди крестьянина
убили... — Эх!.. грехи!..»

(Н 2, 5, 39)

— А хороню я матушку! —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!»

(Н 2, 5, 39)

— Мне старший зять ребро сломал,
Средний зять клубок украл
{.....}
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..

(Н 2, 5, 40)

Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловухи поют...

(Н 2, 5, 40-41)

Эти — большие и маленькие — «грехи» пбходя делаются именно *молодыми* людьми: «Оленушка» и ее «миленькой», «какой-то парень тихонькой», «младший зять» и т. д.

Осознание же их — удел «старости», и пути этого осознания становятся смыслом последней части поэмы — «Пир на весь мир». Сюжет разговора, который ведут вахлаки «в конце села под ивою», крутится вокруг понятия «грех», и само это понятие преломляется в различных аспектах. «Грех» Якова Верного и «грехи» его господина Поливанова, «грех» голодного мужика, неизвестный «грех» Егорки Шугова «из села из Тискова» и т. д. «Смиренный богомол» «Иона (он же Ляпушкин)» (Н 2, 5, 206) предваряет свою «Легенду о двух великих грешниках» фразой: «Раскрыть уста греховные / Пришел черед...» (Н 2, 5, 201). Сама же «Легенда...», рассказанная Ионой, рисует ту же ситуацию: молодым «Кудеяр-атаман» совершает бесчисленные грехи: «Днем с полюбовницей тешился, / Ночью набегу творил...» (Н 2, 5, 207) — грехи в общем-то обычные, те же, что и в «Пьяной ночи»: «Пьянство, убийство, грабеж» (Н 2, 5, 207), — но вполне осознает себя «грешником», только став «хилым, больным человеком» (Н 2, 5, 209). Поэтому с понятием «грех» оказывается неразлучен эпитет «старческий».

Гриша Добросклонов тут же указывает на «объективную» причину всех подобных «грехов»: «Всему виною: крепь!», — которая «Грех Якова несчастного, / Грех Глеба родила!..» (Н 2, 5, 215). Но это объяснение удовлетворяет только «молодого» Прова, и совершенно по-иному реагирует на него «дядя Влас»:

А Влас его *поглаживал*:
«Дай бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»

(Н 2, 5, 216)

Это любовно-снисходительное «поглаживание» характерно: сам Влас, только что рассуждавший о проблемах «дворянского» и «крестьянского греха» (Н 2, 5, 210—212), прекрасно понимает, что дело не только в этой «объективной» причине — не надо быть слишком «умной головушкой» (как именует Гришу пьяный отец), чтобы на эту причину указать...

Здесь возникает та же «возрастная» антиномия. *Молодость* по неведению впадает в «грех» и даже если осознает его, то пытается объяснить собственное грехопадение причинами внешними: «крепь» ли виновата или «роща манит всякого», «соловухи поют» и толкают на невенчанную любовь — все одно. *Старость* предпочитает говорить о собственном «грехе» и пытается его искупить, замолить, освободиться от его «бремени» и соотносит его не с внешними обстоятельствами, а с собственным духовным спокойствием:

Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

(Н 2, 5, 208)

Здесь напрашивается характерная параллель поэмы Некрасова с известной повестью А. Ф. Писемского «Старческий грех» (1860). Герой Писемского бухгалтер Асаф Асафгч Ферাপонтов тоже обозначен как «старик» — с возрастным указанием: «...лет уже далеко за сорок». Он совершает свой «греховный» круг: влюбился в молодую вдову, пошел ради нее на подлог, потом на прямое воровство и, испытав крушение своего чувства, повесился в остроге. Этот «грех» противопоставляется Писемским «негреховному» устройству окружающего мира, рождающему своеобразные «перевертыши», закрепленные в последней фразе повести: «Жить в таком обществе, где Ферাপонтовы являются преступниками, Бжестовские людьми правыми и судьи вроде полицеймейстера, чтобы жить в этом обществе, как хотите, надобно иметь большой запас храбрости».⁴ Само содержание повести вступает в прямое противоречие с ее подзаголовком: «Совершенно романтическое приключение», и вообще понятия «старость», «грех», «любовь», «романтический» оказываются явно сдвинуты в повествовании. И «старость» — в сущности не старость; и «грех» — не грех; а «романтическое приключение» таким российским смрадом отдает...

Точно такое же «сдвигение» вечных понятий демонстрирует и Некрасов. Этот перенос акцентов не так явствен, как у Писемского, ибо происходит в пространстве «поэмы» с заявленной «фантастической» фабулой, но субъективно он не менее значим, чем в повести «Старческий грех».

Исходя из народного представления о «жизненном круге», Некрасов прямо смещает его акценты. Согласно канону, человеческая зрелость приходится на 30 лет (Христос крестился в 30 лет), а человеческое старение — на 60 лет. Наиболее активный и ценный член общества — «середовой» человек (от 30 до 60 лет). Это именно те «полновесные» деятели народные, которые у Некрасова именуются просто: «мужик» и «баба». Иные обозначения: «малолеточка», «парень», «дед», «дядя», «братан» и т. п. — это уже выход из пределов «зрелости» в ту или иную сторону.

Сама человеческая «зрелость» у Некрасова «безвозрастна». Так, для него не имеет никакого значения возраст Ермилы Гирина, хотя этот возраст подсчитать как раз несложно. Крестьянин Федосей, рассказывающий биографию Ермила, дает ряд возрастных указаний: «лет двадцать было малому» (Н 2, 5, 61), когда он служил писарем; через пять лет его «выгнали» (Н 2, 5, 62), а вскорости избрали бурмистром: «В семь лет мирской копеечки / Под ноготь не зажал...» (Н 2, 5, 63). То есть на период рассказа о нем Ермилу 32—33 года, а он уже успел и испытать, и получить многое:

Да! был мужик единстаенный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный...

(Н 2, 5, 66)

⁴ Писемский А. Ф. Собр. соч. В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 125.

Этот «мужик единственный», пользующийся доверием крестьянского «мира», успел уже совершить и собственный «грех» и искренним раскаянием искупить его. Рассказ об искушаемом Ермилой грехе особенно значим: его «почет завидный, истинный» во многом основывается на том, что, будучи в пределах молодого возраста («И молод да умен!» (Н 2, 5, 62), Некрасов вставляет в уста крестьянского «мира» пословицу, зафиксированную Далем), сумел прожить большую духовную жизнь и стал в миру наравне с уважаемыми стариками — хотя бы в отношении к «греху».

Характерно, что два наиболее «революционных» персонажа поэмы стоят как бы вне границ ее общей возрастной схемы: пятнадцатилетний Гриша Добросклонов, ребенок, которого окружающие еще «поглаживают», и доживший до 107 лет Савелий — «придурковатый дед» (Н 2, 5, 154). Оба они сближаются по принципу: «Старый что малый, а малый что глупый». В соответствии с этим же принципом оба «вынуты» из народного быта. Гриша еще не вошел в него и чужд ему (он, например, уходит от «вахлаков» в самый интересный и самый ответственный момент их житейски-философского спора (Н 2, 5, 216)). Савелий давно вышел из быта и, столкнувшись с малейшей его потребностью, совершает «грех»: «Заснул старик на солнышке, / Скормил свиньям Демидушку...» (Н 2, 5, 154). «Мой грех — недоглядел!..» — так оценивает его сам Савелий и оставшиеся годы жизни только его и замаливает.

Детали, представляющие Гришу Добросклонова в бытовой обстановке, явно ироничны. Так, знаменитая песня: «Доля народа, / Счастье его...» — распевается в сущности двумя пьяными семинаристами, которые ночью, сами «качаясь», ведут домой упившегося Трифона, «гуляку, кума старость» (Н 2, 5, 188):

Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели...

(Н 2, 5, 224)

Написав другую песню — «Русь», которая в его представлении должна заменить «вахлакам» «Голодную», Гриша прочитал «торжественно / Брату песню новую (брат сказал: «Божественно»)» (Н 2, 5, 235). Неуместная в данном случае «высоко-семинарская» лексика братней оценки создает ситуацию одновременно торжественную и ироническую; автору остается искать между ними своеобразную «равноденствующую»:

Гриша спать попробовал. Спалось не спалось,
Краше прежней песенка в полусне слагалась...

(Н 2, 5, 235)

«Вырванные» из быта Савелий и Гриша оказываются очень похожи и по своим этическим упованиям. Оба они в своих поучениях склонны сопоставлять антиномичные понятия, трансформируя их по типу народных поговорок. Ср. Савелий: «Клейменный, да не раб!..» (Н 2, 5, 142); «Недотерпеть — пропасть, / Перетерпеть — пропасть!..» (Н 2, 5, 143); «Высоко бог, далеко царь...» (Н 2, 5, 161) и т. д. Гриша: «Еще ты в семействе раба, / Но мать уже вольного сына!..» (Н 2, 5, 230—231); «И падал он, и вновь вставал...» (Н 2, 5, 232); «В рабстве спасенное / Сердце свободное...» (Н 2, 5, 233) и т. д. Да и по сути своей пессимистические призывы разуверившегося в жизни Савелия родственны Гришиным наивным упованиям.

Савелий: Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка не сиди!..

(Н 2, 5, 165)

Гриша: а дай, Господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!..

(Н 2, 5, 216)

Вся разница в том, что Гриша исповедует «вольготно-веселый» идеал неведомой ему будущей жизни, а Савелий, разуверившись в возможности что-либо в этой жизни изменить, призывает к «вольготному» безделью при отсутствии какого бы то ни было идеала. В отличие от Гриши он прекрасно понимает, к чему это может привести:

Как вы ни бейтесь, глупые,
 Что на роду написано,
 Того не миновать!
 Мужчинам три дороженьки:
 Кабак, острог да каторга,
 А бабам на Руси
 Три петли: шелку белого,
 Вторая — шелку красного,
 А третья — шелку черного,
 Любую выбирай!..
 В любую полезай!..

(Н 2, 5, 165)

Таким образом, по Некрасову, индивидуальность человека стоит в прямой зависимости от его умения преодолеть возраст. Индивидуальность помещика Оболта-Оболдуева строится именно на том, что ему шестьдесят лет, а он все еще «румяненький», «толстенький», «кругленький» — как младенец. «Житье куда завидное, / Не надо умирать!» (Н 2, 5, 79). Но даже и на смертном одре он останется таким же «румяненьким» духовным младенцем, убежденным в том, что окружающий мир создан исключительно для него, чтобы приносить ему, особо рожденному, житейское и душевное благополучие...

Точно так же индивидуальность Матрены Тимофеевны заключается в том, что эта «баба гладкая» воспринимает окружающий мир с позиций древней, философски относящейся к жизни старухи. Она уже испытала все, что суждено крестьянке. Больше уже ничего не будет. Она уже вполне прониклась призывами Савелия — и потому:

— Старухе, да не пить!

«Возрастные» неувязки в «Кому на Руси жить хорошо» — это вовсе не свидетельство недосмотра или «необработанности» замысла. Это показатель особого отношения поэта к «вечной» проблеме человеческого возраста. Лица, выбившиеся из «круга жизни», своеобразные «исключения» из него, становятся для поэта наиболее показательными именно для представления этого традиционного «круга». И именно «исключения» демонстрируют те жизненные несоответствия, которые, собственно, и становятся предметом художественного исследования Некрасова.

А. В. Чернов

**«ПИР НА ВЕСЬ МИР» НЕКРАСОВА И «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СВЕТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ 1876—1877 ГОДОВ**

Шаткое равновесие, хрупкая устойчивость общественно-политической ситуации 1876—1877 годов, времени, когда завершался жизненный и литературный путь Некрасова, обуславливались многими причинами. Перестройка экономической и политической системы в стране, проводившаяся правительством, вступила в краткую фазу устойчивости. Народническое движение первого этапа потерпело полное поражение, готовились громкие политические процессы по «делу 50-ти» и «делу 193-х». Наиболее радикальная его часть готовилась к изменению тактики — переходу от пропаганды к террору. Не случайно С. М. Степняк-Кравчинский писал позже: «1876 и 1877 годы были самыми мрачными и тяжелыми для русских социалистов. Движение „в народ“ обошлось страшно дорого {...} Но каковы же были результаты всех этих жертв?.. Они были подавляюще ничтожны в сравнении с громадностью затраченных усилий!»¹ Волна массовых демонстраций также явно идет на убыль и к 1878 году стихает полностью. В широчайших слоях общества подспудно, но неотвратимо нарастали настроения, вылившиеся опять же в краткое, но необыкновенно сильное движение в поддержку братьев-славян и приведшее в конечном итоге к русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Война была блистательно выиграна русской армией, но результаты победы были фактически сведены на нет решениями Берлинского конгресса.

Общественный подъем быстро сменяется полным упадком, нарастанием ощущения приближающегося кризиса, катастрофы. Другой современник так описывал общественное самочувствие конца 70-х годов: «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая паника, какая овладела всеми в России в конце 70-х годов и в 80-м. Во всей России все замолкли в клубах, на улицах и на базарах... И как в провинции, так и в Петербурге все ждали чего-то неизвестного, никто не был уверен в завтрашнем дне».²

Как и всякая эпоха кризиса, эпоха 1876—1877 годов содержала в себе как основные тенденции времени наступающего, так и повторение характернейших особенностей времени прошедшего, периода «эмансипации». Устойчивость, хотя и ненадежная, подталкивала к осмыслению происходящего, настоятельно требовала оценки и анализа ситуации. Соотнесение прошлого с настоящим с целью угадать будущее вновь становится стержнем исканий общественной мысли, в том числе и литературной. Поэтому представляется глубоко закономерным, что именно в 1876 г. Н. А. Некрасов возвращается к работе над поэмой, бывшей своеобразной летописью жизни России 60-х годов, а другой гениальный летописец эпохи, Ф. М. Достоевский, возобновляет издание «Дневника писателя». Конечно же, у каждого из них были на то свои причины, но, возможно, и время достаточно явно диктовало свои

¹ Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия // Степняк-Кравчинский С. М. Соч. В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 354.

² Плансон А. Былое и настоящее. СПб., 1905. С. 202. — Цит. по: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 309.

требования. Достоевский так определял задачи своего издания: «Главнейшая цель „Дневника“ пока состояла в том, чтобы по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указать ее, по возможности, в текущих представляющихся фактах».³

Сопоставление восприятия общественной ситуации Ф. М. Достоевским и Н. А. Некрасовым представляет значительный интерес. Сопоставление суждений и оценок, столь различных по взглядам, но близких по остроте восприятия происходящего художниками, сопоставление вопросов, поднятых в «Пире на весь мир» и «Дневнике писателя», позволяют объяснить многие, казалось бы случайные, параллели, возникающие на страницах этих произведений.

Временная стабильность общественной ситуации породила ощущение хрупкого мира с весьма смутными перспективами дальнейшего. Основной формой осмысления происходящего для русской интеллигенции вновь становится спор. Спор на страницах газет и журналов, в самых различных аудиториях, спор по самым, казалось бы, мелким, частным, сиюминутным и преходящим поводам. Спор этот был направлен и в прошлое, и в будущее. С одной стороны, вновь оказывались в центре полемики такие понятия, как «народ», «свобода», «Россия», «путь России», пришедшие из эпохи конца 1850-х—начала 1860-х годов, но значительно модифицировавшиеся. С другой стороны, спор принимал явно гадательный характер, он неизбежно переходил в высказывание предположений о будущем России и народа, будущих формах взаимоотношений народа и интеллигенции, об активном деятеле, герое этого весьма неясного будущего.

Поэтому прежде всего оказывается значительной сама ситуация спора, как доминирующая ситуация 1876—1877 годов. Художественная атмосфера «Пира на весь мир» как бы воспроизводит ее: вся эта часть поэмы строится, во-первых, на мотиве единения — пира, общего подъема; во-вторых, на разделяющих это единение мотивах — спора, разлада, вызванных стремлением увязать прошлое с настоящим и предугадать в итоге будущее.

Пестрота и «разножанровость» споров реальных (от обсуждения решений суда присяжных или дискуссии о спиритических сеансах до важнейших политических решений) обусловили и разножанровость составляющих «Пира на весь мир».

Спор в «Пире...» многогранен, он призван не только показать, как жили вахлаки, но и выяснить, почему они жили именно так. Поэтому закономерен переход от поисков счастливого, от споров о счастье к поискам истоков всеобщего несчастья, оборачивающийся спором о греховности—праведности. Уяснение природы греховности—праведности оказывается принципиально важно. От этого, как интуитивно чувствуют вахлаки, зависит основательность надежд на возможность будущего счастья. Именно поэтому после рассказа о «крестьянском грехе» наступает всеобщее уныние — причины греха не во вне, а внутри, поэтому и несчастливое житье — не несправедливость, а заслуженное воздаяние... Гриша Добросклонов, возвращающий крестьян к «радостному» настоящему, напоминающий им:

Неволя к вам вернулась?
Погонят вас на баршину?
Луга у вас отобраны? (...)
Так что ж переменялось?..

(Н 2, 5, 214)

просто-напросто отвлекает крестьян от проблемы, переводит разговор в другую плоскость:

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!

(Н 2, 5, 215)

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. Л., 1982. Т. 24. С. 61. — Далее указания на это издание даются в тексте: первая цифра — том, вторая — страница.

Этот характерный момент ухода от анализа к тому, что «в рот положено», что провозглашено как некая конечная истина, что снимает ответственность с конкретного человека и переносит ее на объективные обстоятельства, был глубоко почувствован и Достоевским. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год он отмечал: «Нынче у нас момент скорее правдивый, чем рефлекторный. Многие, и, может быть, очень многие, действительно тоскуют и страдают; они в самом деле и серьезнейшим образом порвали все прежние связи и *принуждены* начинать сначала, ибо свету им никто не дает. (...) Так и гибнут свежие силы» (22, с. 81).

Столь же ярко и совпадение в оценке общей ситуации у Некрасова и Достоевского. Весной 1876 года Достоевский анализирует то же внезапно появившееся ощущение близкого социального мира, утвержденного на иных, еще неведомых началах. Ощущение неотвратимости и близости разрешения всех и всяческих проблем: «Кстати, у нас все теперь говорят о мире. Все предрекают мир долгий, всюду видят горизонт ясный, союзы и новые силы» (22, с. 84). Возможно, это же неясное, но сильное ощущение захватило и героя некрасовской поэмы, вылившись в знаменитую песню Гриши Добросклонова:

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином...

(Н 2, 5, 230)

Но в действительности этот мир оказывается иллюзорен. Он раздираем внутренними противоречиями, которые пока принимают форму идейных столкновений, то есть опять же спора. Спор ведется в терминологии 60-х годов. Именно к этому времени относится Некрасовым действие поэмы, он считает нужным особо оговорить это:

В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б не спорили
О русском мужике.

(Н 2, 5, 233)

Россия — загадка, народ — загадка, будущее — весьма гадательно. Поэтому, когда мысли Гриши переносятся «ко всей Руси загадочной», определить ее суть, суть народного характера он может лишь через ряд антиномий:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

(Н 2, 5, 233)

Такой подход — тоже черта времени. «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его — теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь, — рассуждал в это же время Достоевский. — И однако же, народ для нас всех — все еще теория и продолжает стоять загадкой» (22, с. 44). Для преодоления такого нездорового состояния Достоевский призывал «склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако же, все-таки русскими, в чем, впрочем, великая наша заслуга. Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua* pop: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой» (22, с. 45).

Логика некрасовской поэмы здесь также близка логике Достоевского. Отношение народа к своим «захожим странникам» (последние типологически близки к используемому для обозначения того же комплекса представлений Достоевским образу «Четьи-Миней») — одно из доказательств, что душа народа жива: «Еще народу русскому / Пределы не поставлены: / Пред ним широкий путь!» И далее, после

характерного сравнения «души народа русского» с «почвой доброю», тот же призыв: «О, сеятель! приди!»

Потребность в духовном наставнике, пробудителе сознания и сил народных звучит в строках Некрасова явственно. Сложнее однозначно ответить на вопрос: кто же этот сеятель — революционер, реформатор, просветитель? Гриша Добросклонов — «посланец» Руси, «отмеченный печатью дара Божьего», призван идти по «честному пути». К этому «честному пути» призывает «души сильные» ангел милосердия, «незримо пролетающий» над Русью. «Честный путь», «честная дорога» противопоставлены «просторной», «торной» дороге жадной к соблазнам толпы. Это путь духовного подвижничества во имя счастья народного.

Первое, что необходимо преодолеть на этом пути, — разобщение: потребность в движении по праведному пути, казалось бы, всеобщая, но спорен способ движения. И в это время надежда на конечное торжество правды особенно необходима. Надежда не только утешительна, но и конструктивна: она способна дать силы на преодоление раскола. В этом направлении шла мысль и Ф. М. Достоевского. Размышляя о том, сможет ли русский народ избежать очередного «фазиса разврата и лжи», он заключает: «Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительное. Я очень склонен уверовать, что наш народ такая огромность, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут. Вот на это давайте руку; давайте способствовать вместе, каждый „микроскопическим“ своим действием, чтоб дело обошлось прямее и безошибочнее» (22, с. 45). Но в том-то и сложность, что «мы сами-то не умеем тут ничего, а только „любим отечество“, в средствах не согласимся и еще много раз поссоримся; но ведь если уж решено, что мы люди хорошие, то что бы там ни вышло, а дело-то, под конец, наладится. Вот моя вера» (22, с. 45).

Летом 1876 года происходят события, во многом изменившие общественную атмосферу. Движение в поддержку славян, достигшее наибольшего размаха, для многих оказалось свидетельством пробуждающейся силы и самосознания русского народа. Абстрактное понятие «народ» стало приобретать в общественном сознании все более четкие очертания. «Для сознания русского это лето было почти эпохой», — писал Достоевский (23, с. 102). Восторженно принявший народное движение, увидевший в расширении его масштабов несомненное свидетельство неисчерпаемости нравственной силы народа, Достоевский полагал, что именно теперь стала абсолютно ясна ограниченность «старых теоретиков», которые «никогда не знали народа вовсе, да и не находили нужным знать его и с ним знаться». Причем объяснялось это, согласно Достоевскому, причинами скорее объективного, нежели субъективного плана, неспособностью принять систему нравственных ценностей народа и порождаемой этим роковой аберрацией зрения: «Они не то что *извращали факты*, а просто не понимали их совсем, так что много, слишком много раз чистейшее золото народного духа, смысла и глубокого, чистейшего чувства причислялось ими прямо к пошлости, невежеству и тупому народному русскому бессмыслию» (23, с. 124). Некрасов оперирует теми же категориями:

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!
(Н 2, 5, 233—234)

Возникает и мотив праведной жертвы. Движение в защиту славян было понято Достоевским как беспримерное и бескорыстное, порожденное народной «религиозной жаждой пострадать за правое дело». В этом — признак нравственного здоровья народа. «Такой народ, — утверждал Достоевский, — не может внушать опасения за порядок, это народ не беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем не поколебимых правил, народ — любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого» (23, с. 150). Об этом же в близких выражениях говорит Грише его учитель — отец Аполлинарий:

«Издревле Русь спасалась
Народными порывами».
(Народ с Ильёю Муромцем
Сравнил ученый поп).

(Н 2, 5, 233)

С важнейшим вопросом этих лет — «восточным вопросом» — связана и проблема взаимоотношений России и Европы. Трактовка представителями различных общественно-политических течений этого вопроса становилась критерием их отношения к самобытному пути России. При этом оказывались сложно соотнесены коллизии внутриполитической жизни страны и соображения внешнеполитические. Наиболее четкий пример подобного расклада дал М. Н. Катков, который после демонстрации «Земли и воли» в декабре 1876 года на Казанской площади в своем журнальном выступлении прямо связал внутриполитические проблемы с проблемами внешнеполитическими. Выступление «Земли и воли» расценивалось им как следствие «заграничной интриги», цель которой напугать Россию революцией накануне Константинопольской конференции.

Достоевский также полагал, что столкновение России и Европы неизбежно и закономерно. На протяжении всего 1876 года он постоянно обращается в «Дневнике писателя» к этой мысли в уверенности, что для России «роль прорубленного окна в Европу кончилась, и наступает что-то другое, должно наступить по крайней мере» (23, с. 39), должна произойти «новая, уже гораздо более оригинальная встреча с Европой» (там же). «Парадокс», по выражению Достоевского, заключался при этом в том, «что именно самые ярые-то западники наши, именно борцы-то за реформу и становились в то же время отрицателями Европы, становились в ряды крайней левой...» (23, с. 40).

В этом контексте приобретают несколько иной, более глубокий и подчеркнуто злободневный смысл мотивы пробуждающейся Руси, звучащие в «Пире на весь мир»:

Сила народная,
Сила могучая —
Совесь спокойная,
Правда живучая!
Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается...

(Н 2, 5, 234)

Эти некрасовские строки явно перекликаются со строками «Дневника писателя», предшествующими приведенному фрагменту о народе-Илье Муромце. Характеризуя движение 1876 года, Достоевский писал: «Движение почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде *пострадать за правое дело*» (23, с. 150). Жертва, принесенная правому делу как средство и как свидетельство нравственной чистоты народа, — мотив общий у Некрасова и Достоевского. Видимо, явственная переориентация от поисков счастливого к поискам праведного, от мыслей о свободе к мыслям о величии Руси, проявляющаяся в «Пире на весь мир», была прямой реакцией поэта на изменение общественных настроений, на выдвигание новых проблем и вопросов.

Сопоставление «Пира на весь мир» с «Дневником писателя» позволяет увидеть и целый ряд более частных, но не менее злободневных проблем, прямо соотносящих проблематику этой части поэмы с общественной ситуацией 1876—1877 годов. Таковы, например, мотивы несправедного суда и самоубийства. Первый был связан с полемикой, развернувшейся вокруг введения суда присяжных, второй — с усилившейся волной самоубийств. Некрасовский солдат Овсянников — жертва подобного несправедного «суда», его боевые ранения оценены как полученные в драке увечья:

«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. Итого:

На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...»

(Н 2, 5, 223)

На страницах «Дневника писателя» также возникает в связи с шумным процессом по делу Кронеберга мотив несправедливого суда, связанного с подменой сути приговора как воздаяния игрой терминами и маской строгой объективности и бесстрастности. Наибольшее возмущение Достоевского вызывают перечисление нанесенных ребенку ран и попытка доказать их незначительность, содержащиеся в речи адвоката Спасовича.

Волна самоубийств, прокатившаяся по стране, привлекла внимание к сложной природе этого трагического явления, заставила задуматься над его истоками. Самоубийство Якова Верного, избравшего древнейший способ мести смертельному врагу, было вместе с тем и вынужденным свершением смертельного греха. Для Некрасова здесь, так же как и для Достоевского, сопоставившего самоубийство дочери Герцена и смерть молодой швеи, выбросившейся из окна с иконой в руках, важен прежде всего самый сложный комплекс духовных переживаний, связанный с совмещением, казалось бы, несовместимого — страшного греха и христианского смирения. Возможно, что обоих художников влечет загадочный «выбор греха», особая логика религиозной мотивировки действий самоубийцы.

Проследивая воздействие общественно-политической ситуации 1876—1877 годов на проблематику «Пира на весь мир», сопоставляя отдельные мотивы его с мотивами «Дневника писателя», можно увидеть значительную близость двух художников в осмыслении современности, близость, которая является в целом вполне закономерной, поскольку известны не только случаи творческой полемики Некрасова и Достоевского, но и случаи явных переключек в их творчестве.⁴ Известно, как высоко ценил Достоевский творчество Некрасова, как проникновенно писал о выдающейся роли поэта в литературной и общественной жизни России 1840—1870-х годов. Но, возможно, и сам Некрасов был куда ближе к находившемуся в другом политическом лагере Достоевскому, чем это принято считать. По крайней мере та удивительная близость в отборе, оценке, интерпретации явлений русской действительности 70-х годов, выявляющаяся при сравнении «Пира на весь мир» и «Дневника писателя», подталкивает к такому заключению.

⁴ См.: Гин М. М. Достоевский и Некрасов. Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985.

М. В. Теплинский

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЖИЗНЕННОЕ ИЗДАНИЕ ИЗБРАННЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ НЕКРАСОВА

В 1874 году М. М. Стасюлевич предпринял издание серии «Русская библиотека» — сборников избранных произведений русских классиков. Первый выпуск был посвящен Пушкину. Весь доход от него предназначался в помощь голодающим крестьянам Самарской губернии. Стасюлевич хотел привлечь Некрасова к изданию этой книги. Известны письма, которыми они обменялись по этому поводу. У Некрасова были свои резоны, заставившие его отказаться от предложения Стасюлевича — заранее приобрести все издание, внося соответствующую сумму в фонд помощи голодающим еще до выхода книги в свет. Это значило бы, писал он 18 февраля 1874 года, «лишить издание его общественного значения и смысла». Стасюлевич, отвечая Некрасову в тот же день, сообщил, что он один собирается все же внести заранее необходимую сумму. «...Если дело пойдет хорошо, — писал он, — то не соблазнитесь ли Вы после сделать то же с Лермонтовым...»¹

Второй сборник «Русской библиотеки» действительно был посвящен Лермонтову. Неизвестно, принимал ли какое-либо участие в его распространении Некрасов.

Седьмой выпуск того же издания включал в себя произведения самого Некрасова. Судя по всему, переговоры по этому поводу Некрасова и Стасюлевича шли в последние месяцы 1876 года. В начале января следующего 1877 года Стасюлевич переслал (или передал) для поэта подготовленную им своеобразную ведомость, в которую Некрасов должен был вписать названия выбранных произведений для серии «Русская библиотека» по уже опубликованному собранию стихотворений в шести частях. Необходимо было также указать количество страниц из «контрактного издания» (определение Стасюлевича). В особой графе Некрасову надлежало по просьбе издателя проставить год создания каждого избранного стихотворения. Изложив все эти просьбы в письме от 11 января 1877 года, Стасюлевич добавлял: «Из внеконтрактной седьмой книги взято около 2 листов; не мешало бы еще листика два прибавить, так, чтобы новый том „Русской библиотеки“ образовал бы до 200 листов».²

Терминология М. М. Стасюлевича не совсем понятна. Возможно, речь шла о системе оплаты. Не исключено, что за произведения, уже опубликованные в собрании стихотворений, гонорар начислялся по одному условию («контракту»), а стихи из подготавливаемой поэтом седьмой части («внеконтрактные») должны были оплачиваться иначе.

Некрасов действительно в январе 1877 года готовил очередную, седьмую по счету, часть своих стихотворений и советовался по этому поводу с П. А. Ефремовым.³ Однако, как уже установлено в нашем литературоведении, вместо предполагавшейся седьмой части поэт выпустил сборник «Последние песни», место и значение которого

¹ Литературное наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 512—513.

² Там же. С. 514.

³ Письмо А. А. Бугкевич П. А. Ефремову от 26 января 1877 года // Там же. С. 273.

в его творчестве детально раскрыто в работе Г. В. Краснова.⁴ Характерно, впрочем, что ни одно из стихотворений, опубликованных в «Последних песнях», не вошло в издание Стасюлевича. Очевидно, Некрасов не захотел публиковать свои новейшие произведения в двух сборниках, выходявших практически одновременно.

«Последние песни» были отпечатаны в конце марта и получили цензурное разрешение 2 апреля 1877 года. Стасюлевич знал уже о выходе этой книги и учитывал ее в своем сборнике, который появился в продаже несколькими неделями позже. Биография Некрасова, опубликованная в «Русской библиотеке», заканчивалась такими словами: «Последнее полное собрание стихотворений Некрасова вышло в 1873—1874 годах и составило шесть частей в трех томах; в нынешнем году к этому собранию присоединилась, в виде дополнения, особая книга под заглавием: „Последние песни Н. А. Некрасова 1874—1877 годов”».

Таким образом, последним прижизненным сборником Некрасова является издание Стасюлевича, что и определяет его особое значение. Во-первых, это в полном смысле слова избранные стихотворения, причем отбор был осуществлен самим автором. Во-вторых, сборник носил подчеркнутый итоговый характер и призван был дать представление о всем творческом пути Некрасова-поэта. В-третьих, в отличие от собрания его стихотворений в шести частях здесь стихотворения располагались в хронологическом порядке (с последовательным указанием дат). Седьмой сборник «Русской библиотеки» мог бы поэтому служить своеобразным ориентиром и для современных изданий «Избранных стихотворений» Некрасова.

Издание М. М. Стасюлевича представляет несомненный интерес и в текстологическом отношении. Это обстоятельство во всегда учитывалось в новейшем «Полном собрании сочинений и писем» Некрасова.

В 1-м томе академического издания ссылки на сборник 1877 года даются достаточно последовательно, но в последующих томах они встречаются значительно реже. Между тем при решении достаточно сложного вопроса, например о датировке ряда стихотворений Некрасова, обращение к VII выпуску «Русской библиотеки» было бы далеко не лишним.

Как известно, экземпляр сочинений Некрасова с его пометками и датами, которыми пользовался С. И. Пономарев при подготовке первого посмертного издания стихотворений Некрасова (в 4 томах), до нас не дошел. Мы обычно ориентируемся на сведения, которые содержатся в комментариях С. И. Пономарева. Но в нашем распоряжении есть сборник «Русской библиотеки», где даты заведомо были поставлены самим поэтом. Я полагаю, что в ряде случаев (при отсутствии дополнительных документальных данных) предпочтение надо дать тем датам, которые зафиксированы в последнем прижизненном издании избранных стихотворений Некрасова.

Правда, там попадаются даты неточные. Например, «Плач детей» там датируется 1861 годом — по времени публикации, а не годом создания — 1860-м. И отрывки из поэмы «Современники» также обозначены годом публикации (1876), хотя Некрасов не мог не помнить, что поэма была им написана летом 1875 года. Явная ошибка допущена в датировке «Трех элегий» (1875), хотя непонятно, почему автор забыл, что они вошли в «Складчину», вышедшую в 1874 году. Есть и другие случаи неточных датировок в «Русской библиотеке», но их исправление всегда должно быть строго аргументировано, как это и сделано в академическом издании при установлении времени создания «Несжатой полосы» или «В больнице», но, к сожалению, не во всех случаях.

С другой стороны, датировки, содержащиеся в комментариях С. И. Пономарева, не в меньшей степени требуют критической проверки. Так, «Замолчки, Муза мести и печали...» и в «Русской библиотеке», и в посмертном издании датируется 1856 годом, на самом же деле стихотворение написано в 1855 году. «Забывтая деревня» в тех же изданиях отнесена к 1856 году. Сегодня принята иная дата — 1855 год, установленная по месту автографа в записной книжке поэта. Стихотворение «Я сегодня так грустно настроен...» в «Русской библиотеке» отнесено к 1856 году, в посмертном издании — к 1854 году, а на самом деле оно написано в 1855 году,

⁴ Краснов Г. В. Последние песни Н. Некрасова. М., 1981.

как о том свидетельствует переписка современников. Такая аргументация понятна и убедительна.

Однако не следует забывать, что в ряде случаев сохранившиеся автографы, показания современников подтверждают большую достоверность и датировок «Русской библиотеки». Именно там, а не в посмертном издании точнее указан год создания стихотворений «Внимая ужасам войны...» (1855-й, а не 1854-й), «В деревне» (1854-й, а не 1853-й), «Муза» (1852-й, а не 1851-й), «Я посетил твоё кладбище...» (1856-й, а не 1849-й). Поэтому следовало бы больше верить сведениям из «Русской библиотеки» или же убедительно опровергать даты, которые там указываются.

Стихотворение «Калистрат» датируется в последнем прижизненном сборнике Некрасова 1861 годом. Правда, в автографе есть пометка: «5 июня», но год не указан. Откуда возникла в академическом издании дата 5 июня 1863 года? Аргументация отсутствует.

«В полном разгаре страда деревенская...» в «Русской библиотеке» датируется 1861 годом. В новейших комментариях сказано: «...так как Некрасов читал это стихотворение вместе со стихотворениями „Зеленый шум” и „Что думает старуха” в зале Бенардаки в январе 1863 г., очевидно (?), они написаны в конце 1862 или начале 1863 г.» (Н 2, 2, 387). Аргумент все же довольно слабый.

«Тройка» в «Русской библиотеке» датируется 1845 годом, в посмертном издании — 1846 годом. В академическом издании принят 1846 год, учитывая год первой публикации — 1847-й. Может ли это обстоятельство само по себе (без дополнительных аргументов) быть убедительным при установлении времени создания произведения? Аналогичный пример связан со стихотворением «Так это шутка? Милая моя...». В «Русской библиотеке» оно датируется 1852 годом, но в академическом издании принята другая дата — по посмертному изданию и в связи со временем первой публикации.

«Застенчивость» в «Русской библиотеке» обозначена 1853 годом, С. И. Пономарев указал другую дату — 1852 год. В академическом издании принята дата Пономарева без каких бы то ни было дополнительных доказательств. Непонятно, в силу каких причин комментарии С. И. Пономарева признаются более авторитетными, чем указания, содержащиеся в последнем прижизненном сборнике Некрасова, хотя доподлинно известно, что сам поэт в специальной «ведомости» представлял по просьбе Стасюлевича годы создания каждого стихотворения. Естественно, ему случалось и ошибаться, но в каждом отдельном случае такая ошибка должна быть опровергнута с помощью достаточно убедительных аргументов. Сведения о датах, сообщаемые в комментариях С. И. Пономарева, сами по себе доказательной силы не имеют.

Седьмой выпуск «Русской библиотеки» интересен также и тем, что по сравнению с другими изданиями в нем есть существенные отличия в названиях нескольких некрасовских стихотворений. В связи с этим чрезвычайно показательно, что только на основании «Русской библиотеки» в академическом издании принято название стихотворения: «Памяти Белинского», и сделано это несмотря на наличие белого автографа с другим названием: «Памяти приятеля» и всех иных прижизненных изданий с тем же названием. Следовательно, в данном случае авторитет «Русской библиотеки» был признан достаточно высоким. Жаль, что такой подход не был осуществлен более последовательно и в установлении ряда датировок (о чем речь шла выше) и названий некоторых других стихотворений Некрасова.

Можно поставить, в частности, вопрос о том, что стихотворение, которое печатается сейчас под названием «Умру я скоро...», следует озаглавить по образцу публикации в «Русской библиотеке»: «Неизвестному другу». Такое заглавие точно передавало бы замысел поэта и сразу же помогло бы читателю ориентироваться в диалогической структуре стихотворения. Впрочем, в последнем прижизненном сборнике полный текст заглавия звучит несколько иначе: «Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение „Не может быть”». Следует заметить, что это не традиционное посвящение, которое обычно печатается справа от основного текста и, как правило, более мелким шрифтом. В «Русской библиотеке» процитированные выше слова напечатаны как заглавие. Допускаю, что в качестве заглавия фраза звучит тяжеловато, хотя в функции текстологии не входит правка авторского

текста. В крайнем случае можно было бы воспользоваться формулировкой, данной в оглавлении сборника 1877 года: «Неизвестному другу».

В оглавлении того же издания стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» названо: «В день смерти Гоголя». Может быть, так и надо сохранить? Не случайно же в «Русской библиотеке» два стихотворения помещены рядом: «Памяти Белинского» (в скобках указана дата смерти критика — 26 мая 1848 года, это тоже надо сохранить) и «В день смерти Гоголя» с точной датой: 21 февраля 1852 года. Попутно замечу, что если только на основании «Русской библиотеки» изменено заглавие («Памяти Белинского» вместо «Памяти приятеля»), то надо быть последовательным и принять дату этого стихотворения, указанную там же, — 1851 год, а не 1853 год, как это делается сейчас в соответствии с указанием С. И. Пономарева.

В любом случае VII выпуск «Русской библиотеки» заслуживает более внимательного отношения к себе при решении сложных текстологических вопросов, возникающих в связи с изданием стихотворений Некрасова.

А. М. Крупышев

СВОЕОБРАЗИЕ НЕКРАСОВА-КРИТИКА

Литературная критика Некрасова охватывает два десятилетия — 40-х и 50-х годов XIX века. Первое десятилетие для Некрасова было связано с влиянием и усвоением идей В. Г. Белинского, с организаторской деятельностью внутри «натуральной школы». Второе десятилетие можно рассматривать как время осмысления эстетических проблем развития новой демократической литературы. Соответственно этому складывалась литературная критика Некрасова.

В литературе о Некрасове существует ряд общепризнанных положений: в первые годы критической деятельности «Некрасов-критик не только не был слепым подражателем Белинского, но в полной мере сохранял свою самостоятельность и оригинальность».¹ «Некрасов-критик опережал Некрасова-поэта».² «Некрасов-критик был своеобразным связующим звеном, обеспечивающим в русской критике преемственность революционно-демократической традиции после смерти Белинского и до выхода на литературно-журнальную арену Чернышевского, а позднее Добролюбова».³ «Критика Некрасова не только сопутствовала критике Белинского или Чернышевского, но и как бы компенсировала некоторые аспекты их критической деятельности, компенсировала ряд односторонностей, характерных для их критической работы, иногда оказывала на нее и прямое влияние».⁴ Обращается внимание и на «эстетический универсализм» некрасовского критического подхода к оценке литературных произведений.

Сопоставляя критику Некрасова с критической работой Белинского и Чернышевского, исследователи справедливо отмечают, что критические статьи Некрасова в отличие от статей Чернышевского и Белинского менее теоретичны. Нередко приводятся одобрительные оценки Белинского и Чернышевского о критике Некрасова. Критическая деятельность Некрасова рассматривается как разновидность революционно-демократической или реальной критики. Между тем своеобразие критических принципов Некрасова до сих пор по существу мало исследовано. Остановимся на некоторых наблюдениях. В частности, представляется уместным рассмотреть принципы отбора Некрасовым-критиком литературных фактов, пути их осмысления и конкретные оценки, даваемые тем или иным произведениям.

Замечательной особенностью литературно-критической деятельности Некрасова явилось то, что с начала 40-х годов (когда он становится критиком «Литературной газеты», «Пантеона русского и всех европейских театров» и проходит стадию литературного ученичества) в его работе отчетливо проявляется умение видеть литературное движение изнутри, со стороны его реальных фактов. Далеко не все созданное им в критике 40-х годов отмечено серьезностью и глубиной анализа. Но сама эта позиция — фиксировать и оценивать не только вершинные достижения литературы, но и различные произведения так называемого литературного потока, в том числе и произведения массовой литературы, не только давать оценки творениям признанных поэтов и писателей, но и анализировать произведения профессиональных

¹ Твердохлебов И. Ю. Некрасов-критик // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 489.

² Кулешов В. И. История русской критики. М., 1978. С. 184; ср. также: Лаврецкий А. Литературно-эстетические взгляды Некрасова // Литературное наследство. Т. 49—50. С. 47—90.

³ Скотов Н. Н. Н. А. Некрасов — литературный критик // Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин: Избранные статьи. М., 1982. С. 5.

⁴ Там же. С. 8.

литераторов, отбирать все мало-мальски дельное в литературе, замечать второстепенное — не только не изменится, но будет развиваться и во всей последующей критической деятельности Некрасова.

Давно отмечено, что статьям Некрасова с самого начала были присущи беллетризация, фельетонность, пересказ, пародирование. Пародия предполагает не простую беллетризацию, а беллетризацию стилизованную, где критик взрывает творение автора изнутри созданной им художественной системы. Рецензий, построенных подобным образом, множество: «Человек с высшим взглядом, или Как выйти в люди» (1842), стихотворение «Привет русскому патриоту» в рецензии «Русский патриот. Отечественное песнопение» (1842), «Пять стихотворений Н. Ступина. В пользу нуждающихся соотечественников» (1842), элементы пародии мы находим в рецензиях «Куз(ь)ма Петрович(ь) Миросhev. Русская быль времен Екатерины II. В 4-х частях. Сочинение М. Загоскина» (1842), «Драматические сочинения Н. А. Полевого» (1842) и многих других. Н. А. Некрасов использует пародирование в критике этого периода для борьбы с эпигонским романтизмом и дидактическим схематизмом в литературе. В большинстве рецензий и статей уже в этот начальный период формируется определенная творческая манера в литературной критике Некрасова. Некрасов предпочитает всякому теоретизированию в своих работах умение встать на позицию рецензируемого автора, а затем определить к нему свое отношение. В данном случае Некрасов поступает как художник, а не как критик-теоретик. Он как бы признает право другого художника заявлять о себе на том уровне художественности, который определяется его дарованием, а уж затем дает свою оценку.

Вместе с тенденцией, связанной с оценкой кризисных явлений романтизма, в критике Некрасова в 40-е годы развивалась другая тенденция, обусловленная развитием «натуральной школы». Отмечая разностильность прозаических сочинений Некрасова этого периода, авторы комментария к академическому изданию собрания сочинений поэта пишут, что «зачастую главы из романа становились самостоятельным произведением», как это произошло с «Петербуржскими углами» и «Необыкновенным завтраком», анекдот переливался в драматическую форму, а затем вставлялся в роман как диалогическая оценка, «(...) отступления от основного сюжета приобретали характер самостоятельных зарисовок в духе физиологического очерка» (Н 2, 7, 532). И в критических работах писателя этого периода присутствует своеобразное вторжение материала, выработанного в практике «натуральной школы». Это, как правило, отдельные беллетризованные части критических статей, физиологические описания природы, жизни русской провинции, деталей народного быта и т. п. Сама манера эссеизма критических статей Некрасова в 40-е годы принимает характер, подчас близкий к формирующейся традиции раздумий и умозаключений, распространенных в прозе «натуральной школы». Обратимся к ряду примеров.

В этой связи особенно характерна статья «Физиология Петербурга», написанная в 1845 году. В ней наглядно проявились некоторые важные принципы критической деятельности Некрасова. Здесь не только раскрывается программа школы, ее цели и задачи, отношение к современной действительности, но и как бы подтверждается эстетическая приверженность самого критика стилю «натуральной школы», демократичности ее языка, доступности и простоте оборотов речи, лишенной изысканности или литературности. Пропагандируя идеал деятельного добра, Некрасов с поразительным мастерством избегает всякой отвлеченности при разговоре о возвышенных целях литературы. Строй высоких понятий сопряжен с практическими задачами литературы, понятными каждому. Во взгляде на современное развитие литературы Некрасов исходит из принципов «натуральной школы», достоинство которой он видит в обращенности к социальным явлениям русской жизни, к изучению повседневного быта различных демократических сословий.

«Физиология Петербурга» — это «книга, где пляшут перед вами в русском хороводе, в самой пестрой смеси, юмор с истиною, веселость с грустью, ум с шалостью, остроумная наблюдательность с горькой насмешкой (...) книга (...) которой цель — раскрыть все тайны нашей общественной жизни, все пружины радостных и печальных сцен нашего домашнего быта, все источники наших уличных явлений; ход и направление нашего гражданского и нравственного образования; характер и метод наших наслаждений; типические свойства всех разрядов нашего народонаселения и,

наконец, все особенности Петербурга, как города, как порта, как столицы, как крайнего рубежа Руси, как „окна в Европу!“» (Н 2, 11, 186). По своему лексическому составу этот текст нейтрален. Здесь ясно и просто дано описание существа нового направления в литературе, раскрыты его нравственные и общественные задачи.

Во втором абзаце текст усложняется. Основу его составляет как бы уже высказанная идея. Но дается она в беллетризованном варианте. При этом Некрасов избирает беллетризацию как раз в духе прозы «натуральной школы». «Добро пожаловать, книга умная, предпринятая с умною и полезною целью! Ты возложила на себя обязанность трудную, щекотливую, даже в некотором отношении опасную... Ты должна открывать тайны, подсмотренные в замочную скважину, подмеченные из-за угла, схваченные врасплох; на то ты и физиология, то есть история внутренней жизни нашей, глубокой и темной, прикрытой мишурой и блестящими, замаскированной роскошными фасадами, вкусными обедами, наружной чистотой и блеском, отражающими и преломляющими луч истины, который нахально хочет проникнуть в ее тайную внутренность! Твои зонды, милая книга, должны быть очень subtilны и прочны, твой взгляд — очень наблюдателен и дальновиден, твое чувство — очень верно и неизменно; твой юмор — меток и не желчен; факультет твоих литераторов должен действовать очень единодушно, по общему направлению, к одной неизменной цели!» (Н 2, 11, 187).

Сама манера беллетризации в данном случае у Некрасова содержит в себе черты физиологического описания, т. е. разложения целого на многосоставные существенные элементы с описанием наличествующих между ними связей. В итоге вся первая часть рецензии Некрасова воспринимается как своеобразная критическая физиология. Тесное взаимодействие литературной практики, являющейся объектом критического рассмотрения и литературной критики, придавало особую убедительность работе Некрасова-критика. Этот метод использования поэтики «натуральной школы» в критических работах весьма характерен для Некрасова особенно середины 40-х годов. Обратимся к другой статье, посвященной разбору и оценке сочинения В. А. Соллогуба «Тарантас». Она начинается с описания весенней провинциальной скуки, поразившей семейство деревенского помещика, когда все дороги, связывающие имения, размыты, когда все «деревенские жители» — «затворники собственных своих домов» (Н 2, 11, 195). Многократно повторяемое слово «скучно» определяет основную тональность повествования. Весенняя скука — в данном случае не столько сезонное явление русской провинции, сколько состояние общества, живущего «во глубине России». Мотив скуки в творчестве Некрасова многоплановый и сквозной. В разные периоды он наполнялся различным содержанием, но при этом всегда имел социальную направленность. «Путевые впечатления» Соллогуба в контексте «физиологической» картинки в статье Некрасова как явление культуры противопоставлены провинциальной ограниченности, с одной стороны, и «нравоописательной» литературе — с другой. «Тарантас» собирает за одним столом скучающее семейство провинциального помещика, и в каждом из его членов пробуждаются самые лучшие и здоровые чувства. Жизнь словно всколыхнулась, пробудилась в каждом из них. Этого не могли сделать «близорукие нравоописатели». Некрасов не развлекает читателя, когда рисует картину необычайного успеха «Тарантаса» в семействе помещика. Он в ней словно реализует еще неясно сознаваемую мечту, которая осуществится в его поэмах, — о создании литературы для народа, о том, чтобы всякое значительное произведение художественной литературы становилось событием в духовной жизни русского общества. Не эта ли устремленность желания будущего великого поэта предчувствуется в изображаемой в статье оценке? «Какая радость для всего семейства! На целую неделю, на целый месяц есть что читать, рассматривать, есть о чем говорить, спорить... Исчезли с лиц уныние и сонная апатия; не слышно тех бесконечных и беспрестанных ссор с дворнею, к которым иногда прибегают иные, впрочем, очень добрые господа и барыни для сокращения осенней и весенней скуки... „Тарантас“, „тарантас“, „тарантас“ — это слово слышите вы ежеминутно на всех устах; охотник пошутить, старый помещик, называет этим именем все, что попадет к нему на глаза; он даже кличет им своего расторопного, вертлявого казачка (...) Маленькая Соня, рассердившись на своего шаловливого брата, кричит на него, восхитительно надув губки: „Ах ты, тарантас!“ (...) Взрослая

барышня, Александра Егоровна, уже успела проглотить „Тарантас“, что называется, от доски до доски, прочла и в другой раз, тысячу раз пересмотрела картинки, много посмеялась, немножко поплакала (...) И вот она запирается в свою комнату, берет бумагу и пишет, пишет письмо к пансионской подруге своей...» (Н 2, 11, 197—198). В начале своей рецензии путем этого «вымышленного» повествования Некрасов дает высшую оценку повести Соллогуба: «Тарантас» отразил важнейшую общественную потребность — русский читатель увидел и узнал в героях произведения самих себя и своих знакомых. Он им обрадовался, выразил к ним свое отношение. Общественное самосознание поднялось на какую-то, пусть маленькую ступеньку. Теперь, наблюдая в жизни факты и события, подобные описанным в повести Соллогуба, читатели будут узнавать их, говоря, что это точь-в-точь, как в «Тарантасе». Повесть Соллогуба стала событием русской духовной жизни общества от столицы, где она и появилась на свет, до провинции. После такой похвалы уж никакой разбор нестрашен. Да и читатель узнал в картинке, нарисованной Некрасовым, много знакомого. А самое главное, что он согласен с критиком в оценке атмосферы ожидания и появления такой книги, как «Тарантас», теснейшим образом связанной с новым направлением в литературе — реализмом.

Не менее яркий пример использования элементов поэтики физиологического очерка в литературной критике Некрасова ощутим в рецензии на три произведения: поэму Н. В. Сушкова «Москва», сочинение Д. Минаева «Слава о „Вещем Олеге“» и литовскую поэму из народных поверий «Страшный гость». В ней создан физиологический портрет «идеальных юношей», поэтов эпигонского романтизма, которые в 20—30-е годы встречались «на каждом шагу», а теперь перевелись. «Племя было многочисленное и самоотличное, и от него-то вели свой род покойные русские поэты. Идеальные юноши отличались презрением к земле, на которой, по их словам, было тесно и душно, и рвались все туда... куда? — тайна, которую унесли они с собою» (Н 1, 11, 8). Обобщенный портрет «идеальных юношей» необходим Некрасову для того, чтобы начать разговор об эпигонском романтизме, который давно потерял читателя. Однако беда в том, что современный читатель, охладев к романтизму, сделался «равнодушен к стихам». Ведь романтизм, эпигонский в особенности, проявлял себя как раз в стихах. Некрасову важно разделить сформировавшееся в сознании не очень искушенных читателей отождествление «романтизма» и поэзии. И он успешно это делает, проведя «физиологическое» исследование эволюции «идеальных юношей», их быта, любви и дружбы, их поэзии и прозы, семейной жизни. Некрасов показывает, что «идеальные юноши», объявив «стихи и вообще всю литературу школьными бреднями», в конце концов становятся обыкновенными чиновниками, сохранив дилетантское отношение к литературе, помноженное на чиновничью непререкаемость в суждениях о ней. В этой рецензии Некрасов, впрочем, как бы проговаривается об определении жанра своих беллетризованных отступлений в его критических статьях. Замечая, что «идеальные юноши» «делаются чиновниками», становясь при этом людьми самых благонамеренных правил, он пишет: «Если б мы писали физиологию такого рода чиновников, то следовало бы еще заметить...» (Н 2, 11, 13). И далее идет рассказ об отношении «бывших поэтов» к «новой литературе» в добавление ко всему ранее сказанному, не отличающийся от предшествующего описания ни по стилю, ни по сути. Такая оговорка является прямым подтверждением того, что сам критик отлично сознал художественное родство своего беллетризованного описания с «физиологией».

Заканчивается жизнеописание «покойных русских поэтов» анекдотом об одном помещике, который потихоньку спивается в своей провинции, но спивается весьма изобретательно, как бывший поэт, развившийся из «идеального юноши». Социальный анекдот — тоже одна из примет прозы «натуральной школы», в том числе и особенно прозы самого Некрасова 40-х годов («Жизнь и похождения Тихона Тростникова»).

В рецензии «Путевые заметки» Некрасов дает оценку рассказу «Гувернантка» писательницы А. Я. Марченко (псевдоним — «Т. Ч.»). Некрасова не устраивает в этом рассказе случайность, на основе которой строится любовная коллизия. Он видит в том ошибку писательницы. «...Случайность (...) никогда не возвысится до единства. Миллион лиц, набросанных на полотне без необходимой между ними

связи, не составит группы» (Н 2, 11, 30). «Гувернантка» — дебют в литературе начинающей писательницы, да и сама тема — эмансипация женщины — вызвала сочувствие критика. Он обращается к своеобразному очерку, предваряющему критический разбор, в котором дается социально-психологическая физиология «участи женщины», называющейся гувернанткой.

Приводимые примеры представляют собой не просто беллетризацию критического текста. В каждой из беллетризованных частей названных критических статей есть герой или предмет описания (книга, жизнь семьи провинциального помещика, участь «идеальных юношей», судьба гувернантки), есть намерение автора представить этот предмет или героя со всех возможных и существенных сторон и есть постоянство взаимосвязи социальных, психологических и эстетических критериев. Все эти особенности сближают критические опыты Некрасова с физиологическим очерком, распространенным в литературе «натуральной школы».

«Заметки о журналах» — итог литературно-критической деятельности Некрасова. В них наиболее отчетливо выражены главные принципы его критической работы. «Заметки о журналах» обращены к текущему литературному процессу. На это особо указывается в первом обзоре «за июль месяц 1855 года». «Спешим оговориться, — пишет Некрасов, — что под словом „литература“ мы разумеем на этот раз преимущественно беллетристику и то, что присоединяют к ней журналы, взявшие на себя поставку чтения на русскую публику» (Н 2, 11, 141). В начале обозрения Некрасов подчеркнуто прокламирует позицию массового читателя, смотрит на современное развитие литературы с точки зрения его потребностей, в то же время как бы предсказывая и формируя их. «Заметки о журналах» направлены против литературы «мрачного семилетия». Некрасов критикует ее за измельчание, связанное не с отсутствием дарований, а с равнодушием, утратой ею воспитательного и гражданского значения. Уже отмечалось, что «Заметки о журналах», в особенности первый обзор, перекликаются по мысли с одновременно писавшимся стихотворением «Поэт и гражданин».⁵ Комментируя это программное стихотворение, Некрасов прибегает к обширной цитате из работы, казалось бы, не имеющей прямого отношения к литературе. Приводя обширную цитату из «компиляции г. Лукина», о значении чувства гражданственности в формировании личности, Некрасов дает самую высокую оценку этому своеобразному манифесту. «Вот голос, какого мы давно не слышали в наших рецензиях и фельетонах и который желали бы слышать в них как можно чаще (...) Кто бы ни был автор приведенных строк, даровит или не даровит окажется он впоследствии, — мы рекомендуем его настоящую рецензию в образец нашим фельетонистам и рецензентам», — обращается Некрасов ко всем русским литераторам (Н 2, 11, 145—146). В развитии своих мыслей о неизбежности литературы нового общественного подъема он опирается не на авторитет того или иного маститого писателя современности, а на все «здоровое, дельное и благородное», что высказывалось в журнальных статьях и художественных произведениях литераторов, разных, подчас несопоставимых по масштабу своих дарований. «Растолковывайте нам наши обязанности человеческие и гражданские, — мы еще так смутно их понимаем; расширяйте в большинстве массу здравых, дельных и благородных понятий, — вам будет прощен недостаток таланта. „Таланты от бога“, — говорит пословица, и, может быть, читатель не вправе требовать таланта от всякого журнального рецензента или фельетониста, но он вправе надеяться, что встретит в каждом журнальном деятеле человека, благородно мыслящего и чувствующего», — призывает Некрасов (Н 2, 11, 146).

Концепция литературного подъема у Некрасова включала в себя и заботу о «легкой», или массовой, литературе. В «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» ставится проблема нравственного значения «легкой литературы» (Н 2, 11, 177). Некрасов решительно восстает против пренебрежения к этой проблеме со стороны журналов, а также и против «всеперпящего равнодушия, апатии и неопределенности воззрений авторов» подобной литературы в отношении тех явлений действительности, о которых «не должно быть двух разноречивых мнений» (Н 2, 11, 178). Он

⁵ См., например: Н 1, 9, 748—749. Комментарий А. Я. Максимовича и М. М. Гина; Гин М. М. От факта к образу и сюжету. М., 1982. С. 117.

убедительно показывает, что позиция писателя, малодушно отходящего в сторону от нравственных вопросов и предоставляющего читателю самому решать, хорошо или худо то или другое явление, не достойна литературы вообще. Потому что «какова бы ни была собственно русская литература и теперешняя ее деятельность, — пишет Некрасов, — не забудем, что она во всей своей массе служит представительницею умственной жизни народа» (Н 2, 11₂, 179). Такая требовательность Некрасова-критика к журнальной литературе во всех ее разновидностях была продиктована заботой о нравственном воспитании массового читателя в среде разночинной интеллигенции, о всех тех, кто «с университетской или с другой учебной скамейки унесли с собою в отдаленные и разнообразные пределы отечества большую или меньшую частицу любви к науке и литературе, уважения и доверия к умственному труду» (Н 2, 11₂, 179).

По мере развития литературной критики Некрасова все более настойчиво заявляла о себе другая, не менее существенная ее черта — забота о воплощении в литературе идеала. В своих «Заметках» Некрасов многократно варьирует мысль о значении человеческого идеала и наконец формулирует ее в почти афористической форме: «Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных или сомнительных явлениях. Во что бы то ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она должна ни на шаг не отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала — идеала добра, света и истины!» (Н 2, 11₂, 178).

Просветительские тенденции формируются в литературной критике Некрасова в течение достаточно длительного периода. Несомненно, они обусловлены процессом становления его как поэта.⁶ Уже в своем критическом шедевре «Русские второстепенные поэты» (1850) в рассуждении о двух эпохах литературы — эпохи «положительной» и эпохи «литературного бескорыстия» — Некрасов, утверждая, что «потребность стихов в читателях существует несомненно» (Н 2, 11₂, 35), косвенно связывает значение поэзии как раз с противодействием прагматизму так называемой «положительной» эпохи. Более определенно подобная мысль выражена в статье «Дамский альбом» (1854). «...В душе каждого человека есть клапан, открывающийся только поэзией (...) клапан зарастет наглухо, и тогда не отворите его — явись хоть второй Пушкин!» (Н 2, 11₂, 101).

Более определенно о необходимости веры в идеал говорится в рецензии «Стихотворения Я. П. Полонского» (1855). «Любовь к истине, превосходящая всякую другую любовь, вера в идеал как в нечто возможное и достижимое, наконец, живое понимание благородных стремлений своего времени, и если не прямое служение им, то по крайней мере уважение и сочувствие к ним — вот что спасает талант от постигающей его нередко апатии и других спутников упадка» (Н 2, 11₂, 136).

Сопоставляя (в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года») романы Диккенса («Тяжелые времена», опубликованный в «Современнике» и с сокращениями в «Библиотеке для чтения») и Жорж Санд («Лора» — в «Библиотеке для чтения»), Некрасов отдает предпочтение последнему, хотя, по его словам, «роман Диккенса превосходен», а «роман Жоржа Санда не более как посредствен» (Н 2, 11₂, 147). Дело в том, что в произведении Диккенса «во всем и везде — практичность, осязаемая польза, доказательство фактическое. Это в своем роде прекрасно и дельно, — замечает Некрасов, — но есть нечто неотразимо обаятельное в том вольном, безотчетном и бескорыстном стремлении к идеалу, неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному, — стремлении, которым проникнут (...) роман французской писательницы!» (Н 2, 11₂, 147—148). В «идеальной стороне человека» критик и поэт призывает видеть «не подспорье его материальному благу, но условие для его человеческого существования!» (там же).

Некрасовское содержание гуманистического идеала не отвлеченно. В «Заметках о журналах» оно все более конкретизируется и проясняется в плане гражданской направленности. «Нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни», — пишет Некрасов (Н 2, 11₂, 151). Некрасовская программа «возвышения человека» до уровня гражданина в его литературной

⁶ См.: Скотов Н. Н. Указ. соч. С. 13.

критике отличается отчетливым демократизмом. Называя имена русского хирурга Пирогова, ученого Грановского. Гоголя, Пушкина, Некрасов проводит мысль о доступности их судеб для извлечения деятельного урока любому человеку, желающему трудом принести благо своему отечеству. «Между современными литераторами нет Пушкиных и Гоголей, но настоящий факт не служит ли ручательством, что всякая деятельность, отмеченная стремлением к добру и правде, любовью к отечеству, к его благоденствию, славе и просвещению, не будет забыта (...) Правдивое признание заслуг, честь и благодарность ожидают всякого совестливого труженика мысли» (Н 2, 11, 181—182).

Гуманистический идеал в литературной критике Некрасова претворяется в мысли о деятельном служении выдающихся личностей современности на благо своему отечеству. Приводимые им примеры из жизни выдающихся деятелей эпохи обращены к каждой мыслящей личности независимо от меры ее талантливости и природной одаренности. Судьбы великих людей так интерпретированы Некрасовым в его «Заметках», что вызывают у читателя не только чувство восхищения, но и стремление к подражанию. С уважением отзываясь о статье Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе», рассказывающей о подвижничестве замечательного хирурга Пирогова, Некрасов воспитывает в читателе убеждение, «что всякая личность, отмеченная печатью гения, в то же время соединяет в себе высочайшее развитие лучших свойств человеческой природы». Жизнь Пирогова — «это подвиг не только медика, но и человека (...) Зато и нет солдата под Севастополем (...) нет солдатки или матроски, которая не благословляла бы имени г. Пирогова и не учила бы своего ребенка произносить это имя с благоговением. Пройдет война, и эти матросы, солдаты, женщины и дети разнесут имя Пирогова по всем концам России, оно залетит туда, куда не заглядывала ни одна русская популярность» (Н 2, 11, 159). Обращаясь к статьям, посвященным памяти Т. Н. Грановского, Некрасов говорит о значении его для своего времени как «человека общественного» (Н 2, 11, 188). Под критическим пером Некрасова предстает образ рыцаря науки, горячего патриота, жизнь которого оставила глубокий след в памяти современников.

В центре литературно-критических размышлений Некрасова, автора «Заметок о журналах», имена Пушкина и Гоголя. К Пушкину Некрасов обращается в связи с деятельностью П. В. Анненкова — издателя и биографа поэта, к Гоголю — по причине выхода посмертного собрания его сочинений. Споря с К. Полевым о значении творчества Пушкина,⁷ Некрасов создает психологический портрет личности поэта, как бы продолжая дело, начатое Гоголем («Несколько слов о Пушкине») и Белинским. Этот портрет адресован молодежи. Великому поэту были присущи высокие и благородные и в то же время доступные для любого мыслящего человека свойства личности: «...глубокая любовь к искусству, серьезная и страстная преданность своему призванию, добросовестное, неутомимое и, так сказать, стыдливое трудолюбие, о котором (...) узнали только спустя много лет после его смерти (...) жадное, постоянно им управлявшее стремление к просвещению своей родины». «...Поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант, то идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу, славе отечества!» — завершает Некрасов разговор о Пушкине (Н 2, 11, 214).

В полемике с А. Ф. Писемским Некрасов-критик горячо отстаивает значение лиризма Гоголя как первоосновного свойства его творчества. Некрасов дальновидно переводит разговор от обсуждения «утопии» Гоголя, выразившейся в его лирических отступлениях, о чем в свое время писал Белинский, к продуктивным свойствам лиризма, отразившего в себе любовь писателя к своему народу, его подвижническое стремление пером своим принести немедленное благо отечеству. Именно эти черты личности Гоголя и его творчества были близки самому Некрасову. Вера в гоголевский лиризм, которую провозгласил Некрасов-критик в сложный момент восприятия

⁷ См.: Н 2, 11, 380. Комментарий М. М. Гина и Н. Н. Мостовской; Манн Ю. В. Некрасов в борьбе за Пушкина // Искусство слова. М., 1973. С. 184—187.

русским читателем всего, созданного Гоголем, была верой в русского человека, в его талант, в способность народа и общества к гражданскому пробуждению.⁸

В «Заметках о журналах» воплотились основные принципы литературно-эстетической программы Некрасова, его историческая оценка прошлого, настоящего и будущего литературы. Поэт-критик стремился к сопряжению в анализе любого литературного факта разных критериев: человеческого и общественного идеала, мировоззрения писателя, отношения литературного произведения к злободневным вопросам современности, художественного мастерства и т. д.

В литературной критике Некрасова ярко выражено начало просветительства, в котором эстетическое, гражданское и патриотическое содержание неразрывно. В то же время движение к этому своеобразному универсализму в подходе к оценке литературных явлений в единстве эстетического и этического у Некрасова имеет свою отчетливую последовательность. К выработке программы гражданского служения отчизне Некрасов-критик идет от так называемой массовой беллетристики, или «легкой» литературы, к оценке ее вершинных достижений — творчества Пушкина и Гоголя. Эмпирически накапливающийся эстетический опыт в результате критических оценок многочисленных и разнообразных фактов современного литературного развития Некрасов-критик претворяет в последовательную концепцию «возвышения человека», в которой художественные и моральные начала существуют в нерасторжимом единстве. Заботясь о гражданском воспитании демократического читателя средствами художественной литературы, Некрасов учитывал реальный уровень его эстетического развития. Литературно-критическая программа Некрасова была обращена к задаче воспитания личности современника, поэтому она содержала в себе постоянную заботу о выявлении писательской индивидуальности, высокий уровень требований к личности самого писателя. «...Живые личности, говорящие с публикой, всегда были и будут для нее интереснее отвлеченного представления „журнал”». «...Дайте же простор личностям, — обращался Некрасов к журнальным деятелям современности, — покажите, чьими устами вы говорите?» (Н 2, 11, 211). Сила и прозорливость некрасовской критической мысли заключалась в продолжении и развитии идей Белинского, Пушкина, Гоголя.

⁸ Ср.: Мостовская Н. Н. Гоголь в восприятии Некрасова // Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 34—35.

Г. В. Краснов

«ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ» 1855—1856 ГОДОВ

«Заметки о журналах» 1855—1856 годов — примечательные страницы в истории «Современника», в критической и журнальной деятельности Некрасова. Н. Н. Скатов верно заметил, что это была «пора литературного самоопределения Некрасова».¹ Такое заключение явно противоречит теперь уже устаревшему мнению В. Е. Евгеньева-Максимова о том, что «Заметки о журналах» создавались под знаком Чернышевского.² В то же время отметим, что он один из первых очертил историю появления «Заметок о журналах», их преемственную связь с «Заметками» Нового поэта (И. И. Панаева), с «Письмами» Иногороднего подписчика (А. В. Дружинина), выделил проблему авторства.

«Заметки о журналах» в некрасоведении обычно рассматриваются в историко-литературном аспекте: отзывы Некрасова о том или ином писателе, изолированные от журнального фона, от существа «Заметок», их жанра. То время было одним из кульминационных в журнальной, издательской деятельности поэта. Новые литературно-общественные тенденции, столкновения пушкинской и гоголевской правды, журнальная конкуренция, обострение болезни поэта — всё в совокупности включало Некрасова в нелегкую для него борьбу за судьбу журнала, за новую литературную платформу. Тогда журналу было подчинено все: «Если вздумаешь прислать мне свою повесть лишь для прочтения, то я сумею обуздать в себе рвение журналиста и спишусь с тобой...» (Некрасов — И. С. Тургеневу, 12 августа 1855 г. — Н 1, 10, 232); «Милый Толстой! Как журналист, я ему обязан в последнее время самыми приятными минутами...» (В. П. Боткину, 17 апреля 1856 г. — Там же, 272); «...как журналисту он мне усладил сердце в последнее время много раз» (И. С. Тургеневу, 24 мая 1856 г. — Там же, 275).

Журналист, журнализм для Некрасова — особенные литературно-общественные понятия, в них заявлена своя принципиальная позиция, вторгающаяся в собственную литературную жизнь. В январском письме 1857 года Дружинину, редактору «Библиотеки для чтения», письме наставительном, содержится обширное размышление Некрасова о журнале и литературе: «Говорят, Вы молодецки повели дело. Я в этом не сомневался и — что еще важнее — не сомневаюсь в постоянстве Вашей деятельности. Я видел уже на опыте, что Вы можете *везти* продолжительно, ровно и притом красиво. Это, при должной осмотрительности, не переходящей, однако, в пугливость (которая в журналисте по крайней мере столько же могла бы быть вредна для литературного движения, как и излишняя рьяность), — это самые необходимые журналисту качества, и я рад, что Вы, а не иной кто вступили на эту дорогу. Не все же Старчевским да Краевским держать литературные вожжи, которые — что ни говори — у нас в руках журналистов» (там же, 318).

Литература, литературное движение не мыслятся вне журнала. Литературная критика также должна быть в журнальном потоке, в составе журнала. Литература, литературная критика воспринимаются через журнал. Это уже в какой-то степени

¹ Скатов Н. Н. Н. А. Некрасов — литературный критик // Н. А. Некрасов. Поэт и гражданин: Избранные статьи. М., 1982. С. 23.

² Евгеньев-Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936. С. 40—51.

итоговое размышление, результат литературно-журнальной борьбы. Заботы о выживании журнала были во многом позади. Журнальное восхождение в середине 50-х годов происходило довольно быстро. Герцен, просматривая в апреле 1854 года комплекты «Современника» и «Москвитянина», отмечал отвлеченность литературно-критических статей, «страшную пустоту» в мыслях «литераторов». «С какой важностью, — иронизировал Герцен, — разбираются романы, стихотворения — точно все это пишется учениками гимназии...»³ Герцена не устраивают бывшие всплески славянофильского или прозападнического толка. Он — за свободное слово, за освобождение журналистики от старых догм и пут. «Печально видеть, — продолжает Герцен в письме к М. К. Рейхель от 20 (8) апреля 1854 года, — как человек в цепях идет по улице, да еще печальнее, что скованный-то бессилён, и цепь можно снять — не убежит».

Необходимость нового журнального слова ощущали и редакции различных изданий в России. Новый тон задали «Отечественные записки» и «Современник». В пятой книжке «Отечественных записок» за 1855 год, в IV отделе журнала, появляется рубрика «Журналистика» с обзором апрельских номеров «Современника» и «Москвитянина», их литературно-критических выступлений. Обзор полемичен и по поводу статьи Ап. Григорьева «О комедиях Островского...» (упрек критику в неясности его литературной теории), и по поводу отклика Нового поэта на «Деревенский рассказ» А. В. Дружинина. Полемический обзор «Отечественными записками» был продолжен и в следующем номере — «„Библиотека для чтения“» и страсть к типам из русской народной жизни» (о произведениях Л. А. Мея и Г. П. Данилевского).

Журнальным обзором «Отечественных записок» уже предшествовали задиристые фельетоны Нового поэта с участием Некрасова.⁴ Появление «Заметок о журналах» (Современник. 1855. № 8) было вполне естественным для журнальной политики той поры, которую формировал и Некрасов. Первые «Заметки», как известно, были написаны совместно с В. П. Боткиным и, несмотря на цензурное вмешательство, удовлетворили поэта. «Фельетон наш, говорят, понравился, — писал Некрасов Боткину. — Если приедешь в октябре, смастерим другой. Я хотел написать на сентябрьскую книжку, да одному как-то скучно и не повадно» (Н 1, 10, 238).

«Заметки» об июльских журналах бесспорно носят программный характер по основному тезису («...Мы не слишком высокого мнения о современной русской литературе...»), в поддержку воспитательной роли литературы, особенно необходимой для молодого поколения («Но что могут дать все эти повести, рецензии, фельетоны молодым и горячим юношам...»), по риторическим призывам к литераторам и читателю: «Учите нас быть лучшими, чем мы есть; укореняйте в нас уважение к доброму и прекрасному...» (Н 2, 11₂, 146).

В последующих некрасовских «Заметках о журналах» — за сентябрь и ноябрь 1855 года — эта программа уже без излишнего нигилистического взгляда на современную литературу еще более подтверждалась важными эстетическими принципами о задачах искусства возвышать общество до идеалов добра, света и истины. Бескорыстная любовь к истине, по Некрасову, — залог служения литератора и обществу, и искусству. «Заметки» сочетали историко-литературный подход и современный литературно-критический взгляд, выходили за пределы литературных оценок: «... в наше время в самом воздухе есть что-то располагающее (...) к откровенности, к излияниям, к признаниям, одним словом, к сознанию, с которым неразрывно связано стремление к усовершенствованию» (Н 2, 11₂, 204).

Особое внимание в «Заметках о журналах за ноябрь 1855 года» уделено типу критики, необходимости ее демократизации. Резко осуждаются ёрничество, «критическое растление», анонимная, безличностная критика. «...Дайте же простор личностям, — призывает Некрасов, — покажите, чьими устами вы говорите? Публика скоро разберет, кто говорит дело, кто нет; быть может, найдутся такие люди, которые пробудят ее симпатию...» (там же, 211). «Пусть судят читатели...» — один из главных критериев журнализма Некрасова.

³ Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1961. Т. XXV. С. 171.

⁴ См.: Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: (малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. С. 125—143.

«Отечественные записки», ревниво встретив (см. в октябрьской книжке за 1855 год «Странное мнение о современной русской литературе») появление специального журнального обзора в «Современнике» и других изданиях, затем вынуждены были уступить свой приоритет, признав убедительность ряда доводов, авторитетность обобщающих утверждений некрасовских «Заметок». В анонимной все же статье «О журнальной полемике, о критике, о нападках на нее, и доброе слово в ее защиту» обильно цитируются «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года», частично воспроизведенные выше в настоящей статье. Цитаты сопровождаются комментариями: «Спасибо!» или «Прекрасно сказано, и дай Бог, чтобы мы чаще слышали подобные слова!»⁵ В следующем номере в редакционном заявлении «Еще слово о современной журнальной критике» «Отечественные записки» еще раз отмечали, что журнальная критика сумела «сохранить строгую нравственность в убеждениях литературных».⁶

Относительно миролюбивый финиш журнального 1855 года нарушил Г. Е. Благосветлов со своим «Взглядом на русскую критику» (Отечественные записки. 1856. № 1), в котором упрекал «Современник» в «отсутствии положительных начал». Критика «Современника» «хвалила или унижала писателей» якобы «под влиянием личных побуждений». «Заметки о журналах» были представлены Благосветловым как «механические снаряды», которые произвольно определяют ту или иную манеру литературного сочинения. Редакция «Отечественных записок» в какой-то степени отмежевалась от наскоков Благосветлова. Статья была подписана его именем; кроме того, она имела подзаголовок: «Письмо редактору». Более того, журнал отказывался от своего недавнего нововведения, заменив «Журналистику» «Обзором литературных и ученых произведений, появляющихся в журналах». Основная мотивировка такой замены: «Основываясь на том, что один журнал не судья в деле другого, мы старались критику произведений, напечатанных в журналах, сделать более независимую от журнальных видов...»⁷ В редакционном заявлении повторялась некрасовская мысль о необходимости «служить истине, а не журнальной полемике». Правда, журнал в конце 1856 года все-таки вернулся к «Литературным и журнальным заметкам». Но метаморфоза журнальной идеи, метания «Отечественных записок» говорят сами за себя. Инициатива была утрачена, ее перехватил «Современник», расширяя диапазон журнальной критики, выдвигая новые проблемы литературного дела.

«Заметки о журналах» за декабрь 1855 года и январь 1856 года подводят итоги предшествующего литературного года. В актив литературы включаются авторитетные издания сочинений Пушкина и Гоголя, очерки о Японии Гончарова, новые вещи Л. Толстого, Тургенева, Островского. «В литературе нашей, — пишет Некрасов, — давно не было года столь живого, богатого, благотворного по своим последствиям» (Н 2, 11., 219). Недавнее негативное или сдержанное отношение к современной литературе сменяется надеждой на литературные перспективы, утверждается принцип свободы художника, который имеет право «разливаться и играть, как разливается и играет сама жизнь» (там же, 226). Мажорная нота отличает «Заметки о журналах за февраль 1856 года»: «Весело — не правда ли? — быть читателем в такое время... и даже — поверите ли? — не совсем печально быть журналистом» (там же, 233).

Конечно, главное в «Заметках» не в их тоне, пафосе, хотя и это очень важный момент в оценке диалога «Современника» с читателем. Значительны собственно содержательные вопросы, темы «Заметок» — открытие новых имен, внимание к произведениям уже знакомых писателей, характеристика их в контексте современной читателю жизни, проблемы исторической личности (например, Шамяля или Т. Н. Грановского), связывающие «Заметки» различных месяцев, размышления Некрасова о лиризме русской прозы, о становлении молодого героя и многое другое.

В «Заметках» нередко появлялись стихотворения разных поэтов прошлых лет, которые сохраняли свое значение для нового времени, — Н. Огарева, Ал. Майкова, А. Фета, Ив. Аксакова, А. Хомякова, В. Бенедиктова и других. Перепечатки вызвали ядовитую реплику «Отечественных записок» (1856. № 11. Библиограф. хро-

⁵ Отечественные записки. 1855. № 11. Отд. IV. С. 27.

⁶ Там же. № 12. Отд. IV. С. 72.

⁷ Там же. 1856. № 1. Новые книги. С. 78.

ника), упреки в нарушении авторских прав и т. п. У журналов на литературу прошлой поры были различные взгляды. С. Дудышкин предрекал, что через сотню лет никто не будет вспоминать «Горе от ума». Бенедиктов для рецензента его журнала «все тот же и в 1856 году, каким был в 1835».⁸ Некрасову удавалось совмещать историко-литературный подход с оценками текущей критики.

Полемика между «Отечественными записками» и «Современником» то затихала, то обострялась. Ее усугубляли еще «С.-Петербургские ведомости» А. А. Краевского. Атаки Краевского и вызвали ответный пассаж в «Заметках о журналах за март 1856 года»: «Многое мы готовы смолчать — и смалчиваем. Мы позволяем ему в своей газете сколько угодно хвалить свой же журнал и всячески унижать наш: это явление совершается уже четвертый год пред лицом всей русской публики, и публика сама знает, как должно на него смотреть. Мы позволяем ему печатать „Взгляды на русскую критику“, которых единственное достоинство — тысячу раз повторенное во всех падежах слово „Современник“ с прибавлением всяких неблагоклонных эпитетов» (Н 2, 11., 252—253).

Стремление поощрить новые имена, благословить новые отечественные издания той поры выделяют некрасовские «Заметки о журналах», как они сложились к концу 1855 года. Эту широту взгляда именно в «Заметках о журналах» поддержал и Чернышевский. (См. его в целом сочувственные оценки, аннотации журналов «Русский вестник» («Заметки» за декабрь 1855-го и январь 1856 годов, за апрель, июнь и сентябрь 1856 года), «Библиотеки для чтения» (за октябрь 1856 года)). Чернышевский продолжил полемику с «Отечественными записками», их «странными выходками». В отсутствие Некрасова Чернышевский довольно объективно подвел итоги литературного года («Заметки» за декабрь 1856 года). Разногласия с Чернышевским во введении «Современника», включая «Заметки о журналах», у Некрасова возникли несколько позже (см. Н 1, 10, 355).

С приходом в «Современник» Добролюбова «Заметки о журналах» исчезают. Новая ситуация, новая критика (ее олицетворял и Чернышевский) видоизменяли тип журнальных обзоров, их прицел. «Заметки о журналах» 1855—1856 годов выполнили свою задачу, они переключили журнальную полемику с ее мелкотемьем, эмпиризмом в широкое литературно-общественное русло, стали провозвестниками положительной гласности, необходимой для прошлой эпохи 60-х годов.

⁸ Там же. 1856. № 11. Библиогр. хроника. С. 30.

И. Г. Ямпольский

СТИХИ НЕКРАСОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ

1

Мне пришлось писать о том, какую существенную роль играют Тургенев и его герои в произведениях ряда его современников и писателей следующих поколений — в характеристиках персонажей, сюжетных ситуаций, общего культурно-исторического фона.¹ Нечто аналогичное можно сказать и о некоторых других русских классиках, в том числе о Некрасове. Накопление такого материала даст немало нового для понимания восприятия его поэзии представителями разных литературных поколений и направлений. Между тем он остается несобранным и почти не используется в комментариях к собраниям сочинений Некрасова, даже к последнему, академическому. И это явственно обедняет их.

Чтобы прояснить, сделать более конкретным сказанное выше, остановлюсь в качестве примера на одном произведении, в котором мы находим многочисленные упоминания о Некрасове и цитаты из его стихотворений. Речь идет о «Жизни Клим Самгина» М. Горького (1925—1936). На первых же страницах романа Горький пишет: «Печальным гимном той поры были гневные стоны самого чуткого поэта эпохи, и особенно подчеркнуто тревожно звучал вопрос, обращенный поэтом к народу:

Ты проснешься ль, исполненный сил?
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил,
Создал песню, подобную стону,
И навеки духовно почил?²

Отец познакомил Клим Самгина с поэзией Некрасова, и он впоследствии вспоминал об этом.

«...иногда отец просил:

— А ну-ко, почитай „Размышление” от строки:

Ты, считающий жизнью завидною.

Клим протягивал правую руку в воздухе, левой держался за пояс штанов и читал, нахмурясь:

Упоение лестью бесстыдную,
Волокитство, обжорство, игру, —
Пробудись!

Варавка хохотал до слез, мать неохотно улыбалась, а Мария Романовна пророчески, вполголоса говорила ей:

‘ Он будет честным человеком» (т. 19, с. 28).

¹ См. статью об этом в сб.: И. С. Тургенев и русская литература. Курск, 1982. — Вошла в мою книгу: Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях второй половины XIX—начала XX в. Л., 1986.

² Горький М. Собр. соч. М., 1949—1956. Т. 19. С. 11. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

«Самгин рассказывал ей (Варваре), как отец учил его читать:

Вьдь на Волгу, чей стон раздается
Над великою русской рекой»

(т. 20, с. 282)

Отец читал вместе с другим своим сыном Дмитрием поэму «Русские женщины» и рассказал ему в связи с этим о декабристах, что произвело на него большое впечатление (т. 19, с. 61). И об этом Клим потом вспоминал (т. 20, с. 179).

В разные годы своей жизни Клим по разным поводам обращается к Некрасову. В детстве он читал «Рубку леса», то есть отрывок из «Саши» (т. 19, с. 79). Через много лет под впечатлением встреч с Мариной в его сознании всплывают строки о русской женщине из поэмы «Мороз, Красный Нос»: «Коня на скаку остановит» и т. д. (т. 21, с. 203; т. 22, с. 52). Встреча с Таисией вызвала в памяти другое стихотворение. «Он шел, поживаясь от холода, и скандировал Некрасова:

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек...

„Да, необходимо говорить с нею решительно”» (т. 22, с. 283). Проходя мимо «Белошейной мастерской мадам Ларисы Нольде», Клим вспомнил «Убогую и нарядную»:

Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила

(т. 22, с. 142—143)

Слушая речи Лютова о том, как он выламывается из своей среды, Клим опять-таки обращается к Некрасову: «Так говорили, во главе с Некрасовым, кающиеся дворяне в семидесятых годах. Именно Некрасов подсказал им эти жалобы, и они были в сущности изложением его стихов прозой» (т. 21, с. 300).

В одном месте Клим как бы вступает в полемику с Некрасовым:

«Добродушная преданность людям и материнское огорчение Анфимьевны, вкусно сваренный ею кофе, комнаты, напитанные сложным запахом старого, устойчивого жилья, — все это настроило Самгина тоже благодушно. Он вспомнил Таню Куликову, няньку-бабушку Дронова, няnek Пушкина и других больших русских людей».

«Вот об этих русских женщинах Некрасов забыл написать. И никто не написал, как значительна их роль в деле воспитания русской души, а может быть, они прививали народолюбие больше, чем книги людей, воспитанных ими, и более здоровое, — задумался он. — „Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет” — это красиво, но полезнее войти в будничную жизнь вот так глубоко, как входят эти простые, самоотверженно очищающие жизнь от пыли, сора» (т. 20, с. 182).

И другие герои «Жизни Клим Самгина» вспоминают по разным поводам Некрасова.

«Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек —

конечно, я был в то время идиотом», — говорит Варавка матери Клим, имея в виду свою жену (т. 19, с. 46).

Дронов цитирует строки из «В больнице»: «Даром ничто не дается. Судьба Жертв искупительных просит» (т. 19, с. 294), Лютов — из «Мороза, Красного Носа» (т. 20, с. 119). О Лютове мы узнаем также, что он на ярмарке читал Некрасова мужикам (т. 19, с. 350). Таисия характеризует Дронова следующим образом: «Он — вообще... что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет» (т. 22, с. 256). Цитата не обозначена кавычками, а между тем это слова о «лишнем человеке» Агарине из поэмы «Саша».

Доживающий свою жизнь присяжный поверенный Прозоров вспоминает: «Толстой-то, а? В мое время... в годы юности, молодости моей, Чернышевский, Добро-

любов, Некрасов впереди его были. Читали их, как отцов церкви, я ведь семинарист. Верования строились по глаголам их. Толстой незаметен был» (т. 22, с. 270). Молодежь, собиравшаяся на квартире у писателя-народника Катина, распевает «Выдь на Волгу, чей стон раздается» (т. 19, с. 100—101), то есть отрывок из «Размышлений у парадного подъезда», ставший популярной в демократических кругах песней. А у самого Катина висели портреты Некрасова, Чернышевского, Герцена и Салтыкова (т. 19, с. 191).

И этим еще не исчерпываются «некрасовские» места в «Жизни Клима Самгина».³

2

Теперь постараюсь наметить некоторую классификацию собранного материала в связи с тем, какую функцию выполняют эти упоминания и цитаты в том или ином произведении. Следует, разумеется, иметь в виду в ряде случаев, что она имеет условный характер.

Слова Некрасова становились иногда заглавиями, определяя тем самым общую идею, общий колорит, характеризую героев произведения, и т. д. Таковы, например, заглавия очерка Гл. Успенского «Страна наша убогая» (1865; заглавие взято в кавычки; это начальная строка стихотворения Некрасова «Дума»), сборника рассказов Д. П. Муравлина (псевдоним Д. П. Голицына) «Убогие и нарядные» (1884), пьесы Л. Андреева «Царь Голод» (1908; ср. с «Железной дорогой» Некрасова: «В мире есть царь: Этот царь беспощаден, Голод названье ему»). Очерк Г. И. Успенского «Халат! халат» (1886) имел подзаголовок: «Заметки фельетонной букашки» с примечанием автора: «См. стих. Некрасова: „Я — фельетонная букашка...”».⁴ Это стихотворение — из цикла «Песни о свободном слове».

Аналогичную задачу выполняют и эпитафии. В качестве примера можно привести эпитаф к неоконченному роману Чернышевского «Алферьев» (написан в 1863 году, напечатан в 1906, 1933 годах), главным героем которого является демократ-революционер. Эпитаф к нему взят из «Несчастных» Некрасова. Это строки из песни каторжан, в том числе:

Спасибо скажут ваши внуки,
Когда разбогатеет Русь.

Эпитаф к основной главе «Записок из подполья» Достоевского (1864) — «По поводу мокрого снега». Это стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...», которое так любил автор «Записок».⁵ Здесь он имеет особый смысл. Содержание главы одновременно и корреспондирует с ним, и полемично по отношению к нему. В этом, в частности, сказываются психология подпольного человека, его разорванное сознание. Он то, казалось бы, разделяет гуманистические чувства Некрасова, то как крайний индивидуалист цинически отвергает их, насмехается над ними.

Заключительные строки стихотворения «И в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди» взяты в качестве эпитафа к одной из подплавков и цитируются в тексте.

Четверостишие из «Тройки» («И схоронят в сырую могилу» и т. д.), не совсем точно воспроизведенное, К. С. Баранцевич поставил эпитафом к рассказу «Кляча» (1883) — об еще молодой, но изломанной тягостной жизнью и нищетой женщине, жене петербургского сапожника, рано сошедшей в могилу.⁶

Эпитаф к рассказу В. Г. Короленко «Эпизоды из жизни искателя» (1879) — слова из «Кому на Руси жить хорошо»: «Средь мира дольного Для сердца вольного» и т. д.⁷

Эпитафом к повести И. А. Воронова «Мое детство» являются строки из «Родины» Некрасова.⁸ Примерно ту же роль играет в этой повести финал, в котором

³ См. также: т. 19, с. 104, 431; т. 20, с. 86, 313, 339, 421, 577.

⁴ Здесь и дальше указаны даты первой публикации.

⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л., 1972—1989. Т. 5. С. 124, 167, 171. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте. О личных связях и творческих переключках двух писателей см. книгу М. М. Гина «Достоевский и Некрасов» (Петрозаводск, 1983).

⁶ *Баранцевич К. С.* Собр. соч. СПб., 1908. Т. 1. С. 19.

⁷ *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. Пг., 1914. Т. 9. С. 374.

⁸ *Время.* 1861. № 7. С. 5.

писатель рассказывает об отъезде своего героя из родного города на учение в университет. Говоря о том, что как ни тяжело было его детство, как ни мало осталось от него светлых воспоминаний, его сердце все-таки тревожно бьется, и сами собою шепчутся слова поэта:

Родина мать!

Сколько на нивах бесплодных твоих
 Даром ни сгнуло сил молодых,
 Сколько бы ранней тоски и печали
 Долгие годы твои ни нагнали
 На боязливую душу мою —
 Я побежден пред тобою стою.⁹

Эти строки из поэмы «Саша» являются заключительным эмоциональным аккордом повести.

3

Чтение Некрасова, строки его стихов являются подчас сюжетной основой произведений или их отдельных эпизодов. Приведу несколько фактов.

Рассказ А. И. Левитова «Погибшее, но милое создание» (1862).¹⁰ Действие его происходит на глухой московской окраине. Общий колорит рассказа близок к «натуральной школе», к размышлениям Герцена в «Капризах и раздумье» о том, что за каждой стеной ему мерещится драма, виднеются горячие слезы, о которых никто не знает,¹¹ к стихам Некрасова, смысловая формула которых выражена в тех же словах: «Мерещится мне всюду драма» (цикл «На улице»). Недаром в заключительной части рассказа читаем: «Я очень хорошо знал, что тишина эта только кажущаяся, что не в одном только доме, откуда я вышел сейчас (...) разыгрываются веселые или печальные сцены», и т. д.

Центральная часть — рассказ подмосковной крестьянки об истории ее нелегкой жизни в столице. Обращаясь к разным ее этапам, она цитирует Некрасова. «От скуки я покажу тебе несколько картин из моей жизненной панорамы, — говорит она своему давнему знакомому. — (...) Смотри и слушай: вышла я замуж за икотника-ундера. Вот продала я и заложила благоприобретенные шелки да бархаты, купила, что нужно детям, мужу, матери его и пою». И дальше следует четверостишие из «Тройки»:

Подвзавши под мышки передник,
 Перетянешь уродливо грудь,
 Будет бить тебя муж-привередник
 И свекровь в три погибели гнуть.

Через несколько страниц другой эпизод — об ее любви к привязавшемуся к ней гимназисту. «Вечером сидим мы с ним и так-то горячо, с такою-то лаской читает он мне:

И в дом мой смело и свободно
 Хозяйкой полною войди...

Прочитал он мне это и стал говорить о снисхождении и о прощении тем, кто пал, и что какая великая заслуга поставить блудного на путь истинный, а сам все ближе ко мне. Я тоже не сторонюсь, потому что как в раю была я от этих стихов:

И в дом мой смело и свободно
 Хозяйкой полною войди».

Но недолгие счастливые дни были грубо оборваны вмешательством отца любимого ею юноши. «Я и теперь еще его не забыла: как о чем задумаюсь, сама не чувствую, шепчу:

⁹ Там же. № 9. С. 81.

¹⁰ Левитов А. И. Собр. соч. М., 1884. Т. 2. С. 144—176.

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 80—81.

И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди...»

Таким образом, эти строки из стихотворения «Когда из мрака заблужденья...» являются своего рода рефреном ее рассказа.

Рассказ-очерк того же Левитова «Лирические воспоминания Ивана Сизого»¹² явно перекликается со «Школьником» Некрасова. Стихотворение цитируется в рассказе, с упоминания о нем и своеобразной полемики с ним рассказ начинается. В то время как в «Школьнике» прославляются упорное стремление к науке, к знанию, пробивающий себе дорогу талант, внимание Левитова привлекают жизненные испытания на этом пути, черствость окружающих, «каменная стена, которая становится у нас между молодым бедняком и его жизненными целями». А цели эти, отправляясь со светлыми надеждами в Петербург, герой Левитова обрисовал следующим образом. Он дал обещание сестре — «всегда только одно и буду я делать, что везде и всегда говорить о наших развалившихся избах, о горе, которое безысходно живет в них, о наших головах темных, об умах обездоленных...». С этой точки зрения стихотворение Некрасова представлялось Левитову чрезмерно оптимистическим. «Мое настоящее дело, — пишет от имени Ивана Сизого Левитов, — главным образом заключается в том, чтобы поварьировать на тему некрасовского школьника. Впрочем, я имею сообщить вам не одну только умиляющую душу историю, как школьники поднимаются с места в свою многотрудную дорогу и как они, руководимые участием чувствительных ближних, делаются под конец своей трудолюбивой и многополезной жизни яркими звездами различных горизонтов, в чинах статских, а иногда и действительных статских советников. Я постараюсь быть гораздо честнее: я по возможности покажу, как ребята держали себя в дороге и даже как самая дорога своими буйными ветрами и палящими жарами прогоняет с молодых щек ребячий румянец».

В 1865 году в «Искре» за подписью: «И.» (а в другом номере: «М.») Вознесенским были напечатаны «Рассказы о погибших детях». Автор рисует загубленные школой молодые жизни. Никитича, мечтающего о возвращении в семью, за непочитительное отношение к учителю сажают в карцер. Стержеет его добрый солдат Щепачев-Дедов. Никитич проводит время то в горьких думах, то в чтении. У него были Кольцов и «Красная книжка с „Коробейниками“», то есть первая из двух изданных Некрасовым для народа «Красных книжек», вышедшая в 1862 году. В рассказе описано чтение «Коробейников».

«Сел он за стол и стал читать „Коробейников“. Щепачев-Дедов облокотился на колена, подпер ладонями свой лоб и точно заснул (...) Никитич все читал, и все Щепачев-Дедов не двигался ни одним мускулом. Никитич кончил читать. Щепачев поднял голову, спокойно, по своему обыкновению, только как будто серьезнее посмотрел Никитичу в глаза и положил подбородок на ладонь. С минуту смотрел он задумчиво в угол».

— А что, земляк, еще разок вы мне не прочитаете ее? — спросил он равнодушно.

Никитич опять стал читать (...)

Щепачев сидел, опустив голову, и слушал.

— Вольная жизнь, — сказал он, когда Никитич кончил. — История, по рассказу видно, правдивая.

Он молча начал перелистывать книжку».¹³

Трогательен образ этого неграмотного человека, молча перелистывающего книгу, в которой были столь близкие и дорогие ему слова. Мечта народа о вольной жизни и мечта поэта о вольной жизни народа — вот что увидел он в «Коробейниках» Некрасова.

Стихи Некрасова привлекаются для характеристики эпохи, как переживаемой теперь, так и ушедшей в прошлое, ее общественных настроений, быта и нравов, примет времени — словом, для воссоздания исторического фона.

¹² Северная пчела. 1863. 10, 11 июня. № 152, 153.

¹³ Искра. 1865. № 3. С. 37.

В рассказе «Старинные психопаты» (1885), обращаясь мысленно к былым временам, а также к своему герою — крепостнику, самодуру и развратнику, Н. С. Лесков использует, цитируя не вполне точно, стихотворение Некрасова «Родина». Он пишет: «Нам хорошо известны бурные натуры наших великорусских дворян, при которых, по выражению поэта, жизнь „текла среди пиров, бессмысленного чванства, разврата мелкого и мелкого тиранства, где хор подавленных и трепетных людей завидовал житью собак и лошадей”».¹⁴ Понадобились Лескову слова из той же «Родины» за двадцать лет с лишним до этого в романе «Некуда» (1864), где он просит читателя вспомнить то «недавно прошедшее время (т. е. время кануна реформ. — *И. Я.*), когда небольшая горсть „людей довременного растленных” проснулась, задумалась и зашаталась в своем гражданском малолетстве», и т. д. (т. 2, с. 136).

В повести С. В. Ковалевской «Нигилистка» (написана в 1870-х годах, впервые напечатана в 1892 году) описан день объявления манифеста 1861 года в имении родителей ее героини. Он описан не без некоторого умиления, с точки зрения еще мало разбиравшейся в окружающей ее действительности девочки. В этом контексте возникают строки из «Тишины» Некрасова (они цитируются не вполне точно). «Мужики и бабы часто крестятся и кладут земные поклоны. Смуглые, суровые, изборожденные глубокими морщинами лица, как судорогой, сведены напряженностью молитвы и ожидания.

Храм воздыханья, храм печали,
Убогий храм земли моей,
Тяжеле вздохов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей.

Но сегодня не вздохи и не стоны слышатся в этом храме. Сегодня в нем, да не только в нем одном, но и в каждой из многих ста тысяч церквей земли русской возносятся к небу такие жаркие, преисполненные бесконечной веры и страстного упования молитвы (...)

„Господи, владыко наш! Смилуешься ли ты над нами? Скорбь наша велика и многолетняя! Будет ли теперь лучше?”

Что-то скажет царский манифест?»¹⁵

В повести В. Дедлова (псевдоним «Кигна») «Сашенька» (1892) читаем:

« — Благодетельные последствия освобождения крестьян, — сказал Заборовский, указывая на один из этих особняков и злорадно улыбаясь. — То-то либеральные, добрые люди, глупые люди, — продолжал он. — Осени себя крестным знаменем, добрый мужичок, — или как там сказано? — а ты либеральный помещик сразу лишишься трех четвертей своего состояния.

Сашенька в ответ продекламировала:

— Порвалась цепь великая,
Порвалась и ударила,
Одним концом по барину...

— Так, так! — иронически согласился Заборовский. — Так, так! Только и осталось, что стихами утешаться, — без рифм».¹⁶

В двух местах романа Лескова «Некуда» его герои в трудные минуты говорят: «Век жертв искупительных просит» (т. 2, с. 204, 680). Вот одно из этих мест:

«Евгения Петровна села возле Лизы, обняла ее и положила себе на плечо ее голову.

— Какие вы все несчастные! Боже мой, боже мой! как посмотрю я на вас, сердце мое обливается кровью: тому так, другому этак, — каждый из вас не жизнь живет, а муки оттерпливает.

— Так нужно, — отвечала Лиза.

— Нужно! Отчего же это, зачем так нужно?

¹⁴ Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1958. Т. 7. С. 465—466. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте. Теме «Н. С. Лесков и Н. А. Некрасов» посвящена статья А. А. Горелова (Русская литература. 1986. № 3).

¹⁵ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 99—100.

¹⁶ Дедлов В. Сашенька. СПб., 1892. Ч. 2. С. 14. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

— Век жертв очистительных просит».

Слова «Век жертв очистительных просит», напечатанные без кавычек, — это неточная цитата из стихотворения Некрасова «В больнице»: «Даром ничто не дается: судьба Жертв искупительных просит».

В повести П. В. Засодимского «Темные силы» (1870) речь идет о «большой реке», у которой оказались его герои, что поэт назвал ее «рекою рабства и тоски». ¹⁷ Эта характеристика Волги из стихотворения Некрасова «На Волге» приведена не случайно, но связана с общим мрачным колоритом повести, беспросветной нищетой и изломанными жизнями, в ней описанными.

Как видно уже из приведенных фактов, откликом на темные стороны современной действительности вслед за Некрасовым писатели выражали и свое отношение к ним, свою душевную боль. Укажу еще на три очерка художника, особенно остро ощущавшего эту боль, — Г. И. Успенского.

В очерке «Не суйся!» (1880) цикла «Крестьянин и крестьянский труд» Успенский следующим образом характеризует условия жизни и душевное самочувствие крестьянина Ивана Ермолаевича: «Пораженный той мыслью, что Иван Ермолаевич кроме видимых миру слез, бедствий, недоимок, всевозможных притеснений и других мрачных черт, рисующих его жизнь как непрерывное мучение и каторгу, имел в самой глубине своего существования нечто такое, что дает ему силу переносить все эти невзгоды целые тысячелетия, и притом с такою непреодолимою безмольностью, которая заставит умиравшего поэта почти в отчаянии воскликнуть: „...не внемлет он и не дает ответа“ — словом, пораженный мыслью о существовании в жизни Ивана Ермолаевича того, что я не мог иначе определить, как *поэзия труда*». ¹⁸ «Умиравший поэт» — это Некрасов, а стихотворение, которое цитирует Успенский, — «Элегия» («Пусть нам говорит изменчивая мода, Что тема старая — „страдания народа“...»), оно кончается следующими строками:

Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

В девятом из «Писем с дороги» (1886) Успенский говорит о «каторжной работе над этою тусклою, смутною, сумбурною действительностью, над этим всеобщим изнеможением от отсутствия всякой живой деятельности, всякой живой мысли, над этой тягостнейшей толкучкой полуподлых, полуглупых и во всяком случае ненужных явлений ежедневной жизни». Приведенные слова вырвались у Успенского в минуты тяжелых раздумий, и отказаться от этой «каторжной работы» он, конечно, не мог. Но тогда он признался: «Нет, подумалось мне, не стану я терзать ни себя, ни читателей бесплодной скорбью о суровой мертвечине жизни — все это надоело и измучило, „как скрип тюремной двери“». Интересно, что Успенский вспомнил и процитировал проникнутое сходным настроением стихотворение Некрасова «Замолчки, Муза мести и печали!...» (т. 10, кн. 1, с. 397).

Во вводной части незавершенного очерка «Хорошего понемножку» (1888) Успенский говорит о том впечатлении, которое произвела на него статья В. С. Соловьева «Россия и Европа», и соглашается с ним «во всех его убийственных поношениях нашей скучающей и вздыхающей земли»: «Скучно, тяжело, бессмысленно, безнадежно — вот картина, которую рисует г. Соловьев. Точно некрасовский ад: „Воют грешники в прискорбии, цепи ржавые грызут!“» И на следующей странице Успенский снова цитирует стихотворение Некрасова «Влас», характеризуя «настоящее время — время „грешников в прискорбии“, время, когда „ефиопы, видом черные, припекают, режут, жгут“» (т. 10, кн. 2, с. 437—439). ¹⁹

Еще два отрывка, касающихся хотя и частных, но значительных явлений русской жизни. Речь идет о школе.

¹⁷ Засодимский П. В. Собр. соч. СПб., 1895. Т. 1. С. 128.

¹⁸ Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М.; Л., 1940—1954. Т. 7. С. 41. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

¹⁹ Конец дошедшего до нас отрывка свидетельствует о том, что Успенский вносит существенные поправки в первоначальную характеристику «настоящего времени».

Описывая в повести «Молотов» (1861) ханжеские нравы, царившие в пансионе (институте), в котором воспитывалась Надя Дорогова, Н. Г. Помяловский упоминает между прочим и о том, что песню «Что ты жадно глядишь на дорогу»,²⁰ то есть некрасовскую «Тройку», разрешалось «в видах смягчения нравов» петь только до слов: «И свекровь в три погибели гнуть». Таким образом, под запретом оставалась вторая половина стихотворения, где говорится о дальнейшей печальной судьбе крестьянской девушки. В повести «Корделия» (1889) И. Щеглов (И. Л. Леонтьев) также обращается к Некрасову. Театральную школу, где героиня повести некоторое время училась, она характеризует словами из «Убогой и нарядной»: «Сами видите теперь, что это была за школа... Помните, как у Некрасова:

Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила».²¹

5

Но и сами по себе стихи Некрасова, их чтение, их популярность являются в ряде произведений своеобразными приметам времени.

Так, в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) Вера Павловна и Полозова и бывавшая у них молодежь разделились на два хора — один из них пел «Давно — отвергнутый тобою...» и «Песню Еремушке» Некрасова.²²

В романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864—1867) в тюремной камере происходит такая сцена. Один из арестантов (преступник — «праведник» Рамзя) говорит другому: «Почитать бы, что ль, книжку занятную... И через минуту по камере тихо, но внятно раздался его ровный, певучий голос:

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь!

И... к концу этого стихотворения около Рамзи мало-помалу собралась уже тесная кучка; буйный смех замолк, уступая место серьезному, чуткому вниманию... и вся камера разделилась на две группы: одна жадно и любопытно следила за игрою, другая жадно и любопытно слушала некрасовские стихи».²³ В другом романе Крестовского «Панургово стадо» (1869) на литературно-музыкальном вечере в провинциальном городе гимназист читает некрасовского «Филантропа».²⁴

В романе И. А. Кушевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1871) подробно говорится о рукописном журнале, который выпускали ученики провинциальной гимназии в период общественного подъема в конце 1850-х годов. Он выходил с эпиграфом из «Песни Еремушке» Некрасова:

Будь он проклят, растлевающий,
Пошлый опыт — ум глушцов!

Описывая сборище гимназистов и царившую там атмосферу, Кушевский между прочим замечает: «Кто толковал о раздельском обществе, кто о комедии Львова, кто сообщал ненапечатанное стихотворение Некрасова».²⁵

Герой рассказа В. И. Дмитриевой «Доброволец» (1889), наблюдавший на берегу Волги за разным бедным людом, отправлявшимся на заработки, слышит вслед за этим с лодок «стройное хоровое пение» молодежи:

Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал...²⁶

²⁰ Помяловский Н. Г. Соч. Л., 1980. С. 207.

²¹ Щеглов Иван. Корделия. СПб., 1891. С. 92.

²² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939—1953. Т. 11. С. 396—397. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

²³ Крестовский В. В. Петербургские трущобы. Л., 1900. Кн. 2. С. 7.

²⁴ Крестовский Всеволод. Панургово стадо. СПб., 1875. Т. 1. С. 114.

²⁵ Кушевский И. А. Николай Негорев. Роман и маленькие рассказы. М., 1984. С. 153, 198.

²⁶ Русские повести XIX века 70—90-х годов. М., 1957. Т. 2. С. 579.

(песня на слова из «Размышлений у парадного подъезда», у Некрасова — «Назови мне такую обитель»).

Из повести Дедлова «Сашенька»: «Вслед за стариком на сцене появился хор студентов и исполнил песню „Есть на Волге утес“, потом наш знакомый актер прочитал „Парадный подъезд“, а на требования повторить — „Убогую и нарядную“, причем особенный восторг произвели стихи: „а на лбу роковые слова: продается с публичного торга“» (ч. 1, с. 14).

Как приметы времени упоминаются и цитируются стихи Некрасова в рассказах Чехова. См., например, «Комические рекламы и объявления» (1882) (отрывки из «Коробейников» — «Холодно, странничек, холодно...» — т. 1, с. 124); «Леший» (1889) (строки из стихотворения «Сеятелям» — т. 12, с. 191).

Много «некрасовских» мест в произведениях Е. Н. Чирикова. В рассказе «Gaudemus igitur» (1894) о земском враче, «человеке желчном, нервном и раздражительном», говорится, что «это был один из многих „рыцарей на час“, любящих помучить себя и других, потерзаться своим несовершенством».²⁷

В повести «Студенты приехали» (1891) один из этих студентов, приехавших к родным на каникулы, в трудную минуту «тоскливо стал насвистывать „Укажи мне такую обитель“». О другом мы узнали следующее. У его дома по праздничным дням собирались соседи — «и лобознательные бабы, и убеленные сединами старички, и подростки-ребята. Усевшись в холодке под плетнем, на травке, они внимательно слушали, что читал им Наум. А читал он разное: и смешное, и грустное, и пустое, и дельное... Читал про „Мороз, Красный Нос“ и про „Орину, мать солдатскую“, читал о том, как следует ухаживать за плодовыми деревьями, как лечить их... Слушатели то охают и вздыхают, то со смеху покатываются, то вдруг загалдят всей артелью...».²⁸

В повести «На поруках» (1904 — с цензурными купюрами, без последних двух глав; 1906 — полностью) студент, исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках и высланный к родителям «на поруки», не может примириться с обывательскими нравами и понятиями и кончает жизнь самоубийством. Прощальное слово у его могилы начинается словами из стихотворения Некрасова на смерть Д. И. Писарева: «Не рыдай так безумно над ним: хорошо умереть молодым», — обращенное к М. А. Маркович.²⁹

В первой части трилогии Чирикова «Жизнь Тарханова» (1911) описан студенческий бал в провинциальном университетском городе (явно — в Казани). В отдельной комнате, где собралась товарищеская компания, ведут вольные разговоры и распевают «Дубинушку» и «Вьдь на Волгу, — чей стон раздаётся...». И несколько дальше: «А в углу снова пение:

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не страдал».³⁰

В «Жизни Тарханова» на похоронах Гришеньки слышатся слова: «были хуже времена, но не было подлей!» Эти слова, взятые в качестве эпиграфа к поэме Некрасова «Современники», как недавно установлено, принадлежат не ему, а Н. Д. Хвоцинской, но широко известны именно благодаря Некрасову. Речь у могилы Гришеньки кончалась словами: «Не рыдай так безумно над ним: хорошо умереть молодым!» (из стихотворения Некрасова на смерть Д. И. Писарева).³¹ А вот реагирует на эти слова один из товарищей покойного. «Неправда, товарищи! Во-первых, никто здесь не рыдает, а во-вторых, — и это самое главное — тяжело и обидно умереть молодым! Да здравствует жизнь! Я приветствую смерть, когда она нужна

²⁷ Чириков Евгений. Очерки и рассказы. СПб., 1900. Кн. 1. С. 101.

²⁸ Там же. С. 228, 258.

²⁹ Чириков Евгений. Рассказы. СПб., 1906. Т. 5. С. 182.

³⁰ Чириков Евгений. Собр. соч. М., 1914. Т. 13. С. 136—139. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

³¹ Ср. с упомянутой выше повестью «На поруках».

во имя жизни! Жизнь есть борьба, непрестанная борьба за лучшее будущее, и честь и слава, вечная память честно павшему в этой борьбе!.. Я в этой смерти вижу победу жизни!» (т. 14, с. 332—333).

Приведу, наконец, еще один любопытный намек на Некрасова, на его муравьевскую оду, с болью воспринятую его многочисленными поклонниками. Я имею в виду эпилог романа А. К. Шеллера-Михайлова «Лес рубят, щепки летят» (1871). Характеризуя эпоху, писатель, между прочим, замечает: «Кто под влиянием минутного страха прочел оду в каком-нибудь клубе, тот, успокоившись за свою участь, стал писать сатиры на тот же клуб».³²

6

Чаще всего имя Некрасова и его стихи приводятся для характеристики героя произведения, его взглядов и духовного склада, его переживаний и настроений, для выражения симпатии и антипатии.

Сам автор как бы представляет читателю своего героя, подчас открыто выражая отношение к нему.

В романе Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861) о молодом князе Валковском до его женитьбы на дочери откупщика сказано, что он вступал в жизнь как «голяк — потомок отрасли старинной».³³ Это цитата из стихотворения Некрасова «Княгиня». В самом начале романа «Бесы» (1871—1872), представляя читателям Степана Трофимовича Верховенского, Достоевский (а вернее, рассказчик, от имени которого ведется повествование) сопоставил его с некрасовским «либералом-идеалистом» из «Медвежьей охоты»: «...оказалось возможным простоять всю остальную жизнь, более двадцати лет, так сказать, „воплощенной укоризной“ пред отчизной, по выражению народного поэта:

Воплощенной укоризною

.....

Он стоял перед отчизною,

Либерал-идеалист».

При этом предпочтение отдавалось «лицу, о котором выразился народный поэт», — «может быть, и имело право всю жизнь позировать в этом смысле, если бы того пожелало, хотя это и скучно. Наш же Степан Трофимович, по правде, был только подражателем сравнительно с подобными лицами, да и опять уставал и частенько полеживал на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и в лежачем положении...» (т. 10, с. 11—12).

Нередко, как мы уже видели, встречаемся с Некрасовым в произведениях Н. С. Лескова. Так, в рассказе «Овцебык» (1863) о Настасье Петровне, в прошлом крепостной, читаем: «А стихов на память знала без счету. Особенно она любила Лермонтова и Некрасова. Последний был особенно понятен и сочувствен ее много перестрадавшему в былое время крепостному сердцу» (т. 1, с. 82). Мать героя рассказа «Однодум» (1879) характеризуется при помощи слов Некрасова из поэмы «Мороз, Красный Нос»: «... она была из тех русских женщин, каждая из которых „в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет“, — простая, здравая, трезвомысленная русская женщина с силой в теле, с отвагой в душе и с нежною способностью любить горячо и верно» (т. 6, с. 212).³⁴

³² Шеллер-Михайлов А. К. Полн. собр. соч. СПб., 1894. Т. 4. С. 407. — См. также «Соборняк» Лескова (1872. Т. 4. С. 168) и его «Кольванского мужа» (1888. Т. 8. С. 416). В «Кольванском муже» осуждение Некрасова вложено в уста поклонника славянофилов.

³³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1972. Т. 3. С. 181. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

³⁴ К той же цитате Лесков обратился за десять с лишним лет до этого в драме «Расточитель» (1867). Там молодой купец Молчанов говорит: «Эх, помню я, как, бывало, в Петербурге, белыми почками слоняясь по островам, какие споры в юные годы вели мы про русскую женщину (декламируя), „с которой никто не придет зубоскалить“, которая „в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет“, и думалось: О, если бы я эту женщину встретил! (...) А встретим живую такую женщину — не заметим ее» (т. 1, с. 412—413).

В рассказе «Зимний день» (1894), говоря о Лидии, с большой симпатией изображенной представительницей «молодого поколения» 1890-х годов, Лесков выражает уверенность в том, что придут новые люди, новые характеры, охваченные жадой общественного обновления, и здесь вплетаются навеянные «Зеленым шумом» Некрасова, взятые в кавычки слова: «Придет весенний шум, весенний шум» (т. 9, с. 418).

Размышляя о том, что «в переходные эпохи гражданских обществ», а «в такой именно период живем мы», «одно и то же настроение охватывает разом все классы общества», автор популярного в свое время романа «Знаменья времени» (1869) Д. Л. Мордовцев обращается к крестьянке Маланье. Она, «заговорив о том, что сегодня у нее хлебы перекисли, от дрожжей непременно перейдет к общественным вопросам, волнующим Оболонье и его окрестности, и факт перекипания хлебов непременно поставит в зависимость от общественных явлений, потому что, по настоянию мирового посредника, все крестьяне были заняты молотью для пополнения общественных запасных магазинов, и бабы, работавшие вместе с мужиками, не успели заготовить ни хорошего хмелю, ни хороших дрожжей». И, говоря о душевном состоянии Маланьи, Мордовцев характеризует его словами из стихотворения Некрасова «Я сегодня так грустно настроен...».³⁵ Можно усомниться, оправдано ли это с точки зрения художественной логики, но во всяком случае характерно для своего времени.

В очерке «Перестала» из цикла «Через пень — колоду» (1885) Г. И. Успенский рассказывает о крестьянской девушке Авдотье, которая «выучилась читать и писать вместе с господскими детьми, не забывая в то же время подметать пол, сказывать сказки, играть в горелки, работать самую черную работу и в промежутках учиться, добываясь возможности читать Некрасова, Григоровича». В шкафу у нее вместе с чашками книжка Некрасова, «Записки охотника». Размышляя о судьбе Авдотьи, писатель вспоминает некрасовскую «Тройку»: «Будет бить ее (у Некрасова — «тебя») муж-привередник и свекровь в три погибели гнуть» (т. 5, с. 242—244). В этом контексте и слова о том, что Авдотья воспитывалась вместе с господскими детьми, воспринимаются как реминисценция из Некрасова — из его стихотворения «В дороге».

Иногда даже внешность героя описывается словами Некрасова. Так, в рассказе И. А. Куцевского «История швеи» ее внешний вид описан цитатой (неточной) из «Убогой и нарядной»: «И суетливая ласковость взгляда. И убогая роскошь наряда».³⁶ То же место из «Убогой и нарядной» использовано в «Чертах из жизни Пепко» Д. Н. Мамина-Сибиряка (1894). Речь идет о петербургском загородном ресторане и двух женщинах из ресторанный хора: «Подведенные глаза, увядшие лица, убогая роскошь нарядов говорят в их пользу».³⁷ Ср. с «Убогой и нарядной» Некрасова: «И убогая роскошь наряда — Все не в пользу ее говорит». Тут же рядом об одной из них сказано: «О, которая цветка весеннего свежей». «Цветка весеннего свежей» — из стихотворения «Тяжелый крест достался ей на долю...». У Мамина-Сибиряка в обоих случаях — без кавычек.

В повести А. О. Осиповича-Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» (1877), на страницах, где говорится о разгрузке барки, среди рабочих описывается старик штундист. О нем автор, вернее, лицо, от имени которого ведется повествование, замечает: «Напомнил мне дядю Власа!» И дальше прямо называет его Власом.³⁸ Не нашедший своего места в жизни сын вконец разорившихся помещиков в рассказе того же автора «Накануне ликвидации» (1880) перебирает свои фотографические карточки и вместе с тем свою жизнь. По поводу одной из них, на которой он изображен в парадной офицерской форме, то ли в сознании его собеседника, то ли у автора возникают слова: «То был гусарский офицер». Они взяты в кавычки.³⁹ Это неточная цитата из «Прекрасной партии» Некрасова:

То был гвардейский офицер,
Войтель черноокий,

³⁵ Мордовцев Д. Л. Знаменья времени. М., 1957. С. 259—260. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

³⁶ Куцевский И. А. Указ. соч. С. 366.

³⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. М., 1958. Т. 8. С. 317. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте.

³⁸ Осипович А. (А. О. Новодворский). Собр. соч. СПб., 1897. С. 46—47.

³⁹ Там же. С. 379.

Блистал он светскостью манер
И лоб имел высокий.

Встретившему своего приятеля герою трилогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» он напоминает «Некрасовского „Огородника“» (т. 14, с. 28).

7

Еще чаще мы имеем дело с самохарактеристикой героя. Не автор сообщает читателю о нем, а сам он говорит о своих переживаниях, воспоминаниях, наблюдениях, привлекая при этом Некрасова.

В упомянутой выше трилогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» («Юность», «Изгнание», «Возвращение», 1911—1914) это проявилось особенно ярко. Главный герой в трилогии — произведение в значительной мере автобиографическом — молодой человек, выходец из дворянской семьи, студент, исключенный из университета за участие в революционном движении, сидевший в тюрьме, отправленный в ссылку, а в заключительной части возвращающийся на родину. Некрасов как бы сопровождает его на протяжении всей трилогии. Он помогает ему выразить свои переживания, передать свои настроения и жизненные впечатления.

Иногда это сравнительно нейтральные цитаты. Он едет по Волге, и на ум приходит: «О, Волга! Колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» (т. 13, с. 34).

В скромной студенческой комнате, только что снятой Тархановым, он «развесил портреты Чернышевского, Некрасова, Добролюбова и Дарвина» (т. 13, с. 126). Мысленно обращаясь к любимой девушке (причем ее образ перемежается в его сознании с образом другой девушки — Сони, погибшей в борьбе за счастье народа; в нем, без сомнения, отразились черты Софии Перовской), что-то напевая, Тарханов на замечание прислуги: «А ты не пой! У нас спят еще...» — отвечает словами из «Рыцаря на час»: «Спи, кто может, я спать не могу» (т. 13, с. 155).

Тарханов в тюрьме. «Я — политический арестант», и в голове теснятся разные мысли, и он напевает строки Некрасова, полные скорби о доле народной:

Н-о-очь, успели мы всем нас-ла-диться..
Что ж на-ам делать, не хо-о-чется спа-а-ать...

— и тотчас же раздается стук стражника в дверь, напоминающего, что в тюрьме петь не положено (т. 13, с. 181).

Мысли о своем, личном переплетаются с характеристикой общественных понятий и настроений. Так, говоря о «мелких обломках разных партий», обломках, к которым он относил и себя, и своих приятелей, с их сомнениями и колебаниями, Тарханов замечает, что у них все же осталось несколько твердых основ, в их числе: «народ в образе мужика, именно мужика, которого нас научил любить и жалеть Некрасов» (т. 14, с. 155—156). В ссылке по поводу социальных «перегородок» в любви между Тархановым и его приятелем Гришенькой происходит разговор, опять-таки с оглядкой на Некрасова:

« — Братство-то братство, равенство там и прочее, а редко случается, чтобы княжна полюбила мещанина.

— Не в этом, Гришенька, дело. Любовь не знает сословных перегородок — настоящая, конечно, любовь. У того же Некрасова есть и „Огородник лихой“. Помните?

— Хорошо вы рассуждаете. Логично. Не умею возразить. А все-таки мне не легче... Не верю в чудеса, а хочется» (т. 14, с. 128).

Наконец, Тарханов возвращается из ссылки. Снова на Волге — и снова Некрасов. У Тарханова, искреннего народолюбца, чувство горечи и растерянности вызывают нередко встреча с крестьянами и их непонимание стремлений передовой интеллигенции. По поводу разговора с ямщиком он пишет: «У меня нет никакого желания объяснять и продолжать разговор с мужиком на эту тему. У меня — только грусть и раздражение... Скоро уже полвека будет, как лучшая русская интеллигенция несет крест во имя народного горя и страданий, — если даже начинать это исчисление с того времени, когда нашу родину огласили песни „Музы мести и печали“, а

приблизилось ли хоть на один вершок наше взаимопонимание? Стали ли мы хотя немного ближе друг к другу?» (т. 15, с. 12).

Вспоминает он Некрасова (его «Размышления у парадного подъезда») и когда встречается с деревенским кулаком, не укладывающимся в сложившуюся картину крестьянской Руси. «Выспрашиваю о житье-бытье, о становом, об урядниках и земских начальниках — все стараюсь уловить хотя бы тень недовольства существующим порядком вещей — никакого протеста, всем доволен. Не верится, опять как-то не вяжется с прежним моим представлением о народе. „Где народ, там и стон раздастся“, а вот тут никакого стона, всем доволен. Что-нибудь не так. Не настоящий мужик. Мелкий сельский буржуй... Всем доволен! Противны мне все довольные люди...» (т. 15, с. 17). И несколько дальше о воспитанной Некрасовым реке: «...стал любоваться Ярославлем. Родина Некрасова! Где-то тут близко бродил он по волжским берегам, по волжским лугам и вот так же трепетал от радости свидания с родной рекой после долгой разлуки:

О, Волга! После многих лет
Я вновь принес тебе привет,
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была!..

— О, Волга! Колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» (т. 15, с. 41—42).

В «Что делать?» Чернышевского Вера Павловна и Кирсанов с увлечением читают и перечитывают поэму «Коробейники». «Это у него (Некрасова. — И. Я.) в новом роде», — замечает Кирсанов. А Вера Павловна говорит: «Привез одну новую поэму, которая еще не скоро будет напечатана».40 В самом конце романа «дама в трауре» поет «Новый год» Некрасова:

Да разлетится горе в прах
.....
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

— предвосхищая оптимистическую развязку «Что делать?» (т. 11, с. 251—252, 336).

Обаятельная девушка Даша Прохорова, одна из главных героинь романа Лескова «Обойденные» (1865), тяжело больная, лежа в постели, вспоминает строки из «Тройки» Некрасова: «И схоронят в сырую могилу» и т. д. — и прибавляет: «Господи! как глупо так умереть». И дальше она просит прочитать что-нибудь из любимого ею Некрасова, «хоть гробик ребенку, ужин отцу», то есть стихотворение «Еду ли ночью по улице темной...» (т. 6, с. 118—119).

Герой рассказа «Шерамур» (1879), «чрева ради юродивый», как сказано в подзаголовке, «вечно голодный и холодный нищий», завывает «Песню убогого странника» из «Коробейников» (т. 6, с. 254; см. также с. 294).

В романе Д. Л. Мордовцева «Знаменья времени» (1869) его герои, «новые люди» в разной связи вспоминают Некрасова. На пароходе, плывя по Волге и глядя «на эти жалкие картины, на эту пустынность, на эту бедность», один из них цитирует поэму «Саша»: «Словно как мать над сыновней могилой, Стонет кулик над равниной унылой» и т. д. (с. 48). Другому то и дело приходит на ум стихотворение «Пропала книга!» из цикла «Песни о свободном слове» (с. 117, 122, 173). Даже молодой купец Гриднев мысленно декламирует (неточно) «Размышления у парадного подъезда»: «Волга! Волга! весной многоводной» и т. д. (с. 97). В другом романе Мордовцева «Новые люди» (1868) читаем: «Их (крестьян. — И. Я.) серое горе, их серые нужды, их серые избенки, их серые дырявые чапаны, их серые, небогатые кровью лица — все это вставало пред Тутневым и голосило:

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушки».41

40 Чернышевский сознательно допустил анахронизм. Они читают поэму в 1856 году, за несколько лет до того, как она была написана и сразу же опубликована в «Современнике» (1861. № 10). При этом Чернышевский пишет: «Попала им в руки года за три раньше, чем была напечатана». Вероятно, он хотел намекнуть на цензурные затруднения, которых в самом деле не было.

41 Мордовцев Д. Новые люди. СПб., 1886. С. 266—267.

Герои романа А. К. Шеллера-Михайлова «Лес рубят, щепки летят» (1871), сестра и брат Прилежаевы, дети мелкого чиновника, люди 1860-х годов, демократически настроенные, вспоминают по разным поводам Некрасова. Она, думая о любимых ею погибших людях, вспоминает «чудные слова поэта» о «бедных матерях»:

Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...⁴²

(Стихотворение «Внимая ужасам войны...»). Ему — уже в пору обозначившейся реакции, в связи с арестом мужа сестры — приходят в голову стихи «любимого поэта», посвященные «памяти приятеля» (то есть Белинского), где говорится, как эта «наивная и страстная душа, упорствуя, волнуясь и спеша», шла быстрыми шагами к высокой цели. Интересно, в какой идейный контекст входят эти слова. С одной стороны, к таким натурам он причисляет сестру и ее мужа, горячо сочувствует им, но с другой — считает, что наступило другое время, что «так идти дальше невозможно. Тут слишком много увлечений и слишком мало расчетливости». Но вместе с тем: «Когда же расчелливо и без увлечений совершается что-нибудь новое?» (с. 406).

Одна из героинь романа И. А. Кушевского «Николай Негорев» заявляет, перефразируя строки из «Поэта и гражданина»: «Да, в настоящее время *подло...* как это?... идти во стан безвредных, когда полезным можно быть» (с. 350).

В «Братьях Карамазовых», начиная перед Алешей свою, по выражению Достоевского, «исповедь горячего сердца», как бы предвидя упреки в пьянстве, Дмитрий говорит: «Это коньяк! (...) а ты уж смотришь: „опять пьянствует“! Не верь фантому.

Не верь толпе пустой и лживой,
Забудь сомнения свои...

Не пьянствую я, а лишь „лакомствую, как говорит твой свинья Ракитин“...» (т. 14, с. 96). Прочитанные Дмитрием стихи — из любимого Достоевским стихотворения Некрасова «Когда из мрака заблужденья...». В данном случае они появились как бы не очень мотивированно, предвосхищая трагическую атмосферу отношений Дмитрия с женщинами. В том же романе, делясь с Алешей своими переживаниями, сомнениями и мыслями о человеческой жестокости и детских страданиях, о будущей гармонии, которая не может оправдать ни одной слезинки замученного ребенка, Иван по ходу своих рассуждений припоминает: «У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, „по кротким глазам“. Этого кто ж не видал, это русизм. Он описывает, как слабосильная лошаденка, на которую навалили слишком, завязла с возом и не может выпастить. Мужик бьет ее, бьет с остервенением, бьет, наконец, не понимая, что делает, в опьянении битья сечет больно, бессмысленно: „Хоть ты и не в силах, а вези, умри, но вези“. Клячонка рвется, и вот он начинает сечь ее, беззащитную, по плачущим, но „кротким глазам“. Вне себя она рванула и вывезла и пошла, вся дрожа, не дыша, как-то боком, с какою-то припрыжкой, как-то неестественно и позорно — у Некрасова это ужасно. Но ведь это всего только лошадь (...) Но можно ведь сечь и детей...» (т. 14, с. 219). Здесь имеется в виду стихотворение Некрасова «До сумерек» из цикла «О погоде». Это стихотворение произвело на Достоевского глубокое впечатление. Задолго до «Братьев Карамазовых» оно отразилось в «Преступлении и наказании», в сне Раскольникова, где описан аналогичный эпизод (т. 6, с. 46—49).

Подчас цитата преподносится не без оттенка иронии. Так, в «Селе Степанчикове и его обитателях» Достоевского (1859) повествователь племянник полковника Ростанева обращается к дядюшке с прочувствованными словами: «И я с жаром стал говорить о том, что в самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства; что неисследима глубина души человеческой; что нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстанавливать, что неверна общепринятая мерка добра и нравственности, и проч. и проч. — словом, я воспламенился и рассказал даже о натуральной школе; в заключение же прочел

⁴² Шеллер-Михайлов А. К. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344.

стихи „Когда из мрака заблужденья”...» (т. 3, с. 160—161). Некрасовские стихи прочитаны не очень уместно; они характеризуют не героев и не сюжетную ситуацию повести, в которой, как отметил В. А. Туниманов, никто никого не извлекает «из мрака заблужденья», а самого повествователя — несколько наивного и восторженного юношу, оторванного от реальной действительности.⁴³

В повести А. И. Эртеля «Волхонская барышня» (1883) народник Тутолмин, анализируя свои отношения к помещицкой дочери Варе, подвергает себя «безжалостной расправе», и в его сознании возникает ряд образов «лишних людей», в том числе герой поэмы Некрасова «Саша». «И Онегин-то, и Печорин, и Рудин, и Агарин»⁴⁴ проворно вылезали оттуда и с коварными гримасами поспешали на прокурорскую трибуну, откуда стыдили и дразнили Илью Петровича сходством своих похждений с его отношениями к Варе». В романе того же автора «Смена» (1891) Аленушка на вопрос, любит ли она Пушкина, отвечает: «Читала... Ничего, красиво. Вот Некрасова люблю» (с. 7, с. 170). «Записки степняка» того же Эртеля написаны от имени их главного героя Батурина, интеллигента 1870—1880-х годов, тяжело переживающего путаницу пореформенных общественных отношений, с глубоким сочувствием относящегося к деревенскому люду и его бедам и вместе с тем постоянно испытывающего чувства неуверенности и растерянности. Во вступительном очерке к «Запискам» — «Мое знакомство с Батуриным» (1883) — Эртель сообщает краткие сведения о нем и его горьких размышлениях о себе и своем поколении. Батурин завидовал людям 1840-х и 1860-х годов: у них была ясность и цельность. Любимые писатели Батурина — Глеб Успенский и Некрасов. Читая стихи Некрасова, пишет Эртель, «он покладал душу, и они выходили у него изумительно прекрасными. Я и теперь без волнения не могу вспомнить то страстное выражение его глубокого и гибкого голоса, с которым он произносил, весь охваченный каким-то острым и тревожным ознобом». И дальше приводится большой отрывок из «Рыцаря на час» от «Что враги? Пусть клеветают язвительней» до «Что умел он любить...», включая известные строки:

От ликующих, праздно болтающих,
Обгадяющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

«Хорошо это у него выходило», — замечает Эртель (т. 1, с. 6—7).

А в конце рассказа «Addio» (1882) из того же цикла Эртеля есть такой эпизод.

«Сегодня тетушка разразилась трагической тирадой и в конце концов истерически разрыдалась.

— Душно! — сдерживая вопли, произнесла она в пафосе, — без счастья и воли жизнь, как в могиле, темна... Буря бы грянула, что ли?.. — Чаша с краями ровна..., — согласился я, откладывая газету...» (т. 2, с. 299). Здесь для характеристики подавленного душевного состояния героев цитируется (неточно) первое четверостишие известного стихотворения Некрасова без указания автора и без кавычек.

В «Попрыгунье» Чехова (1892) приятель Дымова Коростылев — тоже доктор — поет «Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал» (т. 8, с. 92). В его же рассказе «У знакомых» (1888) адвокат Подгорин посещает своих приятелей в имении, где бывал еще в студенческие годы, с теплым чувством вспоминает давние разговоры, веселый смех, вечерние прогулки, целый цветник девушек и молодых

⁴³ Туниманов В. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980. С. 59.

⁴⁴ Отмечу попутно, что за полтора десятка лет до этого образ Агарина — в несколько ином контексте — возник в повести Н. Н. Златовратского «Золотые сердца» (1877). Майор Усташев беседует со своей дочерью Катей об их добром знакомом Морозове. Все они затронуты народническими настроениями. Усташев симпатизирует Морозову, но в то же время критически относится к нему. Он говорит: «Он — Рудин! Вы, думаете, Рудины были и быльем поросли? Нет, брат, они живучи! Ты думаешь, что он артели устраивает, так будто и дело делает? А я тебе скажу, что все это — та же рудинщина, только в иных формах. Знаем мы их — этих разочарованных Наполеонов-то, что „по свету рыщут, дела себе исполинского ищут!”» (Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 112—113). Агарин не назван, но последние слова в приведенной выше цитате относятся именно к нему и ему подобным. Это слова из поэмы «Саша».

женщин. И как отзвук этого прошлого звучит сцена, когда Варя (тогда курсистка) вспоминает Некрасова и декламирует «Железную дорогу» (т. 10, с. 13).

В рассказе В. И. Дмитриевой «Доброволец» (1889) Леонид Марлов, исключенный из семинарии за чтение «ненадлежащих» книг и деятельно занимающийся самообразованием, человек демократических взглядов, но вместе с тем скептического склада ума, с тревогой наблюдает за тем, что делается в России, и за событиями на Балканском полуострове (действие основной части рассказа происходит в середине 1870-х годов). Он говорит приятелю: «Уж и теперь сербы что-то на нас коситься начинают. Опасаются наплыва русской молодежи. Это уж теперь, когда еще мы им нужны, а что будет потом? (...) Непременно наступит разочарование (...) То же самое выйдет, что и с народничеством (...) А все оттого, что мы привыкли смотреть на все сквозь какую-то призму. Эх ты, Русь, Русь матушка! „Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная“, — а все-таки люблю я тебя, право!»⁴⁵ Известные слова песни Гриши из «Кому на Руси жить хорошо» являются заключительным оптимистическим аккордом размышлений Леонида, как и в самой поэме Некрасова.

Главный герой романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» (1894) — студент, пользовавшийся большим успехом у женщин и ведущий весьма легкомысленную жизнь. Но что-то все же беспокоило его, он чувствовал какую-то внутреннюю неудовлетворенность, неуверенность. И в знаменательные моменты его жизни приходит на ум Некрасов. Один из приятелей Пепко, припоминая известные строки из «Рыцаря на час», писал: «Я начинал вообще замечать какую-то перемену в настроении Пепко (...) Он часто принимал задумчивый вид и мурлыкал про себя:

...От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Мне лично было как-то странно слышать эти слова именно от Пепки с его рафинированным индифферентизмом и органическим недоверием к каждому большому слову» (т. 8, с. 365—366).

Пепко болеет, думает о смерти, и тут ему вспоминается стихотворение Некрасова на смерть Д. И. Писарева «Не рыдай так безумно над ним...»: «Кажется, Некрасов сказал, что хорошо молодым умереть. Я с этим не мог согласиться и как-то весь затаился, как прячется подстреленная птица» (с. 391). «Помнишь романс, — пишет Пепко из госпиталя приятелю:

Не говори, что молодость сгубила,
Ты ревностью истерзана моей...
Не говори: близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей.

(...) Нейдет он у меня из башки вторую неделю — лежу и повторяю его про себя. Повторяю, повторяю, да и додумался: ведь это про меня сказано, да и про тебя тоже...» (с. 493). Другой герой романа Мамина-Сибиряка (1894) Порфирий Порфирыч Селезнев, жалкий газетчик, по собственному определению — «литератор из мелкотравчатых», нищий и оборванный, в пьяном виде поет:

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи.
«Будешь счастлив Калистратушка!»

(с. 252)

Таким образом, судьба Калистрата (из стихотворения «Калистрат») как бы характеризует его собственную горькую участь.

Художник Алымов из одноименного рассказа В. Г. Короленко (написан в 1890-х годах, опубликован в 1923 году) по случайному поводу, но отнюдь не случайно приводит в разговоре (не вполне точно) строки из «Поэта и гражданина» Некрасова:

⁴⁵ Русские повести XIX века 70—90-х годов. Т. 2. С. 593.

Довольно с нас купцов, кадетов,
 Мещан, чиновников... дворян,
 Довольно даже и поэтов...
 Но нужно, нужно нам граждан.⁴⁶

Наконец, учащемуся духовной семинарии Грише из повести И. Шадрина «Бурса» (1913) вспоминаются (не вполне точно) слова Некрасова из стихотворения «В полном разгаре страда деревенская...»:

Долюшка русская, долюшка женская!..
 Вряд ли труднее сыскать!

8

Особый случай, когда в пределах одного произведения его герои совсем по-разному, каждый по-своему воспринимают Некрасова, и их восприятия по существу противопоставлены одно другому.

Наглядный пример — роман В. И. Бибикова «Чистая любовь» (1887). Марья Ивановна Велинская, молодая падшая женщина, которая, однако, сохранила некую душевную чистоту, мучится своим положением и, не находя выхода, кончает жизнь самоубийством. Марья Ивановна очень любит и часто читает Некрасова, «а некоторых стихотворений не может читать без слез».⁴⁷

Вместе с тем Некрасов является своеобразной лакмусовой бумажкой и для других героев романа. Для одного из них, студента Полушубкова, он служит лишь маскировкой. «Он уговорил ее купить сочинения Некрасова и с чувством декламировал „Убогую и нарядную“, назидательно подчеркивая некоторые места». А скоро после этого силой овладел Марьей Ивановной (с. 49). Другой герой — удачливый адвокат, развратник и кутила Тюльпанов тоже «читал вслух „Убогую и нарядную“, стараясь подражать провинциальным чтецам-декламаторам; он завывал на последних слогах и делал ударение на звонких словах». И его «деланное чтение» раздражало Марью Ивановну (с. 144—145). Наконец, Стерлядкин, с которым Марья Ивановна в порыве отчаяния сошлась и пыталась соединить свою судьбу. «Однажды Марья Ивановна прочитала вслух известное стихотворение Некрасова „Когда из мрака заблуждения“ — стихотворение, которое она не могла читать без слез, и, несколько успокоившись, спросила Павла Алексеевича, разделяет ли он ее восторг. Стерлядкин отвечал уклончиво, что стихотворение недурно, а на новый вопрос Марьи Ивановны, мог ли бы он, как поэт, сказать его словами: „И в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди!“ — Мог ли бы он простить, забыть прошлое, жениться на такой женщине, о которой говорит Некрасов. Павел Алексеевич отвечал спокойно и хладнокровно, что считает возможной для честного человека женитьбу только в том случае, если денежные средства жениха или невесты обеспечивают их безбедное существование. Но Марья Ивановна поняла, что он увернулся от прямого ответа» (с. 123). В такой реакции на стихотворение Некрасова выразилась вся натура Стерлядкина, расчетливого молодого человека, банковского служащего, которым владела одна мечта — скопить деньги, построить каменный дом и стать его владельцем.

Нечто аналогичное — в повести Е. Н. Чирикова «Инвалиды» (1897). «Инвалиды» — это люди, в прошлом всецело захваченные своими светлыми идеалами (народническими) и пострадавшие за них, а затем сломанные жизнью, не находящие в ней своего места, но все же не примирившиеся с пошлостью и несправедливостью. Один из них — пьяница Воронин, с горечью сознающий, что его «песенка спета», — поет «Песню Еремушке»: «Жизни вольным впечатленьям» и т. д. Другой — главный герой повести Крюков — встречается с приятелем студенческих лет, тогда весьма радикально настроенным, а ныне давно уже забывшим увлечения молодости, преуспевающим и богатым профессором-медиком Порецким и его женой Варей, в которую Крюков был когда-то влюблен. В какой-то момент они поют «Укажи мне такую обитель...». Но в то время как Крюков по-настоящему был взволнован, песня

⁴⁶ Короленко В. Г. Собр. соч. М., 1954. Т. 3. С. 295.

⁴⁷ Бибиков В. Чистая любовь. СПб., 1887. С. 74; см. также с. 88, 166.

отвечала его глубоким душевным переживаниям, для Порецких это были лишь минутные поверхностные воспоминания.⁴⁸

В ряде случаев в устах героев некрасовские стихи вовсе не выражают их внутренних переживаний и мыслей, но употреблены как ходовые и популярные, как своеобразная дань времени, а иногда даже явно противоречат духовному содержанию этих людей, обывателей и пошляков.

Немало таких примеров находим у Чехова, особенно в раннем периоде его творчества. Герой рассказа «Блины» (1886) заявляет: «Печенье блинов есть дело исключительно женское (...) Если Некрасов говорит, что русская женщина настрадалась, то виноваты и блины» (т. 4, с. 361). Учитель чистописания в рассказе «Неудача» (1886) на вопрос: «Как же вы учите писать, если сами плохо пишете?» — отвечает: «Гм... Это ничего не значит-с. В чистописании главное не почерк, главное, чтоб ученики не забывались (...) Да что почерк! Пустое дело! Некрасов писатель был, а совестно глядеть, как писал. В собрании сочинений показан его почерк» (т. 4, с. 298). См. также рассказы «Лист» (т. 2, с. 112), «О женщины, женщины!» (т. 2, с. 341—342), «Либеральный душка» (т. 3, с. 137). Здесь уместно отметить, что Чехов неприязненно относился к чтению с эстрады известных некрасовских стихотворений с ложными театральными интонациями — см. «Комические рекламы и объявления»: «„Холодно, странничек, холодно!“ Проплачет г. Иванов-Козельский» (т. 1, с. 124).

В заключение отмечу, что некрасовские стихи и выражения, иногда без упоминания имени поэта, используются при воспроизведении пейзажа. Так, С. Н. Терпигорев в повести «Марфинькино счастье» (1888), описывая цветущий сад, цитирует «Зеленый шум» Некрасова: «Это было весною. Я помню это потому, что у меня сохранилось впечатление об их саде, буквально вот как у Некрасова: „Как молоком облитые...” Такой массы вишен я не видывал — целые куртины их, несколько десятин: и все в цвету, белые, „как молоком облитые”».⁴⁹ С душевным подъемом говоря о пейзаже разных частей России, герой романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко» замечает между прочим: «Среднерусская равнина с ее врачующим простором, разливы могучих рек». «Врачующий простор» — из Некрасова, из его «Тишины»:

Спасибо, сторона родная
За твой врачующий простор.

(Т. 8, с. 289)

В ряде мест я указывал на неточности в цитатах из Некрасова. Помимо самого факта это еще раз говорит о том, что стихи его приводились по памяти, то есть были на слуху и современников поэта, и людей следующих поколений.

Можно было бы увеличить количество аналогичных фактов, но, думается, в этом нет необходимости. Мне хотелось только показать, что систематическое собирание подобного материала расширит наши представления как о прижизненной, так и о посмертной судьбе поэзии Некрасова.

⁴⁸ Чириков Е. Очерки и рассказы. СПб., 1906. Кн. 2. С. 29, 58—59.

⁴⁹ Терпигорев С. Н. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 4. С. 18.

Н. Н. Мостовская

НЕКРАСОВ И ЖОРЖ САНД

Период становления Некрасова-художника, начавшийся в 1840-е годы, совпал с бесспорным признанием Ж. Санд в России. Многие произведения французской писательницы были хорошо известны в подлинниках. В русских журналах постоянно печатались переводы ее романов, пользовавшиеся огромным успехом, в критике обсуждались центральные идеи ее творчества. Луи Виардо писал в 1843 году Ж. Санд из России по этому поводу: «...Вы здесь первый писатель, первый поэт нашей страны. Ваши книги есть у всех. Ваши портреты у всех перед глазами».¹

В передовых кругах русской интеллигенции отношение к Ж. Санд как к литератору и идеологу стало вполне устойчивым. Пережив эволюцию, В. Г. Белинский в рецензии (1841) на роман «Mauprat» назвал Ж. Санд «гениальной женщиной» и отметил как основные достоинства ее творчества демократизм и «глубокую гуманность». В другой статье он именовал французскую писательницу «первой поэтической славой... мира».² Разъясняя свою оценку, Белинский с творчеством Ж. Санд связывал возникновение общественного социального романа.

По наблюдениям одного из авторитетных исследователей проблемы Ж. Санд в России А. П. Скафтымова, «во второй половине 1840-х годов Ж. Санд многими выдвигается как провозвестница новых освободительных социалистических идей. Ее имя ставится рядом с Сен-Симоном, Кабе, Фурье, Луи Бланом. В ее творчестве видят прежде всего провозглашение новой веры в человека, в будущий „золотой век“, который должен прийти вместе с социализмом. Кажется, нет ни одного сколько-нибудь значительного русского писателя или публициста 40-х годов, который не был бы заражен обаянием творчества Ж. Санд».³ Здесь очень точно определено содержание ряда близких понятий — идеал, идеалистка, поэт, — неизменно связанных в 40—50-е годы с именем Ж. Санд. В этом смысле упоминали о ней Белинский, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, хотя, безусловно, каждый из них неодинаково истолковывал творчество писательницы в целом.

Салтыков-Щедрин писал о Ж. Санд в очерке «За рубежом»: «В этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле определяло ее содержание».⁴ Достоевский в «Дневнике писателя» за июнь 1876 года не только сказал о своем преклонении перед французской романисткой, но и объяснял ее общественное значение как художника и мыслителя. «Это одна из наших (то есть наших) современниц вполне — идеалистка тридцатых и сороковых годов. Это одно из тех имен нашего могучего, самонадеянного и в то же время большого столетия, полного самых невыясненных идеалов и самых неразрешимых желаний, — имен, которые, возникнув там у себя, в „стране святых чудес“, переманили от нас, из нашей вечно создающейся России, слишком много дум,

¹ Lettres inédites de George Sand et de Pauline Viardot (1839—1849). Paris, 1959. P. 196. — Ср. с аналогичным суждением рецензента «Сына отечества», писавшего о «молодежи, знающей наизусть Жорж Санд» (Сын отечества. 1839. Т. 11. Отд. IV. С. 34—35).

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. V. С. 175—176; т. VI. С. 279.

³ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 224—225.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1972. Т. 14. С. 111.

любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогих убеждений».⁵ Достоевский же заметил, что в связи со строжайшими цензурными гонениями в России 40-х годов романы Ж. Санд стали единственно легально возможными.

О том, что творчество французской романистки явилось важнейшим событием общественно-литературной жизни России, о своем восхищении личностью писательницы, об интересе к ее литературной деятельности неоднократно писал Тургенев, друживший с нею на протяжении тридцати лет. И хотя отношение Тургенева к творчеству Ж. Санд было сложным (эстетическая концепция Ж. Санд, романтическая по своей сути, была небесспорной для Тургенева-художника), социально-этические проблемы, затронутые в произведениях французской писательницы, нашли живой отклик в его творениях (в повести «Переписка», в романах «Рудин», «Накануне», «Новь»). Назвав французскую писательницу «одной из наших святых», Тургенев в некрологической заметке «Несколько слов о Жорж Санд» отметил самые сильные стороны ее творчества — поэтический энтузиазм, веру в идеал.⁶

Некрасов также пережил увлечение идеями и личностью Ж. Санд, что нашло отражение в его многогранной деятельности журналиста, литературного критика, поэта и прозаика. «Спиридион» — первое произведение французской писательницы, отрывки из которого он прослушал в начале 40-х годов в чтении и переводе И. И. Панаева.⁷ С миром идей Ж. Санд молодой литератор познакомился в кружке Белинского, в период дружеского общения с Тургеневым, позднее с Чернышевским.

Редактируя «Современник», Некрасов неоднократно публиковал в этом журнале лучшие произведения французской писательницы. Его отбор переводов был весьма характерен. Он отражал не только эстетические вкусы и пристрастия молодого писателя, но и ведущие тенденции общественно-литературной жизни времени. Так, в приложении к январскому номеру «Современника» за 1847 год был опубликован роман «Лукреция Флориани», посвященный идее женской эмансипации, провозвестницей которой стала в России Ж. Санд. О популярности этого романа свидетельствовало то, что он печатался одновременно и в другом русском журнале — «Отечественные записки» и вышел в свет отдельной книжкой. В этом же году в июньском номере «Современника» русские читатели познакомились с первой и второй частями романа «Пиччинино»,⁸ в котором речь шла о справедливости народной борьбы за свободу своей родины. Именно с публикаций названного романа в России начались цензурные гонения на французскую литературу. Продолжение «Пиччинино» было запрещено цензурой, и Некрасову вместе с Панаевым пришлось пойти на уловки: окончание романа было помещено в девятом номере «Современника» за 1847 год в их собственном пересказе.

Журнал стремился познакомить русского читателя с самыми разнообразными темами и жанрами французской романистки. В 1852 году здесь публиковались ее деревенские повести, в которых прославлялась моральная чистота патриархальной деревни, противопоставленная городу. «Они живут нормальнее (может быть, примитивнее), — писала Ж. Санд о деревенских жителях в очерке «Ночные видения в деревнях», — но они более слиты с элементами творения, чем мы, отдаленные возделыванием мысли, так сказать, и от неба, и от земли, создающие себе жизнь вымышленную, заключенные в каменные закупоренные жилища».⁹ Мысль, распространенная в литературе со времен Руссо, не казалась писательнице устаревшей. В октябрьском номере некрасовского журнала появилась и близкая по теме к деревенским повестям статья Ж. Санд «Нравы и обычаи в Берри»; в 1851 году в приложении к № 4 и 5 «Современника» напечатана ее повесть «Итальянские артисты»; в 1853 году в приложении к № 10—12 — роман «Замок Мон-Ревеш»; в 1865 году в приложении к № 9—12 — роман в двух частях «Пьер Гюгенен» и другие произведения.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. Л., 1981. Т. 23. С. 30.

⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. 2-е изд. М., 1983. Т. XI. С. 191—192.

⁷ По свидетельству И. И. Панаева, Некрасов был знаком с произведениями Ж. Санд по русским переводам (Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 248).

⁸ Начало перевода романа «Пиччинино» появилось одновременно в приложениях к июньским книжкам «Современника», «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения».

⁹ Современник. 1852. № 1. Отд. VI. С. 73.

Не меньший интерес представляют собой критические отклики «Современника» на творчество Ж. Санд. Среди них нельзя не отметить заказанную Некрасовым большую статью переводчика А. И. Кронеберга «Последние романы Ж. Санд» в первом номере «Современника» за 1847 год. В ней не только анализировались романы «Чергово болото», «Теверино», «Грех господина Антуана», «Лукреция Флориани», но, что особенно важно, исследовались причины успеха Ж. Санд в России. Споры, которые возникали вокруг ее имени, по мнению переводчика, затрагивали глубоко принципиальные литературно-эстетические, нравственные, общественно-политические вопросы. При этом критик не разделял социалистических идеалов писательницы. «Что касается до мнений автора, — писал он по поводу романа «Грех господина Антуана», — то они, без сомнения, ошибочны, неисполнимы и идеальны», «из-за романиста проглядывает социалист. Рука мастера видна и здесь, но видно, что эта рука писала не свободно, но на заданную тему. От этого главное лицо романа, представитель социальных идей, Эмиль — лицо совершенно бледное, идеальное; вы чувствуете, что он не выхвачен, подобно прочим созданиям Санд, из живой действительности, а придуман как орган мнений автора. Любовь его к Жильберте, лицу, почти столь же бледному, не что иное, как узел, необходимый для романа. Уничтожьте эту любовь — и роман исчезнет, останется только диссертация о разных социальных предметах в виде разговоров Эмиля с отцом своим, с маркизом, с Жаном Жапплу».¹⁰ Однако, ставя в вину Ж. Санд ее романтический метод, тяготение к абстрактным образам, излишнюю декларационность, критик относился с уважением к гуманным убеждениям писательницы и отдавал ей должное как художнику, обратившемуся к центральным проблемам времени: проблеме народа, идее усовершенствования общества. В частности, в повести «Чергово болото» Кронеберг увидел естественную аналогию с русской народной жизнью, а по поводу романа «Теверино» заметил, что изображенные в нем лица «до того верно выхвачены из действительности, что вы вспоминаете о них как о знакомых, с которыми встречались, спорили, говорили, которые и сердили, и смешили, и удивляли нас. Во всем рассказе нет ни одной ложной, натянутой струны».¹¹

Публикация этой статьи в «Современнике» показательна. Она не была редакционной и далеко не во всем совпадала со взглядами Некрасова. И все-таки ею некрасовский журнал включался в полемику, которая велась вокруг творчества писательницы и ее утопических идеалов. И то и другое воспринималось в России по-разному. Тургенев, например, высоко оценивал те произведения Ж. Санд, в которых ее общественная тенденция не являлась самодовлеющей и не снижала художественной изобразительности. В этой связи он выделял ее деревенский роман «Франсуа-найденш». «Написан в ее лучшей манере: просто, правдиво, захватывающе, — заметил он в 1848 году, — ясно видно, что ей (Ж. Санд. — Н. М.) по горло надоели социалисты, коммунисты, пьеры леру и другие философы, что она ими измучена и с наслаждением погружается в этот источник молодости — искусство простодушное и совершенно земное (...) В самом начале предисловия есть описание осеннего дня в несколько строк... Это чудесно. У этой женщины — дар передавать самые тонкие, самые мимолетные впечатления уверенно, ясно, понятно; она умеет *рисовать* даже благоухания, даже мельчайшие звуки...»¹²

Пропагандируя творчество Ж. Санд в России, Некрасов вместе с тем уже в своих ранних рецензиях, написанных одновременно с откликами Белинского на ту же тему, критически оценивал романтически приподнятую манеру изложения писательницы, присущую, по его мнению, в частности, роману «Мозаисты» (главным образом его предисловию). «Прочитав начало поразительно нелепого предисловия г-жи Дюдеван, — писал он в иронически шутливом тоне в рецензии, опубликованной в «Литературной газете» (1841. № 52. 15 мая), — я с восхищением начал читать „Мозаистов“, думая на каждой строке встретить раздражающие картины убийства и полные реки крови...» (Н 2, 11₁, 11). Это суждение, высказанное в нарочито

¹⁰ Там же. 1847. № 1. Отд. III. С. 92, 93.

¹¹ Там же. С. 89, 91.

¹² Тургенев И. С. Пол. собр. соч. и писем. В 30-ти т. Письма. 2-е изд. М., 1982. Т. 1. С. 387—388.

пародийной форме, присущей критическим выступлениям молодого Некрасова, в известной степени перекликается с мнением Чернышевского, отмечавшего позднее в романах Жорж Санд «довольно много экзальтации».¹³ Заметим, Некрасов в своей рецензии преднамеренно скомпоновал отрывки из предисловия к «Мозаистам» и свои комментарии к ним так, что действительно создавалось впечатление выпренности стиля. Подобная нарочитость (как прием) была предпринята с целью осмеяния броских клише романтической стилистики, вроде «раздирающие картины убийства и полные реки крови». Ирония усиливалась и насмешливой авторской ремаркой: «...я до таких вещей страстный охотник» (Н 2, 11, 11). По большому счету было бы ошибочным искать здесь оценку творчества французской романистки. В совершенно ином серьезном тоне откликнулся на это произведение Белинский.

Позднее зрелый Некрасов-критик иначе отзовется о Жорж Санд. Он признает важным этическое содержание ее литературной деятельности, уловит главную ее особенность — «неотразимое обаяние», источник которого в «бескорыстном стремлении к идеалу, неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному» (Н 2, 11₂, 148). Эта мысль высказана в статье «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» по поводу романа Жорж Санд «Лора», который сопоставлялся им с романом Диккенса «Тяжелые времена».

Так же, как и Тургенев, Некрасов не принимал романтической концепции писательницы. Очевидно, поэтому он назвал (в «Заметках о журналах») роман «Лора» «посредственным», а «Тяжелые времена» Диккенса — «превосходным». Три года спустя он откровенно писал М. Л. Михайлову по поводу ее другого романа «Нарцисс»: «Я, признаюсь, ничего хорошего, даже порядочного не жду от Жорж Санд, — но ради новости штука сойдет».¹⁴ И тем не менее, сравнивая романы Ж. Санд и Диккенса, Некрасов отдает предпочтение «сандовскому». Роман «Лора» при всех его несовершенствах напоминает критику «впечатления и призывы юности, к которой всегда сладко перенестись мыслию». Проникнутое «стремлением к идеалу, неуловимому (...) возвышенному, недостижимо прекрасному», это произведение, по мнению Некрасова, «поясняет, чего недостает» роману Диккенса. Не отказывая последнему в литературных достоинствах (Диккенс так же, как и Теккерей, принадлежал к любимым писателям поэта), Некрасов возражал против излишней «положительности», «фактичности», присущей «Тяжелым временам» и, в конечном счете, против подчеркнутого прагматизма в понимании нравственной природы человека. «Если необходимы и благотворны такие романы, как роман Диккенса, то не менее нужны и такие романы, о которых мы теперь заговорили, — писал он, — романы, идеализирующие действительность, лишь бы идеализация была искренняя, исходящая из благородной и высокой природы автора, жаждущего видеть человека лучшим, чем он есть, и в тоске неудовлетворенной жажды создающего прекрасные идеалы...» (Н 2, 11₂, 148).

Некрасовское понимание литературных заслуг Ж. Санд, самого характерного в ее творчестве явно перекликается с ее собственными эстетическими взглядами. В предисловии к роману «Comraçon du tour de France» («Странствующий подмастерье») она писала: «Я стремлюсь изобразить человека таким, каким мне хочется, чтобы он был, каким, по моему мнению, он должен быть». А в другом месте (предисловие к «Чертову болоту») она говорит об этом еще более прямо: «Искусство не есть изучение существующей действительности; это поиски идеальной правды».¹⁵ По-видимому, этот пафос «поиска идеальной правды» имел в виду Некрасов, отдавая преимущество «сандовскому» роману по сравнению с «диккенсовским».

Высоко оценивая способность Ж. Санд создавать «прекрасные идеалы» (хотя и неосуществимые пока в действительной жизни), Некрасов во многом сближался со своими современниками (в том числе с Белинским, Тургеневым, Достоевским, Герценом). В какой-то мере точка зрения Некрасова перекликалась и с суждением Ап. Григорьева, который не принимал в Ж. Санд социального реформатора (в статье

¹³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1947. Т. III. С. 341.

¹⁴ Некрасовский сб. Л., 1960. Вып. III. С. 258.

¹⁵ Санд Ж. Собр. соч. В 8-ми т. Л., 1974. Т. 8. С. 11.

«О правде и искренности в искусстве»), но восхищался ею как «единственным поэтом-идеалистом нашей эпохи».¹⁶

Заметим, кстати, о «сандовском» и «диккенсовском» типах романов как о возможных на русской почве впервые писал Тургенев в статье о романе Евг. Тур «Племянница» (1852). Не исключено, что Некрасов учитывал и его мнение. Таким образом, романы Ж. Санд и Диккенса послужили импульсом для разьяснения одного из важных положений литературно-этических убеждений самого Некрасова. Не случайно это его суждение о Ж. Санд и «сандовском» романе так созвучно многим другим высказываниям поэта (в письмах этого времени к И. С. Тургеневу, В. П. Боткину) о нравственном содержании литературы, в частности о нравственном значении личности и творчества Гоголя («Это благородная и в русском мире самая гуманная личность» — Н 1, 10, 232—233), Тургенева («Это человек, способный дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни», — Н 1, 10, 259), Грановского (о влиянии его «чистой и прекрасной личности на современников»).

Аналогичная мысль высказана Некрасовым и по поводу повестей Тургенева «Яков Пасынков» и «Три встречи», о которых он намеревался писать отдельно. Напомним его известное обращение к Тургеневу в 1857 году: «Прошу тебя, перечти „Три встречи“, уйди в себя, в свою молодость, в любовь, в неопределенные и прекрасные порывы юности — и напиши что-нибудь этим тоном. Ты сам не знаешь, какие звуки польются, когда раз удастся прикоснуться к этим струнам сердца, столько жившим, как твое, — любовью, страданием и всякой идеальностью» (Н 1, 10, 328). Едва ли это высказывание (почти краткий конспект неосуществленной статьи) можно расценивать только как проявление излишне восторженного отношения к Тургеневу. Совершенно очевидно, что и здесь обнаруживается существо литературно-этических принципов Некрасова-критика, который придавал немаловажное значение нравственному пафосу искусства.

В некрасовском понимании идеала («идеальности») отразилась свойственная ему как человеку, прошедшему школу идей 40-х годов, антропологическая концепция личности, его вера в человеческую натуру — основу общественного прогресса. Другое дело, что этой верой этические взгляды Некрасова не исчерпываются: он видел и сложность, противоречивость и трагический ход современной истории. Кроме того, патетика некрасовских высказываний соответствует и стилю времени. Уместно здесь вспомнить и Белинского, для которого способность запечатлеть «мистику сердца» (его слова) являлась одним из признаков настоящего художника. По мнению В. П. Боткина, «восторженность лежит в основе мыслей всякого мыслителя, всякого истинного поэта».¹⁷ А для Некрасова Ж. Санд с ее гуманистическими идеалами была поэтом.

Некрасов-критик не оставил специальных статей о Ж. Санд. Однако его оценки, рассмотренные выше, дают основание судить о том, что у него был свой определенный взгляд на творчество французской писательницы.

Как и всех передовых современников, поэта привлекала сама личность Ж. Санд, ставшая для русского общества первой половины XIX века символом независимости, свободы от рутины условностей. В ней, так же как и в мире ее идей и образов, таилась притягательная сила. В 1855—1856 годах в «Современнике» при поддержке Некрасова был опубликован подготовленный Чернышевским перевод биографии Ж. Санд «L'histoire de ma vie» («История моей жизни»)¹⁸. Первые две статьи, напечатанные в январском номере, были даны в точном переводе и пересказе со своеобразными оценочными комментариями переводчика.

Существенно, что перевод биографии готовил Чернышевский, на всю жизнь сохранивший преклонение перед французской писательницей. Не менее важно и то, что эта публикация оказалась актуальной и злободневной. Имя Ж. Санд к этому времени не только прочно вошло в общественно-литературную жизнь эпохи, но

¹⁶ Григорьев А. О правде и искренности в искусстве // Русская беседа. 1856. Т. 3. Отд. II. С. 48—50.

¹⁷ Боткин В. П. Литература и критика. М., 1984. С. 187—188.

¹⁸ См.: Современник. 1855. № 1, 3, 7; 1856. № 4—8. — Перевод сопровождался предисловием и послесловием Чернышевского.

стало одновременно и легендой, и даже символом бытового поведения. Чернышевский же считал, что русский читатель «на фактах, представляемых автором» (Ж. Санд), сможет познакомиться теперь с историей развития «представительницы лучшей части поколения», «натуры чрезвычайно сильной», высокой.¹⁹

В рукописных материалах к переводу содержалась следующая фраза Чернышевского, разъясняющая цель публикации «Истории моей жизни»: «Как бы ни судили мы о некоторых недостатках произведений г-жи Жорж Занд, но она — едва ли не гениальнейшая писательница новейшей Европы, после смерти Гете, Байрона и Вальтера Скотта. Как бы мы ни судили о некоторых недостатках ее характера, но она принадлежит к числу благороднейших и энергичнейших личностей нашего времени. Жизнь такого человека не может не быть интересна, как психологический роман, хотя бы и не была обильна событиями». Приведем еще одно характерное суждение Чернышевского на эту тему: «Мы говорим не о нелепых криках против мнимой безнравственности романов г-жи Жорж Занд и ее образе жизни. Эти глупые крики личных и еще более политических врагов ее и не заслуживают ничего, кроме презрения, по своей тупоумной пошлости. Кто не уважает высокую личность гениальной писательницы, тот ее не понимает, тот или дурной, или неразвитой человек; кто не видит, что ее произведения глубоко нравственны, тот не имеет понятия о нравственности».²⁰ Этот абзац также почерпнут из рукописи перевода. По-видимому, по цензурным соображениям он не вошел в основной текст, но был безусловно известен и созвучен Некрасову-поэту.

В центре внимания Чернышевского была история становления творческой индивидуальности Ж. Санд. Проблема личности писателя и связанная с нею проблема самобытности таланта художника особенно остро занимали и Некрасова в этот период. Рецензируя «Стихотворения Я. П. Полонского» (1855), он высказал одно из своих заветных эстетических суждений: «В наше время писателю, чтоб достойно проходить литературное поприще, недостаточно одного таланта; самая личность его много значит». Далее Некрасов прокомментировал этот важный тезис так: «Любовь к истине, превосходящая всякую другую любовь, вера в идеал как нечто возможное и достижимое, наконец, живое понимание благородных стремлений своего времени (...) вот что спасет талант от постигающей его нередко апатии и других спутников упадка» (Н 2, 11₂, 136). В этих словах ошутимы некрасовские раздумья не только о собственном творчестве, но и о назначении поэта вообще. Тургенев, Л. Толстой, Гоголь, Писемский также характеризовались Некрасовым-критиком в единстве гуманистических стремлений их личности и художнического таланта. И наконец, что очень важно, суждения Некрасова дают ключ к пониманию замысла стихотворения «Поэт и гражданин», над которым он работал в это время.

Не менее существенно отношение Некрасова к так называемому женскому вопросу. Возможно, оно складывалось не без воздействия сенсимонистской идеи раскрепощения личности, прежде всего женской, ставшей центральной в творчестве Ж. Санд. В самой мысли морального и гражданского освобождения женщины, занимавшей французскую писательницу, для Некрасова, так же как и для Чернышевского, было много созвучного.

К жоржсандизму и утопическому социализму проявляют интерес герои некрасовских произведений. Об этом поэт говорит метафорически, например в поэме «Саша» (1855):

Есть на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна.

(Н 2, 4, 20—21)

Жоржсандовские мотивы звучат в его эпической поэме «Мать». (Из поэмы «Мать». Отрывки. 1877). Не случайно Некрасов опубликовал это произведение с посвящением Е. О. Лихачевой, передовой общественной деятельнице 70-х годов,

¹⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 343—344; см. также: Скафтымов А. П. Чернышевский и Жорж Санд // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 218—249.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. III. С. 819, 829.

автору статей по женскому вопросу и монографии «Материалы для истории женского образования в России» (1890). И дело вовсе не в сходстве некоторых черт героини и отдельных ситуаций поэмы с персонажами и коллизиями первого романа Ж. Санд «Индиана». Такое суждение высказывалось в литературе,²¹ хотя ни о непосредственной, ни даже о косвенной связи здесь не может быть и речи. Естественно, что источником одного из лучших поэтических произведений Некрасова стали русская жизнь и судьба самого поэта. Однако гуманистические идеи Ж. Санд были ему безусловно близки и по-своему художественно претворены, когда он писал такие, например, строки:

Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу, подвижница, пою!..

(Н 2, 4, 252)

Кроме того, Некрасов-поэт активно выступал в защиту Ж. Санд, протестуя против примитивного представления о французской писательнице, распространяемого ее противниками, говоря словами Чернышевского, «людьми дурными и неразвитыми». Так, в стихотворном наброске 1843—1844 годов (помещенном на листах чернового автографа романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова») Некрасов иронически писал:

И он их не чуждался в годы оны
И вычитал оттуда, что она
Курит сигары, носит панталоны
И с мужем развелась
И влюблена в какого-то повесу.

(Н 2, 1, 407)

И хотя имя Ж. Санд здесь не названо, оно сразу же угадывается. Используя распространенные в литературе клише (намекы как на бытовые штрихи, так и на жоржсандовскую проблему женской эмансипации), Некрасов прибегает к шутливо-ироническому переосмыслению высокой и дорогой для него темы. В стихотворении звучит голос обывателя, усилиями которого создавался нарочито сниженный образ Ж. Санд, точнее жоржсандовский тип женщины эмансипе. В другом стихотворении «Прекрасная партия» (1852) осмеянию подвергаются не приметы внешнего облика писательницы (известно, что она носила мужской костюм), а сам герой, гвардейский офицер, который

В Шекспире признавал талант
За личность Дездемоны
И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны...

(Н 2, 1, 107)

При этом в ироническом контексте упоминаются имена классиков прошлого и современности.

Таков прием, характерный для сатирической поэзии Некрасова, его стихотворных фельетонов («Провинциальный подьячий в Петербурге»), водевилей («Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке»), прозаических произведений («Очерки литературной жизни»). Он использовался и другими современниками. И. И. Панаев, например, обращался к нему в повести «Литературная тля» (1843). «...О Ж. Санд

²¹ См.: Ройzman В. П. Некоторые особенности поэмы Некрасова «Мать» // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та. 1957. Т. 150. Вып. 2. С. 202—203.

не имеет никакого понятия и только слышал от кого-то, что она ходит в мужском платье и курит сигары», — писал он по поводу героя повести, журналиста Гребешкова.²² К критике жоржсандизма в быту обращался Тургенев в повести «Переписка» (задумана в 1844-м, завершена в 1854 году).²³ (Заметим, кстати, эта проблема, характерная для литературы 40—50-х годов, требует специального исследования). В «Записках из подполья» Достоевского подпольный человек «зарапортовывался в какой-нибудь такой европейской, жоржзандовской, неизъяснимо благородной тонкости».²⁴ Здесь также нет иронии Достоевского по отношению к Ж. Санд, герой иронизирует над собой, над своим позерством, а не над существом тех идеальных ценностей, разумеющихся под этими словами.

Иногда в стихотворениях Некрасова имелся в виду прямой адресат — противник Ж. Санд. В 1865 году критик Т. И. Филиппов писал в «Русской беседе», что «самые сильные и опасные по своему влиянию возражения против семейного союза провозглашались в романах Жоржа Занда. С именем этой женщины связано столько зла, что говорить об ее достоинствах приходится с большой осторожностью».²⁵ Иронический отклик на эту статью, точнее неприятие ее основных положений, и защита идеалов Ж. Санд содержались в стихотворении «Папаша» (1860). В нем язвительно говорится о «водяном обществе» эмансипированных дам и девиц à la Кушкина:

Может быть, ведомо вам,
Что за границей есть воды,
Где собирается множество дам —
Милых поклонниц свободы,
Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужестве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных, —
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославился в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.

(Н 2, 2, 71)

В последних строках о «русском мыслителе» Некрасов метил в Т. Филиппова и ему подобных.

В защиту Ж. Санд Некрасов выступал и ранее, в критических статьях и прозе. Рецензируя в 1847 году сборник «Путевые заметки» Т. Ч. (так подписывалась писательница А. Я. Марченко, сторонница женской эмансипации), он ответил критику «Сына отечества», недоброжелательно отзывавшемуся о романе «Луcreция Флориани» и его авторе. «Можно ли с чистой совестью рекомендовать эту любезную, талантливую, очаровательную французенку в компаньонки нашим уездным барышням и купеческим дочкам?» — заключал свой выпад против Ж. Санд рецензент «Сына отечества».²⁶ В примечании к одному эпизоду своей рецензии Некрасов пародийно перефразировал этот пассаж следующим образом: «К слову пришлось: критику „Сына отец(ества)“ показалось, что можно предложить в гувернантки русской провинциальной барышне или купеческой дочке Жорж Санд. Конечно, это все равно, что предложить Шекспира в будочники или Гомера в волостные писари, но что на свете невозможно?» (Н 2, 11, 28). При этом писатель назвал в одном ряду имена «вечных», «абсолютных» художников (Шекспира, Гомера), причислив к ним Ж. Санд как провозвестницу лучших идеалов.

С целью защиты имя французской писательницы упоминалось также в сатирическом обозрении Некрасова «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности», опубликованном в первом номере «Свистка» за 1861 год. Выступая

²² Панаев И. И. Соч. СПб., 1860. Т. 1. С. 423.

²³ См. об этом: Кийко Е. И. Герония жоржзандовского типа в повести Тургенева «Переписка» // Русская литература. 1984. № 4. С. 130—135.

²⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. М., 1973. Т. 5. С. 167.

²⁵ Русская беседа. 1856. № 1. Отд. II. С. 80.

²⁶ Сын отечества. 1847. № 2. Отд. V. С. 19—20.

против враждебной «Современнику» либеральной прессы, Некрасов в пародийных целях использовал прием плутарховских параллелей, в которых нарочито сопоставлялось несравнимое. «В следующем году, — читаем в обозрении, — „Свисток“ надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи». Далее перечислялись «исторические параллели», среди которых была названа придуманная автором статья «Жорж Санд и Евгения Тур».²⁷ В таком контексте звучала явная ирония по адресу Евг. Тур (псевдоним писательницы графини Е. В. Салиас де Турнемир), выступавшей в 50—60-е годы поборницей женского вопроса в «Русском вестнике». Кроме того, Евг. Тур опубликовала в этом журнале в 1856 году после выхода в свет перевода Чернышевского автобиографии Ж. Санд извлечения из этих же мемуаров Ж. Санд «L'histoire de ma vie» в своем переводе. Она была известна и своими нападка на роман Тургенева «Отцы и дети». К тому же критики неоднократно называли ее «русской Жорж Санд». Все эти штрихи из биографии писательницы Некрасов насмешливо обыграл в «Свистке».

Известно, что Тургенев в статье о романе Евг. Тур «Племянница» (опубликованной в № 1 «Современника» за 1852 год) немало страниц посвятил Ж. Санд, когда говорил о творчестве женщин-писательниц и своей теории русского романа. Не исключено, что, создавая насмешливую параллель «Жорж Санд—Евгения Тур», Некрасов подразумевал и эту статью, которую он хорошо знал, что видно из его рассуждений о «сандовском» и «диккенсовском» типах романов в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года».

Переключка с тургеневской статьей не случайна. Даже шутливо-ироническая апелляция к личности Ж. Санд таила в себе глубокий смысл: признание роли французской писательницы в общественно-литературной и духовной жизни эпохи — все то, о чем писал в свое время Тургенев.

Все приведенные наблюдения раскрывают сложный процесс восприятия Некрасовым идей и творчества Ж. Санд. Пусть этот процесс был в известной мере традиционен для Некрасова — человека 40-х годов. Романтическая идеальность положительных героев Ж. Санд, романтическое выражение идей утопического социализма в ее творчестве нашли свое естественное и органическое переосмысление в литературно-эстетических воззрениях поэта. Дальнейшее исследование поэтики Некрасова позволит выявить и уточнить не всегда непосредственную, но очевидную связь с творчеством французской писательницы, по-своему проявившуюся и в становлении стиля художника, и в осмыслении им таких кардинальных проблем, как проблемы личности и народа.

²⁷ Свисток. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859—1863. М., 1981. С. 195.

С. П. Ильёв

НЕКРАСОВ КАК ПРЕДТЕЧА РУССКИХ ПОЭТОВ-УРБАНИСТОВ СИМВОЛИСТСКОГО КРУГА

Поскольку термин «урбанизм» так и не получил удовлетворительного определения, а урбанистическая поэзия остается малоизученной, попытаемся ограничить диапазон его значений нормативными определениями. «Урбанистическая поэзия (от лат. urbanus — городской) — поэзия, в которой отражается жизнь крупных капиталистических городов с их огромным населением, шумной техникой, с контрастами роскоши и нищеты».¹ К этому можно прибавить, что поэты-урбанисты восхищались городом как созданием современной цивилизации и в своем творчестве не чуждались приемов мифопоэтики.²

Зачинателями урбанистической поэзии считаются Уитмен, Бодлер, Верхарн и Маринетти. В русской литературе истоки урбанистической поэзии исследователи находят в творчестве Пушкина, Некрасова (в прозе — у Достоевского). Однако в творчестве названных поэтов это еще не урбанизм, а только тема большого города. Развитие собственно урбанистической поэзии в России начала XX в. исследователи связывают с «верхарновской» волной, для которой признаются характерными поэтизация города и постоянный набор мотивов (электрический свет, уличное движение, толпы), а также неконкретность образа города («это город Будущего», по выражению В. Брюсова),³ и с «маринеттиевской» волной, не столько воспевающей город, сколько отождествляющей его с «современностью», которая требует новой, городской поэзии («Самое важное не то, что пишешь о городе, а то, что пишешь по-городскому»)⁴ Характеристика первой волны относится к поэзии русских символистов второго поколения (В. Брюсов, Андрей Белый, А. Блок), характеристика второй — к поэзии русского авангарда 10—20-х годов. Автор этой концепции Владимир Марков указал на своеобразие русской урбанистической поэзии первой волны: «Первую волну на русской почве осложняет внешнее обстоятельство: она местами сливается с неурбанистической традицией конкретного Петербурга как особенного, призрачного города».⁵

Урбанистическая поэзия есть порождение цивилизации (городской культуры) на том этапе развития последней, когда (в конце XIX в.) человечество сотворило специфический мир: образ жизни, образ мышления и стиль поведения. Предтечи поэтов-урбанистов создавали внешний образ города в восприятии маргинальной личности, которой этот мир был чужд даже тогда, когда она восхищалась его экзотикой. Такой личностью мог быть как лирический герой произведения, так и

¹ Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974. С. 428.

² См.: Głowiński M., Kostkiewiczowa I., Okopień-Stawińska A., Stawiński I. Słownik terminów literackich. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976. S. 476.

³ Брюсов В. Собр. соч. В 7-ми т. М., 1973. Т. 1. С. 637. — Дальше ссылки на это издание даются в тексте с указанием имени автора, тома и страницы.

⁴ Шершеневич В. Зеленая улица. М., 1916. С. 45.

⁵ Марков Владимир. К вопросу о границах декаданса в русской поэзии (и о лирической поэме) // American Contributions to the VIII International Congress of Slavists. Vol. II. Literature. Columbus; Ohio, 1978. P. 493.

поэт-провинциал, приехавший в столицу для карьеры. Классическим примером сочетания обоих вариантов является жизнь и творчество Некрасова.

По словам Валерия Брюсова, «Некрасов заплатил щедрую дань городу, запечатлев в своих стихах образ современного ему Петербурга» (Брюсов, 6, 188). В статье «Некрасов как поэт города» (1912) Брюсов назвал широкий тематический диапазон, составляющий общую базу для городской темы Некрасова и урбанистической поэзии русских символистов: «(...) Красота городских туманов, уличных фонарей, ярко освещенных магазинных витрин, шумного и пестрого столичного движения — все то, что любовно разрабатывают поэты наших дней, уже намечено в поэзии Некрасова» (Брюсов, 6, 187). Разумеется, тематический репертуар и «городской» лирики Некрасова, и урбанистической поэзии символистов значительно богаче данной номенклатуры, но Брюсов справедливо указал на Некрасова как на предтечу русских урбанистов в разработке основных мотивов этого круга образов и тем преимущественно *северного* города, хотя в его творчестве есть исключение из этого правила. Например, в раннем стихотворении «Землетрясение», проникнутом эсхатологическим настроением, широко распространенным в поэзии 30-х годов, дано описание обреченного на уничтожение *южного* города, погрязшего в разврате и стяжательстве и забывшего Бога-творца. Некрасов закончил стихотворение картиной торжества Божественного милосердия, после того как «во прахе Смирились гордые дети земли» (Н 2, 1, 232).

«Интерес к Некрасову был характерен для многих символистов, поэтов и критиков», — пишет современный исследователь.⁶ В период 1904—1910 годов произошла «встреча» Блока и Андрея Белого с Некрасовым.⁷ Вслед за Брюсовым они создали свои одноименные лирические циклы — «Город».

В первых стихотворениях цикла «Город» (1904—1908) Блока пророческий тон завуалирован. Картины разврата, меркантильных интересов, духовной пустоты горожан здесь намечены лаконично.

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!⁸
В этот город торговли
Небеса не войдут.

(Блок, 1, 148)

Были улицы пьяны от криков.
(Т. 1, 159)

Уже тут напрашиваются параллели к стихам некрасовского «Землетрясения»:

И везде одна тревога,
Мелкой суетности шум,
И не внемлет гласу Бога
Человека гордый ум.

(Н 2, 1, 231)

В море неги сладострастной
Сердце их погребено.
Ничего не ждут, не знают
Дети зла и суеты.

(Н 2, 1, 229)

Город в цикле Блока тоже обречен на гибель, пока же он храним — как город зла — самим основателем Петром I:

Он будет город свой беречь.

(Блок, 1, 142)

⁶ Скотов Н. Некрасов: Современники и продолжатели: Очерки. Л., 1973. С. 216.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 141. — Дальше ссылки на это издание даются с указанием имени автора, тома и страницы.

В этом городе времени и разгула вечность напоминает о себе как закатный свет:

Вечность бросила в город
Оловянный закат.

(Блок, 1, 148)

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил...

(Блок, 1, 149)

Здесь все зловещим «закатом залито». Красно-красным цветом тонированы все предметы и сцены: кони, дворник, вода, проститутка. Но красный цвет заката переходит в цвет кровавый:

Кажет колокол отдельный
Окровавленный язык.

(Блок, 1, 149)

Ср. у Некрасова:

Скоро будет пир кровавый
На земле и в облаках...

(Н 2, 1, 229)

В одном из следующих стихотворений «распластавшийся в небе язык» уже казался «знаменем красным», чем осуществляется переход из плана эсхатологического в план социальный в стихотворении «Сытые»:

И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

(Блок, 1, 180)

Сцена революционного митинга (в стихотворении «Митинг») окончательно конкретизирует символы угрожающего заката. Но в этом цикле есть и другой ряд, который вновь отсылает читателя к стихотворению Некрасова. У Некрасова:

Пробудитесь! но призванью
Вы не внемлете; пора!
Нет, отсрочки наказанью
Бог не даст вам до утра.

(Н 2, 1, 230)

У Блока:

Не стерег иступленный дракон,
Не пылала над нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

(Блок, 1, 156)

У Некрасова, как известно,

...поняли люди, что это творится
За их преступленья достойная казнь...

(Н 2, 1, 231)

И вот перед небом создателя, в страхе,
Упал непокорный народ, и во прахе
Смирились гордые дети земли...

(Н 2, 1, 232)

У Блока конец человеческого пути неотвратим. Описания Петербурга в стихотворениях поэтов нередко перекликаются, но осмыслены по-разному: у Некрасова социально, у Блока — мистически.

Уже в первом стихотворении «Петр» цикла «Город» создается многозначительный образ «всемирного города». Если у Некрасова «медный Петр» — статуя и статическая примета Петербурга («О погоде»), то у Блока Петр, как у Пушкина, —

одновременно памятник и живое существо. «Он спит» может быть отнесено и к Петру, и к его городу. Сказав «В руке протянутой Петра Запляшет факельное пламя», Блок динамизирует деталь памятника и через два катрена прибавляет новую динамическую деталь: «Там, на скале, веселый царь Взмахнул зловонное кадило...» Оживленная рука царя сменит «*факел-кадило* на меч»: «Он будет город свой беречь». Но от кого и от чего? Как раз он покровительствует ночному городу, где «Змей расклубился над домами», где уже сложились «преданья о разгульных ночах» и где «так заманчив обман». Эта свобода и есть «заманчивый обман», потому что «лик змеи» явлен прежде «лика свободы». «Царственно-чугунный» Петр, стоя на змее, не сдвигает ни одно ее кольцо. Обманчивый, миражный город Петра — бредовой фантом. Город Петра в лучах зари спит, а пробуждается с наступлением вечерней мглы: «Он спит, пока закат румян»; «и предок царственно-чугунный все так же бредит на змее» перед рассветом; «И латник в черном не дает ответа, Пока не застигнет его заря» (Блок, 1, 142). В этот «невский сон» погружен город Петра в дневное время, и он оживает в ночное, как и полагается миру призраков.

В стихотворении «Газетная» (1865) Некрасова «Этот омут кромешный, это тусклое царство теней» (Н 2, 1, 196) характеризует обстановку и игорных домов, и людей ночного образа жизни. Некрасовский Петербург делится на дальние предместия, где по вечерам «начинаются мрачные сцены», и на кварталы парадной столицы, «где ярко горят фонари, Где гуляют довольные лица, Где катаются сами цари» (Н 2, 1, 191). Несходны и образы жизни двух «наших улиц». Вот одна — *парадная*:

Наша улица — улиц столичных краса,
В ней дома все в четыре этажа.
Не лазурны над ней небеса
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены (...)
Все соблазны, помилуй нас Бог!

(Н 2, 2, 184)

А вот другая картина:

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая.

(Н 2, 2, 185)

В стихотворении «Холодный день» Блока мы находим созвучные некрасовским такие стихи:

Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.
Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.
.....
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

(Блок, 1, 191)

Это противоречие столичного города Некрасов выразил в стихотворении «Говорун» (1843—1845):

Столица наша чудная,
Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.

(Н 2, 1, 389)

О питерской погоде поэты пишут сходно:

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!

(Блок, 1, 193)

Жаль, что нынче погода дурная.

(Н 2, 2, 180)

Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!

(Н 2, 2, 183)

Другой тип петербургской погоды — *туман*:

Девичий стан, шелками схваченный
В *туманном* движется окне.

(Блок, 1, 186)

Надо всем распростерся *туман*.

(Н 2, 2, 184)

Уводи, переулок,
В дымно-сизый *туман*.

(Блок, 1, 148)

И с тихим свистом сквозь *туман*
Глядится Змей...

(Блок, 1, 141)

По Некрасову, зимний Петербург живописен:

Все свежо, все эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!

.....
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов.

(Н 2, 2, 192).

У Блока зима — это ледяное дыхание смерти:

Слаще пой, ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

(Блок, 1, 206)

Особая примета вечернего и ночного Петербурга — его освещение, и особый предмет гордости — его газовые *фонари*:

1) Трубой какой-то внутренней
На Невский из земли
Светящий до заутренней
Газ немцы провели.
Накрыт стеклянной шапкою
Огонь большой такой
Горит гусиной лапкою!
Ну так... что день-деньской!

(Н 2, 1, 284)

2) И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг *фонарей*.

(Н 2, 2, 192)

3) Роскошь! Улицы, зданья, мосты
 При волшебном сиянии газа
 Получают печать красоты.

(Н 2, 2, 192)

В начале XX века электричество соперничает с газом, но пока у Блока они сосуществуют:

Зажгутся нити *фонарей*...
 И ризой городская гарь
 Фонарь манящий облачила!

(Блок, 1, 141)

В кабаках, переулках, в извивах,
 В *электрическом* сне наяву...

(Блок, 1, 159)

И вот — в столовых и гостиных,

 Свет *электрический* потух.

(Блок, 1, 180)

Петербургский подьячий Некрасова имел много причин восхититься:

Здесь всюду наслажденья
 Для сердца и очей.

(Н 2, 1, 389),

— поддержанный восторженным «говоруном»:

Как все переменялось!
 Мне Питер стал чужой,
 Все новое явилось,
 Чуть пахнет стариной!

(Н 2, 1, 282)

И действительно так:

Невский полон: эстампы и книги,
 Бриллианты из окон глядят...
 Всюду люди — шумят, суетятся.

(Н 2, 2, 193)

Сколько дрожек, колясок, карет!
 Пеших, едущих, праздно зевающих.
 Счета нет!

(Н 2, 2, 181)

У Блока меньше деталей, но городская толчея и возбуждение столичного города переданы в том же ключе:

Были улицы пьяны от криков.
 Были солнца — в сверканьи витрин.

(Блок, 1, 159)

На фоне картин богатства и благополучия диссонансом звучит некрасовская сентенция:

Этот омут хорош для людей,
 Расставляющих ближнему сети.

(Н 2, 2, 185)

Справедливость этого положения подтверждается драматическими случаями («Утро»):

Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

(Н 2, 3, 118)

Блоковский лирический герой, живя на чердаке и там «топя отчаянье в вине», выбрасывается из окна в колодец двора:

Вот вскрикнул... и лечу!
Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Все, все по-старому, бывалому,
Да только — без меня!

(Блок, 1, 194)

В цикле «Город» ряд стихотворений Блока («В октябре», «Окна во двор», «Хожу, брожу понурий», «На чердаке») ориентирован на поэтику Некрасова и в этом отношении заслуживает специального анализа. Разумеется, было бы наивным заблуждением не видеть того, что параллели между стихами Некрасова и Блока не исчерпывают всего художественного значения «городских» стихотворений поэтов в контексте их эстетических систем. Некрасов и Блок — величайшие представители реализма и символизма, и каждый случай параллелизма — не зависимость последователя, но тот случай новаторства, когда в традиции, заложенной предшественником, поэт другой школы и младшего поколения открывает новые художественные возможности, не всегда непременно отрицая достижения старшего. Здесь мы ограничили диапазоны параллелей циклом «Город», отдавая себе отчет в том, что в целом в творчестве Блока таких переключек с Некрасовым только в его «городских» стихотворениях великое множество и что эта проблема для будущего специального исследования.

Определяя 1904—1910 годы как период, когда произошла «встреча» Блока и Андрея Белого с Некрасовым, Н. Н. Скатов констатировал: «Говорить о Некрасове и Белом — значит прежде всего говорить о книге „Пепел“».⁹ И далее исследователь отметил, что в книге «Пепел», уже некрасовским эпиграфом поставленной «под знак Некрасова», многое в ней Некрасову чуждо не только внутренне, но и внешне: «Город», «Безумие»,¹⁰ то есть два субцикла, входящих в эту книгу.

Но в таком случае на что же понадобилось Белому ставить свой «Город» «под знак Некрасова»? И нельзя ли распространить тезис Н. Н. Скатова — «Белый стремится к сюжетной разработке темы» — и на сюжеты «Города»? В одноименной статье (1907) Белый писал: «Город. Он выпустил свои щупальцы, по словам Верхарна. Выпустил щупальцы и высосал пространства земли».¹¹ Но каков же сам город с его железными щупальцами? Прежде всего в цикле даны приметы не Петербурга как всемирного города, а Москвы: уже в первом стихотворении («Старинный дом») назван Мертвый переулок, москвичам хорошо известный. Но топографическая примета здесь символична. Старинный московский дом — дом, где бродят призраки, в нем все вещи и все приметы нездешнего мира. В центре цикла — лирический герой с его переживаниями, которые проявляются в арлекинаде, буффонаде, демонизме, маскарадной взаимозаменяемости и многоликости. Здесь Белый развернул намеченные Некрасовым («А театры, балы, маскарады?») сюжеты тех стихотворений, в которых изображалась потаенная жизнь Петербурга в ресторациях, игорных клубах, театрах, публичных домах, на балах, на банкетах и т. д.

Связь с некрасовскими стихотворениями урбанистического ряда намечена Белым и внешне: некрасовским стихотворениям «Похороны», «На улице», «Безнадежность» соответствуют «Похороны», «На улице», «Отчаянье», но, разумеется, сюжетно и семантически одноименные произведения не повторяют друг друга. Творческий параллелизм урбанистических стихотворений Некрасова и Белого требует дальнейшей и углубленной разработки. Здесь только намечается один из возможных ходов исследования.

⁹ Скатов Н. Указ. соч. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 222—223.

¹¹ Белый Андрей. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 353.

Множество урбанистических произведений Брюсова снискало ему славу поэта-урбаниста. Частично они составили два субцикла: «В стенах» (*Tertia vigilia*, 1901) и «В городе» («Все напевы», 1907).

Гимном современному городу является программное стихотворение «Я люблю большие дома» (1898):

И узкие улицы города, —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.
Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.
Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие...

(Брюсов, 1, 171)

Здесь ряд знакомых некрасовских мотивов: дома, улицы, площади, фонари, грохот и шумы... Но есть и отличия: лирический герой Некрасова не признавался в любви к городу, он остро различал его социальные красоты. Узкие улицы — примета Москвы или другого города, но не Петербурга. Сами по себе камни как примета города, скорее, подавляют некрасовских героев.

В стихотворении:

Я провижу гордые тени
Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;

Улицы, кипящие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг — роковой;

Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов, —
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов

(Брюсов, 1, 172—173)

— дана воображаемая картина цивилизации и определена ее судьба: гигантские города будущего, улицы которых заполнены людом, напоминающим «дикую толпу» с ее роковыми безмерными желаниями в теснине мертвых домов. Здесь профетическое видение города будущего ясно говорит об опасности, напоминающей геологический катаклизм некрасовского «Землетрясения», насланного Богом, сокрушившим величайшие города прошлых веков Содом и Гоморру, Вавилон, Геркуланум и Помпею, Иерусалим, Рим. Взгляд лирического героя Брюсова устремлен в будущее, и оценка города противоречива, потому что город предстает в настоящем и будущем как мир человечества с двойственной судьбой: с одной стороны, житель города — «будущий царь вселенной», с другой — город-могила, в которой будет погребено человечество в результате его технических завоеваний.

Ты далеко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный луч затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.

(Брюсов, 1, 173)

Но город — также разверстая могила и опасное чудовище:

Здания — хищные звери
С сотней несъятых утроб!

.....
Каждая комната — гроб!

(Брюсов, 1, 177)

Некрасов видел в городской культуре новые способы эксплуатации человека, в более изощренной, завуалированной форме, красоту города и его безобразную изнанку, дальнейшее и острейшее социальное расслоение и новые сети для заманивания в них ближнего: «Все соблазны, помилуй нас бог»; «Этот город хорош для людей, Расставляющих ближнему сети» («О погоде»). Брюсов же в техническом прогрессе провидит причину гибели цивилизации, которую будет распирать «Вся мощь безмерных желаний». Это противоречие, подмеченное Брюсовым, было провидческим, что внятно нам, свидетелям глобальной экологической проблемы.

В стихотворении «Газетная» (1865) Некрасов обронил стих, под которым подписались все символисты-урбанисты — не только поэты, если вспомнить роман «Петербург» А. Белого, — «*Это тусклое царство теней*». Город как царство теней в настоящем и будущем — один из ведущих мотивов символистской урбанистической лирики — мотив некрасовский. Он мощно поддержан и развит в «дифирамбе» «Городу» (1907) Брюсова (субцикл «В городе»). Здесь Брюсов наметил роковые, гибельные черты города:

Твоя безмерная утроба,
Веков добычей не сыта, —
В ней неумолчно ропщет Злоба,
В ней грозно стонет Нищета.
.....
Но сам скликаешь, непокорный,
На шум своих дворцов — орду,
И шлешь вождей на митинг черный:
Безумье, Гордость и Нужду!
.....
Ты нож, с своим смертельным ядом,
Сам поднимаешь над собой!

(Брюсов, 1, 514—515)

В стихотворении «Вечерний прилив» (1906) на фоне многообразной и кипящей жизни позор слил многоголосую толпу в единый хор, поющий славу живому городу, которому уготована участь рассыпаться в прах:

Мы славим, *Прах*, Твое Величество...

(Брюсов, 1, 517)

С наибольшей силой эсхатологическая картина современного города нарисована Брюсовым в его знаменитой балладе «Конь блед» (1903). Здесь именно пик развития городской культуры, торжество цивилизации, вызывает визионерское переживание возможной гибели всемирного города в духе Апокалипсиса. В первой строфе дан набор тех реалий, которые характеризуют всю мощь технического оснащения человечества, всю динамику и ритм его жизни, вызывающие предельное напряжение чувств современника. Этот «воплотившийся в земные формы бред» технического прогресса провоцирует последующее видение: внезапное появление «огнеликого всадника» на коне блед, символизирующего смерть как «конец света».

Если в стихотворении «Землетрясение» Некрасова геологическая катастрофа, разрушившая город, но сохранившая горожан, представлена как небесное предупреждение развратившемуся человечеству, то в балладе Брюсова небесная кара сохраняет свою апокалипсическую гипотетичность:

И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.

(Брюсов, 1, 443)

Воспевая город как средоточие порожденной им новой культуры, русские поэты сохраняли критическую дистанцию, позволявшую им трезво оценивать достоинства и недостатки того типа культуры, который стал называться цивилизацией. Поэти-

ческая культурология Некрасова была ориентирована социологическими критериями, и с этих позиций он показал город как новую западню для ближнего. В отличие от него русские поэты-урбанисты не приняли технизированную цивилизацию, резко противопоставив ей гуманизированную культуру с ее мистико-эсхатологическими идеалами. Такое понимание современного ему города высказал Андрей Белый, перефразируя Апокалипсис и «Коня блед»: «...многоэтажный блеск домов, сотни фабричных труб и яркие электрические солнца.

Вот улица. Яркие перья накрашенных дам, вопль автомобилей, красных драконов, бешено мчащих великих блудниц в огне сверкающих вывесок.

(...) И хотелось бы крикнуть: „Горе, горе в городе живущим”».¹²

Этому городу электрических солнц и лун, машин-драконов и ресторанов-вертепов разврата Андрей Белый противопоставлял христианский идеал Града Божия — Нового Иерусалима Апокалипсиса: «Солнечный град новой жизни — Civitas solis: вот колоссальный живой символ».¹³

На первом этапе своего развития урбанизм стал характерной приметой лирики некоторых русских символистов (Брюсова, Блока, Белого), но он не знал доминирующего положения в ней, как это случилось позднее в период развития футуризма, когда «урбанизм превратился в новое качество поэзии».¹⁴ С урбанизмом в поэзию пришли не только новые мотивы, идеи, темы, но и новые поэтические приемы: новые метры, новые ритмы, обновленный словарь, измененный синтаксис. У истоков этого новаторского сдвига в русской поэзии стоял Н. А. Некрасов, что признали сами новаторы (символисты) устами своего вождя — В. Я. Брюсова.

¹² Белый Андрей. Указ. соч. С. 354.

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ Kjeld Bjørnager Jensen. Russian Futurism, Urbanism, and Elena Guro. Arkona, Arhus-Demmark, 1977. P. 5.

Н. Н. Пайков

ЕЩЕ РАЗ О ВОСПРИЯТИИ НЕКРАСОВА РУССКИМИ СИМВОЛИСТАМИ

Тема «Некрасов и русское художественное движение конца XIX—начала XX века» не нова. Ее освещали прежде всего сами деятели культуры рубежа веков. Однако и сегодня вряд ли можно констатировать решенность всех порождаемых ею проблем.

Суждения о Некрасове и его творчестве мы находим практически у всех поэтов, писателей, критиков этого времени. И вместе с тем совокупность этих оценок и высказываний наглядно убеждает, что вся теория и практика русского символизма и декадентской культуры (независимо от конкретных, чрезвычайно пестрых идейно-художественных позиций, занимаемых отдельными группами, художниками и критиками) строилась на принципиальном отталкивании от Некрасова и «некрасовского». В глазах мыслителей и творцов декадентско-символистской культуры имя и поэзия Некрасова являлись прежде всего художественным знаменем предшествующей эпохи русской жизни 1840—1870-х годов, ярчайшим выражением ее пафоса гражданского служения и скорби народолюбия, ее социального обличительства, идейной «дидактики» и «прагматизма», отрицания изящного в искусстве.¹

Очевидность этих фактов на долгие годы обусловила в советском литературоведении оценку поэтического движения рубежа XIX—XX веков не только как сугубо эстетского, антидемократического и антиреалистического, но и как безоговорочно антинекрасовского. Между тем исследования последних десятилетий настойчиво обнаруживают другое: общественно-литературное движение конца XIX—начала XX века было явлением внутренне очень сложным, далеко не однозначным как в области идейных устремлений, так и в собственно эстетической природе своих исканий.

Художественное сознание рубежа XIX—XX веков не исчерпывалось всецело громкими демонстративными «уходами» от Некрасова. Не менее показательными были и факты напряженного сочувственного внимания к «печальнику горя народного» Д. Мережковского и В. Брюсова, М. Волошина и К. Бальмонта, А. Блока и А. Белого и многих других.²

И все же проблема «Некрасов и символисты» никак не может быть разрешена простым количеством собранных высказываний pro и contra, тех, что свидетельствуют об уважении и творческом внимании или говорят о безразличии и даже презрении к поэту. Для подлинного постижения тех и других необходимо уяснение не только общей идеологической позиции их автора, но — более всего — их художественного смысла и логики в контексте эпохи и культуры.

Известно, что культура русского декаданса и символизма возникла и строилась на принципиально иных, нежели поэзия Некрасова, идеологических и художественных основаниях. И потому некрасовская традиция — как целостное идейно-художественное явление — для новой культуры рубежа веков была предметом отчуждения, сопротивления, ломки, последовательной борьбы. Но все ли до единого аспекты

¹ См.: Прийма Ф. Я. Поэзия Некрасова в общественно-литературном движении конца XIX—начала XX века // Некрасовский сб. Л., 1973. Вып. 5. С. 56—65.

² См., напр.: Отжил ли Некрасов? Ответы на анкету В. Е. Максимова // Новости дня. 1902. № 7023. 27 дек.; Некрасов и мы: Ответы писателей и поэтов на анкету К. И. Чуковского // Летопись дома литераторов. 1921. № 3; см. также: Чуковский К. Некрасов. Л., 1926.

некрасовской традиции безусловно отрицались и развенчивались русским символизмом? Полагаем, что это не так. Некрасовское «начало», некоторые существеннейшие эстетические и в конечном счете социально-этические слагаемые некрасовской традиции являлись естественными и необходимыми компонентами подлинных художественных открытий мастеров слова рубежа XIX—XX веков.

Острое ощущение именно этого факта подвигло в свое время критика К. Чуковского на парадоксальное, как, вероятно, многим казалось, заявление: «Я категорически утверждаю, — писал он в статье «Некрасов и модернисты», — что „опалелые декаденты“ не только никогда не хоронили Некрасова, но первые его воскресили (...) Наши „эстеты и эстетики“ впервые внесли в литературную среду культ Некрасова...»³

В этом заявлении многое полемически заострено. «Культа» Некрасова декаденты, конечно же, не создавали; «культ» поэта был создан задолго до них революционным народничеством. И пафос эстетического движения конца XIX—начала XX века состоял как раз в развенчании и низложении этого «культа». Чрезвычайно показательна в этом смысле вторая часть высказывания Д. С. Мережковского: «Люблю его (Некрасова. — *Н. П.*), то есть так, как все мы теперь любим русский народ. Сквозь боль, сквозь стыд, сквозь ненависть — почти проклятие».⁴ Что могло породить такую любовь к Некрасову?

Д. С. Мережковский, «родоначальник» русского символизма, был одним из первых, кто в обстановке повального отречения от идеалов революционной демократии и обращения на стезю эстетической изысканности и камерного психологизма провозгласил необходимость наследования отечественной классике. Впрочем, в своем трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) Мережковский сразу и решительно отверг Некрасова-«гражданина»: «Много суетного, болезненного и даже порочного в Некрасове-журналисте, скептическом современном человеке, деловитом издателе, сатирике, пишущем хлесткие стихи на злобу дня».⁵ Редакторский крест, денежные счета, практическую сметку делового человека теоретик декадана поставил Некрасову-поэту в безусловную вину. Но в еще большую — его аналитический взгляд на общественные отношения, прямую декларацию идейных убеждений, обличение социальной несправедливости. По мнению критика, все это было прямым уклонением от поэтического призвания, ибо дело поэта не провозглашение филантропических программ, а отрешение от уродств человеческого бытия во имя горнего света духовных идеалов и искусства как высокого способа их утверждения на земле, свободного самоосуществления личности в творчестве.

По Мережковскому, Некрасов вовсе не исчерпывался бытописанием и сатирой. Он, конечно, глубоко заблуждается, утверждал Мережковский, когда «становится на точку зрения, чуждую великому и свободному искусству, утилитарную, исключительно экономическую, и тогда его поэзия превращается в холодную прозу, его могучая лирика в журнальную сатиру».⁶ И что печальнее всего, «именно это служение злобе дня, то есть слабую сторону Некрасова, превозносили наши реалистические критики».⁷ Они не смогли оценить другую, «вечную сторону поэзии Некрасова».⁸ «Они совершенно упустили из виду, что есть другой Некрасов — великий и свободный поэт, который помимо своей воли творил „не для житейского волнения, не для корысти, не для битв“, Некрасов-идеалист, Некрасов, как более или менее все русские люди, — мистик, Некрасов, верующий в божественный и страдальческий образ распятого Бога, самое чистое и святое воплощение духа народного».⁹ Они сняли с Некрасова «божественный и мученический ореол, терновый венец, ограничили и сузили могучую, страстную любовь Некрасова, с высоты

³ Чуковский К. Лица и маски. СПб., 1914. С. 213—214.

⁴ Летопись дома литераторов. 1921. № 3. С. 3.

⁵ Мережковский Д. С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893. С. 66.

⁶ Там же. С. 63—64.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же. С. 64.

божественной поэзии свели ее к исключительному преобладанию деловой статистики и политической экономии».¹⁰

Д. С. Мережковский вполне объективно указал на ту сторону поэзии Некрасова, мимо которой прошла народническая критика, — на меру художественности литературных произведений, органически связанную с их социально-политической направленностью. Критик-символист заявил, что в Некрасове можно и должно видеть не только «возвеличенного громкой хвалою» «журнального витию» отошедшей в прошлое эпохи, но, что могло казаться удивительным в то время и что особенно важно для нас, также могучего лирика, свободного в своих творческих устремлениях художника, певца любви и высочайшего нравственного идеала. Сам, будучи поэтом и тонко ощущающим специфичный для искусства неповторимо личностный, глубоко интимный, эмоционально творческий характер лирического восприятия и освоения мира, Мережковский сделал попытку определить своеобразие творчества другого, идеологически ему чуждого, но тоже поэта-лирика. Это своеобразие для Мережковского было неразрывно связано с психологическим типом личности Некрасова, с индивидуальными особенностями видения им действительности и осознания себя, внутренних противоречий своей души, с его индивидуально-человеческой судьбой, наконец, с тем образом, в каком поэт предстал перед читателями в своих стихах. Эстетику Мережковскому представлялось несомненным, что любые «так называемые» идейные убеждения не могут найти себе выражения в поэзии иначе и прежде, чем став эмоцией поэта, глубоким личностным его переживанием, соотносясь с его общечеловеческим нравственным (по терминологии Мережковского — «божественным») идеалом, войдя в него составляющей частью и став его выражением. С этих позиций критик отвергал открыто гражданственные стихи Некрасова, но одновременно усматривал самые высокие достоинства в его «чисто художественных» произведениях.

Это один, чрезвычайно значительный и до сей поры совершенно не учитываемый аспект оценки Мережковским творчества Некрасова. Однако не менее очевиден и другой ее аспект. Старейшина русского декаданса не увидел диалектики идейного и художественного в поэзии Некрасова. Он обособил и изолировал друг от друга, а затем непримиримо столкнул между собой «лирика-творца», увенчанного «терновым венцом», с «журнальным сатириком», «погрязшим в социальной статистике и политической экономии». Он захотел отнять Некрасова-поэта у народнической легенды и доктрины, очистить его облик от всего «наносного» и «злбодневного», от «гражданской скорби и проповеди», адаптировать Некрасова к идейным и эстетическим потребностям новой эпохи. Немаловажно и то, что осмысление Некрасова было осуществлено Мережковским крайне субъективистски, в категориях идеологически декадентской, художественно символистской.

Борьба с Некрасовым-«политиком» у символистов (в частности, у Мережковского) была одновременно и формой борьбы за Некрасова-художника. И в этом случае есть все основания утверждать, что «культ» Некрасова-поэта, о котором заявлял К. Чуковский, действительно был провозглашен именно деятелями художественной культуры рубежа XIX—XX веков.

Каковы же те конкретные явления в творчестве Некрасова, которые могли оказаться настолько близки художественным исканиям русских символистов, что побудили их обратить самое пристальное внимание на творчество вождя отвергаемого ими искусства, предпринять попытки всерьез разобраться в его поэтическом наследии?

По самому существу творческих установок литературного движения конца XIX—начала XX века действительный, а не мнимый «контакт» его с Некрасовым и не мог возникнуть иначе, как в собственно эстетической сфере.¹¹ Иное дело — общественный пафос поэзии Некрасова. В 1900-е годы и особенно в 1910-е годы деятели русского символизма предпринимали неоднократные попытки включить и

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Это обстоятельство до сих пор недостаточно учитывается исследователями. См.: *Прийма Ф. Я.* Указ. соч.; ср.: *Никитина Е. П.* Споры о Некрасове и Тютчеве в предреволюционные годы (1912—1916) // *Наследие революционных демократов и русская литература.* Саратов, 1981. С. 205—214.

его в свои теоретические конструкции, умозрительно и даже творчески ассимилировать. Но этот компонент был действительно «вынужденным» событиями бурной революционной эпохи и потому трудно и крайне непоследовательно «усваивался» символизмом.¹²

Да и индивидуальный художественный опыт Некрасова-реалиста: его беспощадный социальный анализ, создание им многоликой и масштабной галереи российских типов — от вершителей судеб государства до нищих обитателей богом забытых углов, трущоб и панелей, впрямую, своим собственным словом ведущих с читателем мучительный разговор о совести, справедливости, человеческом достоинстве и праве на счастье, — весь этот опыт поэта-демократа (и в соответствующих художественных формах) также не мог быть принят эстетических позиций символизма. В глазах теоретиков и практиков движения это была лишь эмпирически представленная, примитивная проза жизни, философски не осмысленная.

Однако подход к поэзии Некрасова, заявленный Д. Мережковским, позволял открыть у поэта-предшественника и совсем иные стороны его таланта. Весьма любопытна в этом отношении статья представителя противоположного Мережковскому лагеря — народника, а впоследствии «легального марксиста» Н. С. Ашешова. «Некрасова считают реалистом, продолжателем Гоголя, — писал критик. — Это справедливо лишь отчасти. Подлинная жизнь со всеми ее причудливо разнообразными красками действительно входила всю сутью в его произведения, но в крупнейших из них наряду с гоголевским натурализмом звучит народнический романтизм (...) Он был реалистом-романтиком, раскрывавшим в поэзии нравственно-общественные идеалы своего лагеря, бессмертного в русской истории».¹³

Мы видим, что «романтизм», усматриваемый Ашешовым в творчестве Некрасова, связывался им не столько с эстетической сферой, сколько с мировоззренческой, с историческим «идеализмом» шестидесятников и семидесятников. С точки зрения общественного движения «эта любовь к народу и эта вера были смутны и неопределенны, ибо были лишь романтическими терминами народничества без ясного анализа по существу».¹⁴

Именно эта «романтическая» сторона поэзии Некрасова и явилась, на наш взгляд, той наиболее общей и значимой эстетической платформой, на основе которой оказался возможным творческий контакт между певцом революционной демократии и «неоромантическим», по определению С. А. Венгерова,¹⁵ художественным движением конца XIX—начала XX века.

В плане художественно-«романтической» интерпретации поэтического наследия Некрасова открывается несколько направлений творческого освоения и развития заложенной им традиции. Самый облик некрасовской музыки, как известно, поразил современников избранием совершенно непривычных предметов для поэтического воплощения. Б. Н. Алмазов, сам благодаря своим пародиям воспринимавшийся чуть ли не разрушителем русской лирики, поражался тому, «что содержание его (Некрасова. — Н. П.) стихов самое непоэтическое и часто даже антипоэтическое. Читая его стихотворения, изумляешься, каким образом автор ухитрился вколотить в стихотворную форму ultra-прозаическое содержание».¹⁶

Обычно эти факты связываются исключительно с процессами утверждения реализма в творчестве Некрасова. Однако известно, что в ранней юности Некрасов прошел серьезную школу русско-французского романтического натурализма.¹⁷ И сама жесткость сочетания в произведении идеальных стремлений людей с беспросветной «грязью» их жизни — едва ли не прямое свидетельство подспудного сохранения в творчестве Некрасова полярных романтических оппозиций в изображении явлений

¹² См.: Будникова Л. И. Некрасов и русские символисты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

¹³ Ашешов Н. Поэзия совести // Образование. 1902. № 12. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ Русская литература XX века: 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1915. Т. 1. С. 16.

¹⁶ Алмазов Б. Наблюдения Эраста Благодрава над русской литературой и журналистикой // Москвитянин. 1852. Т. 5. № 17. С. 19.

¹⁷ Гуковский Г. А. Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Л., 1931. С. 366—373.

действительности. Особое внимание, уделяемое мрачно-экзотическим, прежде невозможным в литературе, порой просто шокировавшим читателя сторонам жизни, было самой заметной чертой романтического натурализма. Причем «жуткие» подробности эстетически оформлялись, становились необходимыми стилевыми компонентами соответствующей художественной картины.

Жестокие некрасовские «портреты» и «пейзажи» в зрелом творчестве поэта преследовали совершенно иные цели — социально-психологическую типизацию изображаемых явлений. Символисты, чутко уловив генетические истоки контрастной природы картин русской жизни в поэзии Некрасова, оценили их именно в этом художественном ключе. Например, в городской лирике поэта, там, где прежние критики (В. Г. Авсеенко) способны были разглядеть лишь «санитарное» содержание, уместное разве что в разделе уголовной хроники «Полицейской газеты»,¹⁸ В. Я. Брюсов увидел «сумрачные картины северного города», которые «могут поспорить с лучшими страницами Бодлера».¹⁹ Развивая в статье «Некрасов как поэт города» (1912) тезис о «красоте» как доминанте некрасовского восприятия северной столицы, Брюсов отметил и более сложный аспект «поэзии» города. Есть «магнетическое», страшное, но все-таки «очарование» также и в картине, «трагизм которой вполне понятен только жителю города, в котором всегдашнее величие смерти сталкивается с пошлостью и суетой торопливой жизни».²⁰

Яснее высказался об этом К. Д. Бальмонт. В речи, читанной им на юбилейном заседании Московского общества любителей российской словесности, он указал в поэзии Некрасова на два ряда образов, переживаемых и поэтически выражаемых в разном эмоциональном ключе. Одни образы (матери, женщины, родины, страдания), взятые поэтом из русской жизни, «трагичны, но в них есть красота трагического»,²¹ ибо они охвачены горестной и страдательной, но гармонизирующей эмоцией. «В них есть романтическая прелесть, причиняющая нам одновременно и боль, и наслаждение».²² Но есть у Некрасова другие образы, исполненные диссонансов нравственного чувства, дисгармонического вторжения в поэзию жестокой реальности, уродливой исковерканности человеческого естества. Их Бальмонт понимает, но не желает принять. «В его (Некрасова. — Н. П.) творчестве есть целый ряд других образов, трагизм которых тем ужаснее, что в них нет очарования: они страшны и смешны в одно и то же время, они несчастны и пошлы (...) Всероссийский Иван, у которого изуродованы грубой силой не только челюсти, но и душа (...) так же пошл и так же ужасен, как поддерживаемые и скрываемые атмосферой мракобесия юбилары и триумфаторы».²³ И все-таки поэт-символист признает, что у Некрасова и это становится «музыкой», становится «живописью». Поэтому для Бальмонта «Некрасов — первый, посмевавшийся создать музыку диссонансов и живопись уродства».²⁴

«Музыкально-живописный» эстетизм бальмонтовской оценки здесь, конечно, прямо произведен от самооценки художника-модерниста, отраженной в зеркале поэзии предшественника. Так, И. Ф. Анненский по поводу стихотворения «Химеры» самого Бальмонта заметил, что так «уродство создает красоту».²⁵ Но «музыка диссонансов», «живопись уродства» не навязаны Некрасову Бальмонтом; эти формулы возникли как результат реального глубокого вчувствования поэта «певучей неги» в трагическую музыку и суровую живопись Некрасова.

Теоретически обосновывая в статье «Искусство наших дней» (1915) свою концепцию эстетизации жизни в искусстве, Ф. К. Сологуб отсылает читателя к опыту Некрасова. Его авторитетом он подкрепляет требование свободы художника от любых нормативных эстетических запретов, его права на освещение в творчестве любых сторон действительности.

¹⁸ Авсеенко В. Г. Поэзия журнальных мотивов // Русский вестник. 1873. № 6.

¹⁹ Брюсов В. Я. Собр. соч. В 7-ми т. М., 1975. Т. 6. С. 186.

²⁰ Там же. С. 184; см. также статью С. П. Ильёва «Некрасов как предтеча русских поэтов-урбанистов символистского круга» в наст. изд. (с. 114—123).

²¹ Бальмонт К. Некрасов // Новый путь. 1903. № 3. С. 45.

²² Там же. С. 44.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 114.

Если в душе твоей ясны
 Типы добра и любви,
 В мире все темы прекрасны,
 Музу смелее зови,

— сочувственно цитировал Сологуб строки Некрасова.²⁶ И действительно, идя этим путем, художникам рубежа веков удалось значительно расширить сферу возможного в искусстве.

Еще одна особенность некрасовской лирики, которая стала предметом размышления и эстетического освоения поэтами-символистами, — это особая роль эмоциональной организации поэтического текста.

Сама эмоциональная палитра драматических, диссонансирующих, протяжно-тягостных ритмов и уныло-напевных интонаций поэзии Некрасова оказалась им куда ближе созерцательно-гедонистского и медитативно-гимнического звучания стиха их «эстетических» предтеч — поэтов «чистого искусства» 1850-х годов. Характерный пример: даже самые светлые стихи К. Бальмонта в сборнике «Будем как солнце» (1903) разворачиваются большей частью на медлительно-напевной ритмической основе.

Один из главных открывателей для широкого европейского читателя творчества корифеев российской художественной словесности, Мельхиор де Вогюэ, определил талант Некрасова словами: «réaliste exalté».²⁷ Некрасов, по его мнению, безусловно реалист, но реалист особенный — эмоционально перенапряженный, «взвинченный». Истоковать и развить эту мысль взялся известный критик-общественник В. П. Крайнихфельд. Действительность, утверждал он, является в поэзии Некрасова не столько в своем эмпирическом облике, сколько в могучем эмоциональном преобразении. Некрасову-мыслителю в высшей степени свойственно интеллектуальное овладение предметом творчества — вспомним хотя бы его сжатые до афоризма характеристики явлений и лиц, найденность, как кажется, единственно необходимого характерологического эпитета или социально-аналитической детали, изумительную «ковкость» его поэтической фразы, в которой неразделимо сплелись логика, синтаксис и декламационный эффект. Но Некрасов-художник необычайно силен и в эмоциональном овладении жизненным материалом. Свидетельство тому — ярко выраженное тяготение поэта к гиперболизации и даже «символизации» образа, к «сгущению красок», к концентрации эмоционального тона лирического высказывания.²⁸ «Всюду перед вами является художник большой изобразительной силы. И сила эта заметно растет по мере того, как художник переносит свой взор на картины общественной жизни и, наконец, переходит в потрясающий пафос, когда (как, например, в «Размышлениях у парадного подъезда») возмущенное чувство лишает его необходимого спокойствия для того, чтобы он мог ограничиваться только поэтической объективацией явления».²⁹ Здесь же открываются и истоки тайны воздействия некрасовского стиха на читательскую и слушательскую аудиторию. Они, по мысли критика, кроются в особой «заразительности» поэтической речи Некрасова, заключенном в ней эмоционально-волевом «наркозе».³⁰

Благодаря этим своим качествам некрасовская интонация и сопутствующие ей, воплощающие ее ритмические структуры — независимо от отношения наследников к гражданским декларациям поэта — оказались на долгие годы универсальным средством в русской поэзии лично-трагического переживания бытия.

Говоря о продолжении и развитии русскими символистами некрасовской традиции, не следует, конечно, упускать из виду и тот опыт эстетизирующего освоения ее, который был накоплен в поэзии непосредственных продолжателей-реформаторов лирики Некрасова — К. К. Случевского, С. Я. Надсона, К. М. Фофанова. И все-таки действительно основополагающим залогом живого и плодотворного приобщения

²⁶ Сологуб Ф. Искусство наших дней // Русская мысль. 1915. № 12. С. 52 и след.

²⁷ Vogüé E.-M. de. Regards historiques et littéraires. Paris. S. a. P. 266.

²⁸ См.: Скотов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели. М., 1986. С. 261—263.

²⁹ Крайнихфельд В. Н. А. Некрасов: Опыт литературной характеристики // Мир божий. 1902. № 4. С. 33.

³⁰ Там же. С. 40.

деятели отечественного символизма к творческой традиции крупнейшего русского лирика XIX века могли послужить только некие непосредственные решения волновавших поэтов и критиков рубежа веков художественно-философских и поэтических задач, которые мог им предложить их предшественник.

Тяжба всего символистского движения с временем Некрасова и им самим была тем более драматична, что логика общественного развития предреволюционной России и собственная творческая эволюция художников и мыслителей конца XIX—начала XX века делали очевидной и для них объективную природу пафоса предшествующей эпохи.

Некрасовский лиризм, природа некрасовской трагической эмоции, ее универсальный характер позволяли поэту-символисту находить опору в собственных исканиях. Трагедийность «некрасовской» окраски в 1900-е годы из эстетически вторичной литературной традиции (как это было в 1880—1890-е годы) обращается в глубоко содержательный компонент поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, Ф. Сологуба, М. Волошина, И. Анненского, Д. Мережковского, даже Вяч. Иванова. А Белый развернутое Бальмонтом «теоретическое» прочтение Некрасова реализовал в книге «Пепел» (1908). А самым главным наследником трагического лирика XIX века — помимо всех текстовых аллюзий и смысловых переключек — по органическому пафосу и строю лиры стал А. Блок.

В настоящей статье мы намеренно не останавливались на своеобразии индивидуальных воззрений отдельных представителей русского символизма, дифференциации их позиций в эстетических спорах эпохи. Ключом к проблеме «Некрасов и символисты» является, на наш взгляд, как раз наиболее общая, лежащая в основе всех конкретных оценок эпохи «художественно-романтическая» природа восприятия Некрасова русскими символистами.

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Громов

НЕКРАСОВ И М. А. ПРОТОПОПОВ

Одна из внутриредакционных записок Н. А. Некрасова к Н. К. Михайловскому, впервые напечатанная в 1930 году, остается непрокомментированной, а упомянутое в ней произведение критика М. А. Протопопова значит как неизвестное (Н 1, 11, 409). О нем не сказано ни слова и в примечаниях к статье П. Д. Боборыкина «Памяти Тургенева», появившейся в «Новостях» 25 августа 1883 года и затем включенной в состав воспоминаний ее автора: «Помню, при мне Некрасов получил рукопись от начинающего под заглавием „Всероссийский фаворит“. Это было едкое обличение всей писательской карьеры Тургенева с точки зрения народника семидесятых годов. Редакция («Отечественных записок». — В. Г.) увидела в авторе бойкость; статья ей понравилась; но она не решилась из благоразумия напечатать ее. С тех пор автор ее сделался одним из теперешних тенденциозных рецензентов, считающих себя солью земли».¹

Достоверность этого свидетельства подтверждается прежде всего текстом записки: «Николай Константинович, вот г. Протопопов — автор „Все(российского) фаворита“. Поговорите с ним. Он не прочь у нас работать» (Н 1, 11, 409). Письмо датируется по началу работы в «Отечественных записках» критика М. А. Протопопова: «Конец 1876—начало января 1877 г.» (там же). Через двадцать лет после смерти Некрасова Протопопов в одной из газетных статей рассказал о своем знакомстве с ним и другими руководителями и сотрудниками журнала, где он вскоре поместил первую критическую статью «Литературная злоба дня» под псевдонимом «Н. Морозов», а затем «заведовал отделом библиографии», как было сказано в некрологе критика.² Его забытые воспоминания о поэте вносят ясность в историю статьи «Всероссийский фаворит» и позволяют уточнить предполагаемую дату письма Некрасова к Михайловскому о ее авторе — Протопопове, которому в связи с печальной годовщиной захотелось сказать несколько слов о «нравственной, человеческой личности» поэта.

Начинающий, никому не известный тогда литератор «имел с ним беседу, продолжавшуюся, впрочем, не более десяти минут»: «Беседа эта вполне сохранилась в моей памяти, и самого Некрасова я представляю себе теперь как живого. Было это весной 1876 года (...) Поводом к свиданию послужила моя рукопись, которую я сдал в редакцию „Отечественных записок“ незадолго перед тем. Это была большая критическая статья о Тургеневе под заглавием „Всероссийский фаворит“, в которой я подвергал безобидного популярного романиста самому бесцеремонному истязанию. Статью эту я писал старательно, с двумя черновыми, пылая самой искренней ненавистью к Тургеневу (теперь я и сам хорошенько не разберу, за что именно я его тогда возненавидел). Немудрено, что статья в чисто литературном смысле оказалась довольно удачной. Вот по поводу этой статьи я и получил приглашение за подписью секретаря редакции (это был А. Н. Плещеев, известный поэт) „пожаловать“ к Н. А. Некрасову в такой-то день около такого-то часу (...) Передо мной сидел худой, болезненный (человек...). Некрасов начал наконец говорить глухим и

¹ Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2-х т. М., 1965. Т. 2. С. 385.

² Новое время. 1915. Дек. № 14276.

тягучим голосом, точно с каким-то усилием вытаскивая из себя слова. Благодаря своей отличной памяти я, кажется, дословно помню весь наш разговор и постараюсь передать его с точностью фонографа (...) „Ну... я читал вашу статью, да и все мы (понимайте — члены редакции) ее читали... Прекрасно написана... Напечатать мы ее не напечатает, Елисеев скажет вам почему... Вы Елисеева-то знаете? (...) у вас, я вам скажу, положительный талант (...) вы готовый писатель. Работайте обеими руками — вот вам и все...”³

Причину отклонения понравившейся Некрасову и его товарищам по редакции журнала статьи «Всероссийский фаворит», как и других аналогичных материалов, направленных против Тургенева, Г. З. Елисеев объяснил не только Протопопову, но и публике в одном из внутренних обозрений 1879 года. Обеды в честь И. С. Тургенева в Москве и Петербурге, овации, речи, адреса, ответные благодарственные слова писателя имели, по мнению Елисеева, характер экспромта. Торжества происходили стихийно, бессознательно, устраивались частным образом, и потому совершенно несправедливо обвинение редакции «Отечественных записок» в уклонении от этого праздника, в том что она якобы намеренно блистала своим отсутствием на большом званом обеде по случаю участия в нем И. С. Тургенева. Этот журнал подозревался многими печатными органами в постоянном недоброжелательстве к автору «Отцов и детей», «Дыма», «Нови», хотя, как утверждал Елисеев, все участники последнего некрасовского периодического издания со своей стороны не подавали никакого к тому повода.

«За все время существования „Отечественных записок” под нынешнюю редакцию в них не было ничего такого, из чего можно было бы заключить о неприязненном отношении их к И. С. Тургеневу. Ввиду неприязненных отношений, возникших между Тургеневым и покойным Некрасовым еще при издании последним „Современника”, редакция „Отечественных записок” не принимала даже присылаемых со стороны огорчительных для И. С. Тургенева, хотя и дельных, статей, чтобы не дать повода думать, что статьям этим дается место вследствие личных неприязненных отношений редактора. Подозрение, что „Отечественные записки” питают неприязненные чувства к И. С. Тургеневу, родилось только из того, что редактор „Отечественных записок” был и редактором „Современника”, а И. С. Тургенев так глубоко чувствовал огорчение, нанесенное ему „Современником”, что не мог долго забыть этого и при этом был так невеликодушен, что мстил своему противнику уже тогда, когда „Современник” был давно закрыт...»⁴

Таким образом, записка Некрасова к Михайловскому может быть датирована временем знакомства Протопопова с поэтом, которое состоялось весной 1876 года. Что же касается статьи «Всероссийский фаворит», то некоторое представление о ней дает первое крупное выступление ее автора в «Отечественных записках». Принадлежность статьи «Литературная злоба дня» Протопопову подтверждена им самим.⁵ «Этюд молодого критика», выступившего в печати «как человек совершенно новый»,⁶ был замечен и воспринят как «подновленный утилитаризм»,⁷ как «проповедь тенденциозности».⁸

В. П. Буренин (псевдоним «Тор») констатировал: «Этюд подписан именем (или псевдонимом), если не ошибаюсь, появляющимся в первый раз (...) В этюде г. Морозова встречаются мнения, которые заимствованы не только из таких действительно глубоких и ясных источников, как статьи Добролюбова и других лиц в „Современнике” (намек на Н. Г. Чернышевского. — В. Г.), но даже из таких мелких и мутных, как писания Скабичевского».⁹

Суждения о Тургеневе, разбросанные по всей обширной статье «Литературная злоба дня», имели в основном негативный, а временами памфлетный характер и восходили, очевидно, к понравившейся редакции, но не напечатанной из тактических

³ Протопопов М. Жизнь и литература // Одесские новости. 1897. 28 дек. № 4183.

⁴ Отечественные записки. 1879. № 4. Отд. 2. С. 227.

⁵ Протопопов М. Трудный вопрос // Новое слово. 1894. № 5. С. 349. (Сноска под строкой).

⁶ Наш век. 1877. 10 марта. № 10.

⁷ Там же.

⁸ Новое время. 1877. 22 апр. № 411.

⁹ Там же. 28 янв. № 330.

соображений статье «Всероссийский фаворит»: Тургенев до статьи Добролюбова о «Накануне» «превозносился выше леса стоячего».¹⁰ Добролюбов же, «пользуясь иногда даже самым ничтожным материалом», умел ставить вопрос: «Когда же придет настоящий день?» — и, кроме того, «умел на него отвечать или по крайней мере намекать на ответ».¹¹ Столь же скептические отзывы встречаются в «Литературной злобе дня» и о «Рудине», «Дворянском гнезде», «Отцах и детях», «Дыме». Первая крупная статья Протопопова, привлеченного Некрасовым к сотрудничеству в «Отечественных записках», оканчивалась завуалированным призывом к хождению в народ, «остроумничать и глумиться» над которым «позволительно только гг. Потугиным».¹² Столь резкий выпад против Тургенева предвещал широкую полемику по поводу «Нови».

¹⁰ Отечественные записки. 1877. № 1. Отд. 2. С. 30.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 47.

Е. К. Демиховская

НЕКРАСОВ И И. А. ГОНЧАРОВ

В исследовательской литературе многократно говорилось о том значении, какое имел кружок Майковых в судьбе Ивана Александровича Гончарова. По его воспоминаниям, дом Майковых «кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многие литераторы из круга 30-х и 40-х годов — (...) все, вместе с хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, где все учились друг у друга».¹ Именно у Майковых Гончаров познакомился со многими литераторами. Кружок Майковых посещали В. Г. Бенедиктов, И. И. Панаев, С. С. Дудышкин, Ф. М. и М. М. Достоевские, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов.

Общаясь в среде писателей, Гончаров тоже писал, но только для себя, оттачивая перо, предпочитая оставаться неизвестным публике, кипами исписанной бумаги топил печи лет пятнадцать, как он признавался позднее.² Лишь немногие «опыты» — стихи и повести «Нимфодора Ивановна», «Лихая болезнь», «Красный человек», «Счастливая ошибка» — были помещены в рукописных альманахах «Подснежник» и «Лунные ночи», издаваемых кружком Майковых.

И только роман «Обыкновенная история» он решил передать Белинскому через М. А. Языкова, у которого он и пролежал целый год. Как вспоминал И. И. Панаев, «Некрасов взял эту рукопись у Языкова, прочел из нее несколько страниц и, тотчас заметив, что это произведение, выходящее из ряда обыкновенных, передал ее Белинскому, который уже просил автора, чтобы он прочел сам (...) Гончаров несколько вечеров сряду читал Белинскому свою „Обыкновенную историю“. Белинский был в восторге от нового таланта, выступавшего так блистательно...».³ Гончаров импонировал Белинскому и Некрасову первоклассным талантом художника-реалиста, представителя того литературного направления, которое критик пропагандировал в своих статьях. Первый роман Гончаров отдал в «Современник» (1847. № 3—4), во главе редакции которого стоял Некрасов. Энергичные усилия Некрасова сделать Гончарова сотрудником своего журнала увенчались успехом. В 1840-е годы все произведения Гончарова печатались только в «Современнике». В 1847 году был опубликован некролог Вал. Н. Майкова, в 1848 году — юмористический очерк «Иван Саввич Поджабрин» и «Письма столичного друга провинциальному жениху», подписанные псевдонимом «А. Чельский», а в 1849 году в «Литературном сборнике с иллюстрациями», изданном редакцией «Современника», — «Сон Обломова».

Однако думать, что Некрасова и Гончарова сближали только деловые связи, неверно. Общение в дружеском кругу было довольно интенсивным. Они встречались у Белинского, позднее — на литературных чтениях, организуемых Литературным фондом, на литературных обедах. Некрасов давал обеды в честь выхода каждого номера «Современника».

В 1850-е годы «Фрегат „Паллада“» печатался фрагментарно в разных журналах, роман «Обломов» — в «Отечественных записках», хотя глава из книги «Фрегат „Паллада“» — «Острова Бонин-Сима» — появилась в «Современнике» в 1855 году.

¹ Некролог. Н. А. Майков // Голос. 1873. № 238.

² См.: Письмо И. А. Гончарова к К. Р. (январь 1884 г.) // Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938. С. 337.

³ Панаев И. И. Из воспоминаний о Белинском // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 61, 62.

Став цензором, Гончаров сохранил свои отношения с «Современником» и его редакцией. Он помог увидеть свет статьям сотрудников журнала, вызвавшим подозрение у цензуры.

К этому времени относится известная история с переизданием стихотворений Некрасова, выявившая гражданскую смелость Гончарова. Первое издание «Собрания стихотворений» Некрасова вызвало официальное запрещение новых изданий стихотворений поэта.⁴ Несмотря на это, Гончаров в апреле 1859 года поднял вопрос о втором издании сборника. В заявлении, посланном в С.-Петербургский цензурный комитет, цензор Гончаров написал: «Долгом считаю заметить, что книга Некрасова до тех пор не перестанет возбуждать напряженного внимания любителей поэзии, ходит в рукописях, выгучивается наизусть, пока будет продолжаться запрещение ее к свободному изданию, как это показывают многочисленные примеры в литературе».⁵

Заявление Гончарова не привело к скорому успеху, но все-таки разрешение на второе издание стихотворений в мае 1861 года было получено. Некрасов в то же время опубликовал в «Современнике» статью Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859. № 5), хотя Гончаров отдал роман «Обломов» в «Отечественные записки», получив от А. А. Краевского очень высокий гонорар. Статью Добролюбова И. А. Гончаров признавал отличной, лучшей из статей, написанных его современниками.

Личные связи Гончарова — просветителя-демократа и Некрасова не прерывались и в 1860-е годы, когда резко обострилась общественно-политическая и литературная борьба. В 1863 году Гончаров назначается членом Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания. Его обязанностью было наблюдение за периодическими изданиями. В. Е. Евгеньев-Максимов, коснувшийся этого обстоятельства, приводит ряд фактов, доказывая, что «Гончаров не рещался и не желал особенно теснить некрасовский журнал».⁶ Действительно, Гончаров никогда не поднимал вопроса о репрессиях в отношении к журналу, все относящиеся к «Современнику» отзывы Гончарова имели в виду не журнал в целом, а отдельные произведения, напечатанные в нем. В отчете за 1863 год он написал о «Неопределенности направления „Современника“, явившего миру роман Н. Г. Чернышевского „Что делать?“, сохранявшего верность идеалам вождей революционной демократии». Представляется справедливым утверждение В. Е. Евгеньева-Максимова, что Гончаров «сознательно лукавил», «не желая навлекать на „Современник“ каких-либо репрессий, твердил о мнимой неопределенности его направления».⁷

Выйдя в 1868 году в отставку, Гончаров заканчивал «Обрыв». Некрасов, ставший после запрещения «Современника» редактором «Отечественных записок» в соредакторстве с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым, убеждал писателя отдать роман в «Отечественные записки», он звал автора «Обрыва» поселиться вместе с ним на даче в Лигове, стараясь создать условия для писания и последующего чтения романа. Гончаров, уже пообещавший отдать роман М. М. Стасюлевичу в «Вестник Европы» и собиравшийся уезжать за границу, должен был отказаться от приглашения Некрасова. С признательностью писал он Некрасову 22 мая 1868 года: «Вы хлопотали не о выгоде журнала, побуждая меня оканчивать и развязаться с этим романом, который, как камень, мешаает мне, а, собственно, из приязни ко мне и к литературе тоже, потому что кое-что слышали из этого романа. И я постараюсь или кончить его, или, если не удастся, уже бросу его. Об этом Вашем бескорыстном отношении к моему труду я писал за границу к Стасюлевичу и буду так же долго помнить это, как Вы помните, что я когда-то служил Вам переводчиком в Дрездене.

Я не думаю, чтобы роман («Обрыв». — Е. Д.) мог годиться для Вас (...) Если бы он и дал несколько новых подписчиков, то Вы сами — сила — говорит Стасюлевич, и в состоянии вложить в трюм журнала ту вескую гирию, которая дает ему устойчивость. Притом у Вас есть еще талант — отыскивать и приманивать таланты: Вы щедры и знаток дела».⁸

⁴ См.: Теплинский М. Н. А. Некрасов под жандармским надзором // Русская литература. 1966. № 3. С. 132.

⁵ Цит. по: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 94.

⁶ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в кругу современников. Л., 1938. С. 23.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Гончаров И. А. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1952. Т. 8. С. 365.

Судя по письму Гончарова из Киссингена от 26 июня 1869 года к С. А. Никитенко, Некрасов не разделял мнения Салтыкова-Щедрина об «Обрыве», которое выразилось в статье «Уличная философия», опубликованной в № 6 «Отечественных записок». Он писал: «Сюда приехал Некрасов (...) Я сейчас же спросил его о ругательной статье против меня в „Отеч(ественных) записках” — он как будто удивился, взял у меня 5-ю часть романа, прочел, прибежал ко мне с восторженными восклицаниями, сказав, что я ничего подобного не писал, что вся драма 5-й части — chef d'oeuvre и т. д., и выразил удивление, как могли принять это за войну новому поколению, когда я изобразил только нелепые крайности самозванных новых людей, сказал, что меня не поняли, что я должен непременно печатать отдельно, и написать предисловие, и растолковать мысль и цель романа».⁹

Вполне возможно, что эта мысль Некрасова послужила толчком к созданию статей Гончарова о своем творчестве. Именно летом 1869 года возникло решение Гончарова написать предисловие к «Обрыву», результатом переработки которого явилась статья «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв”», а затем — «лучше поздно, чем никогда», наиболее широко выразившая литературно-эстетические взгляды Гончарова.

Творческие контакты Некрасова с Гончаровым продолжались и далее. Так, создавая поэму «Русские женщины», Некрасов пользовался рассказами и советами Гончарова. Вероятно, помощь Гончарова была немалой, так как Некрасов намеревался процитировать рассказы Гончарова о жизни декабристов в Сибири и сослаться на них в отдельном издании поэмы или в задуманном продолжении ее как на один из своих источников. Но Гончаров, человек скромный, привыкший преуменьшать свои заслуги, просил его имени не упоминать и советовал обратиться к М. С. Волконскому, с которым познакомил Некрасова.¹⁰

Когда появилась «Княгиня Волконская» Некрасова, Гончаров в письме просил прислать ему отдельный оттиск его «чудесной поэмы» «Русские женщины». «Мне непременно хочется ее иметь, и, кроме того, я желаю прочесть ее в одном доме. На меня и на всех производит сильное впечатление».¹¹ Некрасов посылает поэму, а Гончаров в ответном письме от 31 января 1873 года благодарит его за это.¹²

Предприятием, сблизившим Некрасова и Гончарова, было также издание в 1874 году сборника «Складчина» в пользу голодающих самарцев. В издательский комитет сборника вошли И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, А. А. Краевский, А. В. Никитенко, П. А. Ефремов, кн. В. П. Мещерский.

Подарком больного поэта давнему другу в апреле 1877 года стали «Последние песни».

Проводив 28 декабря 1877 года в последний путь Некрасова, Гончаров делился воспоминаниями о поэте с современниками: 17 апреля 1878 года на вечере у А. А. Давыдовой с Я. П. Полонским, А. М. Дюжиковой, С. И. Смирновой-Сазоновой, а весной 1882 года — с Е. И. Утиным, И. И. Ясинским, художником А. А. Наумовым, работавшим тогда над картиной «Некрасов и Панаев у больного Белинского». В неизданных письмах к современникам, в частности к К. К. Романову, имя Некрасова встречается неоднократно.¹³

Таким образом, взаимоотношения Некрасова и И. А. Гончарова — одна из интересных страниц в биографии двух писателей и в истории общественно-литературного движения России. Антикрепостническая платформа, объединившая их в 1840-е годы, предопределила приятельско-деловые отношения Некрасова и Гончарова на протяжении сорока лет, хотя и не гарантировала от идеологических расхождений позднее, когда сформировалась революционно-демократическая позиция Некрасова и позиция просветительского демократизма Гончарова.

⁹ Там же. С. 393.

¹⁰ См.: Демиховская О. А. И. А. Гончаров и декабристы // Русская литература. 1975. № 4. С. 112—113.

¹¹ Литературное наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 221.

¹² См.: Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 417—418.

¹³ См.: РО ИРЛИ, ф. 137, № 65.

П. В. Бекедин

НЕКРАСОВ В ВОСПРИЯТИИ В. М. ГАРШИНА

(НЕОБХОДИМЫЕ УТОЧНЕНИЯ)

Если бы не одно свидетельство Г. В. Плеханова, то проблема «Некрасов и В. М. Гаршин», пожалуй, не стала бы предметом специальных исследований.

Напомним это плехановское суждение, которое, по мнению многих некрасоведов, не делает чести ни Плеханову, ни Гаршину: «Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из своих московских друзей о Некрасове: „Что за талант у этого человека и что за топор его талант!“ Эта восторженная похвала не лишена некоторой двусмысленности. Топор — очень полезное орудие труда; он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно не изящны; недаром мы говорим: „топорная работа“. И надо признать, что произведения Некрасова часто представляют собою именно такую работу. Я помню, как однажды, заспорив со мною о „Русских женщинах“, покойный Всеволод Гаршин, очень невысоко ставивший поэтический талант Некрасова и резко осуждавший тогда (в годы студенчества) „тенденциозность“ его поэзии, с насмешкой продекламировал:

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок...

Несмотря на все свое пристрастие к поэту „мести и печали“, я вынужден был согласиться, что „возок“ плохо рифмуется с „легок“. Некрасов, наверно, и сам чувствовал, что тут дело идет не совсем ладно; но он не только не смутился этим, но несколько ниже повторил:

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок...

Подобные антиэстетические погрешности у Некрасова попадают на каждом шагу. Его стих не гладок или, как он сам характеризовал его, *тяжел и неуклюж*. Его язык редко бывает звучен. Людям, воспитанным в эстетических преданиях сороковых годов и избалованным роскошной музыкой стихов Пушкина и Лермонтова, должны были резать ухо шипящие звуки...¹

Оспаривая столь резкие упреки в адрес поэта, некрасоведы, как правило, идут по пути наименьшего сопротивления: они — без достаточных на то оснований — ставят под сомнение ссылку Плеханова на мнение Гаршина и спешат объявить ее недостоверной. Например, таким образом полемизировал с Плехановым К. И. Чуковский.² От подобного же подхода не удержался даже такой серьезный ученый, как Ф. Я. Прийма, который писал: «Выдвигая тезис о художественном несовершенстве некрасовской поэзии, Г. В. Плеханов опирался на компетенцию в этом вопросе В. М. Гаршина. Однако после публикации в 1946 году стихотворного отклика Гаршина на смерть Некрасова соответствующее место плехановской статьи о поэте

¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 188.

² См.: Чуковский К. Мастерство Некрасова. 4-е изд. М., 1962. С. 174—175.

„места и печали” утратило свою достоверность. Научная несостоятельность плехановской апелляции к Гаршину была своевременно отмечена К. И. Чуковским».³

Мотивы, лежащие в основе такого рода взгляда, вполне понятны, однако у нас нет никаких данных для того, чтобы не доверять Плеханову. Наоборот, все говорит за то, что плехановская апелляция к Гаршину была уместной, оправданной и достоверной. Во-первых, Плеханов не тот человек, чтобы вкладывать в уста Гаршина собственные мысли. Во-вторых, свидетельство Плеханова имеет под собой биографическую базу: он действительно встречался с Гаршиным, беседовал с ним; их роднил Горный институт; их отношение к поэзии Некрасова во многом совпадало. В-третьих, претензии Плеханова, как, впрочем, и Гаршина, к некрасовской музе («тенденциозность», «антиэстетические погрешности», «прозрачность» стиха) имеют давнюю традицию и к тому же естественно вытекают из представлений Плеханова о языке художественной литературы. «Само собой понятно, — писал он, — что автор, мало обращающий внимания на художественную отделку своих произведений, еще меньше будет заботиться об языке. В этом отношении наших беллетристов-народников нельзя сравнить не только с Лермонтовым или Тургеневым, но даже и с В. Гаршиным или М. Белинским».⁴

Стремясь нейтрализовать сообщение Плеханова и не замечая при этом одну существенную оговорку-уточнение последнего («в годы студенчества»), некрасоведы чаще всего приводят один аргумент: указывают на то, что перу Гаршина принадлежит стихотворение на смерть Некрасова. По логике исследователей, это гаршинское произведение опровергает версию Плеханова, который вопреки утверждениям не задавался целью обобщать отношении прозаика к Некрасову-человеку и поэту, а имел в виду конкретный эпизод, связанный с оценкой его языковой культуры. Стихотворный отклик Гаршина на смерть Некрасова, озаглавленный «1877 года, 30 декабря», был впервые опубликован в 1946 году.⁵ Приведем его текст полностью:

Прощай, прощай, прощай, не будет песен больше,
 Певец умолк навек.
 Быть может, он и мог бы петь их дольше,
 Но он был человек,
 И умер... Умерла в нем раньше правда жизни.
 Не думает ли кто,
 Чтоб дерзостью бесцельной укоризны,
 Хотел я имя то,
 Что возбуждало в нас святейшие порывы,
 Позорить иль пятнать?
 Но были ли они всегда в самом нем живы, —
 Кто смеет то сказать?
 Его могучий дар, его, быть может, гений
 Царил над ним самим,
 Над суетой его житейских увлечений, —
 Он умер вместе с ним.
 Плачь, русская земля, не человека — силы
 Лишилась ты навек,
 Плачь, потому что гений шел в могилу,
 Хоть умер — человек.

Из этого стихотворения, написанного, по всей видимости, в день похорон Некрасова (Гаршин принимал непосредственное участие в похоронах поэта: шел в траурной процессии за его гробом, присутствовал при его погребении на кладбище, слушал произнесенные над открытой могилой речи), явствует, что его автор

³ Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература. Л., 1987. С. 247.

⁴ Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 225.

⁵ См.: Базилевская Е. В. Стихотворение Гаршина на смерть Некрасова: Из записной книжки В. М. Гаршина // Литературное наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 636. — В архиве близкого друга Гаршина, художника М. Е. Малышева, хранится копия стихотворения «На смерть Некрасова. 30 декабря 1877», которая по сравнению с ранее опубликованным текстом содержит ряд существенных различий (см.: Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 256). Некоторые из них учитываются нами в процессе анализа стихотворения Гаршина. Первое упоминание о копии стихотворения см.: Материалы из архива Михаила Егоровича Малышева // Записки отдела рукописей. М., 1975. Вып. 36. С. 82.

признавал «могучий дар», «могучий дух» («быть может, гений») покойного, чье имя возбуждало у соотечественников «святейшие (чистейшие) порывы». Заключительное четверостишие вызывает прямые ассоциации со стихотворением Некрасова «Памяти Добролюбова», где также есть обращение к русской земле: «Плачь, русская земля! но и гордись...» (Н 2, 2, 173).⁶ Бросается в глаза, что поэтическое прощание с Некрасовым выдержано Гаршиным в некрасовском ключе.

Имея в виду «некрасовское» стихотворение Гаршина, Е. В. Базилевская сделала вывод: «Эти строки (...) очевидно опровергают утверждение Плеханова, что Гаршин „очень невысоко“ ставил поэтический талант Некрасова и резко осуждал „тенденциозность“ его поэзии. Нет никаких оснований предполагать, что за три—три с половиной года, прошедшие с момента институтских бесед с Плехановым, взгляды Гаршина на талант Некрасова, на значение его творчества существенным образом изменились. Стихотворение 1877 года отнюдь не стоит особняком в ряду прочих упоминаний и высказываний Гаршина о Некрасове. Напротив, все предшествующие высказывания и упоминания легко и непосредственно увязываются со стихотворением, все последующие кажутся непосредственно из него вытекающими». И далее: «Нет никакого сомнения в том, что вопреки свидетельству Плеханова Гаршин высоко ценил поэзию Некрасова, и ей принадлежало далеко не последнее место в ряду тех идейно-художественных факторов, воздействие которых определило общественно-политическое сознание Гаршина и сказалось на самом характере и направлении его литературной деятельности. Плехановская версия о низкой оценке Гаршиным поэтического таланта и значения Некрасова должна быть оставлена».⁷ Эта точка зрения прочно вошла в науку, и казалось, что она дала как бы исчерпывающий ответ на вопрос об отношении Гаршина к личности и творчеству Некрасова.

Но это не совсем так. Дело в том, что стихотворение Гаршина не «похоронило» плехановскую версию, ибо оно — о другом. Стихотворение Гаршина нельзя назвать панегириком. Даже в столь скорбный час писатель не мог удержаться от того, чтобы не идеализировать личность умершего поэта. Не собираясь «позорить иль пятнать (или запятнать)» имя Некрасова «дерзостью (пошлостью) бесцельной укоризны», он тем не менее замечает: «Умерла в нем раньше правда жизни». К тому же Гаршин не уверен, что «святейшие (чистейшие) порывы», запечатленные в некрасовских произведениях и получавшие живой отклик в душах читателей, были свойственны их автору: «Но были ли они всегда в самом нем живы, — Кто смеет то сказать?» По мнению Гаршина, Некрасов-поэт был несравненно выше Некрасова-человека: «Его могучий дар (дух), его, быть может, гений Царил всегда над ним самим...» Гаршин прямо говорит о том, что гениальному поэту не удалось избежать «суеты... житейских увлечений», «пошлости... пустых стремлений». Все стихотворение построено как антитеза гения и человека, и это обстоятельство нельзя игнорировать ни при интерпретации данного произведения, ни при осмыслении гаршинского отношения к Некрасову в целом.

Не менее важно соотнести стихотворные строки, занесенные Гаршиным в свою записную книжку, с тем, что он сообщал 1 января 1878 года в письме к матери по поводу похорон Некрасова, которые оставили у него двойственное, противоречивое впечатление: «Да, попрощались, похоронили! Похороны были мирные, величественные. Впрочем, без глупостей не обошлось. Сравнивали с Лермонтовым, Пушкиным и даже ставили выше. Венки с надписями несли часть пути

⁶ Стихотворение «Памяти Добролюбова» возникает и в «Петербургских письмах» (1882) Гаршина, в которых российская столица представлена как «фокус русской жизни», как «духовная родина» интеллигенции. Здесь же содержится описание Волкова кладбища, прежде всего того места, где лежат «лучшие русские люди»: «Деревянные решетки, отделяющие соседние „семейные места“, исписаны карандашом. Тут и стихи, но не собственного сочинения, а большею частью из Некрасова; тут и наивная проза с выражением любви и горя. „Все, кого ты учил, помнят тебя“, „Неужели ты забыт?“

...Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Таковы надписи над могилой Писарева». Могилы Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева и других вызывают у автора «Петербургских писем» чувство стыда: «Мы не заботимся о наших великих мертвых, как заботятся англичане. Мы не заботимся о них и при жизни. Мы умели только брать от них, ничего не давая взамен» (Гаршин В. М. Сочинения. М., 1983. С. 332, 339—340).

⁷ Базилевская Е. В. Указ. соч. С. 636, 638.

две бабы русские
Коровы холмогорские,
Не бабы — глаже нет.

Все это пошло и глупо. Тяжело было на похоронах, очень тяжело. Помните, как вы плакали, хороня отца, которого ведь вовсе не любили? Вы плакали о своей жизни. Вот то же и я испытывал». ⁸ Приведенные высказывания Гаршина по-своему дополняют и корректируют стихотворение на смерть Некрасова, обнажая сложное отношение его автора к поэту.

Очевидно, что Гаршин не разделял сравнения Некрасова с Пушкиным и Лермонтовым и попытку поставить его даже выше их. Как известно, поводом для подобных «сравнений» явилась речь Ф. М. Достоевского, которому затем пришлось «оправдываться» перед своими оппонентами, уточняя свою позицию: «...в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим „новым словом“. (...) В этом смысле он (...) должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был *выше* Пушкина и Лермонтова и что те были всего только „байронисты“. Несколько голосов подхватили и крикнули: „Да, выше!“ Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в „Биржевых ведомостях“ г-н Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывая, что будто бы когда *кто-то* (то есть я) на могиле Некрасова „вздумал сравнивать имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все (то есть вся учащаяся молодежь) в *один голос, хором* прокричали: «Он был выше, выше их». Смею уверить г-на Скабичевского, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: „Выше, выше их“, и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были „байронисты“, — прибавка, которая гораздо свойственнее и естественнее одному голосу и мнению, чем *всем*, в один и тот же момент, то есть тысячному хору, — так что факт этот свидетельствует, конечно, скорее, в пользу моего показания о том, как было это дело. И затем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло еще несколько голосов, но всего только несколько, тысячного же хора я не слышал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь. Я потому так на этом настаиваю, что мне все же было бы чувствительно видеть, что *вся* наша молодежь впадает в такую ошибку». ⁹ Против такой «ошибки» выступал и Гаршин, и здесь он был союзником Достоевского, который, будучи неправильно понятым, не раз разъяснял: «...я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем». ¹⁰ Как и Достоевский, Гаршин отдавал явное предпочтение творчеству Пушкина и Лермонтова.

В том, как прощались с Некрасовым, Гаршина многое раздражало. Аналогичные чувства испытывали и другие современники. П. М. Ковалевский, в частности, писал в своих воспоминаниях: «Многое происходило не в лучшем виде на глазах подбиравшейся каждый час смерти. Не в лучшем виде были и возложения на гроб венков, во время погребального шествия по улицам, переодетыми в баб женщинами с направлением. Венки, бабы — как это одно с другим не ладится!» ¹¹ Получилось так, что «оправа» некрасовских похорон невольно бросала тень на покойного.

Но самое главное в рассказе Гаршина о прощании с Некрасовым заключается в другом. Вспомнив о драме своей семьи (известно, что мать писателя не любила своего мужа), Гаршин по сути дела признается в том, что он по-настоящему не любил Некрасова, хотя его кончину он сильно переживал. «Не любил, но оплакал» — вот формула, довольно точно выражающая настроение писателя в день прощания с Некрасовым. Отдавая последний долг великому поэту, чье творчество он хорошо знал, Гаршин оплакивал не столько Некрасова, сколько себя, свою трудную судьбу и был больше наблюдателем, чем соучастником похоронной церемонии. Вот почему стихо-

⁸ Гаршин В. М. Полн. собр. соч. В 3-х т. М.; Л., 1934. Т. III. Письма. С. 148.

⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л., 1984. Т. 26. С. 112—113.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Ковалевский П. М. Стихи и воспоминания. СПб., 1912. С. 300.

творение «На смерть Некрасова» так холодно, рассудочно и представляет собой скорее дань «жанру», чем выражение непосредственного чувства-мысли, то есть оно почти не освещено светом человеческой и художнической индивидуальности Гаршина.

Не стремясь к обобщению отрицательного отзыва Гаршина и не делая из него скоропалительных выводов (а это ему приписывают),¹² Плеханов тем не менее правильно почувствовал сложность гаршинского отношения к Некрасову. Именно поэтому плехановское свидетельство не должно отбрасываться как ложное, недостоверное. Получилось же, однако, так, что плехановская версия многие десятилетия в известной мере служила препятствием на пути осмысления проблемы «Некрасов и Гаршин», в целом не изученной.

Впрочем, отдельные творческие параллели между двумя писателями иногда проводились начиная с 80-х годов прошлого века. Так, например, в одной из первых рецензий на гаршинский сборник «Рассказы» (1882) Арс. Введенский обратил внимание на определенную однородность талантов молодого прозаика и известного поэта, которая заключается в их «субъективности». «Таланты, однородные с г. Гаршиным, нередко получают в обществе огромное влияние и значение, — писал он. — Некрасов был тоже талант, преимущественно субъективный. (...) Подобные субъективные таланты влияют сильно, и часто читатель не отличает в их произведениях, где кончается автор и начинается действительность. Они не искажают действительности, но несомненно покрывают ее своими красками, заставляют смотреть на нее сквозь их мировоззрение».¹³ Не случайно Некрасов свои песни уподоблял «стону», а Гаршин свои рассказы — «страшным отрывочным воплям», «каким-то „стихам в прозе“».¹⁴

Суждения общего характера время от времени дополнялись установлением идейно-тематических перекличек в творчестве столь разных писателей. В частности, Г. А. Бялый находил некрасовский элемент в рассказе «Художники». По мнению исследователя, гаршинское противопоставление двух типов художников, которые по-разному смотрят на задачи искусства (Рябинин и Дедов), связано со стихотворением Некрасова «Блажен незлобивый поэт» и в какой-то степени опирается на него.¹⁵ О том, что Гаршину были близки некоторые некрасовские традиции, убедительно писал Ф. Я. Прийма.¹⁶

История интересующего нас вопроса столь скудна, что приходится обзирать даже разрозненные, попутные суждения на тему «Некрасов и Гаршин» (да и их очень мало накопилось за многие десятилетия). На известную близость героев Некрасова и Гаршина указывала Н. А. Ремизова.¹⁷ В статье А. И. Медведевой впервые системно устанавливаются некоторые точки соприкосновения гаршинского творчества с некрасовскими традициями. Так, к числу интересных и перспективных в этой работе следует отнести проблему романтических традиций в творчестве Некрасова и Гаршина: «...романтическое у Некрасова является средством укрупнения образа подвижника, показа значительности его чувств и помыслов, хотя при всей своей исключительности он тесно связан с родиной, с миром народной жизни. (...) В сравнении с „монументальным“ романтизмом Некрасова романтические элементы в произведениях Гаршина имеют психологический характер».¹⁸

Не менее важен вопрос о некрасовских традициях, сыгравших заметную роль в становлении и развитии гаршинского дарования.

Таким образом, история творческих взаимоотношений Некрасова и Гаршина вовсе не сводится к плехановской версии, давно нуждавшейся в спокойном разъяснении. Напротив, эта многогранная историко-литературная проблема еще ждет своего исследования.

¹² См.: *Базилевская Е. В.* Указ. соч. С. 635.

¹³ *Вестник Европы.* 1882. № 10. С. 889.

¹⁴ *Гаршин В. М.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 356.

¹⁵ См.: *Бялый Г. А.* Русский реализм: От Тургенева к Чехову. Л., 1990. С. 558.

¹⁶ См.: *Прийма Ф. Я.* Указ. соч. С. 248.

¹⁷ См.: *Ремизова Н. А.* Из наблюдений над авторской позицией в творчестве Гаршина // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1974. Вып. 1.

¹⁸ *Медведева А. И.* Некрасов и Гаршин // Н. А. Некрасов и его время: Межвузовский сб. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 45.

М. Д. Эльзон

О КУРСИВЕ И КАВЫЧКАХ У НЕКРАСОВА

(ТРИ ПРИМЕРА)

Проблема «чужих строк в стихах Некрасова», едва ли не впервые подробно исследованная Б. Я. Бухштабом в известной статье, явившейся результатом почти 50-летнего изучения жизни и творчества поэта,¹ еще далеко не решена. Самые общие наблюдения позволяют прийти к выводу, что это могут быть и цитаты, и шрифтовые выделения смысловых выражений, и собственное оригинальное словоупотребление, и т. д.

Цель настоящих заметок — дополнить комментарий в новейшем академическом Полном собрании сочинений и писем.

«Балет»

Размышления о безденежье содержат следующий пассаж:

Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.

(Н 2, 2, 233)

Почему «вот вопрос!» повторено дважды? Почему при повторе эти слова выделены курсивом? Очевидно, Некрасову было важно обратить на них внимание читателя.

И общий смысл фрагмента, и использование курсива, как мне думается, указывают на то, что здесь содержится аллюзия на знаменитый монолог Гамлета («Быть или не быть...»).

Классический перевод: «Быть или не быть? вот в чем вопрос» — восходит к Н. А. Полевому. Н. Я. Кетчер перевел почти так же: «вопрос в том, что». Только М. А. Вронченко перевел максимально близко к оригиналу: «таков вопрос». ² Ср.: «To be or not to be, that is the question». ³ Нетрудно заметить, что предлог «in» («в») здесь отсутствует, поэтому выражение дословно или максимально близко к тексту должно звучать так: «это вопрос», «вот вопрос».

Знал ли Некрасов подлинный текст, почему он процитировал «Гамлета» в такой форме — поиск ответа на эти вопросы мне кажется излишним.

¹ Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 98—108.

² Свод вариантов см. в изд.: Шекспир. Гамлет. СПб., 1886 (Дешевая 6-ка. № 39).

³ Цит. по: Hamlet by William Shakespeare. Toronto, 1963. P. 107.

«Суд»

Эта «современная повесть», где сам Некрасов называет цитируемых авторов, начинается с цитаты:

«Однажды зимним вечерком»
Я перепуган был звонком

(Н 2, 3, 29)

Именно этот текст как пример (но более пространный) Б. Я. Бухштаб привел в преамбуле к своим заметкам, высказав попутно предположение, что это, возможно, аллюзия на «Светлану» В. А. Жуковского («Раз в крещенский вечерок...»)⁴ Почти то же сказано в академическом издании: «вероятно, деформированная первая строка баллады» (Н 2, 3, 405). Даже не зная автора, я бы никак не смог согласиться с обоими толкованиями, поскольку ни аллюзия, ни деформированная строка не могут заключаться в кавычки.

Это именно цитата, причем цитата — из Пушкина.

«Суд» фактически не появился в январском номере «Отечественных записок» 1868 года (он был вырезан по цензурному требованию почти из всего тиража; достаточно сказать, что в экземпляре РНБ текст отсутствует). За четыре года до этого, в июльской книжке «Современника» 1863 года, была помещена большая статья В. П. Гаевского «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения», где, в частности, указывалось, что в Лицее Пушкин «написал „Тень Баркова”, балладу, известную по нескольким спискам. Последнюю он выдавал сначала за сочинение князя Вяземского, но, увидев, что она пользуется большим успехом, признался, что написал ее сам. Это стихотворение, неудобное вполне для печати, представляет местами пародию на балладу Жуковского „Громобой”. Оно начинается описанием, как

Однажды зимним вечерком

сошлись

Поэт, корнет уланский,
Московский модный молодец,
Подьячий из Сената,
Да третьей гильдии купец,
Да пьяных два солдата».⁵

Далее приведены фрагменты из 10 глав поэмы.

Вполне вероятно, что Некрасов читал «Тень Баркова». Сомневаться же в том, что он читал статью В. П. Гаевского, не приходится.

Однако зачин «Суда» появился не сразу. В наборной рукописи ИРЛИ содержатся три варианта: «Уж было за полночь. Во сне...», «Я мирно задремал. Во сне...» и окончательный (Н 2, 3, 293—294; ср. с. 29).

Почему Некрасов не назвал Пушкина, процитировав его? Вероятно, потому, что уже тогда авторство «Тени Баркова» считалось окончательно не установленным (авторство Пушкина отрицал, например, П. А. Ефремов).⁶ Проблема была решена только в двадцатые годы, но это — другая, пушкиноведческая тема.⁷

«Притча о „Киселе”»

Имя главного героя стихотворения, проведшего большую часть жизни в боях и походах, на старости лет назначенного управлять театром и приведшего его в полный упадок, единожды выделено курсивом. Вот это место:

Сам царь шутя сказал однажды:
«Театр негоден никуда!

⁴ Некрасовский сб. Вып. 8. С. 98.

⁵ «Современник». 1863. № 7. Отд. I. С. 155—156.

⁶ Подробнее об этом см. в статье Н. О. Лернера «Забывтые плоды лицейской музыки» в его кн. «Рассказы о Пушкине» (Л., 1929. С. 47—56).

⁷ В настоящее время авторство Пушкина оспаривается А. Ю. Черновым.

В оркестре врут и врут на сцене,
Совсем меня не веселя,
С тех пор, как дал я Мельпомене
и Терпсихоре — *Киселя!*»

(Н 2, 3, 47)

Почему Некрасов говорит о «царской шутке» и выделяет курсивом имя главного героя? Предположение, что в данном случае имеет место каламбур, адресуется к толковым словарям. Из них выясняется, что «дать киселя» кому-либо (в переносном смысле) означает «вытолкать коленком»,⁸ «ударить (...) коленом сзади».⁹ Следовательно, «дав», так сказать, «фельдфебеля в Вольтеры» музам трагедии и танца, царь в то же время лишил театр его души, а значит, другого впечатления у него быть и не могло.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 110.

⁹ Словарь современного русского литературного языка. М., 1956. Т. 5. С. 967.

Р. Б. Заборова

1. «БАЮШКИ-БАЮ»*

Стихотворение «Баюшки-баю» до сих пор не подвергалось пристальному текстологическому анализу. Между тем он совершенно необходим, так как вопрос о воспроизведении этой прощальной «пророческой» песни решен неоднозначно и нуждается в пересмотре. В научных изданиях стихотворение печатается неидентично: в Полном собрании стихотворений, подготовленном К. И. Чуковским, и Полном собрании стихотворений большой серии «Библиотеки поэта», согласно первопечатному журнальному тексту, в стихотворении семь строф,¹ в полных же собраниях сочинений и писем и советском переиздании книги «Последние песни» — шесть строф, из-за соединения некрасовской второй и третьей строфы (конца вступления и начала монолога матери) в одну непропорционально длинную строфу.² Неединообразно по заголовкам, объему, пунктуации и другим деталям печатаются в научных изданиях, начиная с некрасовских томов «Литературного наследства»,³ варианты из ранних редакций, помещенные в первом Полном собрании сочинений и писем, в примечаниях, в других изданиях — в разделах «Другие редакции и варианты»; основной текст, который в книге Некрасова вместе с отрывками из поэмы «Мать» составляет слитный цикл под заголовком «Из поэмы „Мать”», в первом Полном собрании сочинений и писем отделен от отрывков стихотворением «Зине» («Пододвинь перо, бумагу, книги...»), во втором же помещен в другом томе.

Но главное внимание вызывает само воспроизведение текста. Автограф стихотворения не сохранился, однако существует авторизованный экземпляр «Последних песен», подаренный Некрасовым И. Н. Крамскому сразу по выходе книги в свет (2 апреля 1877 года) с надписью: «Крамскому на память. Н. Некр(асов). 3 Апр(еля)»,⁴ где среди других, усеченных из-за страха перед цензурой текстов особенно тщательно восполнен текст «Баюшки-баю», настолько потрясший художника, что он писал 11 апреля П. Н. Третьякову в разгаре работы над портретом больного Некрасова: «А какие стихи его последние, самая последняя песня 3-го марта „Баюшки-баю”. Просто решительно одно из лучших произведений Русской поэзии!»⁵

Исследователи были вправе этот восстановленный текст рассматривать как последнее волеизъявление автора. Однако, несмотря на то что о книге сообщалось еще в 1946 году в «Литературном наследстве» и сообщении С. А. Макашина,⁶ правка стихотворения «Баюшки-баю» не была учтена ни в первом Полном собрании сочинений, ни в Полном собрании стихотворений «Библиотеки поэта». Раритет,

* Статья расширяет комментарий к стихотворению и устраняет издательские погрешности в воспроизведении его текста в сборнике «Карабиха» (Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 123—127).

¹ Ср.: Отечественные записки. 1877. № 3. С. 267—268; Полное собрание стихотворений / Ред. и примеч. К. И. Чуковского. М.; Л. 1937. Т. 2, кн. 2. С. 712—713; Полное собрание стихотворений. Серия «Библиотека поэта». Л., 1967. С. 328.

² Некрасов Н. А. 1) Полн. собр. соч. и писем. В 12-ти т. М., 1948. Т. 2. С. 425; 2) Полн. собр. соч. и писем. В 15-ти т. Л., 1982. Т. 3. С. 203; 3) Последние песни. Серия «Литературные памятники». М., 1974. С. 113.

³ Литературное наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 166, 168.

⁴ Там же. С. XXIII.

⁵ Крамской И. Н. Письма, статьи. М., 1965. Т. 1. С. 398.

⁶ «В воспоминание о Чернышевском»: Автокомментарий Некрасова к стихотворению «Пророк» // Гогонек. 1946. № 48—49. С. 28.

хранящийся в архиве Крамского в Государственной Третьяковской галерее,⁷ был полностью обследован лишь в 1974 году Г. В. Красновым при переиздании «Последних песен» и повторно привлечен им в новом Полном собрании сочинений. И в том и другом издании авторские дополнения и изменения текста «Баюшки-баю» были приведены в разделах «Другие редакции и варианты», оторванно от основного текста, в то время как для других правленных стихотворений этой книги редакция текстов шла в итоге по линии включения рукописных дополнений в основной текст.

Выбор между привычным традиционным текстом «Баюшки-баю» подцензурной книги «Последние песни» и правленным автором в книге Крамского в пользу первого не только для переиздания «Последних песен», но и для нового Полного собрания сочинений подробно мотивировался в предварившей комментарий Полного собрания сочинений статье исследователя «Авторские дополнения и пометы к „Последним песням“ Некрасова».⁸ Исследователь воздержался от включения в известный текст новой строфы и указанных Некрасовым изменений композиции из-за того, что это якобы ослабляло идейно-художественный смысл произведения. Придя к такому заключению не без колебаний (в переиздании «Последних песен» о факсимиле страницы с новой строфой говорилось, что она «с авторской вставкой стихов, выпущенных по цензурным условиям»),⁹ исследователь объективно допускал, что в сомнительных случаях редактирования, в частности стихотворения «Баюшки-баю», «авторские пометы и дополнения нуждаются еще в новых критических оценках, в более точных выводах».¹⁰ Исходя из этого считаем возможным предложить другое, альтернативное суждение об авторизованном тексте стихотворения, представив текст на рассмотрение читателей в том полном виде, в котором доверил его поэт другу-единомышленнику. Читал его Крамской, надо полагать, и в кругу передвижников, теоретиком которых он являлся, и настолько проникся им, что экспонировал законченную в начале 1878 года картину «Некрасов на постели» с символической датой «3 марта 1877 г.» (датой «Баюшки-баю») на выставках «литературных вечеров» начала 1878 года и на очередной передвижной выставке 6 мая 1878 года.

Текст воспроизведен ниже по этому последнему, правленному Некрасовым, источнику, с выделением курсивом его приписок.

Баюшки-баю

1877 г. марта 3-го

Непобедимое страданье,
 Неутолимая тоска...
 Влечет, как жертву на закланье,
 Недуга черная рука.
 Где ты, о муза! Пой, как прежде!
 «Нет больше песень, мрак в очах;
 Сказать: умрем! конец надежде!
 Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
 Стучит... смолкает... и затих...
 И нет ее, моей всесильной,
 И изменил поэту стих.
 Но перед ночью непробудной
 Я не один... Чу! голос чудный!
 То голос матери родной:

«Пора с полуденного зноя!
 Пора, пора под сень покоя;
 Баю-баю,¹¹ касатик мой!

⁷ Государственная Третьяковская галерея (ГТГ), ф. 16, № 426.

⁸ Некрасовский сб. Л., 1978. Вып. 6. С. 167; см. также: *Краснов Г. В.* Последние песни Н. Некрасова. М., 1981. С. 44; с. 54 (факсимиле).

⁹ *Некрасов Н. А.* Последние песни. С. 324.

¹⁰ Некрасовский сб. Вып. 6. С. 167.

¹¹ Вместо зачеркнутого: «Усни, усни». В Н 2, 3, 382 — «Баю-бай».

Прими трудов венец желанный
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

*Усни — увидишь земледельца,
Благословляющим¹² владель(ца),
Царя — о подданных радель(ца),¹³
Увидишь — честно судью!
Баю-баю, баю-баю...*

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я скороню тебя весной.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камою,
Баю-баю-баю-баю!..»

Приведенный текст, освобожденный от неточностей предыдущего прочтения, сам собою, своим художественным совершенством отводит порицающий авторскую модификацию комментарий. «Эта неизвестная ранее в печатном тексте строфа, — комментируется в статье, — не конкретизирует идеал лирического героя, „матери родной“, созвучный эстетическому идеалу поэта. Нормативный тип нарисованной картины, шаблонность поэтических формулировок несомненны. Стихи такого же звучания возникали у Некрасова и раньше («Тишина», «Пир на весь мир»). Они носят цензурный характер (...) К тому же перестановка стихов 30—33 разрывает связь двух последних строф, которая подчеркнута семантическим, синтаксическим строем произведения.

(...) Композиционная перестройка стихотворения, включение в его текст новой строфы резко ослабляет художественный смысл произведения».¹⁴

На деле новая строфа в точном чтении является образчиком поэтического искусства, закон которого, по Некрасову, «стиль, отвечающий теме».¹⁵ Перед читателем в ней предстает завуалированное язвительное обличение триады угнета-

¹² В Н 2, 3, 382 — опечатка — «благославляющим».

¹³ В «Последних песнях» (с. 212), Н 2, 3, 382 и Некрасовском сб. (вып. 6. С. 167): «Царя — и подданных радельцев».

¹⁴ Некрасовский сб. Вып. 6. С. 167.

¹⁵ Н 2, 3, 214.

телей народа, подобной триединству «дольщиков» народного труда в главе «Пьяная ночь» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и несопоставимой с параллелью царя и народа в «Тишине» и «Пире». Общая для всех перечисленных произведений тема народа и власти конкретизирована в каждом из них по-разному — и по социально-политическому наполнению, и по «поэтическим формулировкам» без нормативной однотипности и шаблонности. Злободневная проблема — «Два лагеря, как прежде, в божьем мире: В одном рабы, властители — в другом» — раскрывается компромиссно, сглажено для цензурной и издательской проходимости текста в виде взаимопонимания благонамеренного царя и обнадеженного им народа в «Тишине» и «Пире»; прям и бесхитростен выпад Якима Нагого, мужика-труженика, в другой главе Некрасовской эпопеи: «Гляди, стоят три дольщика: Бог, царь и господин»; по-эзоповски тонко, под видом превеличенной хвалы преподнесена читателю убийственная хула на трех «врагов народа» (по терминологии народных читательских прокламаций)¹⁶ — царя, помещика и чиновника в «Баюшки-баю».¹⁷ Но конспиративная строфа, под дифирамбной поверхностью скрывавшая ядовитую горечь политического сарказма, была наделена еще и глубокой психологической функцией. Вопреки утверждению, что строфа не конкретизирует «идеал матери, созвучный эстетическому идеалу поэта», в ней искусно переплетаются либеральные иллюзии о возможности патриархальной социальной гармонии, естественной для покойной матери, в прошлом прекраснодушно «в величье дел, неуловимых глазом», старавшейся смягчить участь своих рабов, и мировоззрение «новых людей» 60—70-х годов — людей действительной борьбы за те высшие идеалы любви, добра и справедливости, которые исповедовала и внушала сыну когда-то и она сама. Это неценимая для развития темы и для психологического абриса матери строфа вписывается поэтом в текст именно за строфой гневного обличения матерью ада окружающей жизни. Мать является «нянею... и ангелом-хранителем», как в предшествующей поэме «Мать»; она матерински нежно, голосом, «исполненным мелодии и ласки», навеивает на сына «сон золотой», окутывает его сознание радужным флером миража. Но сквозь прозрачный покров «возвышающего обмана» высвечивается для читателя иное, характерное для семидесятников мироощущение — неприятие реального мира окружающей действительности; строфа приобретает двутональность, в которой диссоциируют сладостное баюканье матери и ошутимо прорывающийся скептический голос поэта. И мать, бессильная скрасить последние скорбные минуты призрачной радостью, спешит утешить «страдальца терпеливого» новым видением — картиной светлого будущего, когда народ переступит через «границы зла», свет восторжествует и преодолет «мрак упрямый» и «кроткая родина» из несчастной станет «свободной, гордой и счастливой». Строфа «иллюзий» оборвалась неопределенностью многоточия, строфа «надежд» оканчивается подъемным знаком восклицания.¹⁸ Оправданно и логично это второе пожелание матери об осуществлении общих для нее и сына

¹⁶ Ср. стихи в прокламациях «Русскому народу»:

Молчит задавленный мужик
Под розгой маленьких владык;
Его чиновник грабит смело,
В трудах проходит жизнь его
И не приносит ничего.

«К интеллигентным людям»:

И да погибнет враг народа —
Царь, и бояре и князья!

— В книге: Кункль А. Долгушинцы. М., 1932. С. 214—223.

¹⁷ См. аналогичные примеры преподнесения одиозной мысли в перевернутом виде в статье К. И. Чуковского «Эзопова речь в творчестве Н. А. Некрасова» (Некрасовский сб. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 81). В данном случае скрытый сарказм ассоциировался еще и с обличением чиновничества в старой некрасовской «Колыбельной песне».

¹⁸ Обращаем внимание на выразительность некрасовских знаков препинания, так как не всегда (иногда и без нужды) сохраняется его пунктуация и не всегда соблюдаются его звездочки, паузы и т. д. (например, не с двух сторон, как в автографе и «Современнике», окольцованы знаком *** первые две строфы стихотворения «Салтыкову», отделенные поэтом таким образом от третьей, обращенной ко всей революционно-демократической братии (Н 2, 3, 169), нет паузы перед концовкой в стихотворении «Д(олгуши)ну», в котором поэт намекает и на самого себя (Н 1, 3, 528).

идеалов любви, добра и красоты помещено в исправленном тексте перед завершающей строфой, рисующей последующий этап: в свободной стране над бывшей «рекою рабства и тоски» уже нет бурлацкого стона, но широко и вольно льется говорящая сердцу народа песня поэта — песня «Любви живой», как сказано в поэме «Мать».

С введением новой строфы и композиционной перестройки для ее включения в стихотворение устанавливается стройная гармоничная система чередования в монологе матери коротких — заклинательно баюкающих строф и длинных — описательных или избыточных рассуждениями строф. Таким образом, вставка новой строфы возвращает текст к строго продуманной редакции, где не один, а два контрастных сна, иллюзорный и пророческий, сменяя друг друга, помогают рельефно высветить идею стихотворения и, как колыбельные припевки, с одинаковым зачином и концовкой, разрезают протяженные строфы монолога, улучшают весь композиционный рисунок, не нарушая, но, наоборот, скрепляя идейно-смысловую связь всех строф стихотворения и придавая живость развитию сюжета.

То обстоятельство, что правка «Баюшки-баю» известна только по одному экземпляру Крамского, не должно смущать исследователей. Г. В. Краснов в связи с этим уже заметил, что в дарственные экземпляры Некрасов, конечно, не стремился, да по своему физическому состоянию и не мог, вписывать все пропущенное по цензурным соображениям.¹⁹ И действительно, Некрасов вписал в экземпляр сестры досадные для обоих пропуски в поэме «Мать», не сделав это в экземпляре Крамского, в экземпляр же Крамского внес правку в волновашную близкого по взглядам собрата свою программную «отходную», а в экземпляр Достоевского вписал биографически близкие адресату последние строки «Молебна». В экземпляр сестры, рассчитанный на ближайшее использование, при подготовке нового издания стихотворений опущенная строфа не была внесена, судя по ее ответу 5 июня 1878 года на запрос Пономарева из Конотопа (видимо, о семи строках, а не восьми во второй строфе), о действительном пропуске умалчивавшему: «В „Баюшки-баю” стиха не пропущено».²⁰ Строфа, если бы того и хотели издатели, по своей крайней крамольности не могла быть помещена даже и в примечаниях, как например последняя строфа «Пророка».

Все вышеизложенное говорит о том, что Некрасов для «Баюшки-баю», как и для других правленных в книге Крамского текстов, дал итоговую редакцию, а не архивные варианты для демонстрации своей творческой лаборатории. Известно, по его дневнику от 14 июня 1877 года, что он из нерешительности (возможно, и потому, что речь шла о Сибири — узилище лучших русских людей) выключил из концовки «Баюшки-баю», оставив в ней символом родины только Поволжье, трогательные стихи о «сибиряках»:

И уж несет от дебрей снежных
На гроб твой лавры и венец
Друзей неведомых и нежных
Хранимый богом посланец.

Искренно сожалея об этом выключении, поэт, однако, значимый для него вариант Крамскому не сообщил.

Авторская правка стихотворения в экземпляре Крамского должна встать в один ряд со всеми, теперь безоговорочно принятыми исправлениями и дополнениями других текстов авторизованной книги «Последние песни» из архива художника и уж во всяком случае непременно должна быть учтена при последующем выборе окончательного текста.

¹⁹ Некрасовский сб. Вып. 6. С. 166.

²⁰ Литературное наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 176.

Р. Б. Заборова

2. «НЕ ГОВОРИ: „ЗАБЫЛ ОН ОСТОРОЖНОСТЬ...”»

Стихотворение «Не говори: „Забыл он осторожность...”», прославлявшее Чернышевского и его дело¹ и печатавшееся при жизни Некрасова под условным конспиративным названием «Пророк (Из Барбье)», воспроизводится и в последних научных изданиях, а за ними и во всех других под названием «Пророк».

Возвратясь к старому названию дореволюционных некрасовских изданий, которое было проставлено в первом посмертном издании стихотворений 1879 года редактором С. И. Пономаревым (несмотря на указания сестры поэта, что Некрасов его вычеркнул вместе с подзаголовком в своем экземпляре книги «Последние песни»), комментаторы отказались от редакторских названий советского времени — «Н. Г. Чернышевский», введенного К. И. Чуковским² и впоследствии, в 1948 году, трансформированного им и А. Я. Максимовичем в Первом полном собрании сочинений в заглавие «Н. Г. Чернышевский (Пророк)».

Казалось бы, что с появлением в первом некрасовском томе «Литературного наследства» факсимиле 13-й страницы «Последних песен», подаренных поэтом И. Н. Крамскому с собственноручной заменой вычеркнутого заглавия «Пророк (Из Барбье)» новым заглавием: «В воспоминание о Чернышевском»,³ вопрос о достоверном заглавии разрешался сам собой.

Но под влиянием установившихся стереотипов В. Е. Евгеньев-Максимов предпочел авторскому написанию произвольную контаминацию Чуковского. Выразив сомнение: «Считал ли Некрасов это заглавие окончательным, сказать трудно»,⁴ — он поддержал предположение, что это пояснительная помета, автокомментарий, и оправдал произвольное заглавие «Н. Г. Чернышевский» с подзаголовком «Пророк», который включал стихотворение «в ряд стихотворений великих русских поэтов, известных именно под этим заглавием».⁵ Отказавшись на последующем этапе от текстологически неприемлемой контаминации, новые научные издания вернули, с оглядкой на С. И. Пономарева, старое заглавие «Пророк», опять-таки как связанное с литературной традицией, «более художественно емкое и не получившее окончательной замены».

Между тем последовательное изучение этого спорного вопроса отводит всякие сомнения в продуманности некрасовского волеизъявления.

Стихотворение Некрасова действительно перекликается с «Пророками» Пушкина и Лермонтова, а в революционной поэзии — с «Пророком» Г. А. Мачтета. Но

¹ По воспоминаниям народника П. В. Григорьева, Некрасов в мае 1875 г. определял текст как «портрет Чернышевского, продолжающий характеристики Белинского, Добролюбова, Писарева» (Звенья. М.; Л., 1934. Вып. 3—4. С. 651).

² Имя Чернышевского в заглавии стихотворения после вольной публикации за границей в 1880-х годах имело место и в русской дореволюционной печати (см.: Лемке М. К. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907. С. 195), где стихотворение напечатано под заглавием «Н. Г. Чернышевский».

³ Литературное наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. XXV.

⁴ Евгеньев-Максимов В. Е. Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова: (Стихи о Чернышевском) // Некрасовский сб. М.; Л., 1956. Вып. 2. С. 82—83.

⁵ Н 2, 3, 463; ср.: Полн. собр. стихотворений. «Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд. Л., 1957. Т. 2. С. 279—280.

сознание этого родства вызывало у Некрасова потребность не к повтору ставшего привычным заглавия, а, наоборот, к проставлению своего, особого, отвечающего новому повороту темы. Заглавие должно было подчеркнуть не следование литературной традиции, а соотнесенность стихов со злободневной общественно-политической проблематикой. На новом этапе освободительного движения, в смене фаз: рождение пророка (у Пушкина), прохождение тернистого пути (у Лермонтова) — у Некрасова прозревается исход подвижничества — завершающий его мученический венец.

Стихотворение было написано летом 1874 года, когда русское общество переживало разгром кружка А. В. Долгушина, инициатора «хождения в народ» для возбуждения крестьянской революции, слывшего в то время вторым после Чернышевского деятелем. И сюжет стихотворения Некрасов развивал не только на основе конкретной биографии Чернышевского, но и на основе увеличившегося опыта освободительной борьбы, акцентируя внимание читателя на ее итоге.

Заголовок «В воспоминание о Чер(нышев)ском» ставил героя не в ряд величаво безликих апостолов истины, а в строй реальных духовных вождей, запечатленных поэтом в его именной галерее выдающихся современников — в исторических портретах Белинского, Добролюбова, Писарева, Тургенева, Салтыкова, Шевченко и других.

В соответствии с названием стихотворения строилась и фабула, начало которой — воспоминания, спор о Чернышевском с известным его противником К. Д. Кавелиным, гонившим в кругу литераторов, что спокойствие от безотрадних явлений русской жизни он обретает в «чтении о Христе».⁶ Поэт же, сподвижник Чернышевского, противопоставлял такому стремлению к самоуспокоенности и самосохранению иное обращение к Христу. Его герой — провозвестник великих идей любви, равенства и братства — *действенный* посланец «Бога Гнева и Печали», обрушивающего свой гнев на «рабов земли» — несвободных духом рабов собственности и наживы, в своих заботах о земных благах забывших Христовы заветы любви к ближним и самоусовершенствования. Вместо прежних воззваний Гражданина: «иди на бой... за убежденья, за любовь» — Некрасов новое стихотворение о Чернышевском заключил апофеозом его жертвенного подвига для внушения «рабам земли» величия идеалов справедливости, добра и правды.

Революционный призыв «Размышлений у парадного подъезда», сохранившийся в памяти Чернышевского до конца его дней,⁷ как и аналогичный призыв в долгушинской прокламации «Русскому народу»,⁸ был захоронен в тайных рукописных списках, но и свою выстраданную заключительную строфу о Чернышевском на кресте Некрасов тоже был вынужден оставить под спудом: несмотря на подмену истинного заглавия безобидным камуфляжным «Пророк (Из Барбье)», слишком было ощутимо, что казнят пророка в своем отечестве «сильные и сытые земли» за твердость, стойкость и упорство в противодействии гнету и деспотизму и за напоминание действительным социально обездоленным рабам об их человеческих правах.

Намек на истинное заглавие стихотворения мы усматриваем в стихах поэта некрасовского направления, юриста-защитника народников на процессах «50-ти» и «193-х» А. Л. Боровиковского, который в качестве близкого к Салтыкову и Елисееву автора «Отечественных записок» не мог не знать полного текста стихотворения своего любимого учителя.

В своих стихах «Ессе homo!» (1878) Боровиковский дал буквальное претворение некрасовской последней строфы, нарисовав образ пророка, как действительно распятого учителя жизни, которому благодарные потомки, познавшие победу его учения, «Устроят торжества в твоё воспоминанье».⁹ Помимо прямой переключки с

⁶ Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 535.

⁷ См.: Мельгунов Б. В. О «Размышлениях у парадного подъезда» // Некрасовский сб. Л., 1988. Вып. 10. С. 127; см. также: Заборова Р. Б. Запрещенный Некрасов // Некрасовский сб. Л., 1973. Вып. 5. С. 269.

⁸ См. стихи: «Пусть, как единый человек, Вся Русь замученная встанет, Освободим себя навек — Земли родной на всех достанет» (Кункль А. Долгушинцы. М., 1932. С. 222).

⁹ Поэты-демократы 1870—1880-х годов. «Библиотека поэта». Большая серия. М.; Л., 1968. С. 495—496.

тайной строфой в самом содержании стихотворения Боровиковского, в подчеркнутых нами словах чувствуется и косвенная переключка с тайным некрасовским заглавием — «В воспоминание о Чернышевском».

О том, что заглавие «В воспоминание о Чернышевском», предельно отвечающее идейно-художественному замыслу, было окончательным, говорит анализ дошедших источников текста и относящихся к ним документов. Начнем с того, что ни в одном из дошедших автографов и копий с них название «Пророк» не фигурирует. В датированном 8 августа 1874 года автографе, где дана полная форма заголовка, вместо заглавия поставлены три звездочки и далее идет цензурно-защитный подзаголовок: сначала — «(Из Байрона)», затем имя Байрона как поэта, широко известного и легко поддающегося сторонней разоблачительной проверке, зачеркивается, заменяется подзаголовком «(Из Ларры)»¹⁰ и так переписывается 27 мая 1875 года для П. А. Ефремова, а сестрой копируется с сокращением надписи: «Из Л.»; но в «Отечественные записки» стихотворение отдается с новым подзаголовком: «(Из Барбье)». Имя французского революционного поэта должно было хоть как-то намекнуть русскому интеллигенту, получавшему в 1877 году в чтение текст без последней строфы и с тремя звездочками вместо заглавия, на его потайной свободоборческий смысл, вызвать сопоставление с напечатанным в 1876 году «Страшным годом», созданным, однако, как и «Смолкли честные, доблестно павшие...» и анализируемое стихотворение о Чернышевском, в 1874 году: ведь в плаче о поражении Парижской коммуны, прозвучавшем в стихах «Страшного года», чуткое ухо улавливало плач по разгрому долгушинской организации, замышлявшей и устройство побега Н. Г. Чернышевского. У читающей публики возникали ассоциации и со стихотворением «Памяти Добролюбова», вначале тоже напечатанным усеченно и с тремя звездочками вместо заглавия, а в Стихотворениях 1869 и 1873 годов обозначенным как «Памяти - -ва».

В набор стихотворение «Не говори: „Забыл он осторожность...”» было сдано под заглавием «*** (Из Барбье)», и уже в процессе печатанья журнала возникло заглавие «Пророк», так спешно привнесенное в последний момент, что не вытеснило «***», а было напечатано сверху, и только в набравшейся следом книге «Последние песни» звездочки, создававшие неуместную трехступенчатость набранного в столбик заголовка, были сняты. К вуалировке «(Из Барбье)», ранее казавшейся достаточной, вероятно, из-за ужесточения цензуры был добавлен второй, дополнительно затуманивавший зловонность содержания камуфляж.

Поэт жил в свои последние дни под страхом запрещения отдельного издания «Последних песен», но когда опасность миновала, он с чувством облегчения вернулся к сокращенным и измененным в угоду цензуре текстам и многое в своих экземплярах восстановил. В экземпляр сестры А. А. Буткевич, которой он завещал авторские права и рукописи в надежде на издание, поэт вписал последнюю строфу и вычеркнул вынужденное заглавие и подзаголовок, но желанное заглавие не проставил, зная, что сестре придется столкнуться с неизбежной цензурой; в экземпляре же Крамского, подаренном для келейного чтения, он осуществил заветное желание запечатлеть и последнюю строфу, и цензурно недопустимое заглавие. Не раздумчиво, как в дошедшем автографе, где Некрасов перебирал иностранные имена, а не отрывая пера от бумаги, он формулировал в наконец явившейся книге заглавие, ранее лишь мыслившееся и не облекавшееся по заведомой обреченности в плоть. Начав с литеры «Н», но, видимо, сразу отказавшись от заглавия «Н. Г. Чернышевский», устно указанного Ефремову, как от слишком прямолинейного для портрета «общественного деятеля», воплотившего в себе черты многих революционеров 60—70-х годов, Некрасов оформил было заглавие как «Памяти Чер(нышев)ского», но потом переправил его на «В воспоминание о Чер(нышев)ском»; оба раза названия давались в привычной для него полускрытой форме заглавия с именами современников (ср. «Т(ургене)ву», «С(алтыко)ву», «Д(олгуши)ну»). Форма «Памяти Чер(нышев)ского» не была для поэта странной по связующей нити со стихами «Памяти Добролюбова» и по именованию им заживо погребенных узников сибирских «снеговых степей» «живыми мертвецами». Но в предвидении читательского недоумения, а может быть,

¹⁰ ИРЛИ, ф. 203, № 38; ф. 124, оп. 11, № 2.

и встретив такую реакцию со стороны Крамского, которому, вероятно, вручал книгу во время его прихода для портретирования, «волнуясь и спеша» (вышла книга 2 апреля, подарена с большой правкой — 3-го), Некрасов нашел наиболее удачное выражение; в результате нескольких проб пера, что, конечно, не требовалось бы для простого пояснения, он окончательно отшлифовал заглавие не в форме прямого обращения или поминания, а в гибкой мемуарной формулировке — «В воспоминание о Чер(нышев)ском». Со вставкой опущенной в печати последней криминальной строфы в экземплярах сестры и Крамского становилось особенно необходимым проставить избранное заглавие, помогавшее сразу охватить и правильно понять замысел поэта, воспринять произведение не как абстрактно-декларативное, а программно-гражданственное.

Возможно, что и А. А. Буткевич, и С. И. Пономарев, готовившие издание 1879 года с помощью Салтыкова, Елисеева и Пыпина, также знали о криминальном заглавии, но о нем и речи не могло идти при издании.

В письме от 5 июня 1878 года сестра особенно просила о напечатании опущенной в сборнике, но восстановленной в ее экземпляре последней строфы,¹¹ однако Пономарев из предосторожности поместил строфу в примечаниях, да еще как «куплет, отброшенный поэтом»; к этой вынужденной лжи осторожный редактор добавил еще полуправду, что «в экземпляре поэта уничтожен подзаголовок „(Из Барбье)“, по недосмотру оставленный в издании».¹² О том обстоятельстве, что было уничтожено и само заглавие, он умолчал, так как оставил, не рискнув заменить звездочками, это заглавие, примелькавшееся цензуре и придававшее лояльный вид стихотворению, теперь сопровождаемому небезопасным добавлением в примечаниях последней строфы. Сомнительно, что и подзаголовок был оставлен якобы по недосмотру, а не преднамеренно.

Обвинять Пономарева, получившего от Буткевич в письме от 12 июля тревожный сигнал, что Салтыков и Елисеев поэму «Белинский» «нашли <...> неудобной для печати, по крайней мере теперь»,¹³ не приходится, но и верить его дипломатическим отговоркам тоже нельзя. Так лавировали перед читателями и сами редакторы «Отечественных записок», объявив в номере с «Пророком» о без конца выбрасываемом цензурой «Пире»: «Печатанье поэмы „Пир на весь мир“ отложено по нездоровью автора».¹⁴

Все вышеприведенные обстоятельства говорят в пользу названия, данного самим автором при последней правке его «Последних песен».

¹¹ Литературное наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 175.

¹² Некрасов Н. А. Стихотворения. СПб., 1879. Т. 3. С. 368; т. 4. С. С1.

¹³ Литературное наследство. Т. 53—54. С. 180. — Напомним, что незадолго до этого цензурой был вырезан из корректуры «Русской старины» (1878. № 3) полный текст стихотворения о Чернышевском с заглавием «(Из Ларры)», полученный М. И. Семевским от Ефремова (РНБ, ф. 683, Семевские М. И. и А. И., № 31, л. 126), который следует учесть в дополнение к уже известным корректурным листам по РГАЛИ и ИРЛИ.

¹⁴ Отечественные записки. 1877. № 1. Обложка. С. 3.

Е. Г. Васильева

1. ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

Первые сведения о готовящемся водевиле Некрасова «Петербургский ростовщик» появились в печати 31 августа 1844 года, когда в «Литературной газете» были опубликованы куплеты Лоскуткова с заглавием «История ростовщика. Из нового неизданного водевиля» (Н 2, 6, 676). Замысел водевиля и его осуществление до сих пор связывали только с работой Некрасова над готовившимся им в 1844 году сборником «Физиология Петербурга», что отчасти подтверждается и самой эволюцией названия водевиля: «История ростовщика...» — «Петербургский ростовщик» (там же, с. 677). Однако заметка, опубликованная 9 июня 1843 года в 126-м номере «Северной пчелы» (раздел «Смесь», с. 502), позволяет отнести возникновение замысла «Истории ростовщика...» (а возможно, и начало работы над водевилем) на год назад. Вот текст заметки:

Картинная галерея

Один известный ростовщик давал в Кельне на проценты деньги со всеми возможными предосторожностями. Один богат, проезжая через этот город, вез с собою несколько картин лучших древних мастеров Италии. В Кельне он захворал, ему понадобились деньги, и он послал за этим ростовщиком, у которого просил под залог картин значительную сумму денег, обязуясь выслать их из Парижа. Ростовщик просил позволения взять к себе картины на дом и, получив их, спешил выставить в аукционном зале, говоря, что картины продаются. Разумеется, что ему хотелось только узнать настоящую их цену. Лишь только они были развешаны, как в залу явились человек пять приезжих. Они окружили эти картины и приходили в восторг от каждой. Обратясь к аукционисту, начали они торговать их и наперерыв надавали огромные суммы. Наконец, аукционист указал на ростовщика, которому они будто бы принадлежали, и те обратились к нему с усердными просьбами продать им эти картины. Он обещал им дать ответ в тот же вечер, а сам, воротясь домой, взял с собою значительную сумму денег и отправился к больному хозяину картин. У самых дверей встретил его один из торговавших. Это был английский лорд, который объявил ему, что дает за все картины 20 000 червонцев, если получит их в тот же день, чтоб увести от прочих покупателей, и почти насильно принудил ростовщика взять задаток во сто червонных. Ростовщик бросился тотчас же к больному и сказал ему, что не возьмет картин заимообразно и под залог, но что купит их с удовольствием. Больной долго не соглашался, торговался, но необходимость победила, и он отдал ростовщику картины за 12 000 червонных, с тем чтобы тотчас же получить деньги. Тот немедленно их отдал и спешил домой, где английский лорд хотел его дожидаться. Его, однако же, не было. Он подождал часа два, потом, с некоторым сомнением, пошел в аукционную залу, надеясь застать его там. Из прежних покупателей не было никого, а гуляли другие и, останавливаясь перед его картинами, с пренебрежением говорили что-то о жалких копилках. Он пристал к этим судьям с вопросами, и те подтвердили свой приговор. Ростовщик бросился к больному. Увы! тот давно уже выздоровел и уехал из города со всеми мнимыми покупателями. Все это был обман.

Анекдот из «Северной пчелы», очевидно, дал Некрасову замысел будущего сочинения; история обманутого ростовщика из Кельна, трансформируясь и обрастая деталями из русского быта, постепенно превратилась в водевиль «Петербургский ростовщик».

Е. Г. Васильева

2. ОЧЕРК НЕКРАСОВА «ЧЕРТЫ ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1840-х ГОДОВ

Очерк Некрасова «Черты из характеристики петербургского народонаселения», изначально трактованный в литературоведении как неудавшееся вступление к «Физиологии Петербурга», отвергнутое Белинским, до сих пор остается в разряде едва ли не второстепенных текстов молодого автора.¹

Отмеченная Б. Я. Бухштабом соотношенность очерка с «Физиологией...» не вызывает сомнений: две его части были опубликованы в «Литературной газете» 10 и 17 августа 1844 года в пору активной подготовки альманаха, когда до сдачи его в цензуру оставалось около двух месяцев. Связью с «Физиологией Петербурга» объясняется и обращение Некрасова к изданию А. П. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» (1834), обильно цитируемому в очерке: в преддверии выхода альманаха, задуманного как манифест нового направления в русской литературе, необходимо было выделить традицию, из которой это новое направление выросло.²

В первой половине 40-х годов прошлого века, в атмосфере спора западников и славянофилов о судьбе страны на пути европейской цивилизации, любое высказывание на тему Петербурга, делалось ли оно в форме книги или газетного фельетона, неизбежно оказывалось продолжением разговора на волновавшую всех тему новой России. Программная для будущей натуральной школы трактовка петербургской темы в «Физиологии...» дается в статьях Белинского «Вступление», «Петербург и Москва»; сопоставление с ними очерка Некрасова «Черты из характеристики...» позволяет уяснить своеобразие и самостоятельность позиции молодого Некрасова в споре о русской европейской цивилизации, а текстуальные переклички со статьей «Петербург и Москва» дают основание предполагать, что очерк был написан Некрасовым после его знакомства с материалами Белинского для альманаха как ответ на спорные теоретические построения критика.

Во «Вступлении» к «Физиологии...» Белинским задается «угол зрения» на предлагаемое читателю издание в сравнении его с предшествующими книгами других авторов (Башуцкого в том числе): «...книга г-на Башуцкого («Панорама Санкт-Петербурга». — Е. В.) имеет в виду преимущественно *описание*, а не *характеристику* Петербурга, и ее тон и характер более официальный, нежели литературный. Содержание нашей книги («Физиологии Петербурга». — Е. В.), напротив, не *описание* Петербурга в каком бы то ни было отношении, но его *характеристика* преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения» (VIII, 383). Сама возможность «характеристики» в произведениях литераторов «Физиологии Петербурга» обуславливается, по мнению автора «Вступления» к ней, наличием у них «более или менее верного взгляда на предмет, который взяли они изображать»

¹ Литературное наследство. М., 1949. Т. 53—54. М. 52—53.

² Ср. упоминание изданий Башуцкого в двухчастном фельетоне «Русского инвалида» «Журнальные отметки» от 30 июня и 13 августа 1844 года (фельетон в разное время атрибутировался и Белинскому, и Некрасову): Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1953—1959. Т. XIII. С. 205—212. — Далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте: римская цифра — том, арабская — страница.

(VIII, 384). Отсутствием такого «взгляда» у других авторов Белинский объясняет творческую неудачу предпринимавшихся прежде коллективных изданий и вообще большинства русских сатирических и нравоописательных сочинений, в которых «нет ни сатиры, ни нравов, потому что нет взгляда на вещи, нет идеи, нет знания русского общества, а есть только мелочный сатиризм, школьное критиканство, устремленное не на дикие понятия, не на ревущие противоречия между европейскою внешностью и азиатскою сущностью, а на прически à la poujik (...) и тому подобные невинные принадлежности моды» (XVIII, 376, 378). Таким образом, новая литературная школа должна, по мысли ее идеолога, обрести истинный взгляд на вещи на путях преследования «ревущих противоречий» между «европейскою внешностью» и «азиатскою сущностью» русского общества. Дальнейшее развитие эта теоретическая установка критика получила в его статье «Петербург и Москва», с которой по многим пунктам может быть сопоставлен очерк Некрасова «Черты из характеристики петербургского народонаселения».

Предпринятый в статье Белинского анализ характерных черт петербургской жизни в сравнении с жизнью московской опирался на складывавшуюся уже литературную традицию: прием, впервые примененный Гоголем в «Петербургских записках 1836 года», был повторно использован в памфлете Герцена «Москва и Петербург» (1842), бытовавшем в рукописных копиях; антитеза «Петербург—Москва», «Российская империя—Московское царство» была также идеологическим центром повествования в скандально известной книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (1841; 2-е изд. 1843), книге, которая, по свидетельству Анненкова, тогда «читалась (...) повсеместно».³

Главнейшее различие московской и петербургской жизни, по мнению Белинского, состоит в том, что в «России, где все разбросано, разъединено, запечатлено семейственностью», Петербург — единственный город, где «уж нет домашнего или семейственного затворничества», где пока еще в «детском» состоянии, но уже развивается новая форма общественного быта и сознания — «публичность» (VIII, 398). Противостоя Москве, «отличительный характер» которой «семейственность», Петербург несет в себе «идею» будущего нового «органического» единства людей в цивилизации: город возник как воплощение исторической миссии Петра I, призванного «воссоздать» русский народ и его «страну беспредельную, но (...) еще не сплоченную органически, народ великий, но с одним глухим предчувствием своей великой будущности» (VIII, 385, 393). Вера Белинского в новую «органическую» социальную связь европейской цивилизации, сменяющую прежний — национальный («семейственный») — порядок связи русского общества, является результатом восприятия исторических преобразований в России сквозь призму идей утопического социализма.⁴

Понятие «органического единства» — грядущей мировой гармонии, рукотворной и бескровной — основа всех школ французских утопических учений. Сознание людей, прошедших сквозь ужасы Великой французской революции, утомленных общественным брожением послереволюционных лет, остро нуждалось в отдыхе; в условиях же ослабленного влияния религии творческая мысль интеллигенции неизбежно должна была устремиться в область гуманитарных фантазий на тему предстоящего земного рая. Ж. Санд в 1837 году так сформулировала состояние духа своих современников: «Мы переживаем роковую эпоху. Из всех эпох, породивших важные в истории человеческого духа революции, может быть, ни одна не была столь обильна страданиями и ужасами. Мы оказались лицом к лицу с новым человеком, с нами самими, без веры и без воли, с призраком, который считал своей сущностью грязь материи, своими отцами — самых слепых и грубых богов, чудовищ, от которых Христос избавил трепещущее человечество, — Случай и Рок».⁵ Неблагообразию настоящего, тоска по идеалу компенсировались в мечтах утопистов

³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 256. — О полемике с Кюстином в статье Белинского см.: Кийко Е. И. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Вып. 1. С. 189—200.

⁴ Наиболее развернутое изложение историософских взглядов Белинского см. в его рецензиях на «Историю Малороссии» Н. Маркевича и на «Руководство к познанию всеобщей истории» С. Смарагдова (VII, 44—65; VIII, 270—293).

⁵ Письма к Марсии. Цит. по: Реизов Б. Г. Французский роман XIX века. Л., 1969. С. 114.

фантастическим образом будущей гармонии, пронизывающей все сферы социальной, духовной и интеллектуальной жизни человека: «Люди были всегда врагами друг другу, но они станут некогда братьями; каждое явление имело свою причину или, лучше сказать, заключало в себе причину своего бытия, но все они некогда будут иметь только одну причину, одну цель; семьи, города, нации были обособлены, но когда-нибудь будет существовать только одна человеческая семья, один город, одно отечество. Точно так же каждое явление имело свою науку, каждая группа явлений свою специальность, но со временем будет существовать одна универсальная наука, связь всех наук, всех явлений, указующая всем им одну общую причину и цель».⁶

Так, вразумительные и продуктивные в своей критической части в области политической программы социалистические учения оказывались беспомощными и невятными, поскольку, по меткому определению В. Л. Комаровича, занимались тем, что «подыскивали конкретные формы для отвлеченного понятия».⁷

В сфере футурологии утопистов как нигде сказался отрыв интеллигентского сознания «вождей человечества» от национальной культуры: озабоченные поисками рецептов счастья для человека вообще, они в своих построениях исходили из представления о некоей неизменной сумме прав и потребностей абстрактной человеческой личности; руссоистская вера в безусловную благодать человеческой природы, в возможность внационального обоснования нравственности превращала в логику мышления утопистов самое понятие национального в преграду на пути ожидаемой мировой гармонии.

«Одна из самых характеристических черт нашего времени — стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь, очевидно, стремится теперь стать единою и всецелою», — такую виделась в 1843 году Белинскому основная тенденция современной мировой истории: вглядываясь в жизнь Европы, он прозревал «занимающуюся» уже «зарю органического единства на горизонте человечества» (VII, 44). Русская жизнь и русская история воспринимались им в связи с этой ожидаемой «зарей». Вполне определенно присоединенная к мировому процессу благодаря реформаторской деятельности Петра I, Россия, по убеждению Белинского, в скором будущем должна была достичь небывалого величия...

Воспринятое социалистами-утопистами из немецкой классической философии понятие об историческом процессе как непрерывном восходящем процессе «сознания» себя в человечестве каждой человеческой личностью и каждым народом личностью коллективной заставило Белинского еще в 1841 году, в пору первоначального усвоения социалистических идей, в одном из писем к В. П. Боткину задаться вопросом: «А русские ли мы?...» Причина подобной постановки вопроса очевидна из дальнейшего рассуждения: «Общество живет известною суммой известных убеждений, в которых все его члены сливаются воедино, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, понимают друг друга, не говоря ни слова» (XII, 66). Отсутствие в русском общественном сознании начала 1840-х годов четко сформулированной «суммы известных убеждений» — национальной идеологии, объединяющей общество сверх связей материальных, вызвало серьезную озабоченность критика. Спустя три года, в августе 1844 года, Белинский вернулся к этой мысли в рецензии на «Историю» Смарагдова (писалась почти одновременно со статьей «Петербург и Москва»): «...общество (...) организм многосложный, который состоит из души и тела и в котором, следовательно, *нравственная* сторона должна быть тесно слита с *практической* и интересы *духовные* — с выгодами материальными. Общество тогда опирается на прочном основании, когда оно живет высокими верованиями — источником великих движений и великих деяний; в верованиях скрываются идеи; через распространение и обобщение идей общества двигаются вперед» (VIII, 286).

Однако и в 1844 году духовное состояние русского общества по-прежнему не соответствовало предъявленным Белинским требованиям: умственное брожение, «разъединенность» и «полемиические отношения» кружков и литературных партий свидетельствовали, по убеждению критика, высказанному во вступлении к «Физиологии»,

⁶ Изложение учения Сен-Симона. М.; Пг.; 1923. С. 273—274.

⁷ Комарович В. Л. Юность Достоевского // Былое. 1924. XXVIII. С. 9.

о «неопределенном, неустановившемся и пестром характере самой нашей общест-венности» (VIII, 380).

Проанализировав в статье «Петербург и Москва» самые характерные, с его точки зрения, черты петербургской жизни, Белинский приходит к выводу о формальном характере общественных связей в ней: новые основания, данные Петром I русскому обществу с тем, «чтобы спавший дотоле непробудным сном русский человек кровавым потом и отчаянною борьбою выработал свое будущее», еще не сплотили нацию в едином порыве «самосознания» и самосовершенствования (VIII, 388).

Идея о «формальном», внешнем европеизме Петербурга оформилась у Белинского в связи с книгой А. де Кюстина «Россия в 1839 году»; впервые высказанная в статье «Петербург и Москва», она найдет свое дальнейшее развитие во второй части «Физиологии...», в его же статье «Александринский театр».

Не имеющие ничего общего с идеями утопического социализма, поверхностное восприятие Кюстином европеизированной России имело в своей основе непреодо-лимое для него, как для всякого убежденного европоцентриста, аксиоматическое убеждение в исключительности европейской культуры: «Я не укоряю русских за то, что они таковы, каковы они есть, я лишь порицаю их за стремление казаться такими, как мы. Они еще не просвещены; это состояние тем не менее оставляет простор упованиям; но я вижу их беспрестанно охваченными желанием подражать другим нациям, которым подражают они на манер обезьян — осмеивая то, что копируют. Итак, я говорю себе: вот люди, утраченные для дикого состояния и неудавшиеся для цивилизации, и суровые слова Вольтера или Дидро, забытые во Франции, приходят мне на ум: „русские стнили, не созрев“».⁸

Развивая и постоянно варьируя на протяжении всей книги мысль о внешнем характере русской цивилизованности, не затронувшей глубин сознания «варварского» народа, Кюстин в конце концов приходит к отрицанию русского народа как такового: так, по его мнению, насильственный процесс европеизации, начатый по личному произволу Петра, довершенный деспотическим правлением нынешнего императора — Николая I, подорвал созидательные силы русских, уничтожил их самобытность, превратив их в «нацию рабов», в угоду своим властителям покорно «притворяющихся» европейцами. Все четырехтомное сочинение Кюстина, таким образом, явилось своеобразной вариацией на тему известного рассуждения Руссо из «Общественного договора» (его мысль Кюстин ошибочно приписал «Вольтеру или Дидро»): «Русские никогда не будут народом истинно цивилизованным, потому что их цивилизовали слишком рано. Петр имел только подражательный гений; истинного гения, который создает и делает из ничего, у него не было. Некоторые из совершенных им реформ были сделаны хорошо, большая же часть была неуместна. Он видел, что его народ был народом варварским, но он не видел того, что он не был зрел для истинного управления {...} Он хотел сначала сотворить из своих подданных немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы сделать из них русских. Он помешал им стать когда-либо тем, чем они могли бы быть, убеждая их, что они то, чем они в действительности не были...»⁹

Будучи решительным противником Кюстина в оценке итогов деятельности Петра I,¹⁰ Белинский в силу своеобразия своего восприятия европейской цивилизации пара-доксальным образом оказался близок ему в воззрении на русский народ: так, по Кюстину, русской нации уже нет (уничтожена реформами Петра), по Белинскому — еще нет (реформы Петра не дали еще своего главного результата — русское общество не сплочено в нацию «известною суммою известных убеждений»). Все несогласие Белинского с Кюстином сводится по сути своей к утверждению великой исторической роли русского народа, но — в будущем.

⁸ La Russie en 1839 par le marquis de Custine. Paris, 1843. Т. 1. Р. 303.

⁹ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. СПб., 1907. С. 81.

¹⁰ Белинскому, как и всем утопистам, было свойственно сильно преувеличенное представление о роли личности в истории — отношение его к Петру I граничит с обожествлением его: «Имя Петра Великого должно быть нравственною точкою, в которой должны сосредоточиться все чувства, все убеждения, все надежды, гордость, благоговение и обожание всех русских: Петр Великий — не только творец бывшего и настоящего величия России, но и навсегда останется путеводною звездою русского народа, благодаря которой Россия будет всегда идти своею настоящею дорогою к высокой цели нравственного, человеческого и политического совершенства» (VII, 347).

Конструирование Белинским понятий «общество», «нация» по законам формальной логики привело его к формально-логическому же заключительному выводу статьи «Петербург и Москва»: «Нельзя отнять важного значения у Москвы, хотя и нельзя еще сказать, в чем именно оно состоит. Значение самого Петербурга яснее пока a priori, чем a posteriori. Это оттого, что мы все еще находимся в настоящем моменте нашей истории; наше прошедшее так еще невелико, что по нем мы можем только догадываться о будущем, а не говорить о нем утвердительно. Мы все еще в переходном положении (...) Может быть, назначение Москвы состоит в удержании национального начала (сущности которого, как сущности многих вещей мира сего, пока нет возможности определить) в противоборстве иноземному влиянию, которое могло бы оставаться решительно внешним, а потому и бесплодным, если б не встречало на своем пути национального элемента и не боролось с ним. Все живое есть результат борьбы: все, что является и утверждается без борьбы, все то мертво» (VIII, 411—412).

Представление о неизбежном проявлении жизни в форме борьбы старого с новым, о прогрессе, являющем собой смену национального общечеловеческим, диктовало и задачи, вставшие, по мнению Белинского, перед формирующейся новой литературной школой. Еще в рецензии на «Историю» Смарагдова им был сформулирован тезис: «...в эпоху всеобщего разложения элементов, которые дотолде составляли жизнь обществ, в эпоху отрицания старых начал, на которые опиралась эта жизнь, в эпоху всеобщей тоски по обновлению и всеобщего стремления к новому идеалу можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование», — то есть, по мысли критика, в переходные эпохи в жизни обществ отрицание может стать способом утверждения стихийно оформляющегося (без дополнительных усилий) в процессе отрицания положительного общественного идеала будущего (таким путем, по Белинскому, пошел когда-то преобразователь России Петр I, который «сам должен был создать самого себя (...) и первым пестуном его было — отрицание» — VIII, 284, 385). Следовательно, в «переходном положении» русского общества 1840-х годов в целях ускорения процесса его «самосознания» неизбежным и плодотворным должен, по логике Белинского, оказаться критический «отрицательный» взгляд на мир новой литературной школы; теоретическая же установка на выявление противоречий между «европейской внешностью» и «азиатской сущностью» общества (при которой понятие «европейского» априорно связывалось с понятием «социальный порядок», «прогресс», а «азиатское», или «семейственное», — национальное — приравнивалось к «стихийному», «бессознательному», социальной дисгармонии) обеспечивала особую точность восприятия.

Очевидно, именно эта установка Белинского в ситуации, когда, говоря его словами, «значение самого Петербурга» было «яснее (...) a priori, чем a posteriori», вызвала определенное несогласие Некрасова.

Озаглавив свой очерк «Черты из характеристики петербургского народонаселения», Некрасов тем самым сразу определил объем поставленной проблемы: не сама «характеристика», но лишь «черты» из нее, черты петербургской жизни, предлагаемые читателю как наиболее ей свойственные и требующие осмысления. В первых же строках текста задача повествования уточняется: «...нравы столицы нашей (...) представляют общие черты средства с нравами (...) семейства европейских столиц» (Н 1, 9, 474), но при этом не нравы и те, кто называет Петербург «городом совершенно не русским». Таким образом, в центре внимания должны оказаться и те черты петербургского быта и нравов, которые позволяют называть город европейским, и те, которые свойственны ему как городу русскому. Следующий затем намек на книгу Кюстина,¹¹ открытое упоминание которой было невозможно из-за цензурного ее запрещения, сразу вводит повествование Некрасова в сферу споров о судьбе русской европейской цивилизации.

Обращает на себя внимание своеобразие подхода Некрасова к теме. В ситуации, когда Гоголю, Герцену и Белинскому не обойтись было без антитезы «Петербург—

¹¹ Слова: «... многие иностранные описатели Петербурга, изучившие его в течение десятидневного пребывания, называют Петербург городом совершенно нерусским...» — для читателя в 1844 году содержали достаточно прозрачный намек на рассуждения Кюстина о русской столице. Ср., напр. La Russie en 1839... Т. 1. P. 223—243.

Москва», он ограничивается петербургской тематикой: ведь сама возможность сравнения чего-либо с чем-либо предполагает наличие определенного облика, четко отстоявшихся форм, а в «физиономии» Петербурга, по мнению Некрасова, пока все — «игра света и теней», «бесчисленные ускользающие движения», «выражения, ежеминутно меняющиеся» (Н 1, 9, 474). В этой стремительной смене очертаний пристальный взгляд наблюдателя пока только может вычленить в «сплошной массе» петербургского народонаселения четыре разряда его жителей — «чиновников, офицеров, купцов и (...) петербургских немцев» (Н 1, 9, 475), — в каждом из которых «выражается какая-нибудь сторона петербургской жизни» (это деление, вводимое Некрасовым, полностью соответствует классификации Белинского из статьи «Петербург и Москва»); а в образе жизни и «господствующих привычках и вкусах», объединяющих жителей города, наблюдатель отмечает прихотливость в еде, страсть к комфорту, публичным гуляниям и другим общественным удовольствиям, любовь к красивой мебели и преферансу (опять соответствие наблюдениям Белинского). Однако помимо этих признаков единения (оговоренных как формальные у Белинского и поданных безо всякой оговорки у Некрасова) в очерке «Черты из характеристики...» просматривается некое новое единство, скрепляющее петербургское общество сверх связей материальных. И петербургского купца из немцев, и купца русского, и чиновника, и работника-простолюдина, и петербургского ростовщика, и продавца книг, и их сочинителя — всех в Петербурге роднит стремление к личной выгоде, к наживе. Эта черта петербургской реальности совершенно определенно относится Некрасовым к разряду черт «европейских» (равно как и все остальные перечисленные выше черты, характеризованные Белинским как «формальные», то есть как издержки русского восприятия европейской цивилизации): ведь во всем очерке, имеющем целью выделить черты и «европейские», и «русские», как чисто русская особенность Петербурга специально оговаривается только наличие в городе «возникающих неожиданно-негаданно из людей беднейшего (...) класса» большого числа «купцов-капиталистов» (Н 1, 9, 481), следовательно, все прочие черты относятся Некрасовым к чисто «европейским».

Пристальное внимание Некрасова к этой нарождающейся новой связи общества заставляет его поставить в центр повествования один из упомянутых четырех разрядов петербургского народонаселения — купечество. Составленному из обширных выписок из книги А. П. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» портрету петербургского купца-немца, закаменевшего в своем национальном эгоизме настолько, что, прожив всю жизнь в русском городе, он не имеет «даже надобности заметить, что жил в России» (статья первая), у Некрасова противостоит эскиз нравов молодого русского купеческого сословия, тоже (частично) скомпонованный из цитат и пересказа «Панорамы...» (статья вторая). Описание русского купечества, заимствованное из книги Башуцкого, перебивается собственным некрасовским текстом, ради которого Некрасовым был отвергнут близкий по смыслу фрагмент из «Панорамы...» Башуцкого.

Текст Башуцкого:

«Русские одарены чрезвычайными способностями: им даны вполне сообразительность и расчетливость, которые необходимы торговцу; они постоянны в действиях, упорны в достижении предназначенной цели и богаты умением жить малым и пользоваться счастливым стечением обстоятельств. Нужны ли примеры? Мы могли бы назвать первостатейных купцов и даже фабрикантов известных, которые в течение малого числа лет из простых крестьян, начав торг самый ничтожный, с капиталом от сотни до тысячи рублей, без сведений, без образованности (некоторые даже без познаний начальных правил грамоты и счисления), но с разительно светлыми, врожденными понятиями о предметах, с удивительно прямым и твердым от природы разумом успели составить состояния не в сотни тысяч, но в несколько миллионов; управляют обширными конторами, имеют корабли в отдаленных морях, отсылают ежегодно товары на огромные капиталы, и доньне (некоторые) не умеют подписать свое имя!»¹²

У Некрасова:

«Зато в Петербурге (и вообще в России) несравненно более, чем где бы то ни было, купцов-капиталистов, возникающих неожиданно-негаданно из людей беднейшего

¹² Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Ч. II. С. 180—181.

и большею частью низкого класса. Как это делается, объяснять не будем, но только такие явления у нас очень нередки. Без сведений, без образованности, часто даже без познания начальных правил грамоты и счисления, приходит иной русский мужичок, в лаптях, с котомкою за плечьями, заключающею в себе несколько рубах да три медные гривны, оставшиеся от дорожных расходов, в „Питер” попытаться счастья. В течение многих лет исправляет он самые тяжелые, черные работы, бегаёт на посылках у первого встречного, за все берется, везде услуживает, замечает, соображает, *смекает*, и — глядишь — через двадцать-тридцать лет делается первостатейным купцом, заводит фабрики, ворочает миллионами, поит и кормит тех, перед которыми во время оно сжимался в ничто, и запанибрата рассуждает с ними о том, как двадцать лет назад босиком бегал по морозцу и ел чертвый сухарь ... Конечно, такие явления бывают и в других землях, но в России они возможнее, потому и повторяются, как мы уже сказали, довольно часто. Почему возможнее? — спросите вы?» — и далее уже текст Некрасова сменяет цитата из Башуцкого о «чрезвычайных способностях» русских (Н 1, 9, 481).

Этот некрасовский фрагмент нагляднее всего демонстрирует взгляд писателя на смысл процесса европеизации России: новые формы общественного быта позволяют в условиях раскрепощения предпринимательской инициативы наиболее полно проявиться природным способностям и дарованиям русского человека. Цивилизация видится Некрасову состоянием общества, не только не стирающим национальные начала, но, напротив, укрепляющим их до эгоизма, — отсюда пристальный интерес писателя к наиболее законченному ее произведению — петербургскому немцу. Сам же народ, выступающий у Белинского (как и у Кюстина, у Руссо или утопистов) в виде объекта просветительских усилий образованной верхушки «цивилизованного» общества, у Некрасова предстает как самостоятельная творческая сила, единственно способная внести разумный жизненный порядок в хаос создаваемого нового строя общественных отношений.

Но облик молодого русского капитализма уже в 1844 году для Некрасова далеко не однозначен: среди «веселых и грустных особенностей» петербургской жизни, «которые так и просятся на бумагу», в конце очерка не случайно появляются рядом фигуры торговца деньгами — петербургского ростовщика (которому «не годится (...) в ученики ростовщик московский» — Н 1, 9, 485) и петербургских торговцев просвещением — книгопродавца и сочинителя; не случайно так подробно выписка из книги Башуцкого о нищем быте петербургского простонародья; не случайна и сама ирония Некрасова над цивилизаторским оптимизмом автора «Панорамы Санкт-Петербурга», готового даже в искреннем стремлении к сглаживанию социальных противоречий наивно любоваться пьяным петербургским простолюдином. Образ Петербурга из очерка «Черты из характеристики петербургского народонаселения» вполне созвучен «городу великолепному и обширному» — нищему и роскошному Петербургу социальных контрастов из неоконченного романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

В. В. Тихомиров

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ НЕКРОЛОГИ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ НЕКРАСОВА

Достаточно широко распространено мнение о том, что при изучении творчества писателя нет надобности учитывать не совсем привлекательные качества его личности, что весь смысл его творческой деятельности — в самом творчестве, а не в биографии. Наводившийся иногда на личность того или иного писателя хрестоматийный глянец призван был как будто способствовать этическому воздействию на читателя, особенно молодого, повышению авторитета автора. При этом не всегда учитывается, что творчество — тоже факт биографии и не может быть оторвано от нее. Более того, и творчество, и биография могут быть глубже осмыслены и поняты только в единстве, в совокупности, потому что то и другое связаны с эпохой, по-своему характеризуют ее и носят в себе ее черты. Личность художника, факты его биографии, внешние явления и внутренние духовные процессы его жизни не могут не проявиться в его творениях.

Биографический метод исследования литературных явлений не может претендовать на универсальность, но и игнорировать его при изучении творческого пути писателя, его особенностей было бы неверно. Известное высказывание Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
<.....>
И меж детей ничтожных мира
Быть может, всех ничтожней он —

истина, но не абсолютная, никак не могущая поставить под сомнение правомочность и современников писателя, и последующих поколений внимательно изучать его биографию и соотносить с ней его творчество.

Все сказанное полностью относится к биографии и творчеству Некрасова. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год отмечал: «Заговорив о Некрасове как о поэте, действительно никак нельзя миновать говорить о нем как о лице, потому что в Некрасове поэт и гражданин до того связаны, до того оба необъяснимы один без другого и до того взятые вместе объясняют друг друга, что, заговорив о нем как о поэте, вы даже невольно переходите к гражданину...»¹

Из биографии Некрасова чаще всего, и не только в учебных, но и в исследовательских целях, принимается во внимание период детства и молодости, социальной неустроенности, во многом определивший выбор творческого пути поэта. Последующие события его личной жизни, проявление особенностей характера обычно мало связываются с его творчеством, за исключением двух факторов: личного вклада Некрасова как человека в издание лучших журналов своего времени и отражения его физических и духовных страданий во время болезни в его лирике. Между тем еще при жизни Некрасова, особенно после закрытия «Современника», распростра-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л., 1984. Т. 26. С. 120.

нялось немало слухов, и не всегда беспочвенных, и не только исходивших из враждебного ему лагеря, о некоторых не вполне достойных его поступках и особенностях характера. Об этом знали читатели, это проникало в печать, делалось достоянием общественности, влияло на отношение не только к личности, но и к творчеству поэта, следовательно, не может игнорироваться его исследователями. Еще в ранних работах К. И. Чуковского, В. Е. Евгеньева-Максимова подобные факты принимались во внимание, но уже в 30-е годы стала преобладать тенденция выпрямления, социального очищения биографий и личностей не только Некрасова, а практически всех русских классиков, признанных официальной идеологией в качестве союзников нового строя. Эта тенденция до сих пор до конца не преодолена.

Вниманию читателя предлагается обзор наиболее значительных газетных и журнальных некрологических статей, показательных для отношения современников к личности и творчеству Некрасова. Распространено мнение о преобладании доброжелательной и позитивной оценки всей его деятельности в посвященных ему некрологах 1878 года.² Некрологические статьи в соответствии с законами жанра обычно содержат оценки не только дел, но и личности покойного.

В № 1 «Отечественных записок» за 1878 год было опубликовано анонимное стихотворение «На смерть Некрасова», содержащее следующие строки:

О, долговечны вы, песни, поющие
Муки народные, по сердцу бьющие!
Песне твоей, о, страданий певец,
Будет не скоро желанный конец:
Там он, где горе людское кончается,
Там он, где счастья заря занимается...

Подобные мысли были характерны для многих некрологических статей, содержащих исключительно положительные, иногда даже благостные оценки личности и творчества Некрасова. «Слава печальнику горя народного!» — вот лейтмотив некрологов в таких изданиях, как газеты «Новости», «Одесский вестник», «Телеграф», журналы «Русская старина», «Древняя и новая Россия», даже умеренно-либеральный «Вестник Европы». Авторы некрологов в этих изданиях как будто руководствовались правилом: о мертвых либо хорошо, либо ничего.

Противоположной этому первому, наиболее распространенному уровню восприятия некрасовского наследия была концепция его личности и творчества, исходившая, нужно отметить, не только из консервативных кругов. Некоторые его противники не ограничивались общими суждениями о служении поэта определенному направлению, измене вечным законам творчества и т. п. и пытались глубже обосновать свою позицию анализом самого поэтического творчества. Среди них выделяется известный критик и публицист правой ориентации Евг. Марков, обширная статья которого «Критические беседы. (Поэзия Некрасова)» печаталась весной 1878 года в нескольких номерах газеты «Голос».

Автор статьи определяет Некрасова как поэта эпохи, отравленной крепостничеством, — отсюда «господствующее настроение духа», порождающее «одностороннее собирание одних только мрачных сторон», что производит «неправильное впечатление» о жизни. Народ у Некрасова — полуживотные, «мысли и описания... отличаются преувеличенностью», мелодраматизмом, сгущением мрачных эффектов. «Его патологическая лира намеренно окутывает густым черным флером все, что и без того не особенно светло...» «Ему словно доставляет наслаждение терзать себя и читателя постоянной наддачею против того, что уже есть дурного на свете».³ Заметим, что это написано до появления знаменитого выражения Достоевского о Некрасове как «страстном к страданию поэте».

Не ограничиваясь обвинениями поэта в односторонности, театральности его поэтических зарисовок ужасов жизни, нарушающих нравственное чувство и жизненную правду, Е. Марков находит способ поставить под сомнение право Некрасова

² См.: Кулешов В. И. Некрасов в русской критической мысли // Н. А. Некрасов и русская литература. М., 1971; Соколов Н. И. Н. А. Некрасов в оценках революционных народников // Соколов Н. И. Критики и литература. Л., 1977.

³ Марков Е. Критические беседы: (Поэзия Некрасова) // Голос. 1878. № 42. С. 2.

называться народным поэтом, певцом народа, поскольку он, поэт, не учится у народа в направленности творчества: народная поэзия никогда не была столь мрачной и односторонней в поэтическом осмыслении жизни.

Марков характеризует и форму стихотворений Некрасова, видя в них «рубленную прозу», фальшь, водянистость, растянутость, болтливость, бледность и бедность образов, холодность и бессилие там, где преобладает не поэзия, а риторика. Столь резкие суждения не означают, что критик вообще не приемлет Некрасова-поэта. Он признает меткость и живость «изображения как мира психологического, так и мира материального», глубокое знание народной речи, народного сердца, народной мысли.

Марков считает, что Некрасову-поэту мешало его литературное окружение, журнальные кружки, интересовавшиеся больше гражданскими, чем художественными проблемами. Из-за них он и стал проповедником, нравоучителем, обличителем, памфлетистом и дифирамбистом! Часто в Некрасове дидактик преобладал над поэтом. Но, по мнению критика, «дешевый искусственный сплав тенденции с поэтической формой сверкает только снаружи, и то недолго» — поэтому «старая поэзия, каковы бы ни были ее грехи, только одна оказывается организмом естественным, способным к плодотворению...».⁴

Таким образом, Марков подходит к анализу некрасовской поэзии с традиционными, даже нормативными критериями, близкими тем, которыми руководствовались в оценке Некрасова Дружинин, Дудышкин, отчасти Григорьев. Подобная критическая позиция не могла не проявиться в противоречивой оценке некрасовского творчества. Но, может быть, это то противоречие, которое соответствует противоречивости самого предмета осмысления — поэзии Некрасова?

Воспринимая некрасовское творчество как по преимуществу сатирическое и тенденциозное, критик выдвигает принцип его оценки как именно художественного творчества, предполагающий требования «полной естественности, искренности, художественной выразительности изображения». С этой точки зрения только позднее творчество Некрасова стало более естественным, но и в «Кому на Руси жить хорошо» немало фальши и балагана (арлекинада помещика Оболт-Оболдуева, фантастическая история сбора денег Ермилом Гириным на ярмарке и пр.).⁵

Марков признает, что поэзия Некрасова соответствовала потребностям эпохи, оказалась доступной простому грамотному человеку, серьезна по содержанию, и в этом большая заслуга поэта и его историческое значение. Другое дело, насколько удачно он выполнил свою задачу. Истоки мотивов ипохондрии и пессимизма, характерных для большей части поэзии Некрасова, критик видит в его биографии, способствовавшей душевному надлому и чувству болезненной и тоскливой безнадежности, изливающейся в творчестве. Художественный стиль Некрасова напоминает Маркову Хогарта — такой же тяжелый, карикатурный, но и выразительный: преобладает раздражение, преувеличение, риторика. Некрасовское творчество — показатель болезненных проявлений русской общественной, а не только литературной жизни. Марков не ограничивается рамками эстетического анализа, который, по его мнению, поэзия Некрасова не выдерживает; он учитывает и социальную значимость этой новой поэзии: Некрасов «ранее других и полнее других наших писателей перенес поэзию из мира мечты в область действительных интересов жизни, расширил и усилил область творчества, отведя в ней такое большое место простому народу, обогатил поэтическую речь формами народной речи». Некрасов остается «честным провозвестником общественной правды, смелым карателем общественного зла».⁶

Отдельные позитивные оценки некрасовской поэзии, содержащиеся не только в заключительной части статьи Е. Маркова, но порой и во всем ее тексте, не соотносятся с основным ее смыслом. Совместить эстетический и исторический критерии оценки сложного некрасовского творчества критику явно не удалось. Это тот самый случай, когда, по словам Пушкина, «писателя нужно судить по законам, им самим над собой признанным». Другие законы оказываются не способствующими адекватному пониманию нового явления, каким была несомненно поэзия Некрасова.

⁴ Там же. № 44. С. 2.

⁵ Там же. № 47. С. 1.

⁶ Там же. № 89. С. 3.

Однако при всей предвзятости, категоричности и явной отстраненности (в смысле использования заведомо чуждых, неприменимых критериев оценки) критический анализ Маркова не был только ошибочным или фальсифицировавшим творчество Некрасова. Критик поставил важные и актуальные для понимания специфики поэтического стиля вопросы эстетического вкуса, пределов художественного вымысла, чувства меры и т. п. Эти критерии действительно не всегда выдерживались «суровым, неуклюжим» стихом Некрасова.

Статья Е. Маркова оказалась одной из наиболее доказательных оценок творчества Некрасова, последовавших сразу после его смерти, со стороны лагеря противников гражданской поэзии (впрочем, написана она была, как указывает автор, еще весной 1877 года, но, поскольку публиковалась после смерти поэта, в одном ряду с многочисленными некрологическими статьями, объективно воспринимается как одна из них). Позиция Маркова в целом показательна для критики его круга.

Об «искусственной страстности» поэзии Некрасова — наряду с признанием «известной доли заслуг... на поприще литературной и журнальной деятельности» — писал в «Ниве» Д. Стахеев.⁷ Ор. Миллер разделил стихотворения Некрасова на воспитательные (тема матери, «самопризнанья», типы «Тишины») и фальшивые, сделанные по заказу, «высуженные».⁸ Некто «S. S.» в газете «Правда» (статья «Некрасов как поэт» — 1878. № 2) наряду с признанием Некрасова народным поэтом (много «чисто русских картин, чисто народных образов, фраз, воззрений») объявил его «безотрадным пессимистом, стихи которого больно сжимали сердце читателя и не показывали ему даже вдаль ни одного луча света...». Хотя «жизнь для него была вовсе не так безотрадн... основное направление его произведений „мечь и печаль“ едва ли было вполне искренно. „Мстить“ ему было не за что и некому, а печалился он, вероятно, не всю же жизнь». Критик отказывает Некрасову в искренности и чувстве меры, указывает на отсутствие «единого, цельного и стройного впечатления», «определенного идеала». Чтобы все это было в поэзии, она должна быть продуктом действительной жизни. «Душа и сердце поэта, лежащие в его творениях и обнаруживающиеся в его жизни, должны быть одни и те же. С этой точки зрения жизнь поэта имеет значение для оценки его поэзии».⁹

Жесткую характеристику Некрасову-человеку и поэту дал анонимный автор некролога в газете «Обзор» (1878. № 2). Некрасов, по его мнению, скорее «рифмующий публицист», нежели поэт, «только в нескольких редких сочинениях ему удалось блеснуть там и сям силою поэтического таланта», большинство же его стихотворений отличаются «деланностью». Авторитет и значение Некрасова как поэта определяются, скорее, содержанием его поэзии, силой «гражданской скорби», а не мастерством, причем само содержание как бы ассимилировало чужие мысли, зависело от «лиц, составлявших главную силу его журнала», — не случайно произведения, последовавшие после падения «Современника», «отличаются уже ходульностью замысла, недоделанностью формы и избитостью сюжета». Как журналист Некрасов был на месте, пока опирался на «деятели передового образа мыслей», своего же у него — «лишь ловкость, уметь соблюдать ширмы и внешность традиции, между тем как все внутреннее содержание ... опровергалось и втапывалось в грязь за этими ширмами». Радикал «до границ дозволенного», не случайно поэт никак не пострадал от своего радикализма. И наконец, следующее убийственное обвинение: «Добивать убитых, обходить всесильных, презирать бессильных и идти мерным, осторожным шагом по битой-перебитой колее — вот квинтэссенция его журнальной, а отчасти и поэтической деятельности». Не случайно он составил богатство во многом «благодаря слепой фортуне, к ласкам которой не должен был прибегать поэт-гражданин».¹⁰

Следует напомнить, что тон этой и подобных ей некрологическим статьям вызвал резкий протест со стороны верных союзников Некрасова и поклонников его

⁷ Стахеев Д. Н. А. Некрасов // Нива. 1878. № 2. С. 27.

⁸ Миллер Ор. В память Н. А. Некрасова: (Несколько слов о воспитательном значении его поэзии) // Педагогический музей. 1878. № 1. С. 3, 4.

⁹ Цит. по: На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб., 1878. С. 79, 81, 91.

¹⁰ Там же. С. 99, 100—102.

поэзии, например Гл. Успенского.¹¹ Однако слишком часто и настойчиво повторялись в некрологах мысли о несовпадении жизненной позиции Некрасова-человека с направленностью его поэзии, чтобы это можно было считать случайностью или клеветой. Не только консервативно настроенные публицисты, но и некоторые журналисты демократической ориентации нередко подходили к оценке Некрасова — человека и поэта — как ригористы, с позиции нравственного императива. Самыми серьезными были обвинения в противоречии между словом и делом — от упреков в ренегатстве (в связи со стихами, адресованными графу Муравьеву-«Вешателю» и «спасителю» Александра III О. Комиссарову) до общих выводов о несовпадении позиций поэта и гражданина на протяжении всего творческого пути. Подобные упреки, в частности, неоднократно высказывались сотрудниками демократического журнала «Дело» С. С. Шашковым, Н. В. Шелгуновым, П. Н. Ткачевым.¹²

В свое время М. А. Антонович, не приглашенный сотрудничать в обновленных «Отечественных записках» и поэтому обиженный на Некрасова и сводивший с ним счеты на протяжении почти десяти последних лет жизни поэта, посвятил ему некрологическую статью «Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове» (Слово. 1878. № 2), написанную уже как будто в примирительном духе. Критик сосредоточил внимание на определении своеобразия поэтической манеры Некрасова, при этом признание больших заслуг покойного как поэта и журналиста сопровождается указаниями на то, что в его произведениях «встречаются неискренность, деланность, натянутость и даже просто фальшь». Причиной всего этого, по мнению Антоновича, была поэтическая манера Некрасова — поэта не столько лирического, сколько по преимуществу дидактического. Это было понимание специфики некрасовского творчества, близкое тому, которое предложил анонимный публицист газеты «Обзор», назвавший Некрасова «рифмующим публицистом», но с обратным знаком: там это было утверждение неполноценности подобной поэзии, а здесь — признание ее достоинств, хотя и с оговорками: «Произведения Некрасова, равно как и вся дидактика, имея над лирикой преимущество, состоящее в определенности и совершенной ясности их смысла, идей и тенденции, уступают лирике и лирикам в непосредственной жизненности и живости, в искренности, в задушевности и самой бескорыстной правдивости».¹³ Тем самым поэзия Некрасова как будто заведомо признается в чем-то односторонней, неполноценной, и в таком ее понимании Антонович был не одинок и в демократической критике — подобные мысли о поэзии Некрасова как своего рода рифмованной прозе высказывал еще в начале 60-х годов В. Зайцев.

Среди критиков и публицистов разной общественной ориентации, откликнувшихся на смерть Некрасова, особую позицию в объяснении личности Некрасова и ее отражения в творчестве занял редактор «Нового времени» А. С. Суворин, открыто афишировавший свое близкое знакомство и чуть ли не доверительные отношения с покойным. Он попытался осмыслить особенности некрасовской поэзии не на основе противопоставления его биографии и творчества, а, напротив, подчеркивая их тесную связь: «...поэт и человек в Некрасове идут вместе и неразлучно, и он такой именно поэт, потому что был таким именно человеком, каким мы его знали». Если бы он был проще, одностороннее — не был бы поэтом «мести и печали», не было бы поэзии, в которой «кипит живая кровь». Школа жизни помогла ему стать «певцом народного горя и народной силы», и в этой школе практичность Некрасова («один я между идеалистами был практик», — якобы признавался он Суворину) сослужила добрую службу не только ему самому, но и русской журналистике и литературе вообще. Некрасов сочетал практицизм с идеализмом — «иначе откуда она, эта зачерствелая натура, нашла бы столько чувства, столько силы негодования, откуда бы она почерпнула те поистине мощные

¹¹ См. об этом в указанной выше статье В. И. Кулешова, а также: *Соколов Н. И.* Глеб Успенский и Некрасов // Некрасовский сб. Л., 1956, вып. II.

¹² См. об этом: *Тихомиров В. В.* Поэзия Н. А. Некрасова в восприятии журнала «Дело» // Творчество Н. А. Некрасова. Исторические истоки и жизнь во времени. Ярославль, 1988.

¹³ Цит. по: *Русская критика XVIII—XIX веков. Хрестоматия / Сост. В. И. Кулешов. М., 1978. С. 381.*

и до слез трогающие строфы, которые мы находим в „Родине“, в „Тишине“ и во многих других пьесах?»¹⁴

После обвинений сотрудника «Отечественных записок» Г. З. Елисеева в том, что Суворин клеветает на поэта, подозревая его в готовности любыми способами, вплоть до нечестных, разбогатеть, только бы «не умереть на чердаке», публицист «Нового времени» разъяснил свою позицию: он имеет в виду стремление Некрасова к обогащению как к средству достижения независимости, возможности противостоять давлению жизни. И в этом отношении «Некрасов не нуждается в оправдании...». Да и «неужели сила, блеск вдохновения, бич сатиры, стоны и слезы, которые казались столь искренними, которые так нас увлекали, делали нас лучшими, заставляли сочувствовать горю, бедности, неужели все это разом исчезает и перестает иметь всякое значение, как скоро узнали мы, что поэт сочинял все это из выгоды!» — заключает свою «защиту» Суворин, и «защита» эта приобретает несколько двусмысленный характер и оттенок личной заинтересованности и причастности к подобной жизненной позиции.¹⁵

Из биографии, личности, жизненной судьбы Некрасова выводил основную направленность его поэзии С. А. Венгеров, опубликовавший в нескольких номерах газеты «Неделя» в начале 1878 года обширный некрологический очерк «Н. А. Некрасов. Литературный портрет». Биографический метод характеристики творчества здесь реализуется в полной мере: «Нужда в жизни Некрасова играла роль доброго гения, потому что она влила содержание в его до того бессодержательное творчество... свела его на землю». «Его практичность была только знание и умение обходить ненужные препятствия и сохранять лучшие силы для борьбы с истинным противником». Некрасов в творчестве «несомненный пессимист», но его пессимизм — не разочарованность, поэт «не пасует перед скверною действительностью», «уверен в своей победе». Даже «в пороках Некрасова... один из благодетельных источников его поэзии», потому что «страстный человек... в десять раз гуманнее холодного», «страсти дают неисчерпаемый источник любви».¹⁶

Прямолинейно-позитивистская аналогия личной судьбы и биографии с творчеством поэта, которой руководствуется Венгеров, была достаточно распространенным методом анализа некрасовского творчества и, очевидно, соответствовала определенному уровню развития литературной критики и науки. Не случайно Венгеров требует научного подхода к оценке исторической роли Некрасова и упрекает, например, Скабичевского в неисторизме, когда тот попытался обосновать и поддержать широко распространенную, особенно среди радикальной молодежи, мысль о том, что Некрасов как поэт выше Пушкина и Лермонтова. Сама постановка вопроса, по мнению Венгерова, неверна: нужно смотреть не как продолжал, а как развивал писатель «направление предшественников».

При полном, казалось бы, сочувствии и принятии поэзии Некрасова Венгеров понимает ее в сущности так же упрощенно, как и Антонович: главное для него в этой поэзии — утверждение идеи и поиск адекватного для нее «способа выражения». Поэзия же как искусство, как особая форма образного видения мира для позитивистски мыслящих радикальных публицистов 1870-х годов как будто не существовала.

Роль заступников за Некрасова после его смерти взяли на себя такие глубокие его читатели, как А. Голубев, автор первой, опубликованной в 1878 году биографии поэта, и Скабичевский, автор помещенного в «Биржевых ведомостях» (1878. № 6) некролога, впоследствии выросшего в обширную и, пожалуй, лучшую для того времени критическую статью о Некрасове, напечатанную в первом посмертном издании сочинений Некрасова (издание А. А. Буткевич).

В работе А. Голубева содержится обзор посвященных Некрасову некрологических и критических статей, причем статьи эти несколько упрощенно делятся на две категории в соответствии с позицией авторов («реалистов» и «эстетиков»). Те и другие оказываются неприемлемыми, лишенными «оснований для верной оценки Некрасова». А. Голубев совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости применения к некрасовской поэзии особых эстетических масштабов, но, каковы должны быть эти масштабы, какова эстетика Некрасова, остается невыясненным. Нечеткость теоретических оснований, преоб-

¹⁴ Незнакомец (Суворин А. С.). Недельные очерки и картинки // Новое время. 1877. № 662.

¹⁵ Новое время. 1878. № 745.

¹⁶ Неделя. 1878. № 12. Стб. 389—393.

ладание эмоциональных оценок существенно ограничивают значение работы А. Голубева, претендовавшей на обобщение оценок и опровержение самых несправедливых и ошибочных из них, хотя автор оговаривается, что еще не пришло время «всесторонней, трезвой научной критики»¹⁷ Некрасова.

Большая биографическая статья Скабичевского о Некрасове, которую нельзя считать собственно некрологической, тем не менее явно учитывала общую направленность тех оценок, которые были даны в некрологах, и может быть признана итоговой в осмыслении поэзии Некрасова его современниками в прогрессивных литературных кругах. Поэтому считаем возможным завершить наш обзор именно этой статьей.

Скабичевский опровергал идею о рассудочности и холодности некрасовской поэзии и характеризовал ее как лирическую, искреннюю, прочувствованную и обусловленную общественными и биографическими обстоятельствами. Некоторые наблюдения критика сохраняют свою значимость до сих пор. Так, Скабичевский в сущности впервые обратил внимание на такое качество лирического героя Некрасова, которое сейчас определяется, по терминологии Б. О. Кормана, как «чувство социальности». Некрасов, по мнению критика, передает «думы целого века своей родной земли». В то же время Скабичевский отмечает раздвоенность лирического чувства поэта, который «выражает... пробуждение совести в интеллигентном человеке 40-х годов», «праздном барине», и сближается с позицией разночинца, страдающего от нужды и способного понять народ — уже в духе 60-х годов. Критику, близкому к народникам, все-таки ближе не поэтические рефлексии, а вечные народные идеалы труда и любви, проявляющиеся в лучших стихотворениях Некрасова о народе. Следовательно, Скабичевский разделял представление о двух Некрасовых — кающемся дворянине и народном заступнике. Критик пишет о «пробуждении совести в интеллигентном человеке» — герое поэзии Некрасова, об «отрицании обветшалых форм жизни во имя новых идеалов, горячих порывах к этим новым идеалам, протестах во имя их, при горьком сознании надломленности, дряблости и бессилия». Новый герой прежде всего заботится не о себе, а о ближних, «он открывает вам душевный мир миллионов людей, живущих на Руси».¹⁸ Скабичевский заметил и своеобразную эволюцию народной темы у Некрасова — от несколько сентиментального наблюдения народа со стороны до полного духовного слияния с ним.

Сравнительный анализ важнейших некрологических статей о Некрасове показывает, что суждения о поэте, в том числе и в демократической критике, и после его смерти оставались неоднозначными. Этот факт может существенно скорректировать бытующее представление о восприятии поэзии Некрасова читателями и критикой.

Противоречивость личности Некрасова, непростая его биография так или иначе проецируются и на его творчество, и знание и понимание этого помогают понять сложность и самого его творчества, осознать его как драматически-противоречивое явление нашей литературы.

Некрасов утверждал в своей поэзии новую эстетику, в сущности создавал ее, и не может быть полностью понят с точки зрения традиционной эстетики. Но всегда ли неправы критики — противники его «музы мести и печали», ставившие под сомнение саму правомерность подобной эстетики? Все ли удавалось поэту, произносившему новое слово, все ли равноценно в его поэзии? Думается, к этой проблеме нужно будет еще не раз возвращаться, и обращение к различным, противоречивым оценкам, которые давали Некрасову его современники, — дополнительный аргумент в пользу этой необходимости. В. Г. Белинский в свое время писал: «Свидетельство современников, как всегда пристрастное, не может служить доказательством истины и последним ответом на вопрос: но оно всегда должно приниматься в соображение при суждении о писателях, ибо в нем есть своя часть истины, часто невозможная для потомства».¹⁹

¹⁷ Голубев А. Н. А. Некрасов. Биография. Критический обзор поэзии. СПб., 1878. С. 27, 32, 114.

¹⁸ Скабичевский А. М. Николай Алексеевич Некрасов // Скабичевский А. Соч. В 2-х т. СПб., 1895. Т. II. С. 296—302.

¹⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 9-ти т. М., 1955. Т. 7. С. 111.

С. А. Рейсер

ЕЩЕ РАЗ О «СВЕТОЧАХ»

(ЗАВЕРШЕНИЕ ПОИСКОВ)¹

Вопрос о подделке поэмы Некрасова «Дедушка» (так называемые «Светочи») по соображениям, изложенным в моей статье «Через пятьдесят шесть лет...»,² мог бы считаться окончательно решенным — самая придирчивая критика не смогла найти какие-либо изъяны. Оставалось только одно звено — не был известен тот фельетон Анатолия Павловича Каменского, в котором содержался рассказ об истории фальшивки. Подлинник записки Каменского, сделанный им для К. И. Чуковского, до сих пор не найден. Вероятно, он утрачен, но, может быть, когда-либо и обнаружится в архиве К. И. Чуковского. «Где-нибудь в моих бумагах найдется этот документ», — писал К. И. Чуковский в сохранившемся у меня его письме, датированном «28 июня, ночь на 29 (1960 г.)». Поставить под сомнение существование записки никому еще не приходило в голову — это означало бы попытку опорочить репутацию старейшего советского литературоведа.

Встречу с Каменским Чуковский (в том же письме) датировал условно: «Не помню в котором году — очевидно, в начале тридцатых». Каменский эмигрировал в 1920 году. Его многочисленные зарубежные статьи, очерки и рассказы датированы 1922—1930 годами. Потом он возвратился в СССР и, кажется, снова эмигрировал и возвратился — в те годы это было довольно частым явлением (вспомним биографии Б. Пастернака, В. Шкловского, Андрея Белого и других). 1936 годом датируется его единственный, выпущенный в Москве Гослитиздатом авторский сборник «Петербургский человек». Смерть А. П. Каменского (1 декабря 1941 года) в условиях войны прошла совершенно незамеченной.³

Первопубликация «Светочей» в газете «Правда»⁴ и вскоре же выпшедшее в Москве отдельное издание сразу насторожили некоторых журналистов и критиков. В берлинской газете «Руль» от 8 мая 1929 года (№ 2567) Ю. Оффросимов в статье «„Дедушка“ или „Светочи“» дал понять, что подлинность произведения более чем сомнительна. Иронический отзыв содержался также в анонимном обзоре «Из-за Некрасова», опубликованном в той же газете (17 января 1930 года, № 1779).

Но наиболее весомым был, конечно, фельетон самого А. П. Каменского — «Демьян Бедный и бедный Некрасов», напечатанный в том же «Руле» (4 июня 1930 года, № 2893, с. 2—3). Он остался неизвестным советскому читателю, ссылка на «Руль» была невозможна. (Все названные выше материалы в ноябре—декабре 1986 года были обнаружены в результате настойчивых поисков старшего научного сотрудника Российской государственной библиотеки А. И. Рейтблата, которому приношу самую искреннюю благодарность).

С первых же строк Каменский, не называя имени своего соизготовителя, некоего Вашкова, присоединяется к голосам интуитивно правильным, сводившимся к тому,

¹ В сокращенной редакции — Литературная Россия. 1988. 29 апр. № 17. С. 24.

² Вопросы литературы. 1986. № 2. С. 217—223.

³ См.: Михайлов О. Н. А. П. Каменский // Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. Стб. 344; картотека А. Д. Алексеева, хранящаяся в Пушкинском Доме.

⁴ Правда. 1929. 18 и 19 апр.

что 400 (неточно, надо: 214) строк, добавленных к давно известному тексту Некрасовского «Дедушки», — «несомненная липа».

Отвергая предположение, что поэма Некрасова была «улучшена» Демьяном Бедным, Каменский продолжает: «Дело обстояло иначе, и действительность, как часто бывает, оказалась острее и пикантнее самых тонких и ядовитых измышлений». Далее сообщалось, что изготовление текста «липовой поэмы» — «дело рук более искусного, чем Демьян, фальсификатора...». Прозрачно охарактеризовав все предыдущие подделки и другие художества Вашкова, Каменский сообщал, что «Светочи» были привезены им в Иваново-Вознесенск, где он находился в ссылке.

На многочисленные вопросы о происхождении поэмы следовало не менее четырех вариантов ответов: «случайно попалась среди разного хлама, купленного на базаре»; «взял у одной бывшей помещицы для продажи»; «купил в одной частной библиотеке за 25 рублей»; «выпросил на время в Иваново-Вознесенском музее». Только 15-летний сын Вашкова отозвался иначе: «...а почерк-то очень на папин похож». Он оказался прав. Выдав себя за инженера-строителя, «чудака», как именует Вашкова Каменский, проник к Демьяну Бедному, у которого быстро и выгодно реализовал свое творение. Детали изложены у Каменского, по-видимому, не вполне точно: о своем соучастии он вообще умалчивает, но дело не в них.

Каменский рассказывает, что по Москве и Ленинграду поползли слухи о том, что Демьян Бедный «влопался». Все разговоры на эти темы были всемогущим в это время Бедным быстро подавлены с демагогическими угрозами недвусмысленного свойства. Тем самым, несмотря на проведенную графологическую экспертизу, была декларирована подлинность заведомой фальшивки. Сообщение А. П. Каменского оставалось неведомым, и это открывало возможность легковесных предположений (и даже статей) о подлинности «Светочей».

Полное разоблачение задержалось более чем на полвека. Фельетон 1930 года в 1990 году звучит необходимым анахронизмом. «Дело о „Светочах“» теперь нужно считать окончательно закрытым. Оно может представить некоторый интерес лишь для тех, кто занимается изучением методики литературных подделок и путями их разоблачения.

С. В. Смирнов

ЯРОСЛАВСКИЕ ДЕРЕВНИ И СЕЛА В ТВОРЧЕСТВЕ НЕКРАСОВА

Тема связей поэта с родной землей стала одной из центральных сразу же, как началось изучение и осмысление его наследия. В 20—50-х годах ей отдал немало сил А. В. Попов. Ему принадлежит честь не только в обосновании ее важности, но и в разработке методов ее освоения, один из которых — воссоздание исторических и этнографических черт, присущих местам, связанным с творчеством или биографией поэта.

Позднее отношения Некрасова с ярославским краем занимались А. Ф. Тарасов, К. Ф. Яковлев, Н. К. Некрасов. Работы их хорошо известны, благодаря им большой круг вопросов, связанных с этой темой, получил свое разрешение.

Настоящая статья ставит своей целью обратить внимание на факты и детали, выпадавшие ранее из поля зрения исследователей, и на возможную интерпретацию темы «Ярославские деревни и села в творчестве Н. А. Некрасова» в музейной экспозиции.

Первое использование Некрасовым в поэтических произведениях названий населенных пунктов Ярославской губернии следует отнести к 1845 году в шуточном стихотворении «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» (Н 2, 1, 440—444). Стихотворение это до сей поры в собраниях сочинений поэта перепечатывается как предположительно приписываемое Некрасову. Однако встречающиеся в тексте названия населенных мест позволяют аргументировать авторство более полно. Характеристика одного из героев этого произведения указывает, что он, «обладатель деревни Сопелок (Турово тож)» (Н 2, 1, 440, 443, 444), то есть звучат названия, можно сказать, классических охотничьих мест Некрасова. Сведения о Сопелках находятся в письмах И. С. Аксакова к отцу.¹ В конце XVIII века в этом селе старцем Евфимием была создана секта «бегствующего иеройства», или, как стали говорить позднее, странников. И. С. Аксаков, находившийся в составе Комиссии по расследованию раскола в Ярославской губернии, описывал это село в письме от 14-го сентября 1850 года так: «На этой неделе мы ездили в уезд, и там я осматривал знаменитое село Сопелки, где все почти дома устроены с потаенными местами, фальшивыми крышами, двойными стенами и т. п. Следовательно, уже самые постройки производились с умыслом, и пристанодержательство не случайное, а организованное».² В письме от 28 сентября 1850 года он писал: «Сопелки — колыбель секты и притон сектаторов. Здесь нет ни одного православного, хотя все село по спискам полиции значится православным (...) Нет дома без потаенной кельи».³

Подобные тайники распространены были по всему Поволжью Ярославской губернии. Возможно, что деятельность странников и борьба с ними правительства послужили впоследствии поводом к созданию рассказа о «божьем страннике» Ионе Ляпушкине и «старообряде Кропильникове» в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 2, ч. 1. Учебные и служебные годы. Письма 1848—1851 годов. М., 1888.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 350, 352.

Само название — «Сопелки (Турово тож)» — имеет интересный подтекст. Дело в том, что первым населенным пунктом вниз по Волге (по правому берегу) после Ярославля были Сопелки, затем следовал ряд деревень и сел, а на самой границе с Костромской губернией стояло Турово.⁴ Таким образом, здесь мы имеем дело с попыткой создания названия-символа путем использования реальных названий.

Следует добавить, что другой герой «Карпа Пантелеича...» владел «Вахрушовым обширным». Деревня Вахрушово находилась на дороге из Ярославля в Грешнево.⁵

Можно назвать немало произведений Некрасова, в которых описываются ярославские деревни и села, упоминаются их названия, запечатлены действительно происшедшие события, реальные ярославские пейзажи. Наиболее полно эта особенность некрасовской манеры отразилась в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Топография этой поэмы широко исследована в работах А. В. Попова, А. Ф. Тарасова, К. Ф. Яковлева, Н. К. Некрасова. Поэтому остановлюсь лишь на одном спорном вопросе — о селе Кузьминском в главе «Сельская ярмонка».

Первая версия о селе Кузьминском принадлежит А. В. Попову. В статье «Топография поэмы „Кому на Руси жить хорошо“»⁶ он высказал мнение, что под Кузьминским в поэме подразумевается реально существующее село Путятино. Его аргументация сводилась в сущности к тому, что и в Путятине были две церкви и постоянные лавки. На недостаточную обоснованность этого предположения указал К. Ф. Яковлев в своей работе «От конкретных фактов — к художественному обобщению».⁷ Он выдвинул в «прототипы» Кузьминского село Великое, хотя не очень на этом настаивал, был более склонен считать Кузьминское как бы обобщающим образом торговых сел.

Особенности села Кузьминского описываются поэтом детально и подробно:

Кузьминское богатое,
А пуше того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница
.....
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора...

(Н 2, 5, 29)

Из главы «Пьяная ночь» узнаем о том, что в Кузьминском была и станова я квартира:

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
— В Кузьминское скачу
За становым.

(Н 2, 5, 39)

⁴ Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1889 года. СПб., 1865. № 298, 305. — В дальнейшем — Список.

⁵ Там же. № 413.

⁶ Попов А. Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953. С. 147—170.

⁷ См.: О Некрасове. Ярославль, 1958. С. 239.

В черновых вариантах обилие деталей еще более распространено:

Кузьминское богатое
Торговое село,
В нем много даже каменных
Купеческих домов.
Две церкви в нем считаются —
Одна старообрядская
Другая православная, —
Больница и училище
И богадельня есть...
Да площадь с постоянными
Рядами...

(Н 2, 5, 272)

В сравнении с окончательным вариантом здесь есть указание на архитектуру села — «много даже каменных купеческих домов», указывается еще и наличие богадельни.

В черновых вариантах мы находим и иное название главы: «Базарный день» (Н 2, 5, 283). Впрочем, можно предположить, такое название было довольно устойчивым — в черновиках мы еще раз встречаем это сочетание:

Он попадался им
В Кузьминском в дни базарные.

(Н 2, 5, 285)

Сам Некрасов как бы приравнял сельскую ярмонку к базару. Это говорит о желании показать не большую, известную ярмарку, как в Великом или Большом Селе, а именно сельскую ярмонку, ярмарку-базар с товарами для ежедневных нужд.

Обилие деталей заставляет говорить не столько об истоке образа или прототипе, сколько об описании конкретного места. Совокупность перечисленных особенностей — две церкви, овраг, училище, фельдшерский пункт, постоянные лавки, квартира станového, большое количество каменных домов, богадельня — была присуща только одному селу в Ярославской губернии — Вятскому.

В указанной книге «Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года» сказано о Вятском так: «с. Вятское. При р. Ухтоме. Станов. кварт. Число дворов — 160. Число жителей м. п. — 302, ж. п. — 438. Церквей православных 2. Училище. Базары еженедельные».⁸

Более подробные сведения о Вятском сообщены К. Д. Головщиковым: «В с. Вятском две церкви постройки начала XVIII в., училище, две богадельни — Кокинская и Кундышево-Володинская, много каменных домов, торговые ряды...»⁹

Описывая ярмонку, поэт подчеркивает особенности, которые были присущи Вятскому. Сразу же выделяется довольно пространственный эпизод со «старообрядкой злющей». Вятское было одним из центров старообрядничества. К. Д. Головщиков, говоря о распространении раскола в Даниловском уезде, писал: «Наиболее заражены расколом приходы следующие: Вятский, в котором раскольников обоего пола 394 души; есть здесь и моленная...»¹⁰ » Кстати, именно старообрядцы спасли от ареста в 1874 году известного революционера Н. А. Морозова, который, занимаясь пропагандой, курсировал между Коптевым и Вятским, где в фельдшерском пункте работали Добровольский и Потоцкая, также занимавшиеся пропагандой.

Товары, которые продавались на ярмонке, —

Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры —

(Н 2, 5, 31)

⁸ Список. № 1185.

⁹ Головщиков К. Д. Город Данилов (Ярославская губерния) и его уезд. Ярославль, 1890. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 18.

были, конечно, на многих сельских базарах и ярмарках, но любопытно то, что почти все они производились или в Вятской волости, или в близлежащих и продавались в Вятском.¹¹

Короткие рассказы-эпизоды останавливают внимание на товарах, для Вятского наиболее характерных. Например, эпизод с мужиком, пробующим обод: потребность для Вятского и Вятской волости в ободах и бочках была весьма важной — вятские огурцы славились далеко за пределами Ярославской губернии. Или эпизод с мужиком, вывалившим воз деревянной посуды. Производством шаек, ушатов, корыт и т. п. занимались жители Ермаковской волости Даниловского уезда, сбывали они свои изделия в Данилов и в большие села, среди которых было и Вятское.¹²

Названия близлежащих к Вятскому деревень и сел также упоминаются в поэме. Километрах в пяти от Вятского находится деревня Клин.¹³ В Клину странники услышали рассказ Матрены Тимофеевны о своей доле. Первоначально местом заточения Савелия назван Данилов¹⁴ (а Вятское было становой квартирой 1-го стана Даниловского уезда):

Остановился дедушка.

— Что ж дальше?

— Дальше — дрянь!

[Кабак... допросы, следствия],

Потом острог в Данилове.

(Н 2, 5, 434—435)

Недалеко от Вятского, рядом с Шаховым и Давыдовым, известными читателям по «Деревенским новостям» и «Коробейникам», находилась небольшая деревня Кузьминское¹⁵ — возможно, ее название и подсказало название села в поэме.

Все это позволяет сделать вывод о том, что Кузьминское в сельской ярмонке это не обобщающий образ, а конкретное описание села Вятского.

Такого рода описания для Некрасова не редкость, они составляют целую группу: это и описания в поэме «Тишина», описание вида с Теряевой горки («Дедушка»), Абакумцевской церкви («Рыцарь на час»), села Угодич («Накануне светлого праздника»), Карабихи («Кому на Руси жить хорошо»).

В «Указателе географических и топографических названий, встречающихся в произведениях Некрасова» (Н 2, 10₂, 370—381), в заметке, предваряющей указатели, отмечено, что в географический указатель «включены только те названия, которым комментаторами издания найдены реальные соответствия в справочной литературе» (Н 2, 10₂, 295). Но вне «Указателя» остались имеющиеся и у Некрасова, и в справочной литературе такие названия, как Пьяново, Мишнево, Успенское, Кузьминское, Чистополье, Лысково, Праслово, Кузьмо-Демьянское,¹⁶ Босово.¹⁷

Анализируя перечень ярославских деревень и сел, упомянутых или описанных Некрасовым в поэтических произведениях, нетрудно сделать вывод о том, что наибольшее внимание его привлекали деревни и села, входящие в понятие «края родимого», родины — окрестности Грешнева или села, отличающиеся ярким своеобразием, как Угодичи или Великое.

Названия населенных мест Ярославской губернии, использованных поэтом, подразделяются как бы на две группы: это названия, имеющие в тексте значение символа (как Пьяново и Босово), и названия, имеющие значение для воссоздания повествовательной интонации или для создания основы реалистического рассказа (Ботово, Шахово, Давыдово и др.). Само их частое привлечение идет от народной традиции. Народ давал названия не только деревням, речкам, озерам, но даже тропки имели

¹¹ См.: Кустарные промыслы: Статистический сборник по Ярославской губернии. Ярославль, 1904. Вып. 14. С. 13, 14, 64, 103, 295, 369.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Список. № 1230.

¹⁴ Там же. С. 501.

¹⁵ Там же. № 1262.

¹⁶ Там же. № 380, 381, 501, 1262, 1594, 1825, 7274, 7724.

¹⁷ Деревня Босово находилась в километре от с. Большие Соли, в XIX в. относилась к Костромской губернии.

свои названия. Эта знаменательная народная потребность в метком слове отразилась в творчестве поэта широтой использования названий деревень, сел и отдельных мест: «Банники» («Псовая охота»), «Чертов овраг» («Кому на Руси жить хорошо»), «Качалов лесок» («Деревенские новости»).

Порою поэт брал вариант реального названия. Например, Большие Соли имели за свою историю несколько названий: Великая Соль, Соль Большая, Усольск. Е. Лаговской, автор книжки о Больших Солях, жителей Больших Солей постоянно называет «усольцами».¹⁸ Очевидно, отсюда возникли «усоловцы» и «Усолово» в поэме «Кому на Руси жить хорошо». При работе над образом Якима Нагого в одном из черновых вариантов Некрасов употребил название «Новоселово» (Н 2, 5, 299). Недалеко от Грешнева была деревня, которая называлась и Новоселово, и Новоселки.¹⁹ Реальное название могло измениться, отражая разговорную речь. Можно предположить, что в поэме «Коробейники» название «Труба» (Н 2, 4, 68) является разговорным названием деревни Трубниково,²⁰ находящейся недалеко от Грешнева.

Иногда поэт названием села или деревни именовал пустоши. Например, в стихотворении «Муж и жена» упомянута «пустошь Ивашева» (Н 2, 3, 210). В Ростовском уезде существовали две деревни с таким названием.²¹ Порою наоборот: название пустоши использовалось для названия села. В «Песнях о свободном слове», в песне «Осторожность» есть рассказ о «селе Остожье» (Н 2, 2, 225). Села или деревни с таким названием ни в Ярославской, ни в Костромской губерниях не было, но недалеко от Грешнева была пустошь, которая называлась Остожье.²²

Названия деревень и сел нередко соотносились с фамилиями их жителей, что также отражено поэтом. Приведем несколько фамилий, встречающихся в поэме «Кому на Руси жить хорошо» и имеющих параллели с названиями населенных пунктов, находящихся в окрестностях Грешнева (то есть в 1-м стане Даниловского уезда и в 1-м стане Ярославского уезда): Губины (Н 2, 5, 5 и далее) — деревня Губино²³ на Волге; Корчагина (Н 2, 5, 119) — Корчагино²⁴ — деревня рядом с дорогой из Вятского в Данилов; Овсянников (Н 2, 5, 218) — Овсянники²⁵ — деревня на Волге, рядом с Рыбницами. Список этот можно продолжить, почти все фамилии в поэме имеют в основе реальное название деревни или села. Любопытно, что такие фамилии, как Овсянниковы и Кокорины (Н 2, 5, 374), существовали и сейчас существуют в Больших Солях.

Говоря о фамилиях, которые встречаются в прозаических произведениях Некрасова, следует заметить, что и здесь использовался тот же прием. Среди фамилий помимо нейтральных и символических выделяется довольно большая группа фамилий необычных, но и не имеющих какого-то явного смыслового значения: Щипцов, Зорин, Мирятевы («Макар Осипович Случайный»); Чудов, Кадушкин («Двадцать пять рублей»); Воробины («Жизнь Александры Ивановны»); Черницкий, Радова, Хламиденко («Опытная женщина»); Супонев («Помещик двадцати трех душ»); Хлыстов, Зубков, Задорин, Крикунов («Очерки литературной жизни»); Блинов, Фарафонов («Как опасно предаваться честолюбивым снам»); Варахобин, Закобякин, Свистунов, Торопов, Сурков, Лыкошин («Тонкий человек»); Хвоцовский, Окатов, Ласуков, Понизовкин, Душников, Шапилова, Шатихин, Заверотов, Котлов («Три страны света»); Дубровина, Зюзины, Сывороткина («Мертвое озеро»), и др.

Употребление их носило характер скрытого значения, понятного немногим. «У людей, которые часто сходятся, всегда есть слова, которым придан особенный, условный смысл, непонятный постороннему», — сказано в «Трех странах света». В основе всех перечисленных фамилий — названия деревень и сел Ярославской

¹⁸ Лаговский Е. Описание Больших Солей. М., 1860.

¹⁹ Список. № 416; Крылов А. Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль, 1861. С. 15. — Здесь деревня именуется Новоселово.

²⁰ Список. № 1163.

²¹ Там же. № 7233, 7574.

²² Государственный архив Ярославской области (ГЯАО), ф. 455, оп. 1, ед. хр. 9203. Межевая книга дачи Пустоши Сухтинского, Остожья.

²³ Список. № 299.

²⁴ Там же. № 1377.

²⁵ Там же. № 1125.

губернии: Щипцово, Зорино, Мирятино, Чудиново, Кадниково, Воробино, Черницыно, Радово, Фарафонтново, Варахобино, Закобякино, Свистуново, Торопово, Сурково, Шатино, Заворотково, Котлово, Дубровино, Сывороткино,²⁶ Супонево,²⁷ Зюзино.²⁸

В основном эти деревни принадлежали к Ярославскому и Даниловскому уездам, то есть являлись окрестностями Грешнева. Но такие деревни и села, как Радово, Закобякино, Зорино, Понизовка, Хлестово, находились недалеко от деревни Некрасово²⁹ Любимского уезда. Была деревня Некрасово³⁰ и в Ярославском уезде на самой границе с Романово-Борисоглебским, к которому принадлежали деревни Варахобино, Фарафонтново, Блиново, Шатино, Дубровино, Сывороткино. Возможно, их употребление связано с семейным преданием Некрасовых о поместьях, некогда им принадлежавших.

С названиями деревень и сел связаны и некоторые псевдонимы Некрасова: Пружинино — Пружинино,³¹ Бухалов — Бухалово,³² Сычовкин — Сычово.³³ Можно предположить, что псевдоним «У-кий (Угличский) старожил» вызван тем, что четвертая деревня с названием Некрасово³⁴ была в Угличском уезде, в котором также находились деревни с названиями, использованными Некрасовым, — Зубково и Шипилово.

В плане музейной работы тема «Ярославские деревни и села в творчестве Н. А. Некрасова» представляется одной из центральных тем в музейной экспозиции. Одно из основных направлений поэзии Некрасова — изображение русской деревни. Напряженные и трагические ситуации, радость и горе человека предстают в произведениях поэта в большинстве случаев в деревне или селе. Истоком образов безусловно служило ближайшее окружение — поволжские деревни и села, даниловские и костромские места.

При работе над этой темой следует уделить большое внимание различиям в сельской архитектуре, которые и определяли облик деревни или села, а также экспонированию предметов народного быта — тем вещам, которые являлись спутниками некрасовских героев, входили в круг их жизни. Немаловажную роль играет само местонахождение такой экспозиции. Казалось бы, в Ярославской области это не должно быть проблемой, но положение с некрасовскими местами продолжает оставаться странным. Например, во Владимирской области создается музей в Алешунине, хотя его значение меньше значения Макарова или Вятского. Между тем в последних музеях нет. Мнение, что у нас некрасовских мест много и если одно из них исчезнет — не беда, заслоняет то, что каждое из них имеет ценность само по себе. Уже полностью утрачен пейзаж некрасовской поры. Исчезли многие населенные пункты некрасовских мест, в том числе и те, названия которых употреблены в произведениях поэта. Изменились и продолжают изменяться сохранившиеся.

Однако в связи с предложением Некрасовского комитета о создании музея-заповедника Некрасова с несколькими филиалами есть надежда, что тема «Ярославские деревни и села в творчестве Некрасова» может быть реализована. Большие возможности для нее открыл бы филиал в Макарове, где сохранился дом егеря Некрасова. В этом доме поэт бывал почти так же часто, как в Карабихе, сохранились некоторые

²⁶ Там же. № 152, 159 (Щипцово); 247 (Воробино); 839 (Чудиново); 1951 (Хламотино); 2130, 2399, 5842, 6527, 6980 (Черницыно); 2477 (Зорино); 2601 (Радово); 8483 (Мирятино); 2563 (Хлестово); 7632, 9272 (Зубково); 1440 (Задорино); 4884 (Криково); 6505 (Блиново); 6771 (Фарафонтново); 6151 (Варахобино); 2517 (Закобякино); 1953 (Свистуново); 1642 (Торопово); 1992 (Сурково); 1192 (Ласуковка); 2657 (Понизовка); 782 (Душилово); 4332, 9505 (Шипилово); 5717, 8105 (Шатино); 1872 (Заворотково); 127, 8563 (Котлово); 5912 (Дубровино); 6215 (Сывороткино).

²⁷ В окрестностях Грешнева находилась пустошь Супонево (ГАЯО, ф. 455, оп. 1, ед. хр. 9161).

²⁸ Список. № 7737. Зюзины — фамилия соседей Некрасовых. См. «Межевой план пустоши Пенья владения девицы Варвары Алексеевны Зюзиной» (ГАЯО, ф. 455, оп. 2, ед. хр. 6257).

²⁹ Эта деревня находилась во втором стане Любимского уезда (см.: Список. № 2547). В этом же уезде, в первом стане, была и вторая деревня с названием «Некрасово» (см.: Список. № 2333).

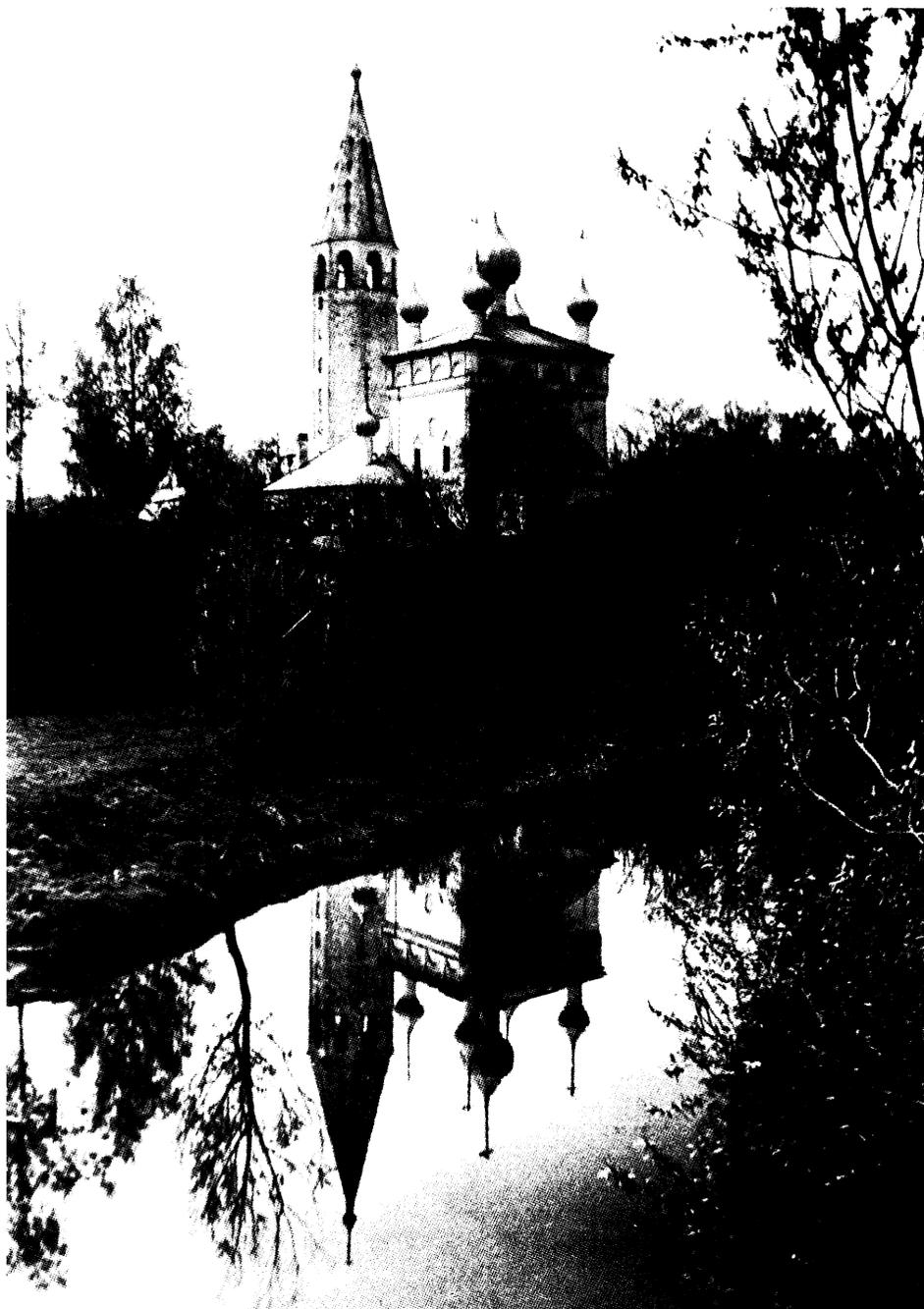
³⁰ Список. № 580.

³¹ Наблюдение Н. Н. Пайкова. Село Пружинино относилось к Нерехотскому уезду Костромской губернии, ныне выходит в состав Ярославской области.

³² Список. № 1448.

³³ Там же. № 2562.

³⁴ Там же. № 9220.

1. Село Вятское. Воскресенская церковь. 1750 г.

Фото С. В. Смирнова.

2. Деревня Турово.
Фото С. В. Смирнова.

3. Деревня Вахрушово.
Фото С. В. Смирнова.

4. Деревня Пьяново.
Фото С. В. Смирнова.

вещи, которые бытовали в его время, и такие разделы, как «Охотничьи места Н. А. Некрасова» или «Охота в жизни Н. А. Некрасова», там были бы вполне уместны. Филиал же «Сельская ярмонка» в Вятском мог бы занять ведущую роль в этой теме. Кстати, создание в Вятском музея способствовало бы сохранению этого уникального села-заповедника сельской каменной архитектуры XVIII—XIX веков.

Странность существующего положения дел состоит в том, что забывается значение Грешнева и его окрестностей. Есть все основания предположить, что в ближайшее время исчезнут последние следы старого Грешнева, превратятся в руины разрушенные церкви окрестных сел, составлявших и определявших пейзаж. Кстати, ни один поэт не посвятил русскому сельскому храму таких проникновенных и высоких строк, как Н. А. Некрасов. Можно сожалеть по поводу вандализма, который имел место в Николо-Бабаевском монастыре, Больших Солях, Спасе на Витале, Шахове, Печелках, Успенском, Угодичах и т. д., но вряд ли стоит рассчитывать на производство там реставрационных работ, на восстановление самого Грешнева. Поэтому сбережение сохранившихся сел и деревень некрасовских мест — вопрос весьма злободневный, и его решение во многом бы определило создание государственного музея в Грешневе.

И. В. Ваганова

К. Ф. НЕКРАСОВ И ЕГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, существовавшее в 1911—1916 годах, оставило яркий след в русской культуре начала XX века. Сотрудничество в издательстве таких поэтов и писателей, как Александр Блок, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Алексей Толстой, Андрей Белый, Михаил Кузмин, Федор Сологуб, Борис Зайцев, Павел Муратов и многих других крупных художников Серебряного века отечественной культуры, позволяет рассматривать деятельность этого издательства как отражение русского литературного процесса начала XX века.

Архив книгоиздательства К. Ф. Некрасова, представленный главным образом письмами поэтов, писателей, художников, литературных критиков, мало исследован. Настоящая статья написана на основе архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Ярославской области, РГАЛИ и РНБ и ранее не публиковавшихся.

Константин Федорович Некрасов — племянник поэта Николая Алексеевича Некрасова. Он родился в 1873 году в усадьбе Карабиха Ярославского уезда, где жила семья младшего брата Николая Алексеевича — Федора Алексеевича. Мать Константина Федоровича — Наталья Павловна (урожденная Александрова) — была второй женой Федора Алексеевича. Наталья Павловна была в хороших дружеских отношениях с Н. А. Некрасовым и оставила интересные воспоминания о своих встречах с поэтом в Карабихе и Петербурге, куда она приезжала к нему со своим мужем.¹

Константин Федорович окончил 2-й Московский кадетский корпус, но военная карьера его прервалась по причине болезни. С 18 лет Константин Федорович жил в Карабихе, сначала лечился, потом стал заниматься сельским хозяйством, помогая отцу. Замкнутая жизнь в Карабихе тяготила его, и после ссоры с отцом он стал искать службу. Константин Федорович (в это время ему был 21 год) принял предложение уездного предводителя дворянства и поступил земским начальником в самый глухой и отдаленный в Ярославской губернии Пошехонский уезд. Через три года его перевели в Ярославский уезд, а затем в Ярославль. Некрасова избирают гласным уездного и губернского земств и Ярославской городской думы. Получив по службе циркуляр губернатора, воспрещающий крестьянам обсуждать общие вопросы, он разъяснил волостным старшинам, что циркуляр губернатора не может отменить высочайший рескрипт, которым дано право «всем обсуждать свои виды и нужды» для представления правительству, и что новый документ касается только нелегальных сборищ, а не законно собранных сходов. Это разъяснение у волостных старшин отобрали, а Константину Федоровичу предложили выйти в отставку. Он отклонил это предложение, но по настоянию министра внутренних дел В. К. Плеве Некрасов все же был отстранен губернатором от занимаемой должности и уволен «по третьему пункту», то есть без права занимать в дальнейшем государственные и общественные должности.

Во время русско-японской войны К. Ф. Некрасов был избран руководителем ярославского отряда Красного креста, посланного губернским земством на Дальний Восток, но он отказался от этого поручения.

Яркой страницей в жизни Константина Федоровича Некрасова было его участие в I Государственной думе, куда он был избран как деятельный член местного отдела

¹ Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам. М., 1979. С. 79—82.

партии «Народная свобода» от города Ярославля. Примыкая к прогрессивному крылу Думы, Некрасов сблизился с депутатом-ярославцем, одним из организаторов партии «Народная свобода» и «Союза освобождения», Дмитрием Ивановичем Шаховским, который был избран секретарем I Государственной думы. Шаховской оказал немалое влияние на становление взглядов Некрасова в тот период.

Выжидательное и неуверенное настроение, навеянное слухами о разгоне или роспуске Думы, не позволяло Некрасову приезжать в Ярославль. Письма, написанные Константином Федоровичем из Петербурга в Ярославль Дружинину Николаю Петровичу,² не только интересны по содержанию — в них описание заседаний Думы, размышления о политической жизни России, литературные зарисовки депутатов Думы и министров, — но и замечательны с литературной точки зрения.

8 июля 1906 года высочайшим указом Дума была распущена, и на следующий день около 200 ее депутатов выехали в Выборг, где провели совещание, закончившееся составлением воззвания «Народу от народных представителей». Среди 169 бывших депутатов Думы, подписавших воззвание, призывающее не платить налоги и не давать солдат в армию до тех пор, пока не будет издан закон о наделении землей трудящегося крестьянства, были и князь Шаховской, и дворянин Некрасов. И, так же как и другие участники «Выборгского воззвания», они были приговорены С.-Петербургской судебной палатой к трехмесячному тюремному заключению (приговор был вынесен в конце 1907 года), которое отбывали в Ярославле летом 1908 года.

Тюремное заключение Некрасов переносил бодро, главным занятием в тюрьме, по его словам, было чтение. Его письма полны юмора и проектов на будущее. Именно в этот период Константин Федорович впервые задумывается о просветительской и издательской деятельности. Своими неясными и быстро меняющимися планами он делится с Дмитрием Ивановичем Шаховским и Николаем Петровичем Дружининым, будущим редактором своей газеты. Не помышляя еще серьезно браться за издательское дело, К. Ф. Некрасов предполагает издавать «Описания Ярославской губернии», нечто вроде календарей, в которых можно было бы охватить все стороны жизни. Затем замысел меняется, и Некрасов задумывает книгу «Примечательные люди Ярославской губернии» и в конце концов останавливается на «Ярославском сборнике» (подобные сборники издавались в Ярославле в середине XIX века). К. Ф. Некрасов намечает его примерную тематику: 1-й раздел — поэзия и беллетристика; 2-й раздел — биографии и некрологи; 3-й раздел — история и археология; 4-й раздел — общественные вопросы и местная жизнь. Сборник так и остался в проектах, на которые Некрасов, по его же собственным словам, был «горазд». Однако этот замысел во многом предопределяет основные направления издательской деятельности, которой Некрасов займется спустя три года.

После тюремного заключения Константин Федорович Некрасов принимается за издание ежедневной газеты «Голос». Программа издания газеты была представлена ярославскому губернатору 18 января 1909 года, и с первых дней выхода она становится самой демократичной и популярной в Ярославском крае. Газета, редакторами которой в различные периоды были Н. П. Дружинин, С. Н. Надеждин, Ф. Л. Анисимов, С. С. Каныгин, часто подвергалась административным взысканиям и штрафам. Начиная с 1912 года для «Голоса» писали и многие авторы книгоиздательства К. Ф. Некрасова. В. Я. Брюсов, отправляясь на войну, в июле 1914 года сообщал Константину Федоровичу: «К сожалению, мой отъезд на театр военных действий (как и отъезд всех корреспондентов всех русских газет) замедлился. Генеральный штаб пока не дает нам разрешения. Если мне удастся уехать (во что я, конечно, верю), я буду корреспондировать в три газеты: в „Русские ведомости“, в Ваш „Голос“ и в „Сибирь“ (Иркутск)».³

² Дружинин Николай Петрович (1858—1941) — юрист, журналист, историк. Учился в Петербургском университете, в Оксфордском колледже; в 1900 году приехал в Ярославль, работал в газете «Северный край», выступал за бесцензурную печать. С 1909 года — редактор газеты «Голос», издаваемой К. Ф. Некрасовым. Письма К. Ф. Некрасова к Н. П. Дружинину хранятся в РНБ (ф. 266, оп. 1, ед. хр. 431).

³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 952, оп. 1, д. 49, л. 10. — Письмо опубликовано (с неточностью) в кн.: Позывные сердца: (Сборник литературно-критических статей). Ярославль, 1969. С. 326.

В 1909 году К. Ф. Некрасов и Н. П. Дружинин начинают издавать приложение к «Голосу» — еженедельный иллюстрированный журнал «Ярославские зарницы», где наряду с краеведческими материалами печатаются и литературные: стихи, рассказы, повести современных авторов, воспоминания о писателях и поэтах.

В 1911 году Константин Федорович Некрасов занялся книгоиздательской деятельностью. Контора издательства находилась в Москве, а типография располагалась в Ярославле. Свой склад издательство имело также и в Петербурге.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова в известной мере формировало свою программу под влиянием писателей, поэтов, художников, философов различных литературных течений, школ и группировок, однако в целом отражало демократический пласт модернизма. Коммерческий аспект не был главным в издательской деятельности К. Ф. Некрасова, ее основным моментом являлось стремление к просветительству, что в значительной степени определило основные направления, круг сотрудников и участников. Издательство имело такие отделы, как «Переводная художественная литература», «Русская классика», «Современная русская литература», «Историческая литература», «Памятники Возрождения», «Памятники древнерусской живописи», «Биографическая библиотека», а также выпускало серию лубочных изданий, в которую входили лучшие произведения русской и зарубежной литературы (например, сказки А. С. Пушкина, «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, рассказы Л. Н. Толстого, старая французская сказка «Окассен и Николет», русские народные сказки).

1911—1913 годы — период фактического становления издательства. Первыми книгами, выпшедшими в конце 1911 года, были «Ватек» Бекфорда в переводе Бориса Зайцева со вступительной статьей Павла Муратова и «Ваятель масок» Ф. Кроммелинка в переводе Константина Бальмонта (впервые перевод был напечатан в 1909 году в майском номере журнала «Весы»). Наибольшее влияние в первые годы на формирование программы издательства оказывал Валерий Яковлевич Брюсов. В доме Брюсова Константин Федорович знакомится со многими литераторами, он указывает ему хороших переводчиков, сообщает адреса интересующих издателя поэтов и писателей, составляет списки французских, английских, немецких поэтов, на которых стоит обратить внимание, называет русских поэтов и писателей прошлого, достойных переиздания: «Что до редактирования сочинений Вас. Л. Пушкина, то прежде всего я не советовал бы Вам издавать его сочинения. Они весьма скучны (кроме одного «Опасного соседа») и существуют в приличном (не по внешности) издании „Севера“. Лучше, кажется мне, избрать кого-либо из поэтов „Пушкинской плеяды“, например Веневитинова.

Сочинения Батюшкова также существуют в общедоступном академическом (или что-то вроде) издании, но я надеюсь, что Н. О. Лернер внесет в текст новые поправки и тем придаст значение Вашему изданию.

Во всяком случае, о задуманной Вами „Библиотеке старых русских поэтов“, стихи которых следовало бы „вернуть“ читателям, стоит подумать и поговорить. Наиболее заслуживал бы этого кн. П. А. Вяземский, но, по-видимому, его наследники (гр. Шереметьевы) вряд ли уступят свои права кому бы то ни было».⁴

К. Ф. Некрасов задумал «Библиотеку XVIII века», и Брюсовым для этой серии была подготовлена книга «Французские лирики XVIII века». Перевод стихов был сделан И. М. Брюсовой, самому же Брюсову принадлежали редактирование и вступительная статья.

Одной из значительных работ издательства в серии литературного наследия является собрание сочинений К. К. Павловой. Редакция, предисловие и материалы для биографии были подготовлены В. Брюсовым. В двухтомное собрание сочинений поэтессы (как замечал Брюсов, «незаслуженно забытой читателями») были включены все лирические стихотворения и поэмы, роман в прозе и стихах «Двойная жизнь», прозаические статьи. Когда издание было готово, возникли сложности с наследником К. К. Павловой. Так, Н. С. Ашукин, работавший в тот период секретарем издательства, писал Некрасову из Москвы в Ярославль 26 июня 1915 года: «Дело с „Павловой“ обстоит, кажется, очень печально. Ее внук, законный, делал в 1903 году объявление, заявляя о своих правах. Право на издание сочинений Павловой он продал Суворину.

⁴ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 49, л. 5.

Все эти сведения получены от некоего Языкова, хорошо знающего Павлова. Через два дня Вам об этом напишет Брюсов. Я говорил с ним по телефону, и он сказал мне, что обдумывает все положение вещей. Ужасно неприятно, если все это правда! Неужели пропадет издание?»⁵

Задуманное в 1912 году издание вышло в свет осенью 1915 года.

Важным событием как для поэта, так и для издательства явился выход в 1916 году новой книги стихов В. Брюсова «Семь цветов радуги». Брюсов сам настоял, чтобы этот сборник вышел в издательстве К. Ф. Некрасова. Когда сборник «Семь цветов радуги» был отпечатан, книгу арестовали: Брюсову инкриминировалось одно стихотворение (а именно стихотворение «Запах любимого тела»). Поэт был в отчаянье, и только после значительных усилий Брюсова и сотрудников издательства, в особенности А. М. Кожебаткина и Н. С. Ашукина, а также после замены инкриминируемого стихотворения и типографской перепечатки страницы книга, в которую вошли стихи поэта 1912—1915 годов, появилась в продаже.

Осенью 1911 года Брюсов по просьбе Некрасова обращается к К. Д. Бальмонту с предложением сотрудничать в новом издательстве. В октябре 1911 года Константин Федорович пишет Бальмонту, жившему в это время в Париже, о желании издать перевод «Белого Дьявола» Вебстера. Бальмонт собирается ехать в Индию и Австралию и рекомендует Некрасову в качестве переводчика своего друга — поэта Ю. К. Балтрушайтиса. Он посылает в ярославское издательство перевод драмы Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» и предлагает драму Ф. Кроммелинка «Ваятель масок», которая и стала одной из первых книг, вышедших в новом издательстве.

В письмах начала 1912 года Бальмонт называет заочное знакомство с Некрасовым одной из немногих радостей, «посланных» ему перед отъездом из Парижа, и не прерывает переписки с издателем и во время путешествия. В феврале 1912 года, передвигаясь вдоль берегов Атлантики, он писал ему: «В Ярославле я был всего несколько месяцев. Город интересный, но мрачный. Моя мать родом из Ярославля. А Вы не родственник Н. А. Некрасова?»⁶

В 1913 году, вернувшись из путешествия и снова собираясь в Париж, поэт жалуется Некрасову: «Смутно мне в России. И горестно. Больше боли, чем радости».⁷

К. Бальмонт был связан с издательством К. Ф. Некрасова в течение пяти лет. Летом 1915 года он обращается к Некрасову с предложением издать свой новый сборник стихов «Ясень. Видение древа». В июле 1915 года он пишет ему: «В успехе книги я уверен. А так как она является завершительным звеном длинной цепи, возникшей ровно 25 лет тому назад в Ярославле, считаю то, что Вы издадите „Ясень“, таинственным и предназначенным».⁸

Говоря о «таинственном и предназначенном», Бальмонт имел в виду свою первую книгу «Сборник стихотворений», вышедшую в Ярославле в 1890 году, когда после исключения из Московского университета за участие в студенческих беспорядках он учился в Ярославле в Демидовском юридическом лицее.

Осенью 1912 года в издательство К. Ф. Некрасова обращается А. Н. Толстой. Он решает разорвать контракт с «Шиповником» и просит в этом помочь Некрасова, так как хочет его видеть своим издателем. В письмах к Некрасову он советует обратить внимание на И. Эренбурга, у которого к этому времени вышли три поэтических сборника, и Н. Клюева. В октябре 1912 года Толстой писал: «Дорогой Константин Федорович, вчера и сегодня я слушал поэта Н. А. Клюева. Его стихи более чем талантливо. Есть вещи по высоте и выражению вдохновенные, нельзя их слушать без волнения. Он простой крестьянин. Две его книжки уже разошлись, теперь он приготовил третью книжку, что все вместе составит томик божественных стихов. Если бы Вы взялись издавать Клюева (...)». И в конце письма Толстой добавляет: «Клюев совершенно необыкновенный человек, черт знает какие сокровища есть у нас...»⁹

⁵ Там же, д. 18, л. 8—9.

⁶ Там же, д. 25, л. 2.

⁷ Там же, д. 26, л. 1.

⁸ Там же, д. 27, л. 6.

⁹ А. Н. Толстой. Письма разных лет / Публ. и коммент. А. Хайлова // Вопросы литературы. 1983. № 1. С. 122—123. — Опубликовано частично в кн.: Баранов В. Революция и судьба художника: (А. Толстой и его путь к социалистическому реализму). М., 1967. С. 80.

В книгоиздательстве К. Ф. Некрасова вышли две книги Н. Клюева — «Сосен перезвон» (1912) и «Лесные были» (1913). О последней Некрасов писал в январе 1913 года Михаилу Кузмину: «Посылаю Вам книжку этого удивительного Клюева. Должен сознаться — половину ее я знаю наизусть».¹⁰

В конце 1913 года Н. А. Клюев обращается в издательство Некрасова самостоятельно: «Мне предлагают переиздать мою новую книгу „Братские песни“. Но мне очень хотелось бы, чтобы все мои песни издавали Вы — как-то приятно и внушительно, если на всех книгах стоит одно книгоиздательство (...) Будет очень мне жалко, что по бедности своей я должен продать кому-либо другому, но поверьте, что Вы окажете мне насущную помощь, купив книгу, так как заработков по нашим местам сейчас нет, хлеба не выросло, к тому же мать и отец у меня больны и стары, а жить, пить—есть надо, а кормильцев один я».¹¹

В августе 1915 года Н. А. Клюев предлагает Некрасову издать песни о войне, первое издание которых имело большой успех.

Интересной страницей в истории издательства К. Ф. Некрасова являются его отношения с Андреем Белым.¹²

Роман А. Белого «Петербург» был отвергнут журналом «Русская мысль». О разрыве между Белым и П. Б. Струве, редактором журнала, Некрасову сообщил С. А. Соколов, владелец издательства «Гриф», но на решение Некрасова выкупить роман у Белого, вернее всего, повлиял В. Я. Брюсов, фактический хозяин «Русской мысли» в Москве, высоко оценивший новый роман Андрея Белого. Белый передает Некрасову первые пять глав романа и уезжает с А. Тургеневой в Брюссель. Весной 1912 года, вскоре после отъезда из России, он встречается с Рудольфом Штейнером, учением которого серьезно увлекается и под влиянием которого значительно перерабатывает не только последние главы романа, но и оставленные у Некрасова. К началу 1913 года в ярославской типографии было отпечатано 9 листов (2 главы) романа, но Белый, обещая издателю в каждом письме вот-вот завершить роман, значительно задерживает остальные главы рукописи.

К ноябрю 1912 года в Петербурге открылось новое издательство «Сирин», владельцем которого был М. И. Терещенко, миллионер и меценат. С Терещенко и его семьей был близок Александр Блок, и через него велись переговоры об издании романа А. Белого в «Сирине». Терещенко предлагает еще более выгодные условия, и рукопись выкупается у Некрасова, который не был доволен таким поворотом событий, но уступил, понимая значимость издания этого романа для Белого.

К 1912 году относится знакомство К. Ф. Некрасова с В. Ф. Ходасевичем, предложившим издать свой перевод исторической повести Зигмунда Красинского «Агай-Хан». Некрасов соглашается на издание Полного собрания сочинений З. Красинского, и в феврале 1913 года было запланировано начать печатать трехтомник. Перевод был готов, но издание не состоялось. В 1912 году Некрасов задумывает альманах «Старые усадьбы», для которого Ходасевичем присылаются в Ярославль два стихотворения: «Жеманницы былых веков» и «Века, протекшие над миром».

Для того же альманаха предназначал стихотворный цикл «Бисерные кошельки» и рассказ «Набег на Барсуковку» Михаил Кузмин.

Впервые издатель обращается к М. А. Кузмину весной 1912 года с предложением издать его перевод «Фиаметты» Бокаччио. Но перевод был продан владельцу издательства «Шиповник» З. И. Гржебину, а последним, в связи с долгами типографии, продан владельцу издательства «Сатирикон» М. Г. Корнфельду, не пожелавшему уступить издание К. Ф. Некрасову. По предложению Константина Федоровича Кузмин начинает переводить сказку К. Гоцци «Король-Олень», вступление должен был писать П. П. Муратов. Как следует из писем М. Кузмина, последним обстоятельством он был особенно доволен: вероятно, помнил о том, что

¹⁰ РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 311, л. 4.

¹¹ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, л. 129, л. 13. — Письма Н. А. Клюева к К. Ф. Некрасову упоминаются и частично цитируются К. М. Азадовским. См.: Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 511; см.: Азадовский К. Н. Клюев. Путь поэта. Л., 1990.

¹² Историю издания романа А. Белого «Петербург» см.: Долгополов Л. Роман А. Белого «Петербург» / Белый А. Петербург. М., 1981. С. 557—571.

Муратов в предисловии к своей книге «Образы Италии» отмечал удивительно проникновенное изображение христианского Рима у Кузмина.

Кузмин и Некрасов собирались также издать переводы Мариво; по этому поводу Брюсов писал 13 марта 1912 года в Ярославль: «Не вспомню сейчас, поминал ли я среди писателей XVIII века, с которыми следовало бы ознакомить русских читателей, Мариво. Если я его забыл, очень рекомендую включить его имя в список, и опять-таки переводчиком могу рекомендовать лишь Кузмина, прославлявшего в стихах „Мариво — капризное перо”».¹³

Задуманный К. Ф. Некрасовым альманах «Старые усадьбы» издан не был, и это обстоятельство болезненно сказалось на отношениях с издательством Федора Сологуба, который подготовил для альманаха рассказ «Барышня Лиза». Вопреки своим обещаниям Сологуб доставил его в издательство не в октябре 1912 года, а в сентябре 1913 года. В свое оправдание Сологуб писал Некрасову: «Моя манера бесконечно переделывать каждую страницу каждой моей работы часто ставит меня в такое положение. Над этой маленькой повестью я просидел дольше, чем иной провел бы над двумя романами. Это — позднекарамзинская повесть. Время действия — около 1830 года, стиль несколько более ранний, но намеренно не строго выдержанный».¹⁴

Меньше чем через месяц Сологуб узнает из письма К. Ф. Некрасова А. Н. Чеботаревской, которая много переводила для этого издательства, что альманаха не будет и что издатель не знает, что делать с его «Барышнею Лизою». Сологуб пишет разгневанное письмо Константину Федоровичу с требованием немедленно вернуть рукопись. Тем не менее Сологуб продолжал сотрудничать с издательством, занимаясь переводами Клейста, Штатбриана, Вольтера.

По-разному была воспринята вышедшая в издательстве К. Ф. Некрасова в 1916 году книга «Стихотворения Аполлона Григорьева», подготовленная Александром Блоком. В декабре 1915 года Блок писал Некрасову: «Мне кажется, книга пойдет, судя по отзывам; мне-то, впрочем, критики моей статьи не простят; а Григорьев, по своему поэтическому калибру, рано или поздно займет место рядом с Фетом и Полонским независимо от всякой критики, как часто в России бывает, слава Богу; и мы с Вами до некоторой степени этому способствовали, хочу верить этому».¹⁵

Критики действительно высказывали замечания в адрес Блока-биографа, не все соглашались и с тем, что необходимо переиздавать забытого поэта. Однако о своевременности издания можно судить по тому факту, что наряду с Блоком наследие А. Григорьева готовили В. Княжнин и В. Чешихин, обращавшиеся в издательство К. Ф. Некрасова и настаивавшие каждый на своем труде. В конце 1915 года Некрасовым была издана книга «Аполлон Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества» с послесловием и примечаниями П. С. Сухотина.

К 1912 году относится знакомство К. Ф. Некрасова с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. Издатель обратился к Мережковскому с предложением издать его роман «Александр I». Но роман был продан издательству «Товарищество М. О. Вольф». Летом 1912 года велись переговоры относительно переиздания Полного собрания сочинений З. Гиппиус. В 1915 году Д. С. Мережковский вновь обращается в издательство К. Ф. Некрасова и предлагает свои античные трагедии и драму «Будет радость», которая в тот период шла в театре у Станиславского. «Мне Ваши издания очень нравятся. И я очень жалею, что мне до сих пор не удалось издать книг у Вас»,¹⁶ — писал Мережковский Некрасову в конце осени 1915 года. Но к этому времени издательство испытывало трудности и с бумагой, и с сотрудниками, многие из которых были призваны на войну, и Некрасов все чаще думает о сокращении издательского дела.

В конце 1914 года в издательство обратился И. А. Бунин, собиравшийся покинуть «Книгоиздательство писателей»: «Я мог бы предложить Вам для издания некоторые свои вещи, как новые, так и прежние, уже разошедшиеся»,¹⁷ — писал Бунин Некрасову.

¹³ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 47, л. 11.

¹⁴ Там же, д. 251, л. 6.

¹⁵ «В свою работу я верю...»: Письма А. Блока к издателю К. Ф. Некрасову / Публ. С. Лесневского, примеч. Н. Ильина // День поэзии. 1972. М., 1972. С. 278—279.

¹⁶ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 169, л. 2.

¹⁷ Ярославский музей-заповедник (ЯрМЗ), ф. 15710, ед. хр. 155, л. 1.

К. Ф. Некрасов был готов издать новую книгу рассказов Бунина, но по разным причинам этот замысел не осуществился.

Особые отношения были у издательства с Б. К. Зайцевым и П. П. Муратовым. Как уже упоминалось, первая книга, вышедшая из ярославской типографии, была подготовлена при их участии. Зайцев и Муратов оставались верны издательству до последних дней его существования. Их сотрудничество с К. Ф. Некрасовым с полным правом можно назвать совместным поиском общего дела. Это был круг единомышленников, которых объединяла и личная дружба. Зайцев и Муратов переводили для издательства, редактировали многие переводы других авторов, издавали свои книги. В 1914 году вышли книга рассказов Б. Зайцева «Изгнание», высоко оцененная критикой, и роман «Дальний край» (который, прежде чем попасть в продажу, попал под арест). Для издательства К. Ф. Некрасова Зайцев переводил «Воспоминания...» Казановы и «Божественную комедию» Данте, к последней Муратов должен был писать вступление и пояснительные статьи. Переводы не успели выйти в издательстве Некрасова: они были отложены до окончания войны, на которую Муратов был призван осенью 1914 года, а Зайцев — в конце лета 1916 года.

Активными сотрудниками издательства стали рекомендованные Некрасову Борисом Зайцевым П. С. Сухотин (книга стихов «Полынь») и И. А. Новиков, друг Зайцева, выпустивший в издательстве К. Ф. Некрасова в 1915—1916 годах самые значительные свои произведения: «Между двух зорь» («Дом Орембовских»), «Из жизни духа» и «Золотые кресты».

Мысль направить Новикова со своими романами, которые критика обвиняла в публицистичности, к Некрасову пришла в голову Муратову, и относительно этого Зайцев в письме Новикову от 3 февраля 1914 года заметил: «Поистине Паше пришла счастливая мысль!»¹⁸ Но именно Муратов, одобряя идею закрытия в 1916 году издательства К. Ф. Некрасова и называя издаваемые им книги ненужными «ни Богу, ни людям», в первую очередь назовет романы И. Новикова.

Исключительная роль в деятельности издательства принадлежала Павлу Павловичу Муратову. Тонкий и глубокий знаток древнерусского и античного искусства, эпохи Возрождения, он оказывал решающее влияние не только на формирование программы издательства К. Ф. Некрасова, но и на взгляды и увлечения самого издателя. Особенно наглядно проявляется это с лета 1913 года.

В 1912 году Муратов, путешествуя по Италии, готовит для издательства Некрасова альманах в трех томах «Новеллы итальянского Возрождения». Альманах вышел в двух томах с обстоятельной вступительной статьей Муратова и положил начало серии искусствоведческих и литературоведческих работ с экскурсами в глубокое прошлое, изданных К. Ф. Некрасовым. Весной 1912 года Муратов писал из Италии Некрасову: «Очень рад, что статьи мои Вам нравятся. Если мы с Вами будем продолжать нашу деятельность, давайте издадим через год-два сборник небольших статей по литературе. Кроме Бекфорда и Нерваля я хочу написать еще о Патере, о Гоцци (подробнее), о Броулинге и еще о ком-нибудь (...)»¹⁹

Летом 1912 года К. Ф. Некрасов делится с Муратовым своими замыслами относительно создания музея древнерусского искусства в Ярославле. Идея собирательства была очень близка Муратову, и он писал Некрасову из Рима: «Мысль о музее в Ярославле мне очень симпатична. Когда он будет учреждением легализованным и проч., можно обратиться к нашему музею, и кое-что найдется у Румянцевского музея, что можно послать. Я со своей стороны готов оказать всякое содействие и постараюсь тогда, чтобы Вам в Ярославль не дали чего-нибудь плохого. Эрмитаж уж не даст ровно ничего, — это испытано и безнадежно. На первых порах бойтесь, чтобы Вам не насыпали всякой „деревянной дряни“».²⁰

П. Муратов в то время был сотрудником Александровского музея, до этого работал в Румянцевском музее. Некрасову от мысли о музее пришлось отказаться, но он продолжал приобретать иконы, складни, картины современных художников.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 343, оп. 2, ед. хр. 38, л. 52 об.

¹⁹ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 183, л. 21.

²⁰ Там же, л. 24.

Летом 1913 года Муратов и Некрасов задумали совместно издавать журнал искусства и литературы «София». 26 июля Муратов пишет из Москвы Некрасову: «Уехать надолго за границу и совсем одному, как я думал, будет тяжело и неестественно. Пожалуй, эксперименты в жизни опасны (...) Но вот Вам неожиданные выводы: хочу завтра пойти к Остроухову и потолковать с ним серьезно. Нельзя ли найти человека, который дал бы денег для издания нашего с Вами журнала. Жаль, что Вас нет здесь, можно было бы потолковать, сколько денег нам вообще надо. А журнал начать с 1 января, и пусть в заглавии будет участвовать слово „Москва”. Ради такой штуки можно бы и не уезжать. Я бросил бы музей и взялся бы за редакторство с азартом. А Вы? Я думаю, да! (...) Главное — опасаться нечего. Журнал Маковского²¹ ни капли не помешает. Это будет инвентарь богатых собраний. А наш не должен быть несколько специальным (...)».²²

Муратов взялся за дело с присущей ему энергией и основательностью: «Мы с Вами непременно сделаем московский художественный и литературный журнал с 1 января 1914 года!»²³ — писал он летом издателю.

В начале зимы 1913 года Муратов уже в качестве редактора журнала приезжает в Ярославль для подготовки первого номера «Софии». Б. Зайцев писал об этом И. Новикову: «Два дня я пробыл в Ярославле. Один день мы с утра осматривали церкви. Многое меня удивило и поразило. В некоторых отношениях я не видал подобного на западе (...) Вечером Паша, конечно, бушевал за красным вином. Он сейчас живет у Некрасова, выпускает первый номер „Софии”, днем бывает мрачен и трудолюбив, вечерами ярится».²⁴

«София» стала главным делом для Муратова в тот период. Думая о журнале, еще летом 1913 года он писал: «Цель — в глубочайшем смысле слова — эстетическое воспитание на том, что ближе всего, конечно, русская икона, повесть, но не только на этом, а и на том, что можно выбрать перевести с Запада. Правда, людей мало, но тем не менее найдем и людей. Держаться будем строго и абсолютисски».²⁵

Муратову удалось привлечь к журналу Н. А. Бердяева и М. О. Гершензона, В. Ф. Ходасевича и Б. К. Зайцева, П. С. Сухотина и Б. А. Грифцова, И. С. Остроухова и А. И. Анисимова, И. Э. Грабаря и А. Н. Бенуа и многих других писателей, философов, художников, искусствоведов, историков.

Среди других русских историко-литературных и художественных журналов «София» сразу же выдвинулась стремлением к серьезному теоретическому осмыслению событий литературной и художественной жизни. В задачу «Софии» входило освещение путей, приближающих к постижению искусств изобразительных и искусства словесного; была сделана попытка уяснить методы, применение которых открывает значение художественных и литературных произведений. Вследствие такой цели «София» уделяла больше внимания типическому и общему, чем частному и эпизодическому. Особую важность «София» видела в пробуждении нового интереса к прекрасному древнерусскому искусству, и ознакомление читателей с этим искусством она считала своей главной задачей. Полагая, что древнерусское искусство может быть верно понято и должно быть оценено лишь на фоне западного творчества, редакция помещала и статьи об искусстве Запада, обращая серьезное внимание на более родственные русскому искусству искусства античной и византийской традиций. Не менее существенным «София» считала и освещение искусства и литературы Востока, исторически близких русскому народу, но малоизвестных в России. Не стремясь замыкаться в прошлом, «София» отмечала из современной литературы и художественной жизни все, что, по мнению редакции, было «явлением непреходящего значения».

Задачи, поставленные перед «Софией» ее редактором Муратовым и издателем Некрасовым, в полной мере выполнены не были, и прежде всего по причине ее

²¹ П. Муратов имеет в виду журнал «Русская икона», издателем и редактором которого был С. К. Маковский. Журнал выходил в 1914 году при ближайшем участии Общества изучения древнерусской живописи.

²² ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 184, л. 29—30.

²³ Там же, л. 34.

²⁴ РГАЛИ, ф. 343, оп. 2, ед. хр. 38.

²⁵ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 184, л. 30 об.

недолгого существования: вышло только шесть номеров (полный комплекс) за 1914 год — помешали война и отъезд Муратова на фронт. Последние номера «Софии», подготовленные в основе своей еще летом, вышли со значительным опозданием, глубокой осенью, когда редактор находился в Севастополе, где, несмотря на военную службу, продолжал писать о древнерусском искусстве.

Последнюю, шестую, книжку предваряло слово К. Ф. Некрасова: «Год назад маленькая группа людей, объединенная одними помыслами, желаниями и взглядами на искусство, затеяла издание „Софии“. Теперь из этой группы не осталось почти никого. Члены ее, и среди них вдохновитель и руководитель журнала П. П. Муратов, с оружием в руках защищают честь и неприкосновенность нашей Родины <...>

Здесь не место говорить о том, как выполнена задача. Смею, однако, думать, что и кратковременное существование „Софии“ не пройдет бесследно в деле изучения и понимания искусства».²⁶

Официальная печать не осталась равнодушной к закрытию этого журнала. Газета «Речь» 26 ноября 1914 года писала: «Бескровными, но серьезными жертвами войны сделались несколько журналов. Вслед за „Старыми годами“ прекратилась на днях московская „София“ <...> Просуществовав лишь полгода, журнал не успел ни выработать ясную физиономию, ни занять общественную позицию, но он интересовался самыми глубокими и коренным вопросам духовной жизни и дал немало искренних горячих страниц. Линия, которую вели покойные „Весы“ и „Золотое Руно“, еще не закончена, неоромантизм еще жив, и потребность в соответствующем печатном органе остается. Пожелаем „Софии“ поскорее занять оставленное место».

Муратов понимал, что к «Софии» они больше никогда не вернуться. «Помните прошлый год весной — Вы собирались в Париж. Как жаль, что Вы тогда не поехали. А жалете ли вы „Софию“? Все-таки из нее не вышло того, что нам с Вами рисовалось в самом начале»,²⁷ — писал Муратов 1 мая 1915 года Некрасову.

Книги Муратова по древнерусскому искусству, несмотря на его отъезд на фронт, выходили в издательстве Некрасова — «Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова» (1914), «Новгородская икона св. Феодора Стратилата» (1916) — и продолжали замечательную серию «Памятники древнерусского искусства», широко известную такими книгами, как «Церковь Ильи Пророка в Ярославле» (1915), «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле» (1913), — автор вступительных статей Н. Первухин, фотограф И. Лазарев, художники А. Красотин и С. Малютин.

В издательстве К. Ф. Некрасова вышли две книги, связанные с жизнью и творчеством Николая Алексеевича Некрасова: В. Евгеньева-Максимова «Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов» (1914) и «Архив села Карабихи» под редакцией Н. С. Ашукина (1916).

Многие некрасоведы и историки литературы пытались наладить контакты с Константином Федоровичем с целью полного переиздания сочинений поэта и с целью знакомства с Карабихским архивом поэта: на первое позволяло надеяться то обстоятельство, что брат (по отцу) издателя Александр Федорович владел правом на издание сочинений Некрасова-поэта, а относительно архива было ясно, что после смерти Федора Алексеевича Некрасова в 1913 году он перешел в руки его сына Константина Федоровича. Особенный интерес проявляли В. Евгеньев-Максимов, В. Е. Чешихин, К. И. Чуковский, М. О. Гершензон и другие.

К. Ф. Некрасов предложил редактирование прозы и стихов Чешихину, который принял это предложение, но расхождение во взглядах на прозу поэта и нежелание А. Ф. Некрасова включать в издание «Мечты и звуки» и юношеские произведения поэта так и не позволили Чешихину договориться с издателем.

В. Е. Максимов был также не очень доволен своей книгой, вышедшей из ярославской типографии, и по причине множества опечаток, и потому, что вместо октября 1913 года — согласно договору — книга вышла к июню 1914 года, и потому, что вместо 1000—1200 экземпляров без согласия автора напечатали 1800, и, наконец, потому, что из книги изъяли с трудом найденный Максимовым редкий портрет поэта. Все эти обиды, высказанные в письме Максимовым, усугублялись и

²⁶ София. 1914 № 6. С. 3.

²⁷ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 186, л. 4 об.

тем обстоятельством, что К. Ф. Некрасов никого из некрасоведов, в том числе и Максимова, настаивавшего особенно упорно, не допускал к Карабахскому архиву. Архив был издан им самим совместно с Н. С. Ашукиным. Во время работы над книгой некоторые литературоведы пытались внести свои замечания. Так, М. О. Гершензон советовал не включать в издание около десятка малозначительных писем, настаивал на более подробных и точных примечаниях к публикуемым письмам. В письме от 27 июля 1915 года Ашукин перед выходом книги из типографии писал Некрасову: «Гершензон сильно раскритиковал „Архив Карабахи“». По его словам, совсем ненаучный прием писать примечания после того, как книга напечатана: из-за этого многие письма остались без дат, попали в них ошибки и т. п. Да и примечания будут неполны; чтобы сделать их подробнее, пришлось бы еще надолго отсрочивать выход книги».²⁸

Эти замечания учтены не были, так как Некрасов не хотел откладывать издание: к началу 1916 года издательство свою деятельность по существу прекращало.

Не спешить с закрытием издательства Некрасова просили многие литераторы. В. Я. Брюсов 25 апреля 1916 года писал ему: «Мне просто жаль, очень жаль хорошее дело, в котором во всяком случае много больше достоинства, чем недостатков (что с отдельными фактами Вашей деятельности издателя я не был иногда согласен, Вы знаете из наших бесед). Думаю, с такой формулой согласятся все люди литературы, не исключая самых гневных критиков. Постепенно, с ростом числа выпущенных Вами книг, Ваше издательство приобрело свое лицо, определенную индивидуальность; исчезновение Вашей фирмы живо почувствуется в мире книг».²⁹

Однако П. П. Муратов, близко знавший Некрасова, его взгляды и интересы, писал 12 февраля 1916 года: «Решение Ваше меня действительно не удивило. Я так хорошо представляю себе, как все это должно было накопиться: и „либеральные“ редакторы, и конфискация книг, и склады, и литераторы, и прочее и прочее. Газету жалеть не приходится, типографию саму по себе, конечно, тоже, но не предпрещается ли этим вопрос о книгоиздательстве? По-видимому, оно должно будет тоже исчезнуть, и вот спрашивается, жалко ли его? На это отвечаю с полной искренностью: в том виде, какой оно приняло, нет, не жалко. В последнее время я даже перестал понимать его смысл и значение для Вас. Материально оно было только убыточно, внутренне же не давало Вам решительно ничего, кроме суеты и напряженностей. Нельзя издавать книги, которых Вы не читаете ни до, ни после издания (...) В конце концов, Вы издавали „книги милых людей“ так, как прощают слабости милым людям. Оставим материальную сторону. Но ведь и внутренне это Вам не давало решительно ничего. Какой же был во всем этом смысл? Для кого и для чего? Кому нужен „Дом Орембовских“ или Альфьери, или Брюсов? Ни Богу, ни Вам, ни людям.

Вместе с тем мое глубокое убеждение, что хорошее, небольшое, отчетливое книгоиздательство вполне возможно (...) Но, по-видимому, никогда и ничего нельзя начинать дважды сначала. Внутренне для Вас это уже стало пустыней, мертвым морем, тем более нежелательным, что в Вас всегда клокочут жизненные струи, другие, разумеется.

Струи эти бьют в сторону 1) — собирательства, 2) — русской старины, 3) — отчасти журнала. Как бы ни были сокрушительны материально антикварные, иконные и „Софийские“ аспекты, они хоть по крайней мере Вас радовали. А это, ей Богу, главное. Было Вам хоть „весело“. А газета, типография, склады, и книги — все это несколько не весело. Вот почему я отлично понимаю и Ваши слова насчет журнала и думаю, что, может быть, нечто подобное будет когда-нибудь возможно. Но что займет Вас ближайшим-то образом? Не представляю Вас без хлопот и дела (...)».³⁰

В 1916 году К. Ф. Некрасов покидает Ярославль и переезжает жить в Москву. В ярославской типографии продолжает печататься газета «Голос», право издания

²⁸ Там же, д. 18, л. 10—10 об.

²⁹ Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1956. Т. 40 (Труды кафедры русской литературы). Вып. 2. С. 199—200. — Уточнено по подлиннику: ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 51, л. 10—11.

³⁰ ГАЯО, ф. 952, оп. 1, д. 187, л. 4—8.

которой им было передано издательскому товариществу «Голос», главным представителем товарищества являлся Н. П. Дружинин.

Октябрьскую революцию 1917 года К. Ф. Некрасов встретил в Карабихе, где жил у своего брата. Осенью 1918 года он вновь возвращается в Москву и поступает на службу в Отдел охраны памятников искусства и старины. В 1922 году, когда многие из бывших сотрудников его издательства (среди них и самый близкий Некрасову человек последних предреволюционных лет Павел Муратов) вынуждены были покинуть Россию, Некрасов меняет службу и переходит в Сельскосоюз, сначала управляющим его Петроградского отделения, затем инспектором финансового отдела в Москве. Через четыре с половиной года он выходит в отставку. Средства к жизни добывал временной службой — подрабатывал в профессиональных издательствах, в журналах для детей, случайными литературными заработками, писал главным образом по вопросам искусства. Последние годы жизни К. Ф. Некрасов посвятил изучению истории древнерусского искусства, им была написана книга «О фресковой живописи старых русских мастеров», рекомендованная Академией архитектуры к изданию, но она осталась неопубликованной.

Умер Константин Федорович 22 октября 1940 года в возрасте 67 лет.

III. ПУБЛИКАЦИИ

В. Э. Вацуро

НЕКРАСОВ, ПЛЕТНЕВ И НИКИТЕНКО В 1839 ГОДУ*

Публикуемое ниже письмо П. А. Плетнева к А. В. Никитенко с упоминанием Некрасова небезынтересно для биографов поэта хотя бы уже потому, что относится к самому раннему периоду его петербургской жизни, — периоду, от которого до нас дошло очень мало документальных материалов. Еще любопытнее содержащаяся в нем косвенная информация, проясняющая некоторые детали в литературных взаимоотношениях молодого Некрасова.

Напомним предысторию событий, о которых идет речь. 14 июля 1839 года Некрасов подал на имя ректора Санкт-Петербургского университета «покорнейшее прошение» о дозволении держать экзамен для вступления в число своекоштных студентов по факультету восточных языков. Как явствует из экзаменационных документов, опубликованных по подлинному делу С. А. Рейсером в 1946 году, 25 или 27 июля он экзаменовался в так называемой второй комиссии (по историческим и словесным наукам) и получил четыре единицы: по закону божьему, географии и статистике, всемирной истории и русской истории, — и одну тройку (по русской словесности), что заставило его отказаться от дальнейших экзаменов: согласно уставу, конкурировать далее можно было с двумя единицами.¹

Экзамен по русской словесности принимал П. А. Плетнев. Из приводимого ниже документа выясняется, что он по занятости не довел экзамена до конца, закончить его предстояло профессору русской словесности и цензору А. В. Никитенко, который специально для этого приехал из отпуска: он отсутствовал с 13 июня и вернулся 26 июля в 4 часа утра.² На следующий же день он получил от Плетнева письмо, которое и послужит в дальнейшем предметом нашего анализа.

П. А. Плетнев — А. В. Никитенко

27 июля 1839

Любезнейший
Александр Васильевич!

Отъезжая, Вы дали обязательное для меня обещание произвести приемный экзамен. Как благородный человек, Вы сдержали слово и возвратились к этому экзамену. Пользуясь усердием Вашим к службе и дружбою ко мне, я без зарения совести спешу передать Вам все, что нужно для производства дела. Меня к этому побуждают и домашние хлопоты: я необходимо должен приискать себе новую квартиру и в срок перетаскать в нее весь домашний скарб со старой квартиры. Вы можете поэтому представить, как этого много у меня берет времени, пока я еще за всем таскаюсь с дачи.

В прилагаемых у сего бумагах представляется Вам:

1) Вопросы из русской грамматики и темы для сочинений. Те и другие в Вашей воле заменить новыми. Я их набросал кое-как и Вам посылаю на случай, если Вы не успеете вдруг приготовить новых.

2) Список проэкзаменованных мною новичков, не окончательно отмеченных; потому что надобно будет в соображение взять, кроме ответов из грамматики, дельность их сочинений. Таким образом, Некрасов и Котомин в итоге могут быть вместо 2 с 3 и, может быть, с 4.

* См. также: Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 307—313.

¹ Рейсер С. Некрасов в Санкт-Петербургском университете // Литературное наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 354—355.

² Никитенко А. В. Дневник в трех томах. М., 1955. Т. 1. С. 209, 212.

3) Сочинения, не прочитанные мною, следственно, имеющие нужду в Вашем воззрении и отметках.

Очень желаю, по окончании экзамена, обратно от Вас получить темы и вопросы с черновым списком, а что касается до сочинений, потрудитесь передать их с Вашими отметками декану комиссии или г. Бруту.

Душевно преданный Вам

П. Плетнев.

27 июля 1839.

NB. Первый экзамен, на котором присутствовать Вам, имеет быть субботу, то есть 29 июля.³

Сопоставив это письмо с ранее известными нам данными, мы получим несколько новых сведений из истории экзаменационной эпопеи Некрасова.

Прежде всего выясняется, что Плетнев экзаменовал его только по грамматике и поставил «2». Между тем в ведомости стоит «3». Это, конечно, общая оценка, учитывающая «дельность» экзаменационного сочинения.

Из контекста письма можно заключить, что сочинение оценивал Никитенко. Правда, фраза «надобно будет в соображение взять... дельность их сочинений» может быть понята равно и в утвердительном («несомненные, известные мне достоинства»), и в проблематическом смысле («насколько хорошо они напишут»). Однако последнее толкование более вероятно: зная положительно достоинства сочинения, Плетнев не стал бы оставлять автора «не окончательно отмеченным» и вывел бы общую оценку сам, не передоверяя ее Никитенко. По-видимому, среди «не прочитанных» Плетневым сочинений, о которых он упомянул далее, были сочинения Некрасова и Котомина.

На два этих имени Плетнев обращает особое внимание своего преемника и пишет о них как о лицах, адресату знакомых. Мы не располагаем сведениями о Котомине; здесь могло быть и чисто личное знакомство. Что касается Некрасова, то это знакомство литературное: оба корреспондента без сомнения так или иначе были осведомлены о молодом поэте, принятом в кружке Н. А. Полевого и с 1838 года печатающем стихи в «Сыне отечества», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и в проходившей цензуре Никитенко «Библиотеке для чтения». Об отдельном сборнике «Стихотворения Н. Некрасова» (будущие «Мечты и звуки»), поданном в петербургскую цензуру, Никитенко в июле 1839 года мог и не знать: рукопись прошла в его отсутствие.

Как бы то ни было, оба профессора-словесника экзаменовали молодого поэта, уже имеющего некоторую литературную репутацию. Надо полагать, что именно это обстоятельство заставляло Плетнева ожидать от него сочинения, которое могло повысить его оценку «до 3 или даже до 4».

Оценка «3», которую поставил Никитенко, мало повлияла на общий результат: получив четыре «единицы» по другим дисциплинам, Некрасов отказался продолжать экзамены. В августе—начале сентября происходят его беседы с Плетневым, о которых Некрасов вспоминал в автобиографических заметках и рассказывал нескольким мемуаристам уже в поздние годы; неточности в деталях не дают нам оснований заподозрить самый факт. Одна из этих неточностей заключалась в том, что Некрасов называл Плетнева ректором, каковым Плетнев стал только в феврале 1840 года. И эта опшибка памяти обращает наше внимание на особенности поведения Плетнева, которые отчасти улавливаются и в публикуемом письме: это не снисходительность должностного лица, но проявление доброй воли профессора и литератора, употребившего свое влияние в университете в пользу начинающего таланта. 4 сентября 1839 года по совету Плетнева Некрасов подал прошение о приеме его вольнослушателем на философский факультет и был принят.

В середине февраля 1840 года выходят из печати «Мечты и звуки». Книга получает резонанс: рецензии, появившиеся с конца февраля до июня месяца, почти безусловно положительны и упоминают о молодом поэте, нуждающемся в поддержке;

³ ИРЛИ, 18.641, л. 17—18 об.

резко критическими были только отзывы Белинского и Межевича. Плетнев внес свою лепту в хор поощряющих голосов. Во втором томе «Современника» он писал: «В каждой пьесе чувствуем создание мыслящего ума или воображения. Наша эпоха так скудна хорошими стихотворениями, что на подобные явления смотришь с особенным удовольствием».⁴

В момент появления этой рецензии Плетнев — уже ректор университета. Авторство книги ему, конечно, известно, как известно оно почти всему литературному Петербургу, и он без сомнения сознательно адресует свое ободрение своему вольнослушателю. В этих условиях Некрасов делает вторичную попытку поступить в число студентов и 24 июля 1840 года подает прошение о допуске к экзаменам на юридический факультет.

Результаты этого второго экзамена любопытны. Все отметки по гуманитарному циклу выше, чем год назад, и в этом следует видеть не только лучшую подготовленность, но и известную предрасположенность к экзаменуемому — отражение позиции ректора. Уже беглый взгляд на ведомость позволяет говорить о скоординированности оценок. У В. С. Порошина по географии и статистике Некрасов опять получил «1», но другие преподаватели, напротив (а может быть, именно поэтому), старались единиц не ставить: так, И. Я. Соколов по греческому языку выставляет оценку «1 1/2», а К. Сен-Жюльен исправляет «1» на «2».⁵ На этом общем фоне весьма скромных экзаменационных результатов выделяется оценка «5» по российской словесности. Ее поставил Никитенко.⁶

Почти нет сомнений, что этот балл ставился не абитуриенту Некрасову, но лектору «Н. Н.», автору поэтического сборника, отрецензированного Плетневым. История годичной давности, приоткрытая плетневским письмом, повторялась вновь — на более высоком уровне.

Дальнейшее известно. Некрасову не удалось сдать дисциплины математического цикла, и 24 июля 1841 года он оставил университет.

Существует рассказ Н. И. Глушицкого, что одной из причин его ухода была резкая критика или даже «глумление» над его поэтическим творчеством, которое позволил себе Никитенко с университетской кафедры. Здесь нет возможности подробно анализировать этот рассказ, взятый из вторых рук. Мемуары Глушицкого полны вымыслов в фактах и объяснениях и частью уже были опровергнуты В. Е. Евгеньевым-Максимовым; усомнился в них и С. А. Рейсер. Но даже если за известием Глушицкого и стоит какой-то реальный критический отзыв Никитенко о «Мечтах и звуках» (а исключить этого мы не можем), не он определял линию поведения критика, когда дело шло не о достоинствах поэзии, а о судьбе поэта.

⁴ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. II. С. 289. — Обзор критических откликов см.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. I. С. 194—196; Некрасов Н. А. Полн. собр. стих. и писем. В 15-ти т. Л., 1981. Т. I. С. 641—643.

⁵ Сообщено Б. Л. Бессоновым.

⁶ Рейсер С. Указ. соч. С. 360—361.

В. А. Викторович

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ НЕКРАСОВА

В № 48 газеты «Голос» от 17 февраля 1874 года была напечатана заметка:

«Мы получили от Н. А. Некрасова следующее письмо:

„М(илостивый) г(осударь)». В афишах и в „Петербургском листке” (№ 32-й), в объявлении о литературно-музыкальном вечере, имеющем быть завтра в собрании художников, названо мое имя в числе г.г. литераторов, читающих на этом вечере. Прошу вас покорнейше заявить в вашей газете, что имя мое попало в это объявление по какому-то непонятному для меня недоразумению: читать на этом вечере я никому не обещал и не буду. Примите и проч.

Н. Некрасов.

16-го февраля 1874”».

Объявление, о котором идет речь в письме, помещено было в № 32 газеты «Петербургский листок» от 16 февраля 1874 года. В нем сообщалось, что 17 февраля в 8 часов вечера в зале петербургского собрания художников (в Троицком переулке) состоится литературно-музыкальный вечер А. И. Рубца, в котором участвуют известные артисты (Каменская, Клемм, Наттер, Давыдов, Вурм), хор любителей под управлением А. И. Рубца, а также литераторы: Григорович, Кудрявцев, Буренин, Некрасов, Потехин. Билеты от 1 до 5 рублей.

Очевидно, вечер был посвящен популярному в Петербурге профессору консерватории А. И. Рубцу, который собрал в своем «хоре бесплатных классов пения» около трехсот участников. Подобное же объявление о вечере было напечатано на день раньше в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1874. 15 февр. № 45), однако Некрасов, очевидно, его не заметил.

Ошибка, вызвавшая протест Некрасова, по всей вероятности, все же не была случайной: имя поэта весьма украсило афишу и обещало дополнительный кассовый сбор. Организаторы вечеров, концертов, публичных лекций в собрании художников позволяли себе подобные вольности. В том же номере «Голоса» напечатано письмо О. Ф. Миллера, протестующего против неточностей в газетном объявлении о его лекции в том же зале (пропущены имена Щедрина, Помяловского, Решетникова, но зато без ведома лектора поставлены имена Вс. Крестовского, М. Стебницкого).

Официально-холодный и несколько даже сердитый тон письма Некрасова объясняется двусмысленным положением, в которое он был поставлен: его отсутствие на вечере могло быть объяснено по-разному в зависимости от порядочности организаторов. Для последних, правда, оставался еще мизерный шанс: попробовать уговорить Некрасова принять участие в вечере. Последняя фраза письма («и не буду») не оставляла даже и такой робкой надежды.

Бескомпромиссность Некрасова (кстати говоря, уже вскоре, 16 марта, он читал стихи на вечере в пользу Литературного фонда), как нам представляется, вызвана не только бестактностью организаторов. Присмотримся к списку участников: имя Некрасова оказалось здесь между именами В. П. Буренина и А. А. Потехина. К последнему Некрасов всегда относился с осторожностью, а в 1870 году, по

свидетельству А. Н. Островского, назвал его «человеком завистливым и непрямым».¹ Что же касается Буренина, тогдашнего фельетониста «С.-Петербургских ведомостей», подписывавшего свои хлесткие фельетоны криптонимом «Z», отношения его с Некрасовым, поначалу весьма дружеские, испортились с середины 1872 года, когда Буренин начал острую полемику с «Отечественными записками», называя их «почтенным органом молчальников».² Некрасовский журнал не остался в долгу. Н. К. Михайловский разъярил этическую подоплеку выступлений Буренина: «Вам была возвращена из редакции „Отечественных записок“ ваша довольно объемистая рукопись (...) (то случилось с вами не в первый раз). Но тут возвращение манускрипта сопровождалось таким обстоятельством, что вы ясно поняли, что дело кончено».³

Любопытно, что по поводу процитированных строк Некрасов не без брезгливости писал Михайловскому 24 июня 1872 года: «Я предлагаю из Вашего фельетона *выкинуть о Буренине все* — так чтоб и помину об нем на нынешний раз не было. (...) чем реже упоминать в журнале это имя — тем лучше» (Н 1, 11, 215).

Враждебность критических оценок Буренина в адрес самого Некрасова достигла апогея в его статьях о поэме «Русские женщины»,⁴ о главе «Крестьянка» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».⁵

Обида Некрасова на разносный тон этих выступлений сказалась в его письме к А. В. Никитенко от 3 февраля 1874 года по поводу планов последнего издать книгу критических этюдов: «В настоящее время, когда в критике единовластно и безапелляционно царствует фельетонист Z, появление подобной книги уже тем будет полезно, что напомнит публике, чем должна быть настоящая критика» (Н 1, 11, 295—296). А 21 февраля 1874 года, уже после своего письма в «Голос», Некрасов вновь возвращается к болезненной для себя теме в письме к В. Р. Зотову: «В последнее время, кроме грубых (и безапелляционных) ругательств в печати, ничего не слышу!» (Н 1, 11, 298).

Описанные обстоятельства усугубляли бестактность организаторов вечера 17 февраля и вызвали резкий тон опровержения Некрасова.

¹ Островский А. Н. Полн. собр. соч. В 12-ти т. М., 1979. Т. 11. С. 315.

² С.-Петербургские ведомости. 1872. 24 июня. № 170.

³ Отечественные записки. 1872. № 7. Отд. II. С. 180.

⁴ С.-Петербургские ведомости. 1873. 27 января. № 27.

⁵ Там же. 1874. 26 янв. № 26.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К НЕКРАСОВУ

ПУБЛИКАЦИЯ О. Б. АЛЕКСЕЕВОЙ И И. Б. ПАВЛОВОЙ

Публикуемые письма продолжают дополнять существующее собрание писем к Некрасову, представленное в изданиях: Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52; Некрасовский сб. Л., 1988, вып. 10. Они выполняют задачу постепенного составления полного свода переписки поэта.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Российском государственном архиве литературы и искусства. Текстологические принципы, порядок расположения текстов (по алфавиту корреспондентов) и характер комментария повторяют принципы, принятые для публикации писем в указанных изданиях.

Тексты писем подготовлены и комментарии к ним составлены О. Б. Алексеевой (Н. В. Берг, Е. П. Валицкий, П. А. Вяземский, Д. Е. Кожанчиков, Н. К. Краббе, А. А. Краевский, Н. П. Лукашевич, В. В. Мичурина, Н. А. Романов, Н. П. Шаликова) и И. Б. Павловой (В. А. Панаев).

1

Берг Н. В. — Некрасову

24 мая 1862 г. Дамаск

Дамаск. 24 мая 1862 г.

Я проехал по Европе прямо без всяких заездов, любезнейший друг Николай Алексеевич, а теперь очутился в Дамаске, где веду записи, которые буду посылать Вам постепенно, уже по возвращению в Бейрут. Здесь дождался отчета Измаила-Атраша:¹ можно ли к нему в Хауран?² Сейчас только пришел отчет: у них драки с мусульманами, на стороне которых бедуин Духи.³ Измаил-Атраш осадил Бостру.⁴ Брата его убили и самого его ранили. В Хауран нельзя показать носу, и я покамест отсюда уезжаю.⁵ Отчет Измаила-Атраша прибыл с другом, которого я сейчас срисовал и посылаю Вам. В «Записках» моих буду много раз упоминать арабскую одежду áбу: это род балахона. Вы видите его на рисунке. Типическая аба имеет только коричневые полосы, а не синие.

Видел дом и сад новой царицы Пальмиры,⁶ но ее, к сожалению, нет: уехала в степи к мужу-бедуину, который должен был вследствие одной истории бежать из Дамаска и обратно сюда никогда не показаться. Скоро еду на развалины дома леди Стенгоп, бывшей царицы Пальмиры. Такая мерзость: одолели разбойники, без эскорта — никуда. Нельзя ночевать в загородном саду, в пяти шагах от Дамаска. Проехал из Бейрута сюда с большим страхом между двух грабежей, да и в тот день, когда я ехал, также ограбили один караван на другой дороге, куда я, к счастью, не попал.

Написал письмо Жюль-Жерару,⁷ спрашивал его, удобен ли сезон охотиться на львов и могу ли я к нему приехать. Ответ я просил прислать в Александрию, куда надеюсь попасть скоро. Если он будет неблагоприятен, то я осмотрю Суец и уеду. Первых писем дожидайте недели через три или немного раньше. Писать ко мне можно в Триест: М. М. Denis Chariatis, l'agent della Compagnie Tussu des baxeaux à Vारेиг с передачею мне Стравнину. Ему всегда известно, где я плаваю.

Прощайте покамест. Кланяйтесь всем нашим.

Душевно Вам преданный

Н(иколай) Б(ерг).

Печатка, здесь вырезанная, изображает мое имя, фамилию и название города Дамаска, по-арабски — Шам. Извините, что рисунок плох. Друг спал и вертелся, но, кажется, был доволен, что его изображали. Особенно рад, что поедет в Россию, о которой у них существуют необыкновенные величественные сказания. Между прочим, здесь говорят, что в каких-то дружеских книгах написано, будто Русский царь (Мéлек-áсфар) придет и завоюет эти страны. Под Русым царем разумеют нашего. Этому верит весь Восток.

Вчера был у Абдель-Кадара,⁸ сказывал, что у него одного парня ухлопали в Хауране, и не советовал туда ездить.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 73, л. 1—1 об. На л. 2 рисунок: профиль сидящего на стуле араба (черный карандаш, тушь, голубой карандаш).

Николай Васильевич Берг (1823—1884) — поэт, переводчик, историк и журналист, сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», близкий знакомый Некрасова. Учился в Московском университете на филологическом факультете. Преподавал в Московском училище живописи и ваяния. Участник Крымской войны 1853—1855 годов, опубликовал «Записки об осаде Севастополя» (М., 1856). Первоначальная их публикация — в «Москвитянине» (1855. № 9) и в «Современнике» (1856. № 8, 11). «Записки» были положительно оценены Некрасовым (Н 1, 12, 301—307). С 1868 года и до конца жизни преподавал русский язык и литературу в Главной школе Варшавы. Н. В. Бергу принадлежат составление сборника «Песни разных народов», получившего высокую оценку Чернышевского в «Современнике» (1854. № 11), переводы болгарской, сербо-хорватской, украинской и польской поэзии, в частности Адама Мицкевича, и оригинальные поэтические произведения (Современник. 1863. № 5, 7). См. о нем: Словарь русских писателей. М., 1989. Т. 1. С. 243—244.

Настоящее письмо связано с поездкой Берга на Восток, в частности с посещением Сирии. Он побывал в 1862—1864 годах в Турции, Сирии, Палестине, Египте, Греции. Впечатления об этом путешествии вошли в его очерки «Мои скитания по белу свету», печатавшиеся в «Современнике» (1863. № 1—2, 6, 10; 1864. № 7).

Из переписки Некрасова и Н. В. Берга известны 2 письма Некрасова (Н 1, 11, 221, 238—239) и 8 писем Берга (Лит. наследство. Т. 51—52. С. 113—122).

¹ Измаил-Атраш — один из влиятельных в то время дружеских шейхов.

² Хауран (Гауран) — область Арабского плоскогорья в юго-западной части Сирийской пустыни; Хауран (Дера) — город одноименной области.

³ Духи — предводитель огромного воинственного племени бедуинов валид-али, располагавшихся от Дамаска до Иемена, их насчитывалось до сорока тысяч. Характеристику Духи и его выразительный портрет Берг дает в «Очерках моих скитаний...» (Современник. 1863. № 6. С. 359—360).

⁴ Бофра (Босра, Бусра, Боссейра) — главный город области Хауран, в 120 км от Дамаска, ныне находится на территории Ирака.

⁵ Подробно этот эпизод излагается в «Моих скитаниях по белу свету» (Современник. 1863. № 6. С. 366—367).

⁶ Пальмира (Тадмор) — древний город в оазисе Сирийской пустыни. В данном тексте речь идет о леди Дикбей, бывшей жене лорда Дикбей, ставшей впоследствии женой одного из бедуинских шейхов Межузля, главы племени, которое постоянно кочевало в окрестностях Пальмиры.

⁷ Жерар Жюль-Сесиль-Базиль (1817—1864), французский писатель и знаменитый охотник на львов. В юности осуществил перевод на французский язык «Фауста», заслуживший похвалу самого Гете. До 1855 года служил офицером в Алжире. Утонул во время экспедиции во внутреннюю Африку. Рассказы его в переводе появлялись в русских газетах, а также печатались в «Современнике»: «Рассказы о львиной охоте» (1852, № 2, с. 251—265) и «Львы, их жизнь, нравы и охота за ними» (1855, № 11, с. 9—42; № 12, с. 169—216).

⁸ Абдель-Кадер — эмир Дамаска.

Валицкий Е. П. — Некрасову

До 1867 г. Астрахань

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Посылаю Вам статью по поводу вопросов о классических и реальных гимназиях, которая, по моему мнению, не опоздала, потому что там, откуда я пишу, проходят еще странные смятения по этому вопросу и потому еще, что главный предмет моей статьи не о гимназии исключительно. Оригинальный прием доказательств атрибутов Бога материалистическими науками, отвергающими их на каждом шагу, заимствован

мною из школы Фурье. Этот прием мне кажется удобнее и сподручнее пониманию большинства, нежели материалистические доказательства, которые делают лишь крутой поворот в уме читающих их, смотря по закоренелости наследственных понятий, отталкивают их от себя. Нужно значительное подготовление для принятия материалистических истин, вроде отвержения всякого сверхъестественного вмешательства. Моя цель — склонить умы, преимущественно молодые, на сторону материалистических наук и установить взгляд на них, конечно, не одной статьею. Каков этот взгляд, Вы увидите из статьи.

Еще посылаю Вам как образчик два стихотворения Валицкой, которая желала бы писать в Ваш журнал.

Если моя статья окажется достойной быть помещенной в Вашем журнале, то Вы мне пришлите за нее столько, сколько Вы платите за такие статьи; если же не окажется таковой, то моя просьба к Вам: передайте ее, если это можно, в другой журнал. Во всяком случае каков бы ни был ответ, пришлите мне его поскорее. (Для этого я и вкладываю в письмо почтовую марку). Печатно о том, что моя статья не принята в Вашем журнале, не объявляйте, потому что этим может подорваться доверие ко мне некоторых лиц, которые со временем могут быть полезны. Адрес: В Астрахань. В контору Закавказских рыбных промыслов. Николаю Петровичу Гаврилову с передачею Евгению Петровичу Валицкому.

Е. Валицкий.

P.S. Моя статья назначалась для местной газеты «Волга», но... не поместилась в ней. Она оканчивается разбором астраханской гимназии, что, однако, может относиться и ко всякой гимназии, желающей превратиться в классическую. О том, что я знаю проект, мне не нужно было говорить, и потому и Вас прошу — не говорите этого в случае помещения у Вас моей статьи. Еще прошу ответьте мне поскорее да или нет, первое мне важно потому, что мое положение незавидное и нужно вырваться отсюда, второе — чтобы знать, что нужно предпринять что-либо другое.

Е. Валицкий.

P.P.S. Статью отослал посылкою в одно время с письмом.

Е. В.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 57, л. 1—3, без даты. Приложена рукопись статьи на 17 л. «По поводу вопроса о классических и реальных гимназиях», адресованная в журнал «Современник». Датируется приблизительно годами существования некрасовского «Современника». Статья Е. П. Валицкого в «Современнике» напечатана не была. Стихотворения г-жи Валицкой также не появлялись на страницах журнала.

Евгений Петрович Валицкий — преподаватель астраханской гимназии. Кроме данного письма, переписка Е. В. Валицкого и Некрасова неизвестна.

3

Вяземский П. А. — Некрасову

6 мая 1867 г. Москва

Москва 6 мая 1867 г.

Извините, батюшка Николай Алексеевич, загулялся и не поставил работы к сроку.¹ Московские события и треволнения меня развлекли. Справляю по три обеда и по три вечера в день.² Не знаю, будете ли довольны моею работою? Кажется, все главное, сказанное Вами, сохранено.

Простите, надеюсь, до скорого свидания. Дайте знать жене моей,³ что я жив и здоров. Не знаю, успеть ли написать ей сегодня.

Душевно Вам преданный

Вяземский.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 58, л. 1.

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) — известный поэт, критик, мемуарист, представитель старинного княжеского рода. Был близок пушкинскому кругу, один из создателей общества «Арзамас». В 1855—1858 годы занимал пост товарища министра народного просвещения, член Главного управления цензуры. См. о нем: Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 501—506. Кроме настоящего письма, переписка Некрасова и П. А. Вяземского неизвестна.

¹ Речь, вероятно, идет о произведениях для литературного сборника, издать который Некрасов намеревался после закрытия «Современника».

² В мае 1867 года делегация балканских славян посетила Россию. В Москве и Петербурге им был оказан пышный официальный прием в связи с русской политикой на Балканах. Вяземский принимал участие в организации обедов, даваемых в честь делегации. В одном из стихотворений («На приезд славян в Россию») Вяземский писал по этому поводу:

Гостей мы угостили плотно
И плотно доказали им,
Что говорим словоохотно
И плотно пьем мы и едим.

(Вяземский П. А. Избранные стихотворения / Ред. статья и коммент. В. С. Нечаевой. Л., 1935. С. 468).

³ Вера Федоровна Вяземская, урожденная кн. Гагарина (1790—1886).

4

Кожанчиков Д. Е. — Некрасову

30 октября 1874 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

К удивлению моему, я прочел в «Правительственном вестнике», что Вами изданы соч(инения) Островского томы II, III, IV и V-й.

В условии моем с А. Н. Островским сказано, что, *продавши право издания мне, г. Островский уже не имеет права печатать* этих сочинений сам или продавать это право другим лицам, даже *в общем* собрании его сочинений или отдельно до тех пор, пока я не распродам всех напечатанных моих экземпляров.

К настоящему времени у меня еще не продано и есть налицо соч(инений) Островского тома 3 и 4-го около 200 экземпляров, что по цене составляет около 700 руб., а тома 5-го не продано слишком 500 экз(емпляров) по 2 р. на сумму 1000 р. с лишком. Потеря 1700 руб. для меня будет чувствительна, и я ее без разбирательства судом оставить не могу.

С другой стороны, из моего глубокого уважения к Вам лично разбирательство судом для меня составило бы большую неприятность, а потому я решаюсь предложить Вам, не найдете ли Вы возможным оставшиеся экземпляры соч(инений) Островского от меня взять и на эту сумму, сколько будет, выдать мне новым изданием рубль за рубль. Но во всяком случае не позволите ли мне объясниться с Вами по этому делу лично?!

С истинным почтением и уважением имею честь быть готовый навсегда к услугам Вашим

Кожанчиков.

30 октября
1874 г.

Печатается по автографу: ЦТМ, ф. 200, № 877, л. 1. Слова, набранные курсивом, подчеркнуты автором.

Дмитрий Ефимович Кожанчиков (ок. 1821—1877) — петербургский книгоиздатель и книготорговец (см. о нем: Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург—Ленинград. Л., 1986. С. 419—422). Кроме данного письма, переписка Некрасова с Д. Е. Кожанчиковым неизвестна.

В 1871 г. А. Н. Островский заключил с Кожанчиковым соглашение на издание собрания сочинений. В 1873 г. при помощи Некрасова и А. А. Краевского началось новое издание пьес Островского. Из-за этого возник конфликт, и Некрасов всячески содействовал его разрешению (см. Н 1, 11, 340—342).

¹ В результате переговоров Некрасова с Кожанчиковым было достигнуто соглашение, и 10 ноября 1874 года Некрасов выплатил за Островского Кожанчикову 700 руб., претензии издателя были удовлетворены, в чем он и выдал Некрасову расписку: «Я, нижеподписавшийся, получил от Н. А. Некрасова за счет А. Н. Островского семьсот руб., и затем я от своих прав на издание соч. А. Н. Островского отказываюсь во всем и предоставляю ему полное право сейчас же пустить в продажу новое его издание, а себе предоставляю право продавать в мою, Кожанчикова, пользу оставшиеся у меня непроданными 3, 4, 5 тома соч. Островского, как я их и продавал прежде. С-П-купец, книгопродавец Дмитрий Ефимов Кожанчиков. 10 ноября 1874 г.» (РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 135, л. 3).

5

Н. К. Краббе — Некрасову

20 ноября 1870 г. Петербург

Я очень занят это время и потому голова моя не способна к цифирной работе. Будьте так добры, многоуважаемый Николай Алексеевич, возьмите на себя труд — рассчитайте все как следует. Для этого посылаю Вам примерную сумму сто пятьдесят рублей. Остаток, буде таковой образуется, нужно отдать Лазаревскому,¹ чтобы послал Немцу,² дрессирующему мою собаку Мину. Если нужно было еще прибавить денег, то сделайте это за меня. Деньги эти я с благодарностью немедленно по получении расчета возвращу Вам.

Кланяйтесь Ангелу³ и скажите, что при известии о побивенных зайцах я невольно воскликнул: «Благодати не ожидал» — и затем обратился к Всевышнему и уверовал, как с помощью божьей устраиваются даже заячьи дела.

Душевно преданный Вам

Н. Краббе.

20 ноября 70 г.

Печатается по автографу: РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 63, л. 1—1 об.

Николай Карлович Краббе (1814—1876) — генерал-адъютант, вице-адмирал, управляющий Морским министерством, знакомый Некрасова, товарищ по охоте. Между Некрасовым и Краббе сохранялись неизменно дружеские отношения.

Из переписки Некрасова и Н. К. Краббе известно только 8 писем Краббе (Архив села Карабики. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 111; Литературное наследство. Т. 51—52. С. 324—326).

В данном письме речь идет об обычных расчетах по совместной охоте.

¹ В. М. Лазаревский.

² Вероятно, прозвище дрессировщика.

³ Речь идет о Зинаиде Николаевне, жене Некрасова.

6

А. А. Краевский — Некрасову

До 20 марта 1874 г. Петербург

У меня только один лист — вот этот. Если он необходим сейчас (чего я не думаю, потому что Котомину¹ нужно печатать еще три предыдущих листа), то пусть его прочтет, кому угодно, ибо я сейчас еду в Думу. Если сие время терпит, то возвратите мне. Я буду дома часу в 5-м.

Краевский.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 271 (А. А. Краевского), оп. 1, ед. хр. 27. Записка карандашом, сверху листа рукою Некрасова написано: «Если готовы корректуры, то пришлите теперь. Некрасов»; на л. 1 об.: «Обратно А. А. Краевскому от Некрасова», также карандашом. Датируется по времени печатания последних листов «Складчины» и сдачи сборника в цензуру.

Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — издатель журнала «Отечественные записки», в 1867 г. сдал в аренду журнал Некрасову. Издатель-редактор газеты «Голос». Из переписки Некрасова и А. А. Краевского известны 34 письма Некрасова (Н 1, 11, 86, 87, 89—97, 107—109, 145—149, 174, 185, 191, 192, 205, 206, 218, 219, 270, 271, 284, 285, 296, 301, 302, 306, 308, 309, 366, 367, 412, 413, 415) и 14 писем Краевского (Литературное наследство. Т. 51—52. С. 327—336).

Записка Краевского представляет собой ответ на просьбу Некрасова прислать корректуры для типографии Котомина, в которой печатались листы «Складчины» (см. Н 1, 11, 306).

¹ А. М. Котомин — владелец типографии в Петербурге.

7

Н. Г. Лукашевич — Некрасову

23 мая 1876 г. Одесса

Многоуважаемый брат Николай Алексеевич!

Через два дня после того, как Вы и брат Ваш Константин Алексеевич писали ко мне,¹ поверенный наш Николай Александрович Романов послал Вам письмо² с извещением об уничтожении судебною палатою в заседании 31 марта духовного завещания покойной теткой нашей Анны Александровны и с просьбой о скорейшей присылке Вами доверенности со всеми документами на его или другого поверенного имя.

Вчера я узнала от Романова, что он еще не имеет от Вас никакого ответа. Он говорит, что вызов наследников уже был сделан и законный срок давно истек. Для выигрывания времени необходимо теперь представить в суд одновременно документы всех законных наследников, чтобы одним определением они были утверждены в правах наследства. Можно, впрочем, признать только наличных наследников и ввести их во владение, но тогда другие наследники могут доискиваться своих прав только исковым порядком, а это невыгодно и медленно. Поэтому прошу Вас уведомить меня, как Вы думаете поступить в этом наследственном деле.

Остаюсь уважающая Вас сестра

Наталья Лукашевич.

23 мая 1876 г.

Одесса.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 66, л. 1—1 об. На том же листе — письмо Н. Г. Лукашевич к К. А. Некрасову. Кроме публикуемых писем, переписка Некрасова с Н. Г. Лукашевич неизвестна.

Наталья Григорьевна Лукашевич (ур. Носачевская) — двоюродная сестра поэта по материнской линии. В ее письмах идет речь о наследственных делах по имени умершей родственницы А. А. Бирар.

¹ Эти письма неизвестны.

² См. наст. изд. С. 202.

8

Н. Г. Лукашевич — Некрасову

7 декабря 1877 г., д. Закревское, Херсонская губ.

Многоуважаемый брат

Николай Алексеевич!

Я более месяца как писала к Константину Алексеевичу,¹ прося его мне прислать доверенность на управление Вашей частью или самому пожаловать и распорядиться как угодно, пока теперь наследники налицо, и эту зиму мы еще проживем в деревне, а на лето все разъедутся, и тогда не с кем будет иметь дела; а какой конец надо придумать, иначе именье приходит в окончательное разорение. Это именье должно

¹ В результате переговоров Некрасова с Кожанчиковым было достигнуто соглашение, и 10 ноября 1874 года Некрасов выплатил за Островского Кожанчикову 700 руб., претензии издателя были удовлетворены, в чем он и выдал Некрасову расписку: «Я, нижеподписавшийся, получил от Н. А. Некрасова за счет А. Н. Островского семьсот руб., и затем я от своих прав на издание соч. А. Н. Островского отказываюсь во всем и предоставляю ему полное право сейчас же пустить в продажу новое его издание, а себе предоставляю право продавать в мою, Кожанчикова, пользу оставшиеся у меня непроданными 3, 4, 5 тома соч. Островского, как я их и продавал прежде. С-П-купец, книгопродавец Дмитрий Ефимов Кожанчиков. 10 ноября 1874 г.» (РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 135, л. 3).

5

Н. К. Краббе — Некрасову

20 ноября 1870 г. Петербург

Я очень занят это время и потому голова моя не способна к цифирной работе. Будьте так добры, многоуважаемый Николай Алексеевич, возьмите на себя труд — рассчитайте все как следует. Для этого посылаю Вам примерную сумму сто пятьдесят рублей. Остаток, буде таковой образуется, нужно отдать Лазаревскому,¹ чтобы послал Немцу,² дрессирующему мою собаку Мину. Если нужно было еще прибавить денег, то сделайте это за меня. Деньги эти я с благодарностью немедленно по получении расчета возвращу Вам.

Кланяйтесь Ангелу³ и скажите, что при известии о побоевнных зайцах я невольно воскликнул: «Благодати не ожидал» — и затем обратился к Всевышнему и уверовал, как с помощью божьею устраиваются даже заячьи дела.

Душевно преданный Вам

Н. Краббе.

20 ноября 70 г.

Печатается по автографу: РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 63, л. 1—1 об.

Николай Карлович Краббе (1814—1876) — генерал-адъютант, вице-адмирал, управляющий Морским министерством, знакомый Некрасова, товарищ по охоте. Между Некрасовым и Краббе сохранились неизменно дружеские отношения.

Из переписки Некрасова и Н. К. Краббе известно только 8 писем Краббе (Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 111; Литературное наследство. Т. 51—52. С. 324—326).

В данном письме речь идет об обычных расчетах по совместной охоте.

¹ В. М. Лазаревский.

² Вероятно, прозвище дрессировщика.

³ Речь идет о Зинаиде Николаевне, жене Некрасова.

6

А. А. Краевский — Некрасову

До 20 марта 1874 г. Петербург

У меня только один лист — вот этот. Если он необходим сейчас (чего я не думаю, потому что Котомину¹ нужно печатать еще три предыдущих листа), то пусть его прочтет, кому угодно, ибо я сейчас еду в Думу. Если сие время терпит, то возвратите мне. Я буду дома часу в 5-м.

Краевский.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 271 (А. А. Краевского), оп. 1, ед. хр. 27. Записка карандашом, сверху листа рукою Некрасова написано: «Если готовы корректуры, то пришлите теперь. Некрасов»; на л. 1 об.: «Обратно А. А. Краевскому от Некрасова», также карандашом. Датируется по времени печатания последних листов «Складчины» и сдачи сборника в цензуру.

Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — издатель журнала «Отечественные записки», в 1867 г. сдал в аренду журнал Некрасову. Издатель-редактор газеты «Голос». Из переписки Некрасова и А. А. Краевского известны 34 письма Некрасова (Н 1, 11, 86, 87, 89—97, 107—109, 145—149, 174, 185, 191, 192, 205, 206, 218, 219, 270, 271, 284, 285, 296, 301, 302, 306, 308, 309, 366, 367, 412, 413, 415) и 14 писем Краевского (Литературное наследство. Т. 51—52. С. 327—336).

Записка Краевского представляет собой ответ на просьбу Некрасова прислать корректуры для типографии Котомина, в которой печатались листы «Складчины» (см. Н 1, 11, 306).

¹ А. М. Котомин — владелец типографии в Петербурге.

7

Н. Г. Лукашевич — Некрасову

23 мая 1876 г. Одесса

Многоуважаемый брат Николай Алексеевич!

Через два дня после того, как Вы и брат Ваш Константин Алексеевич писали ко мне,¹ поверенный наш Николай Александрович Романов послал Вам письмо² с извещением об уничтожении судебною палатою в заседании 31 марта духовного завещания покойной тетки нашей Анны Александровны и с просьбой о скорейшей присылке Вами доверенности со всеми документами на его или другого поверенного имя.

Вчера я узнала от Романова, что он еще не имеет от Вас никакого ответа. Он говорит, что вызов наследников уже был сделан и законный срок давно истек. Для выигрывания времени необходимо теперь представить в суд одновременно документы всех законных наследников, чтобы одним определением они были утверждены в правах наследства. Можно, впрочем, признать только наличных наследников и ввести их во владение, но тогда другие наследники могут доискиваться своих прав только исковым порядком, а это невыгодно и медленно. Поэтому прошу Вас уведомить меня, как Вы думаете поступить в этом наследственном деле.

Остаюсь уважающая Вас сестра

Наталья Лукашевич.

23 мая 1876 г.

Одесса.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 66, л. 1—1 об. На том же листе — письмо Н. Г. Лукашевич к К. А. Некрасову. Кроме публикуемых писем, переписка Некрасова с Н. Г. Лукашевич неизвестна.

Наталья Григорьевна Лукашевич (ур. Носачевская) — двоюродная сестра поэта по материнской линии. В ее письмах идет речь о наследственных делах по имени умершей родственницы А. А. Бирар.

¹ Эти письма неизвестны.

² См. наст. изд. С. 202.

8

Н. Г. Лукашевич — Некрасову

7 декабря 1877 г., д. Закревское, Херсонская губ.

Многоуважаемый брат
Николай Алексеевич!

Я более месяца как писала к Константину Алексеевичу,¹ прося его мне прислать доверенность на управление Вашей частью или самому пожаловать и распорядиться как угодно, пока теперь наследники налицо, и эту зиму мы еще проживем в деревне, а на лето все разъедутся, и тогда не с кем будет иметь дела; а какой конец надо придумать, иначе именье приходит в окончательное разорение. Это именье должно

непрерывно попасть в одни руки, дом, постройки — все разрушено, хозяйства нет никакого. Итак жду Вашего ответа, мною уважаемый брат Николай Алексеевич. Напишите, пожалуйста, какое Ваше и Ваших братьев решение насчет Вашей части. Вам хорошо известно, что именье не может быть без хозяина. Я пока от своих получила доверенность, теперь же остановка за Вашим решением. С Романовым за Вас я расплатилась из денег по выкупному свидетельству за судебные издержки тоже, за ввод во владение также. И когда кто из Вас пожалует для окончания по этому делу, то и счета проверим и сколько Вам придется, передадим около 200 рублей. Теперь жду ответа, пожалуйста, не медлите.

Свидетельствую Вам и Вашим братьям и Анне Алексеевне мой глубокий привет. Примите от меня пожеланье всего лучшего Юлии Николаевне.²

Остаюсь Ваша покорная слуга и доброжелающая сестра

Наталья Лукашевич.

7 декабря 1877 г.

Адрес: Херсонской губернии Ананьевского уезда, на станцию Марьяновку в деревню Закревское на имя Натальи Григорьевны Лукашевич.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 66, л. 3—4 об.

¹ См. там же, л. 2—2 об.

² Вероятно, Зинаиде Николаевне.

9

В. В. Мичурина (Самойлова 2-я) — Некрасову

1872 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Вас нисколько, вероятно, не удивит, что, прочтя Вашу поэму «Русские женщины», мне неотступно хотелось прочесть ее не тайно, мнрзб.н а в концерте. Но от многих слышу, что читать ее не позволят. Я этому поверила бы тогда, когда узнала то же от Вас. Я бы хотела прочесть о Трубецкой. Скажите Ваше мнение.

Глубоко уважающая Вас

Вера Мичурина.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 2, ед. хр. 12, л. 1. Датируется годом завершения и публикации на страницах «Отечественных записок» «Княгини Трубецкой».

Вера Васильевна Самойлова, в замужестве Мичурина (1824—1880) — драматическая актриса (сценический псевдоним — Самойлова 2-я), дочь знаменитых русских актеров В. М. и С. В. Самойловых.

В. В. Самойлова начала свою сценическую деятельность в 1841 году в Александринском театре Петербурга, где и проработала до 1853 года, до выхода замуж за офицера А. М. Мичурина, после чего оставила театральную сцену. В 1861—1863 годах преподавала в Петербургском театральном училище. Амплуа Самойловой 2-й — молодые любовницы и светские женщины. В 1851 году исполняла роль Дарьи Ивановны в «Провинциалке» Тургенева, на одном из представлений присутствовал сам автор, который положительно оценил ее игру (см. письмо И. С. Тургенева Е. М. Феокистову от 16 (28) февраля 1851 г.) (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1987. Т. 2. С. 92). Некрасов был знаком с В. В. Самойловой. Его пьеса «Вот что значит влюбиться в актрису!» впервые исполнялась в бенефис Самойловой 2-й. Дети В. В. Мичуриной — Н. А. Мичурин-Самойлов (1866—1880) и В. А. Мичурина-Самойлова (1866—1948) — известные актеры Александринского театра.

Кроме данного письма, переписка Некрасова с В. В. Мичуриной неизвестна.

В. А. Панаев — Некрасову

3 (15) марта 1876 г. Ницца

15 Mars 1876.

Любезный друг Николай Алексеевич. Я обещал тебе написать тотчас, как приеду в Ниццу. Только третьего дня вечером я приехал сюда и вчера был у Салтыкова. Хотя я мельком и видел его у тебя, но никогда даже не разговаривал с ним. Сразу человек этот мне понравился; очевидно, это человек прямой. Хотя он нездоров, это видно, но вид его произвел на меня весьма утешительное впечатление. Глаза его свежие, удущья не заметно, цвет лица обыкновенный. Худобы не заметно. Одно, что показывает болезненность, — это звук голоса, сгорбленность, походка ненормальная и темп речи не совсем еще здорового человека. Словом сказать, на мой первый взгляд, это человек начинающий подыматься, а не спускаться вниз.

Здесь теперь Божья благодать. Пишу в саду, кругом апельсины и лимоны, тепло так, как у нас бывает в июле, — нет ни мошек, ни комаров, ни мух; в некотором роде рай.

В Париже некий русский господин просил меня узнать, не нужно ли кому из журналов постоянного корреспондента для хроники политической парижской жизни? Он будет не составлять, а переводить те статьи, которые предлагает составлять некий Barbier, один из редакторов газетки «Le Rappel». Сообщаю тебе на всякий случай; если не подходит тебе, то не пожелают ли Бирж(евые) Вед(омости).

Будь здоров, может быть, до свидания; я скоро возвращусь в Париж.

Твой Валериан.

Сию минуту видел доктора Чернышева, который пользуется теперь Салтыкова. Он сказал мне, что у Салтыкова действительно есть порок сердца, что с этим пороком можно прожить и двадцать лет. Но нельзя ручаться ни за один день, и что теперь его положение не представляет ничего исключительно опасного.

В. П.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202 (Н. А. Некрасов), оп. 2, № 72, л. 1—2. На л. 1 в левом верхнем углу штамп: Hôtel du Louvre. Nice. С сокращениями опубликовано: *Евгений-Максимов В.* Из прошлого. Неизданные письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н. А. Некрасову: (К 40-летию смерти М. Е. Салтыкова) // Новый мир. 1929. № 5. С. 187—188 с датой 15 мая 1876 г.

Валериан Александрович Панаев (1824—1899) — инженер путей сообщения, действительный статский советник, публицист, автор интересных мемуаров, двоюродный брат писателя И. И. Панаева. С 1839 г. часто посещал его дом, встречался там со многими видными представителями русской литературы, сблизился с кругом «Современника». (Его родной брат Ипполит Александрович с 1856 по 1866 год заведовал конторой этого журнала, его хозяйственными и денежными делами). В. А. Панаев узнал Некрасова в 1840 году через своего знакомого Клавдия Андреевича Даненберга; в дальнейшем, примерно с 1847 года, между ними установились дружеские отношения. В издании произведений Некрасова 1856 года известно стихотворение «Старые хоромы. (Из Ларры)» (позже названное «Родина») было посвящено Валерьяну Панаеву. В середине августа 1864 года Некрасов передал В. А. Панаеву из Карабихи через В. С. Звонарева письмо со стихами «И здесь душа утнннем объята...». В. А. Панаев был горячим поклонником некрасовской поэзии. До самой смерти Некрасова у них сохранялись теплые отношения.

Датировка уточнена на основании следующих данных.

20 февраля (3 марта) 1876 года Салтыков обращался к Некрасову из Ниццы: «Получили ли Вы мою статью, многоуважаемый Николай Алексеевич, и будет ли она напечатана? Я написал ее несколько поспешно, вследствие Вашего письма, посланного через Панаева, которое я получил по почте, а самого Панаева и до сих пор не видал» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 20-ти т. М., 1976. Т. 18 (II). С. 263). Итак, в феврале Салтыков уже мог ожидать визита В. А. Панаева. В письме к П. В. Анненкову от 3(15) апреля 1876 г. он сообщал, что «послезавтра», то есть 5 (17) апреля, он выезжает в Париж. А письмо от 6 (18) апреля послано Некрасову из Парижа. Больше в Ниццу Салтыков не возвращался. Из Парижа он проехал в Баден-Баден, а затем отправился в Россию. Значит, В. А. Панаев мог посетить Салтыкова только до 5 (17) апреля.

В. А. Панаев написал название месяца по-французски. Очевидно, что его скоропись следует читать не «Мая», а «Mars», то есть март. Число «15» могло быть дано в соответствии с календарным стилем, принятым в России. Но в то же время логичнее предположить, что коль скоро месяц обозначен по-французски, то и число проставлено по григорианскому календарю.

Письма Салтыкова подтверждают, что конец февраля—начало марта в Ницце были прекрасными.

И это неудивительно. Курорт расположен в субтропической зоне, среднеянварские температуры достигают там +8 °С. Салтыков писал Некрасову 25 февраля (8 марта) 1876 года: «...так кашляю, как никогда не бывало. И это при великолепном солнце» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 18 (II). С. 265*). Письмо А. С. Суворину 26 февраля (9 марта); «Здоровье мое вот в каком положении: с утра сижу на одном месте и кашляю... Ослаб до того, что выходить не могу ... А на дворе июньский жар» (там же, с. 267).

Однако после 15 марта по новому стилю в Ницце наступило резкое изменение погоды. Вот что писал Салтыков П. В. Анненкову 9 (21) марта: «Погода самая неприятная. Представьте, теперь, в конце марта, — стужа, и вот два дня сряду как порошит снежок. Никто ничего подобного не запомнит» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 18 (II). С. 276*). Письмо В. А. Панаева, в котором он восхищается благодатным климатом, прекрасной южной растительностью этого уголка на побережье Средиземного моря, было написано, по всей вероятности, в последний погожий день; затем началось сильное похолодание, и в марте погода не исправилась.

11

Н. А. Романов — Некрасову

11 марта 1876. Одесса

Необходимо иметь в Одессе 26 марта метрику смерти Варшаве Ефросиньи Масловой 22 октября 1850. Субботу пошлю Вам свидетельство, доверенность. Пока немедленно приготовьте частно у главного священника армии, иначе проиграем дело Бирар. Отвечайте. Присяжный поверенный Романов.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, е. хр. 68, л. 1. Телеграмма. На телеграмме пометка Некрасова, по всей вероятности, обращенная к К. А. Некрасову: «Не похлопочешь ли — добыть эту бумагу? Н. Некрасов».

Николай Александрович Романов — одесский присяжный поверенный, адвокат, ведший дело о наследстве Анны Александровны Бирар (ур. Закревской), тетки Н. А. Некрасова. Переписка Некрасова и Н. А. Романова, кроме настоящих писем, неизвестна. Помещенное в Полном собр. соч. (Н 1, 11, 397—398) письмо к Н. А. Романову, судя по содержанию и почерку, принадлежит К. А. Некрасову (РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 68, л. 2 об.).

12

Н. А. Романов — Некрасову

12 марта 1876 г. Одесса

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Как известно, я веду со стороны Владимира Маслова дело об уничтожении духовного завещания Анны и Григория Бирар, наследники которых всеми силами стараются решить дело в последнем судебном заседании судебной палаты. Поверенный их заявил, что не представлено доказательств того, что мать Маслова Евфросинья умерла; так как он при ней не наследник, потому Палата назначила мне крайний срок 28 марта и выдала свидетельство, копию коего прилагаю при сем для руководства на получение от главного священника гвардии, армии и флота метрики о смерти Масловой.

Так как мне известно, что Вы имеете большой интерес в выигрыше сего дела, являясь наследником тоже после Анны Бирар, и так как Маслова на деле нет, то я и осмелился к Вам обратиться с просьбою хлопотать у главного священника о скорейшем получении метрики, о чем Вам вчера и послал телеграмму. Но так как мне неизвестно, находитесь в Петербурге ли Вы в настоящее время, то изменил свое намерение послать Вам прошение, а вместе с сим посылаю заказным письмо, прошение со свидетельством главному священнику. Вам же посылаю при сем доверенность, выданную мною, и убедительно прошу Вас, будьте столь добры, похлопочите и получите непременно метрику к 20 числу, чтобы я наверное имел бы ее 27 марта, последний день срока представления в Палате. Вы дайте кому то нужно и напишите мне сколько, я Вам сейчас же вышлю.

Надеюсь на Вашу любезность и прошу у Вас извинения за беспокойство, имею честь быть всегда готовым к услугам Вашим.

Н. Романов

P.S. Будьте добры сейчас же меня уведомить о ходе дела, если можно, даже телеграммой.

Н. А. Некрасову — Я сейчас узнал, что теперь два священника: один гвардии, штаба и т(ак) далее, а другой армии и флота, а так как Евфросинья Маслова умерла в то время, когда муж ее был секретарем в отделении канцелярии главного командующего князя Пашкевича, то метрика должна быть у священника армии и флота Покровского, которому я и послал прошение.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 68, л. 2. Дата определяется на основании содержания предыдущей телеграммы.

13

Н. А. Романов — Некрасову

1 мая 1876 г. Одесса

1 мая 1876 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Получив от Вас метрику о смерти Масловой, я Вам тотчас ответил и благодарил за Вашу любезность (письмо № 42), затем я Вам до сих пор не писал о деле, во-первых, потому, что не знал еще мотивов Палаты, а во-вторых, что не виделся со многими доверителями. Теперь сообщаю Вам, что Палата 31 марта уничтожила духовное завещание Анны Бирар, следовательно, будет отыскивать имущество Анны Бирар. Для этой цели и признало наследниками Маслова, его жену и г. Лукашевич¹ и по поручению моих доверителей и их согласия, переданного Вам или через меня, или через другого поверенного, заявить Ваши права. Вызов наследников уже был, посему необходимо только доверенность, метрику о Вашем рождении и доказательство родства Вашей матери с Анною Бирар.

Как только получу я копию решения Палаты, то немедленно сообщу Вам выписку из копии. В ожидании Вашего ответа по сему делу имею честь быть покорнейшим слугою.

Н. Романов.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 68, л. 6—6 об. На л. 6 об. рукой Н. А. Романова сделана помета: «Н. А. Некрасову».

¹ См. наст. изд., с. 199—200.

14

Н. П. Шаликова — Некрасову

18 апреля 1862 г. Москва

Милостивый Государь
Николай Алексеевич!

Еще раз обращаюсь к Вам с просьбой рассмотреть мою повесть «Отживающее» (Е. Нарской) и дать мне ответ.¹ Она уже пять лет находится в редакции «Современника».² В случае я поручу кому-нибудь взять ее от Вас и поместить в другой журнал. Вы меня крайне обяжете, взявши труд написать ко мне несколько слов по этому делу. Покойный Ив. Ив. Панаев обещался ее напечатать. Не знаю, как Вы

поступите. Мой адрес: Княжне Наталье Петровне Шаликовой в редакцию «Русского вестника».

Кн. Нат. Шаликова.

18 апреля.

Москва.

Печатается по автографу: РГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 72, л. 1—1 об. На л. 1 пометка карандашом, по всей вероятности, сделана рукой Н. Г. Чернышевского: «Ответ сказать, что роман представляется неудобным к напечатан(ию)». Год определяется годом смерти Ив. И. Панаева и годом ареста Чернышевского.

Наталья Петровна Шаликова (псевдоним Е. Нарская) (1815—1878) — беллетрист, автор повестей и романов «Все к лучшему», «Первое знакомство со светом», «Елена» и др. Публиковалась в журналах «Современник» (1855), «Русский Вестник» (1856—1865), «Рассвет» (1860), «Беседа» (1871). Некрасов не был лично знаком с Н. П. Шаликовой. Из их переписки известно, кроме настоящего, лишь одно письмо Шаликовой (Литературное наследство. Т. 51—52. С. 548—549); письма Некрасова неизвестны.

¹ Ранние письма Н. П. Шаликовой с подобной просьбой неизвестны.

² Повесть «Отживающее» в «Современнике» не появлялась.

О. В. Ломан

ЗАБЫТЫЙ АДРЕСАТ НЕКРАСОВА

В фонды Музея-квартиры Некрасова в Ленинграде поступило пять подлинных автографов Некрасова — пять писем поэта, из которых три были ранее опубликованы в XI томе Полного собрания сочинений поэта (М., 1952), а два опубликованы не были.

Большая часть известных нам опубликованных писем Некрасова адресована писателям. Эти письма — Тургеневу, Толстому, Боткину и многим другим — для нас особенно ценны, в них живой разговор о литературе, о журнальных делах, о цензуре. Есть письма и просто друзьям, людям, с которыми Некрасову приятно было общаться.

Среди таких друзей был и Николай Васильевич Холшевников, подлинные письма которому от Некрасова ныне стали достоянием музея. Об этом адресате Некрасова мы знаем немного. Скупые, одинаково однообразные комментарии к трем опубликованным письмам Некрасова к Н. В. Холшевникову выглядят так: 2/4 апреля, Берлин: «Печатается впервые по автографу из собрания Ю. А. Дунаева (Москва)»; «Печатается впервые по автографу из собрания Я. А. Дунаева (Москва)»; «Печатается впервые по автографу из собрания Дунаева (Москва)» (Н 1, 11, 128, 192, 359). Здесь кроме краткости обращает на себя внимание небрежность комментатора по отношению к владельцу автографов: он не только не называет его имени и отчества, но в одном случае у него инициалы Ю. А., в другом — Я. А., в третьем инициалов вообще нет. В алфавитном указателе адресатов две с половиной строчки: «Холшевников Николай Васильевич (1822—1907) — вице-инспектор корпуса лесничих. Два письма Холшевникова к Некрасову см.: АСК, с. 221—223» (Н 1, 11, 436).

Их переписка носит дружеский характер и посвящена главным образом охотничьим делам. Мы уже говорили, что первые три письма опубликованы, но кратко напомним их содержание. От 14 апреля 1869 года из Берлина Некрасов пишет Холшевникову, зная, что последнему это интересно: «Погода здесь вроде нашей, но есть уже зелень, деревья распускаются. Будьте здоровы, бейте глухарей. Ворочусь в Россию в июле. Душевно преданный Н. Некрасов» (Н 1, 11, 128). Из этого письма мы узнаем, что знакомство двух охотников — Некрасова и Холшевникова — началось около середины 1860-х годов, а к концу 1860-х годов оно перешло в дружбу. В другом письме от 27 июля 1871 года из Карабихи поэт благодарит приятеля за хлопоты — покупку и отправку ему ружей и патронов: «Многоуважаемый Николай Васильевич. Благодарю Вас за патроны, на днях получил, — и за ружья, получил в конце июня. Ружья хороши (...) Очень скоро я буду в Петербурге. Душевно преданный Вам Н. Некрасов» (Н 1, 11, 192).

Николай Васильевич охотно выполнял поручения Николая Алексеича, хотя некоторые из них были связаны с немалыми хлопотами, о чем мы можем судить и по письмам Холшевникова Некрасову в Карабиху. 18 июня 1871 года он пишет из Петербурга: «Скорее можно съездить в Лондон за ружьем, нежели получить уже присланное ружье из нашей таможни: более месяца держали там Ваше ружье, уважаемый Николай Алексеич, и, наконец, после многих хлопот, только третьего дня я получил его и в тот же день послал к Вам (...) адресуя в Ярославль (...) Ружье очень красиво, легко и прикладисто. Ящик очень практичен (...) Желая Вам всего хорошего, прошу поклониться от меня Зинаиде Николаевне...

№ — Ружье так прикладисто, что промахов будет мало и ярославские дупеля это восчувствуют».¹

Во втором письме в Карабиху от 25 июня того же 1871 года Холшевников беспокоится о задержке высылки патронов для ружья жены поэта Зинаиды Николаевны и объясняет причину этой задержки: он жил на даче, и письмо Некрасова о патронах пролежало в пустой квартире изрядное время. Теперь письмо получено, 200 патронов уложены в ящик, доставлены к нему в Департамент, откуда сразу будут отправлены в Ярославль. В этом же письме он прибавляет: «Если нужно что-нибудь для Вас устроить — чем обременить меня, пожалуйста, не откажитесь — пишите к Синему мосту, дом Министерства Государственных Имуществ, — так-му-то». И тут же охотник Холшевников делает замечание охотнику Некрасову: «На тетеревов-то Вы что-то рановато собрались — придется бить желтеньких в пуху (...) Желаю Вам здоровья и всего хорошего. До свиданья, Ваш Холшевников».²

Поручения Некрасова Николаю Васильевичу всегда старался выполнить быстро и хорошо и огорчался, когда возникали разные затруднения и задержки. В свою очередь и Некрасов был к нему очень внимателен, всегда благодарил его в письмах за выполненные просьбы и, главное, всегда был всем доволен. Он помогал приятелю чем мог. Так, судя по письмам, и в частности по письму от 27 июля, он хлопотал по одному «крайне важному» для того «служебному делу»: с помощью своего влиятельного знакомого (А. А. Абазы) поэт добился, чтобы вакантное место вице-инспектора корпуса лесничих получил Холшевников.

Холшевников не раз бывал у Некрасова в его квартире в доме Краевского на Литейном. Зимой они обычно садились в кресла у камина в кабинете, где на книжных шкафах стояли чучела птиц и где хранились охотничьи ружья, манки разных сортов. «Был у меня Холшевников, — пишет 8 ноября 1870 года Некрасов В. М. Лазаревскому, с которым он тоже охотился, — и мы с ним решили завтра ехать непременно, делайте свои распоряжения...» На полях этого письма Лазаревский записал: «Ездили с Некрасовым с 9 по 15 ноября 1870 (Веребье, Лобазино, Едно, Сытенки, Едрово) (...) Холшевников был с нами 2 дня».³

В марте 1871 года Некрасов купил небольшую усадьбу близ Чудова Новгородской губернии, в деревне Лука. Она стала называться Чудовской Лукой, а небольшой деревянный домик — охотничьим домиком. Невдалеке был лес, густой, изобиловавший дичью. Здесь было хорошо охотиться или просто бродить с ружьем и любимой собакой. В домике было тихо и можно было спокойно работать. Сюда часто приглашал Некрасов и своего приятеля Холшевникова, здесь в мезонине была даже комната для гостей, в которой тот иногда останавливался на ночлег.

Именно к этому периоду, видимо, и относятся два найденных, неопубликованных письма Некрасова Холшевникову. К сожалению, оба письма не датированы. Но упоминание в одном фамилии В. М. Лазаревского, с которым поэт часто охотился и общался в начале 1870-х годов, позволяет отнести эти письма к первой половине 70-х годов: не ранее 1871 года, когда была куплена Чудовская усадьба, и не позже 1874 года, когда Некрасов и Лазаревский разошлись навсегда и перестали переписываться.

Приведем неопубликованные письма Некрасова к Н. В. Холшевникову (написанные из Петербурга) полностью.

1

Любезнейший Николай Васильевич,

Я приехал на днях и уже успел простудиться. Не заедете ли, пока я соберусь к Вам. — Если в пятницу не решите, то уговоримся насчет охоты на воскресенье.

Ваш Н. Некрасов.

Среда.

¹ Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 221—222.

² Там же. С. 223.

³ Звенья. М., 1950. Кн. 8. С. 310.

Любезнейший Николай Васильевич,

Добейтесь от сего Николая толку о лосях и оленях. Если все это правда, то я бы поехал и приглашаю Вас. Мы будем только вдвоем; Лазаревский не может ехать. Это Вам не будет дорого стоить, ибо облавы я беру на себя, так как и поехав в одиночку, все равно заплачу тоже.

Николай прежде был мужик верный.

Ваш Н. Некрасов.

26 апреля 1875 года Некрасов снова пишет из Петербурга Холшевникову: «Многоуважаемый Николай Васильевич. Если не случится какого препятствия, то вторник я непременно еду в Чудово. Это решение последовало еще до Вашего письма. Ехать придется в два или в три с половиной. Поедем и на гусей. У меня был Степан с известием, что найдем несколько токов дупелиных, есть тока тетеревиные, есть вальдшнепы. Весь Ваш Н. Некрасов» (Н 1, 11, 359).

Письмо Холшевникова приглашало Некрасова на охоту в Грузино: «Из этого прилагаемого письма, добрейший Николай Алексеевич, увидите, что гуси есть в Грузине. Я сейчас еду на глухарей; в понедельник вернусь, а во вторник хочу ехать в Грузино. Если Вы не получили худших известий от М. Е. Салтыкова, то следовало бы Вам собраться во вторник в Чудово, найдем гусей, вальдшнепов и тетеревов. Уведомьте почтой, если поедете. Ваш Н. Холшевников».⁴

Отвечая 26 апреля 1875 года на это письмо и приглашая Николая Васильевича в Чудово, Николай Алексеевич не подозревал, что это — последнее лето его чудовской охоты. В 1876 году он приезжал в свой любимый охотничий домик уже тяжелобольным.

Н. В. Холшевников тяжело переживал кончину друга. Узнав о случившемся, он поспешил на квартиру поэта. В трудную минуту вдова поэта нашла поддержку, сочувствие в горе, заботу и ласковое слово не у сестры и братьев мужа, а у старого друга — Н. В. Холшевникова. Его внук — Евгений Васильевич Холшевников — передавал мне еще в 1949 году рассказ своего деда, бывшего на похоронах Некрасова:

«Зинаида Николаевна держалась все время стойко и мужественно. Но при выносе гроба из квартиры ей стало плохо, я поддержал ее, а то она бы упала. Но она оправилась и пошла вслед за гробом. Я вел ее под руку. Хотел посадить ее в карету (их было много), но она отказалась и всю дорогу, несмотря на сильный мороз, до самого Новодевичьего кладбища шла пешком вместе с народом за гробом мужа».⁵

Н. В. Холшевников пережил поэта на 30 лет. Он продолжал свою работу вице-инспектора корпуса лесничих, растил многочисленных детей и внуков, которые сохранили о нем добрую память.

Несколько слов о том, как, когда, и где, и у кого удалось нам разыскать 5 названных выше автографов Некрасова.

В мае 1989 года мой муж, доцент кафедры русской литературы Ленинградского университета Владислав Евгеньевич Холшевников, был приглашен ленинградским телевидением выступить в программе «Пятое колесо» в передаче «Разгром», посвященной трагическим событиям на кафедре русской литературы в 1949—1950 годах, когда необоснованно пострадали замечательные ученые-литературоведы Г. А. Гуковский, М. К. Азадовский, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум.

Эту передачу в Москве смотрела Ксения Николаевна Веневцева, мать которой, урожденная Холшевникова, была внучкой Николая Васильевича. Так как фамилия Холшевниковых не очень распространена, Ксения Николаевна решила узнать, какой же это Холшевников выступал по телевизору, и написала в редакцию письмо, которое переслали неизвестному ей «ленинградскому» Холшевникову. Так завязалась переписка.

⁴ Некрасовский сб. Л., 1989. Вып. 10. С. 180.

⁵ Там же. 1978. Вып. 6. С. 75.

В сентябре мы поехали в Москву и побывали у К. Н. Веневцевой. Она встретила нас очень радушно, показала нам ею вычерченное «Родословное древо Холшевниковых» (куда тут же была вписана и «ленинградская родня») и портрет Николая Васильевича в старости с малышкой правнучкой. Этот портрет по моей просьбе позднее был переснят в нескольких экземплярах и прислан нам. Один из них передан в Музей-квартиру Некрасова, другой — в музей Некрасова в Чудове, где так часто бывал у Некрасова прадед Ксении Николаевны и Владислава Евгеньевича — Николай Васильевич.

Мне очень хотелось осуществить мое давнишнее желание узнать что-то о друге поэта. Я обратилась с вопросами к Ксении Николаевне, и она кое-что рассказала о нем со слов своей матери, уже давно скончавшейся, и дополнила тем самым рассказы моего свекра Е. В. Холшевникова о своем дедушке. Я слушала ее с интересом: «Все, что я могу Вам сообщить о Н. В. Холшевникове, это то, что рассказывала мне о нем моя мама, его внучка. Много уже забылось. Я не знаю, где он родился и учился. Был он по специальности по лесной части. Семья у него была большая, мама говорила, что он много занимался с детьми, а потом и со внуками, учил их всему доброму. В семье Холшевниковых, по словам мамы, считалось высшей подлостью — предательство и взяточничество».⁶

Выслушав рассказ Ксении Николаевны, я задала ей еще один вопрос: мне давно хотелось напасть на след неизвестного мне Дунаева, чья фамилия с разными инициалами значится под опубликованными тремя письмами. Без всякой надежды на успех я спросила, не знает ли она Дунаева, в собрании которого находились письма Некрасова. «Как же,— ответила она, — Юрочку я хорошо знала, он был женат на моей двоюродной сестре Ирине Евгеньевне Вацадзе, мама которой, как и моя мама, тоже урожденная Холшевникова. Он был знающий, эрудированный инженер. К сожалению, он скончался в 1971 году». Получив адрес и номер телефона И. Е. Вацадзе, мы распрощались, от души поблагодарив гостеприимную хозяйку. Посетить Ирину Евгеньевну нам тогда не удалось, и уже из Ленинграда я послала ей большое письмо, опять с вопросами, среди которых был вопрос о Дунаеве и его инициалах. Она ответила вскоре. Ответ был ошеломляющий: «Автографы писем Некрасова — три опубликованных в 11-м томе и два неопубликованных — у меня, и я готова передать их Музею-квартире Некрасова. Что касается Дунаева, так это мой покойный муж. Полное его имя Юрий Александрович Дунаев. Он был инженер и к литературе имел отношение только как любитель. Детство мое прошло в Тифлисе, а потом переехали в Москву и поселились в квартире моего дяди — мамино брата — Михаила Порфирьевича Холшевникова. У него, как у старшего в роде, и хранились письма деда — некрасовского приятеля. К тому времени я уже имела некоторое отношение к литературе (работала в Московском литературном музее), и дядя Миша решил отдать письма Некрасова мне. Когда возник вопрос об их публикации в собрании сочинений Некрасова и нужно было указать местонахождение автографов, мы решили указать не мою грузинскую фамилию, а фамилию моего мужа — Дунаева Юрия Александровича. Он очень много занимался этими письмами, ходил с ними к Ашугину. В редакции было предложение дать более развернутые комментарии, чем несколько слов, которые сейчас в 11-м томе. Мой муж собирал для этого материалы. Все собранные им материалы передал в редакции своему приятелю, работавшему там, — Леониду Рафаиловичу Ланскому. Что касается перепутанных инициалов Дунаева, то Ланской, близкий знакомый, скорее приятель, конечно, не мог спутать инициалы Юрия Александровича. Да он и не занимался комментариями, судя по названным на развороте титула фамилиям, он вместе с С. А. Рейсером занимался подготовкой текста, а комментариями ведали другие люди.

⁶ Воспоминания матери Ксении Николаевны близки по содержанию рассказу Евгения Васильевича, отец которого Василий Николаевич, один из сыновей Николая Васильевича, а также и его старший брат Порфирий Николаевич были именно труженики и бессребреники. Оба были добрые, честные, порядочные люди. Порфирий был врачом, Василий — инженером-водником, работавшим на Волге, Немане, Днепре. «Семья жила небогато, — вспоминал его сын, — и когда отец умер, никакого состояния семье не осталось. Будучи студентом Медицинской Академии, я жил у своего дяди Порфирия в Петербурге, на Пряжке. Он был отзывчивый человек».

Вероятно, это была типографская опечатка или ошибка, на которую он не обратил внимания.

После смерти Юрия Александровича в 1971 году я пыталась найти те материалы, которые он долго с любовью собирал для комментариев, пересмотрела оставшиеся после него бумаги, но ни дома, ни в редакции ни копий, ни черновиков не нашла. Не нашлось ничего, связанного с Некрасовым и его приятелем Николаем Васильевичем, и после смерти дяди Миши, скончавшегося в 1958 году. А когда мы с мамой некоторое время после Тифлиса жили у бабушки Порфирия Николаевича в Петербурге на Большом проспекте Петербургской стороны, я еще была так мала, что не запомнила никаких рассказов о своем прадеде Николае Васильевиче. Позднее, как я уже писала, мы переехали к дяде Мише в Москву. Там я училась в Университете, потом вышла замуж. Мой муж был человек талантливый. Он нисколько не переживал, что инициалы его в солидной книге были перепутаны, он просто не обратил на это внимания. Зато как бы он был рад, что письма Некрасова не лежат под спудом, а переданы в музей Некрасова и что о них написано в ленинградской газете.

Заканчивая свое письмо, я вспомнила рассказ мамы Елены Порфирьевны: приезжая в Петербург, она непременно навещала своего дедушку Николая Васильевича и часто заставляла у него известных певцов, супругов Фигнер. Они пели в Мариинском театре. Дедушка очень любил музыку, особенно оперы русских композиторов. Он всегда абонировал недорогую ложу в третьем ярусе. Впоследствии, как Вы знаете, его внук Евгений Васильевич (1883—1955) стал оперным певцом. Профессиональным певцом стал и мой сын. Не по наследству ли это? Вообще удивительная история! — Не было бы „Пятого колеса“, не выступал бы на нем Ваш муж, не смотрела бы „Колесо“ Ксения — и ничего бы не было, пролежали бы у меня без толку некрасовские письма, и я бы не знала, что в Ленинграде живет мой родственник — троюродный брат В. Е. Холшевников». ⁷

Тем временем я получила обещанные письма от второй правнучки Н. В. Холшевникова Ксении Николаевны Веневцевой, той самой, которая написала письмо в редакцию «Пятого колеса».

Ксения Николаевна как бы продолжила рассказ Ирины Евгеньевны: она тоже слышала от мамы, как любил их прадед музыку, как часто бывал в Мариинском театре, иногда вместе с Некрасовым, который также очень любил оперу. ⁸

«Мама моя не раз вспоминала, каким любителем оперной музыки был ее дед, а мой прадед, — пишет мне Ксения Николаевна. — Особенно он любил Чайковского и Римского-Корсакова. Некрасов тоже любил музыку и часто бывал в Мариинском театре. Встречаясь там с Николаем Васильевичем, он всегда приглашал его в свою ложу. Но тот предпочитал свою ложу в III ярусе, к которой он привык. Позднее он сблизился с дирижером театра Направником, а когда в театре появились замечательные певцы Медея Ивановна и Николай Николаевич Фигнеры, Николай Васильевич подружился и с ними. ⁹ По словам мамы, они частенько после спектакля ужинали у Холшевниковых.

Продолжаю сообщать Вам то, что я запомнила из рассказов мамы: „Николай Васильевич был человек добрый и справедливый. Крестьяне его любили. Когда в 1861 году отменили крепостное право и освободили крестьян на волю, он ни с кого выкупа за землю никакого не взял. Когда дети его выросли и получили высшее образование, он всем им роздал по небольшой усадьбе или имению. У него было

⁷ Из писем Ирины Евгеньевны Вацадзе (правнучки Н. В. Холшевникова) к В. Е. Холшевникову и О. В. Ломан от 16 декабря 1989 г., 8 января 1990 г. и 22 мая 1990 г.

⁸ В РГАЛИ хранятся письма Некрасова Лазаревскому 1869 года: «Сегодня в Мариинском „Фауст“», «Сегодня „Русалка“ с Меньшиковой», «Сегодня в Михайловском „Проданная невеста“ (опера Сметаны)», «Я буду у Еракова из оперы («Травиата»)» (РГАЛИ, оп. 1, № 131, л. 27, 57, 62, 86). В Мариинском театре Некрасов абонировал ложу в бельэтаже. Иногда в театре они встречались с Н. В. Холшевниковым.

⁹ Эдуард Францевич Направник (1889—1916), выдающийся дирижер и композитор. С 1869 года — главный дирижер Мариинского театра. Медея Ивановна Фигнер (1859—?) (сопрано), Николай Николаевич Фигнер (1857—1918) — оба ведущие солисты Мариинского театра, в котором начали работать с 1887 года. С 1895 по 1905 год жили в бывшей квартире Некрасова на Литейном, в доме Краевского—Бильбасовых. В этой квартире не раз бывал Н. В. Холшевников у Некрасова. Теперь, спустя годы после его смерти, навещал здесь иногда своих новых друзей.

несколько таких небольших в Волынской губернии Изяславского уезда, Терновской волости (ныне — Хмельницкая область), дочери получили все даром, а сыновья — за небольшую сумму. Я помню названия некоторых сел, где были эти именья: Шарлаевка, Волица полевая, Ледянка и другие. В каком он жил сам, я не знаю. А его сын — мой дед Порфирий Николаевич с бабушкой — получил Шарлаевку, куда часто наезжал его отец и где иногда летом мы гостили с мамой. Дедушка Порфирий дружил с местными крестьянами, как и его отец. Он как врач бесплатно оказывал им помощь. Зато во время революции их никто не тронул, они с бабушкой в 1919 году добровольно отдали свой дом под школу, а сами жили во флигельке до 1926 года. В 1917 году в Шарлаевке похоронен мой отец. Но где похоронен Николай Васильевич, мы с сестрой Ириной Евгеньевной, к сожалению, не знаем. Только точно знаем, что не в Шарлаевке, там его могилы нет, хотя Шарлаевку он любил и иногда гостил там у сына. Как известно, он любил охоту, имел много собак. На Волыни в тех же краях было у него и свое небольшое имение.

Осенью 1907 года он гостил у сына. Однажды он пошел погулять с любимой собакой. Устал, сел на обочину отдохнуть, было сыро, и он простудился. Болел он недолго и умер легко на девятый день от воспаления легких. Любимая собака не отходила от него, пока он болел, а когда он умер — не отходила от дверей комнаты, где стоял гроб с телом покойного, не вставала от порога и ничего не ела, пока не вынесли гроб, потом ушла из дома, как говорили — «ушла умирать».

До самой смерти своей Николай Васильевич вспоминал добрым словом Николая Алексеевича Некрасова. Он любил его стихи, песни на его слова и свою любовь к поэту передал детям, внукам и правнукам¹⁰.

Нам остается горячо поблагодарить Ирину Евгеньевну Вацадзе и Ксению Николаевну Веневцеву не только за переданные в Музей Некрасова реликвии — письма и фотографии, но и за рассказы об одном из забытых друзей Николая Алексеевича Некрасова.

В самом начале этого очерка я писала, что о его «герое» мы знаем очень мало. Мы не знали, где он родился, где учился, где жил, не знали его петербургского адреса, как и где проходил службу.

Недавно, в марте 1991 года в Российском государственном историческом архиве (СПб.) посчастливилось найти две папки с документами Николая Васильевича Холшевникова. В одной из папок (ф. 1343, оп. 31, ед. хр. 2728, 1890 г.) содержится «Дело Правительствующего Сената, Департамента гарольдии о признании Н. В. Холшевникова и его семейства в потомственном дворянском достоинстве, со внесением во вторую часть дворянской родословной книги (...) Решение Сената объявить по месту жительства его: Петербург, по Екатерининскому каналу, у Аларчина моста, в доме Серебрякова, № 166, кв. 13».

Во второй папке (ф. 1343, оп. 31, ед. хр. 2780) есть некоторые интересующие нас подробности: мы узнаем, где родился и учился будущий вице-инспектор корпуса лесничих, как и где проходил службу.

Л. 1 и 2: «Поручик Н. В. Холшевников происходит из обер-офицерских детей, уроженец Иркутской губернии, средств не имеет, имения нет, а у жены родовых в Казанской губернии в Тетюшинском уезде 37 крестьян. По окончании курса наук в Лесном институте отправлен в Лисенское учебное лесничество для практических занятий. 4 июля 1843 года произведен в подпоручики. 8 ноября 1843 г. отправлен в Лесной и Межевой институты. 29-ти лет поручик Холшевников назначен лесничим в 1-е лесничество Царево-кокшаяска (...) 7 марта 1844 года назначен подлесничим в Казанскую губернию (...)».

«В походах и делах против неприятеля не находился. За свои работы и за военные заслуги получал денежные награды. Аттестован как „способен“ и „достоин“».

Лучше узнав забытого адресата Некрасова, вероятно, мы можем присоединиться к этой «Аттестации».

¹⁰ Из писем Ксении Николаевны Веневцевой (правнучки Н. В. Холшевникова) В. Е. Холшевникову и О. В. Ломан от 10 декабря 1989 г., 9 мая 1990 г. и 10 июня 1990 г.

В. И. Яковлев

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА НЕКРАСОВА

(К РОДОСЛОВНОЙ ПОЭТА)

Изучение биографий отдельных представителей дворянского рода Некрасовых содержит известный интерес и позволяет выработать в конечном итоге лучшее представление о жизни и творчестве Некрасова. Предлагаемый биографический материал о Т. И. Некрасовой, жене С. С. Некрасова, старшего брата А. С. Некрасова, выбран не случайно, в чем несложно убедиться при изучении проблемы, хронологические рамки которой вбирают в себя события, развивающиеся не только при жизни, но и после смерти Т. Некрасовой, включительно по 1860-е годы. Исследование отдельных сторон жизни Т. Некрасовой как представительницы дворянского рода Некрасовых, а также событий, получивших развитие благодаря ее месту и позиции в истории некрасовского рода, представляется в настоящее время возможным в связи с выявлением новых архивных документов. Рассмотрение взаимоотношений Т. Некрасовой с другими представителями рода Некрасовых намного расширит наше понятие о формировании родственных и семейных связей, которые нередко носили сложный и противоречивый характер, как это, например, проявилось в отношениях Т. Некрасовой с ее деверем А. Некрасовым. По иронии судьбы А. Некрасов одно время отводил Т. Некрасовой, бывшей крепостной крестьянке, роль хранительницы документов о родословной дворян Некрасовых. Об этом он неоднократно заявлял в 1847—1848 годах.¹

Т. Некрасова 27 июня 1847 года в свою очередь ответила: «Старинных документов у меня о роде Некрасовых нет и быть не могло. ... Алексей Сергеевич Некрасов, родной брат моего мужа, (должен сам. — В. Я.) иметь полное понятие о роде своем...»² И когда А. Некрасов терялся в поисках пропавших документов, она подтвердила свое дворянское положение как законная супруга С. Некрасова и была включена в родословный свод Некрасовых,³ исчисляя свое дворянство примерно с конца 1810-х годов.

На исходе марта 1818 года, уволившись с воинской службы, вернулись в родовую ярославскую вотчину братья Некрасовы, Сергей и Дмитрий, где и приступили к управлению имением, оставшимся после их умерших родителей. Жизнь холостяков не устраивала братьев, и в скором времени они женились на крестьянских девушках собственного имения. Е. С. Певницкая, родная сестра Некрасовых, отмечала: «Два брата мои Сергей и Дмитрий непременно вознамерились пережениться на девках из того общего имения; первый (Сергей. — В. Я.) — на Татьяне Ивановой Горячевой, а второй — на Авдотье Федоровой Дубининой...»,⁴ впоследствии «прижив с ними детей».⁵ Татьяна Некрасова — дочь зажиточного крестьянина Ивана Яковлевича Горячева из сельца Грешнева, крепостного С. Некрасова.⁶ К одной из самых

¹ ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 2214, л. 47, 55.

² Там же, л. 50 об.—51.

³ Там же, л. 26.

⁴ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 1183, л. 248. — Бракосочетание С. С. Некрасова и Т. А. Горячевой состоялось 8 ноября 1825 г. в церкви Абакумцево (там же, ф. 230, оп. 1, 10066, запись в метрической книге, № 24).

⁵ Там же, л. 190 об.

⁶ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 16989, л. 17 об.

богатых крестьянских семей, принадлежавших Некрасовым, относилась и Авдотья Дубинина. Они, как и их родные, в декабре 1821 года при разделе имений между наследниками Некрасовыми были приписаны соответственно на части С. Некрасова и Д. Некрасова и получили свободу.⁷ Подробно проследить историю жизни Татьяны и Авдотьи Некрасовых сегодня затруднительно. Однако известно, что если Дмитрий до своей смерти, в апреле 1832 года, «был вдов и бездетен»,⁸ то Сергей после смерти, 27 апреля 1845 года,⁹ оставил вдовой супругу Татьяну и малолетнюю дочь Варвару Некрасовых, последняя и унаследовала имение своего отца, на котором числились большие долги. Еще при жизни С. Некрасов в сентябре 1825 года «заложил в Московском опекуном совете в занятых 10 600 рублей» свои ярославские имения, состоящие в сельце Грешневе, деревнях Гоголине, Кошевке, Василькове Ярославского уезда и деревнях Белавине и Щетине Романово-Борисоглебского уезда.¹⁰ Не предвидя возможности выплатить долг, С. Некрасов обратился в Ярославский приказ общественного призрения с просьбой о предоставлении ему необходимой суммы для погашения задолженности. В сентябре 1836 года приказ выдал ему денежную ссуду свыше 4 тысяч рублей со сроком выплаты на 26 лет.¹¹ В дополнение к этому в октябре 1836 года этот приказ полностью выплатил долг С. Некрасова московскому опекуному совету.¹² Теперь общая сумма его долга возросла и составила с учетом процентов свыше 15 тысяч рублей, получателем которой являлся Ярославский приказ общественного призрения.¹³ Находясь в столь затруднительном материальном положении, С. Некрасов вынужден был в 1844 году занять у своей супруги Татьяны 3 тысячи рублей сроком на 5 лет, то есть до 1849 года.¹⁴ Однако выплатить эту сумму он не смог и, как говорится, с тем и умер. Тот факт, что С. Некрасов занял у своей супруги, в прошлом крестьянки, деньги, не прошел без внимания со стороны А. Некрасова, о чем он впоследствии писал: «Невестка моя никогда не была в бедном состоянии, что доказывается ... тем, что она займообразно выдавала по 3000 рублей серебром, также и самим распределением сумм...»¹⁵

В состав земельных владений, оставшихся после С. Некрасова, как уже отмечалось, входили ярославское и романово-борисоглебское имения, в которых насчитывалось более 80 крепостных душ мужского пола, из них от 7 до 13 душ м. п. в разные годы приходилось на романово-борисоглебское имение.¹⁶ 30 мая 1845 года, учитывая несовершеннолетний возраст Варвары Некрасовой, ярославская дворянская опека определила к имениям юной помещицы опекунов — ее мать, Татьяну Некрасову, и титулярного советника Ивана Копнина.¹⁷ Татьяна Некрасова и ее единственная дочь почти постоянно проживали в городе Ярославле,¹⁸ хотя и имели оставшийся от С. Некрасова барский дом в сельце Грешневе. Мать заботилась о воспитании дочери, желая приобщить ее к занятиям музыкой, купила ей фортепиано.¹⁹ Впоследствии А. Некрасов не раз упрекал Т. Некрасову за растрату денег, полученных от имения, состоящего под опекой, на приобретение этого музыкального инструмента.²⁰ Материнское счастье Т. Некрасовой было недолгим: 12 апреля 1848 года умерла Варвара Некрасова, 14 апреля она была захоронена на городском Леонтьевском кладбище, о чем свидетельствовала запись в

⁷ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 1183, л. 190 об., 248—248 об.

⁸ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 16989, л. 5.

⁹ Там же, д. 17114, л. 1.

¹⁰ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 1183, л. 280 об.; ф. 151, оп. 2, д. 4435, л. 1—1 об., 23.

¹¹ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 5, 101.

¹² Там же, ф. 151, оп. 2, д. 17114, л. 11.

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3207, л. 2.

¹⁵ Там же, л. 153 об.

¹⁶ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 4435, л. 10 об., 22. — В апреле 1825 года романово-борисоглебский земский суд в рапорте, посланном в ярославскую палату гражданского суда, сообщал: «По разделу с ... братьями и сестрами досталось (Сергею. — В. Я.) по Белавину 7 и Щетину 1, по Сидоровскому одна земля, из них убыло: из Белавина в рекруты отдана одна (душа. — В. Я.), Щетина умерла одна; взамен родилась одна, а всего ныне налицо за всеми переменами состоит 7 мужского пола душ...» (ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 4435, л. 11 об.).

¹⁷ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 293 об.

¹⁸ Там же, л. 2—2 об., 20—21 об.

¹⁹ Там же, л. 325.

²⁰ Там же, л. 1 об.

метрической книге, сделанная священником Крестовоздвиженской церкви Гордеем Алексеевичем Аквилевым, являвшимся духовным отцом Т. Некрасовой.²¹ В связи с наследством, оставшимся после В. Некрасовой, вскоре развернулись вполне понятные события. Уже 15 мая 1848 года ярославская дворянская опека, упоминая крестьянское происхождение Т. Некрасовой, отстранила ее от опекуинства над имением, оставленным дочерью.²² Со временем и И. Копнин также отошел от опекунских обязанностей.²³ Непродолжительный срок, согласно данным дворянской опеки, с 3 июня по 29 ноября 1848 года, опекуном над имением умершей В. Некрасовой состоял Константин Штейменц.²⁴ 17 мая 1848 года А. Некрасов обратился в ярославскую палату гражданского суда с просьбой о признании его законным наследником имения, оставшегося после В. Некрасовой.²⁵ 2 августа 1848 года в палату поступило прошение и Т. Некрасовой, в котором она писала: «Г-н Некрасов состоит не единственный к имению наследник, а вместе со мною в указной части...»²⁶ В связи с этим Т. Некрасова просила палату предоставить свободу своей дворовой девице Авдотье Ивановне Бельшковой, в прошлом няньке ее дочери Варвары.²⁷ Следует отметить, что Т. Некрасова и А. Бельшкова обе были родом из сельца Грешнева, и желание Т. Некрасовой предоставить А. Бельшковой свободу вполне объяснимо. Но, так как просьба Т. Некрасовой поступила до принятия и утверждения раздельного акта на имение между Татьяной и Алексеем Некрасовыми, последний на это отреагировал отрицательно. 6 сентября 1848 года А. Некрасов просил палату, чтобы от Т. Некрасовой дворовых людей отобрали и определили на оброк, а А. Бельшкову отдали «в услужение к дочери его капитанше Буткевич, проживающей в городе Ярославле».²⁸ Интерес со стороны А. Буткевич и ее отца, А. Некрасова, к А. Бельшковой был вызван тем, что она считалась хорошей портнихой, а это обстоятельство являлось немаловажным для молодой дамы.²⁹ На прошение А. Некрасова из суда сразу последовало распоряжение К. Штейменцу о наложении оброка на дворовых людей Т. Некрасовой и о передаче девицы А. Бельшковой А. Некрасову для его дочери.³⁰ Назревавший конфликт был урегулирован во время принятия Алексеем и Татьяной Некрасовыми раздельного акта на означенное имение. 30 сентября 1848 года этот документ был подан в ярославскую палату гражданского суда.³¹ По состоявшемуся разделу ярославское имение в землях сельца Грешнева, деревень Васильково, Кошевки и Гоголино, некогда принадлежавшее С. Некрасову, перешло к А. Некрасову.³² Т. Некрасова на свою часть получила романово-борисоглебское имение с деревнями Щетино и Белавино.³³ По раздельному акту, согласно 8-й ревизии, из 81-й крепостной души м. п., оставшейся после С. Некрасова, 72 ревизские души унаследовал А. Некрасов; Т. Некрасова принимала «ревизских 9-ть, а наличных 13 душ»; последовавшая 9-я ревизия зафиксировала за имением Т. Некрасовой 13 душ м. п.³⁴ В раздельном акте А. Некрасов обязывался «по желанию невестки... отпустить вечно на волю крестьянскую девицу Авдотью Иванову, писанную... по сельцу Грешневу,³⁵ взамен ее он получил от Т. Некрасовой деревянный господский дом в Грешневе, ранее принадлежавший С. Некрасову.³⁶ Долги, лежащие на имении, Алексей и Татьяна Некрасовы принимали «на себя ...каждый соразмерно наследственной своей доле».³⁷ 11 ноября 1848 года раздельный акт между Татьяной и Алексеем Некрасовыми был утвержден палатой

²¹ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 16989, л. 3—4.

²² Там же, л. 18 об.

²³ Там же, л. 18 об.

²⁴ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 20, 293 об.

²⁵ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 16989, л. 2.

²⁶ Там же, л. 17.

²⁷ Там же, л. 20.

²⁸ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 23 об., 49, 295 об.

²⁹ Там же, л. 23.

³⁰ Там же, л. 21 об., 295 об.

³¹ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 17114, л. 1—1 об.

³² Там же, д. 24619, л. 11—14.

³³ Там же.

³⁴ Там же, д. 20808, л. 1; д. 24619, л. 12 об.

³⁵ Там же, д. 24619, л. 12 об.—13.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 13.

гражданского суда.³⁸ В конце ноября 1848 года имение ввиду состоявшегося его раздела было исключено из ведомства дворянской опеки и опекуну К. Штейменцу было предложено сдать разделенные имения новым владельцам, что им и было сделано в начале декабря 1848 года.³⁹ Выполняя принятые на себя обязательства, включенные в раздельный акт, А. Некрасов 2 февраля 1849 года выдал отпускную А. Бельшковой, которой к этому времени было 26 лет.⁴⁰ Отпускную в ряду свидетелей подписал зять А. Некрасова, Генрих Станиславович Буткевич, служивший капитаном в 3-м учебном карабинерном полку.⁴¹ После утверждения отпускной в палате гражданского суда она 17 мая 1849 года была выдана А. Бельшковой.⁴²

Потеря мужа, смерть единственной дочери, последовавшие в непродолжительное время, сказались на состоянии здоровья и душевном настроении Т. Некрасовой. 21 марта и 4 апреля 1850 года Т. Некрасова, долгое время болевшая, составила два завещания. В первом, от 21 марта, она делала распоряжение (на случай своей смерти) по разделу принадлежавшего ей имущества и денег, на получение долгов, в том числе с А. Некрасова 1571 руб. 43 коп. серебром.⁴³ В конце текста завещания имеется приписка, в которой указывается, что «завещательница... получила с г-на Некрасова в уплату... долга 571 руб. 43 коп. серебром».⁴⁴ Таким образом, сумма долга А. Некрасова составила 1000 руб. серебром. Одну часть этих денег, числящихся за А. Некрасовым, по духовному завещанию Т. Некрасова поручала выдать своим родственникам и прислуге, другую — в Ярославский приказ общественного призрения с тем, чтобы «проценты выдавались причту ярославской градской Крестовоздвиженской церкви... причту ярославской округи села Абакумцева на поминание... родственников».⁴⁵ Своими наследниками Т. Некрасова назначила — с определением им к выдаче следующих денежных сумм — племянницу Ольгу Александровну Раевскую (300 руб.), солдатку Степаниду Петровну Копьеву (300 руб.), вольноотпущенную Авдотью Ивановну Бельшкову (200 руб.).⁴⁶ Далее в завещании Т. Некрасова делала распоряжения на случай ее смерти: о похоронах, по разделу святых икон, домашнего имущества. Всем этим Т. Некрасова просила распорядиться священника Г. Аквилева, являвшегося, как уже отмечалось, ее духовным отцом.⁴⁷ Под текстом завещания стоит подпись: «К сему духовному завещанию вместо Некрасовой за неумением ее грамоте и писать, по ее личному прошению... дворянин... Николай Владимиров сын Русов руку приложил».⁴⁸ Данный факт дополняет наши сведения о Т. Некрасовой и в определенной мере ее характеризует. Во втором завещании, от 4 апреля, Т. Некрасова предоставляла свободу, с правом выдачи купчих на землю, крестьянам деревень Щетино и Белавино романово-борисоглебского имения, доставшегося ей по разделу с А. Некрасовым.⁴⁹ В завещании Т. Некрасова указывала, что деньги за землю она с крестьян полностью получила.⁵⁰ Для засвидетельствования второго завещания Т. Некрасова обратилась в ярославскую палату гражданского суда.⁵¹ 12 апреля 1850 года, в день второй годовщины смерти ее дочери, учитывая болезнь Т. Некрасовой, на ее городскую квартиру явился представитель палаты, дворянский заседатель Касаткин, который, допросив завещательницу по содержанию поданного ею документа, предоставляющего ее крестьянам свободу и землю,⁵² оформил необходимые бумаги для подачи их в палату. При опросе Т. Некрасовой среди ряда прибывших свидетелей присутствовал капитан Г. Буткевич, поставивший свою подпись под составленным

³⁸ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 101, 266, 269 об.; д. 3207, л. 11; ф. 151, оп. 2, д. 18395, л. 1, 12; д. 20808, л. 5—5 об.; д. 24619, л. 14.

³⁹ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 49 об.

⁴⁰ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 18631, л. 2—2 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 8 об.

⁴³ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3207, л. 3—4.

⁴⁴ Там же, л. 4, 40.

⁴⁵ Там же, л. 3—4.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 19432, л. 2—3 об.

⁵⁰ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 159 об.

⁵¹ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 19432, л. 1—1 об.

⁵² Там же, л. 6.

Касаткиным документом.⁵³ Как видим, заинтересованность в судьбе наследства Т. Некрасовой, являвшегося неотъемлемой частью владений дворянского рода Некрасовых, была высока.

23 июля 1850 года Т. Некрасова, проживавшая на снимаемой ею квартире в доме мешанки Степаниды Бычковой в г. Ярославле, в возрасте около 50 лет умерла.⁵⁴ С этого момента составленные по ее воле завещания вступили в силу.⁵⁵ Принявший на себя обязанности душеприказчика Т. Некрасовой Г. Аквилев 28 июля 1850 года обратился в палату гражданского суда с просьбой об утверждении ее духовных завещаний.⁵⁶ В январе—феврале 1851 года такое решение палатой было принято,⁵⁷ и Г. Аквилев через городскую полицию стал взыскивать с А. Некрасова деньги в размере 1000 рублей, которые он был должен Т. Некрасовой.⁵⁸ Сам Г. Аквилев выступал еще и от лица ярославской духовной консистории, заинтересованной в получении с А. Некрасова денег, завещанных Т. Некрасовой церкви.⁵⁹ Однако долг А. Некрасов выплачивать категорически отказывался, ссылаясь на большие недоимки, лежащие на романово-борисоглебском имении, предлагал необходимую сумму по уплате задолженностей имения умершей Т. Некрасовой взыскать с крестьян, ранее принадлежавших ей, а теперь получивших свободу и землю согласно завещанию своей помещицы.⁶⁰ В связи с этим в марте и мае 1851 года А. Некрасов подал прошения в ярославский уездный суд, с которых началось «Дело о взыскании отставным майором Алексеем Сергеевым Некрасовым убытков с имения титулярной советницы Татьяны Некрасовой».⁶¹ Ссылаясь на постоянную болезнь Т. Некрасовой в последние годы ее жизни, А. Некрасов указывал, что она хотя и являлась опекушкой над имением своей дочери, но отчетов по управлению имением не предоставляла, утаивая доходы, не способствовала выплате числившихся на имении оброчных недоимок, других долгов.⁶² Подобные претензии А. Некрасовым предъявлялись в первую очередь с целью лишить возможности романово-борисоглебских

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 33—33 об., 297 об.

⁵⁵ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 19423, л. 4; д. 19432, л. 3.

О смерти Т. Некрасовой Г. Аквилевым и С. Копьевой было заявлено в полицию. В связи с этим ярославская городская полиция должна была составить опись и провести оценку оставшемуся после Т. Некрасовой имуществу с тем, чтобы впоследствии выдать его, согласно завещанию, законным наследникам. С данным поручением на квартиру умершей дворянки явился квартальный надзиратель 1-й полицейской части Н. П. Узнанский (впоследствии переведен по службе в ведомство московской управы благочиния, в пятницукую часть) и «при сторонних людях по просьбе вышеозначенных священника и солдатки все принадлежащие покойной Некрасовой вещи и деньги... своей печатью запечатал» до получения из ярославской палаты гражданского суда утвержденных духовных завещаний. По просьбе Г. Аквилева и С. Копьевой описи имуществу Н. Узнанским сделано не было, так как они объяснили, что круг наследников был определен и споров между ними по наследуемым частям не возникало. В дополнение к этому Н. Узнанский оставил ключи от квартиры Т. Некрасовой присутствовавшим при опечатывании вещей наследникам. В скором времени имущество по условиям духовного завещания умершей было разделено среди ее наследников. В подтверждение состоявшегося раздела обладатели наследства Т. Некрасовой выдали расписки в 1-ю полицейскую часть. 22 марта 1851 года ярославский уездный суд, начавший в этому времени рассмотрение материалов по делу о причиненных Т. Некрасовой убытках А. Некрасову, потребовал от ярославской городской полиции, чтобы она «описанное у г-жи Некрасовой имущество имела в своем присмотре, не допуская до раздела между наследниками... впредь до обеспечения выказываемых г-м Некрасовым убытков до 436 руб. серебром...». Но, как видно, судебное распоряжение явно запоздало и раздел наследства Т. Некрасовой уже состоялся (см.: ГАЯО, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 27—27 об., 32—32 об., 43 об.—44, 69 об.—70).

⁵⁶ ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 19423, л. 1—2.

⁵⁷ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 90, 266; ф. 151, оп. 2, д. 19423, л. 29.

⁵⁸ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 100 об.; д. 3207, л. 7.

⁵⁹ Там же, д. 3049, л. 252 об.

⁶⁰ Там же, ф. 151, оп. 2, д. 20808, л. 4, 18—23.

⁶¹ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 2 об., 266 об.

⁶² Там же, л. 1—2 об.

Если в раздельном акте в ноябре 1848 года А. Некрасов и Т. Некрасова указывали: «Разделом остаемся довольны и впредь о переделе ни нам, ни наследникам нашим не просить ... ярославское имение поступает ко мне, Алексею, без всякого исключения, а романово-борисоглебское ко мне, Татьяне...», — то после смерти Т. Некрасовой при отсутствии других наследников А. Некрасов становится полноправным владельцем ее романово-борисоглебского имения, и тем самым состоявшаяся между ними договоренность, зафиксированная в раздельном акте, теряла свою юридическую силу (см.: ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 24619, л. 13 об.).

крестьян использовать в своих интересах условия, предоставленные им в завещании Т. Некрасовой.

В 1850—1860-х годах ярославская палата городского суда и уездный суд рассматривали два дела, связанных с Т. Некрасовой: первое — по прошениям А. Некрасова о причиненных ему убытках при жизни Т. Некрасовой, второе — по искам священника Г. Аквилева с требованиями выплаты А. Некрасовым долга наследникам той же Т. Некрасовой.⁶³ В следствиях по этим делам, как уже стало очевидным, активное участие принимала ярославская полиция как непосредственный исполнитель судебных властей. Среди полицейских чинов сбором следственного материала занимался А. Казаринов, ярославский квартальный надзиратель, известный нам по его письму к Н. Некрасову от 14 июня 1866 года.⁶⁴ В начале 1850-х годов А. Казариновым были взяты объяснения с А. Некрасова по начавшемуся его делу с наследниками Т. Некрасовой, им также установлены ярославские адреса всех лиц, участвовавших в судебном процессе.⁶⁵

Ранее уже отмечалось, какую позицию заняла церковь и ее представитель Г. Аквилев в деле наследников Т. Некрасовой с А. Некрасовым. Из ярославской духовной консистории во 2-й половине 1850-х годов шли запросы в уездный суд о ходе дела о «взыскании с майора Некрасова... денег 1000 руб. сереб. по заемному письму».⁶⁶ Поддержка со стороны духовной консистории несомненно вселяла в Г. Аквилева, считавшего все претензии, выдвинутые А. Некрасовым, несостоятельными, уверенность в благополучном исходе данного дела, об этом свидетельствовало и столь длительное его участие в судебных разбирательствах. В этом плане представляет интерес его объяснение ярославской полиции 13 сентября 1861 года, в котором он все претензии А. Некрасова к умершей Т. Некрасовой считал ложными и надуманными.⁶⁷ Начатое А. Некрасовым дело об убытках, причиненных ему Т. Некрасовой, по мнению Г. Аквилева, необходимо было ему для прекращения взысканий с него задолженных им денег. Характеризуя позицию А. Некрасова в затянувшемся судебном процессе, Г. Аквилев указывал, что «отношения г-на Некрасова к невестке его были более враждебны, нежели миролюбивы, и притом он состоял ей должным и долга не уплачивал».⁶⁸ Да и сам А. Некрасов не скрывал своего пренебрежения к Т. Некрасовой: он не мог смириться с мыслью о ее крестьянском происхождении и указывал, что ее «наследники... все почти из простолюдинов».⁶⁹

* * *

В рамках указанных судебных дел отдельной строкой проходят документы, связанные с крестьянами романово-борисоглебского имения умершей Т. Некрасовой, которые в начале 1850-х годов вступают в судебные разбирательства священника Г. Аквилева и помещика А. Некрасова. 19 июня 1851 года семь крестьян деревень Белавино и Щетино романово-борисоглебского имения умершей помещицы Т. Некрасовой, братья Степан, Василий, Иван Афанасьевы, Григорий Гаврилов, Парамон Григорьев, Ефим Федоров и Василий Федоров, получили от Г. Аквилева, согласно засвидетельствованному 17 апреля 1850 года в палате гражданского суда духовному завещанию Т. Некрасовой, купчую крепость на земли, состоящие в Романово-Борисоглебском и Ярославском уездах, за которые они уплатили Т. Некрасовой 700 рублей.⁷⁰ Согласно купчей, земля эта должна была быть в их

⁶³ ГАЯО, ф. 196, оп. 1, д. 3207, л. 86.

⁶⁴ Архив села Карабики. М., 1916, с. 229. — В письме А. Казаринов приглашал Н. Некрасова на охоту в окрестности села Печелки Ярославского уезда, где он сам, приезжая, вероятно, останавливался в доме своего родственника Иоанна Казаринова, служившего с 1857 года священником в Рождественской церкви (см.: Именная роспись начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии // Сост. А. Крылов. Ярославль, 1861. С. 70).

⁶⁵ ГАЯО, ф. 196, оп. 1, д. 3207, л. 38—39 об., 41 об.

⁶⁶ Там же, л. 84, 88, 95, 107, 140, 141.

⁶⁷ Там же, л. 3049, л. 220—223.

⁶⁸ Там же, л. 222.

⁶⁹ Там же, л. 3207, л. 13.

⁷⁰ Там же, ф. 151, оп. 3, д. 1275, л. 3—4 об.; оп. 2, д. 20808, л. 23. — В документах указываются только имена и отчества крестьян.

общем владении.⁷¹ 2 января 1852 года крестьяне предъявили в ярославскую палату гражданского суда эту купчую крепость и просили разрешения палаты о вводе их во владение указанной землей.⁷² В феврале этого года, видимо, по распоряжению палаты такой вводный акт на землю был составлен в романово-борисоглебском земском суде.⁷³ Но решительное вмешательство А. Некрасова в дела романово-борисоглебских крестьян не позволило им закрепить их законные права на землю. Опасаясь потери земель, входивших в наследственные владения дворянского рода, А. Некрасов заблаговременно, летом 1851 года, обратился в Правительствующий сенат с жалобой на ярославскую палату гражданского суда, утвердившую духовное завещание Т. Некрасовой.⁷⁴ В ответ из Сената последовали указы, в одном из которых от 5 февраля 1852 года предлагалось жалобу А. Некрасова на палату «оставить без последствий», но вместе с тем указ предоставлял А. Некрасову право «начать иск свой о взыскании с отпущенных Некрасовою на волю крестьян денег... предъявить спор на право получения ими по купчим крепостям земли, согласно духовного завещания Некрасовой...».⁷⁵ Этим решением Сената А. Некрасов не замедлил воспользоваться и в судебном порядке стал требовать возвращения ему земель романово-борисоглебского имения на правах наследника умершей Т. Некрасовой. В спорах между ним и романово-борисоглебскими крестьянами дело о переходе земли затянулось на несколько лет. В июне 1856 года крестьяне романово-борисоглебского имения, некогда принадлежавшего Т. Некрасовой, были приведены к присяге и опрошены по существу обвинений, предъявленных им А. Некрасовым.⁷⁶ Документы письменного опроса крестьян содержат краткие характеристики на шестерых из семи крестьян, отстаивавших свои права на часть земель владений Некрасовых. В перечне нет упоминания о Парамоне Григорьеве, причина его отсутствия не указывается. Среди опрошенных староста деревни Щетино Степан Афанасьев 53 лет, грамотный, который во время приведения к присяге был болен. Его братья — крестьяне той же деревни Щетино, Василий Афанасьев 44 лет и Иван Афанасьев 40 лет, оба грамотны. Крестьяне деревни Белавино Григорий Гаврилов 53 лет, Василий Федоров 47 лет и Ефим Федоров, самый старший из них, 67 лет. Все трое крестьян из деревни Белавино неграмотны. Общим для всех романово-борисоглебских крестьян является то, что они «веры православной, на исповеди и у святого причастия быва(ли) každогодно, под судом не быва(ли)...».⁷⁷ В показаниях приставу 2-го стана Романово-Борисоглебского уезда крестьяне подтвердили свои регулярные выплаты Т. Некрасовой с каждого тягла и считать себя должниками не желали. Вместе с тем продолжать судиться с помещиком крестьянам было затруднительно.

Как показали дальнейшие события, начатое А. Некрасовым судебное дело в итоге решилось в его пользу. Об этом он и писал в ярославский уездный суд в январе 1862 года: «Имение впоследствии времени поступило в (мое. — В. Я.) владение...»⁷⁸

В этом же обращении в уездный суд А. Некрасов указал, что другим наследникам Т. Некрасовой, согласно ее завещанию, деньги им полностью выплачены.⁷⁹ Считая, что судебное разбирательство, затянувшееся более чем на десять лет, должно быть закончено, А. Некрасов писал, что в сложившейся ситуации «Аквилев не имеет права по силе завещания ходатайствовать по настоящему делу ни за умершую Некрасову, ни за наследников ее ...».⁸⁰ Тем не менее в апреле 1862 года от ряда наследников Т. Некрасовой последовали жалобы в ярославский уездный суд. В них указывалось, что деньги А. Некрасовым либо не выплачивались вовсе, либо сумма долга покрывалась частично.⁸¹ Так, получившие права наследства вместо умершей в

⁷¹ Там же, оп. 2, д. 20808, л. 23 об.

⁷² Там же, оп. 3, д. 1275, л. 1—2.

⁷³ Там же, л. 11—12.

⁷⁴ Там же, оп. 2, д. 20808, л. 13.

⁷⁵ Там же, л. 27 об.—28.

⁷⁶ Там же, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 128—130 об.

⁷⁷ Там же, л. 129—130 об.

⁷⁸ Там же, л. 319 об.

⁷⁹ Там же, л. 242.

⁸⁰ Там же, л. 242 об., 319.

⁸¹ Там же, д. 3207, л. 201, 208.

1851 году Авдотьи Бельшковой⁸² родные ее братья, временнообязанные крестьяне сельца Грешнева Маркел и Данила Бельшковы, находясь в г. Перми на отходном промысле по печному делу, 11 октября 1861 г. доносили местной полиции, что деньги в размере 200 рублей они не получали и просили эту сумму им выплатить, как единственным наследникам, оставшимся после умершей их сестры.⁸³ В свою очередь другая наследница Т. Некрасовой, С. Копьева, в апреле 1862 года также указала, что вместо положенной ей по завещанию суммы в 300 рублей А. Некрасовым ей выдано только 150 рублей.⁸⁴ Уличенный в подлоге, А. Некрасов был вынужден покрывать числившиеся на нем долги. Уже в апреле 1862 года причитающуюся им сумму получили братья Бельшковы.⁸⁵ Сведений об удовлетворении претензий С. Копьевой по выплате ей недостающих 150 рублей нет.

Видимо, указанные события сказались на состоянии и без того слабого здоровья А. Некрасова. В августе 1862 года, по сведениям ярославской городской полиции, он находился «в тяжелой болезни и... совершенно без языка».⁸⁶ 30 ноября 1862 года А. Некрасов скончался. Впоследствии, до середины 1860-х годов, дело А. Некрасова, но уже «о подложном составлении показаний» велось чиновником особых поручений по Ярославской губернии Агриколянским.⁸⁷ В ходе очередного следствия по этому делу ярославский уездный суд 2 декабря 1864 года вынес определение: «Иск г-на Некрасова о причиненных Некрасовою убытках, как бездоказательный, оставить без удовлетворения».⁸⁸ Оставшийся за Некрасовым долг предлагалось взыскать с его имения или наследников.⁸⁹

Необходимо отметить, что события 50-х—начала 60-х годов XIX века, связанные с многолетней тяжбой душеприказчика Т. Некрасовой Г. Аквилева и семи ее романово-борисоглебских крестьян, с одной стороны, и А. Некрасова — с другой, не могли пройти незамеченными для Н. Некрасова. Более того, он сам стал невольным свидетелем разбирательства по делам своего отца с наследниками Т. Некрасовой. Об этом нам свидетельствует переписка между отцом и старшим сыном Некрасовыми. 24 февраля 1851 года А. Некрасов писал Николаю: «Невестка завещала остальной долг с меня в церкви Божия, долгу этого 872 руб., квартальный Казаринов — не выходит от меня с квартиры с требованием этих денег, которых 500 руб я заплатил...»⁹⁰ Позднее, в конце 1850-х годов, А. Некрасов задумал составить духовное завещание, о чем и писал сыну, с намерением привлечь его к делам родового и приобретенных имений, с желанием видеть в Николае советчика и участника по управлению земельными владениями.⁹¹ Н. Некрасов, как видно из его письма к отцу от 16 апреля 1861 года, отвечал: «Вы готовы предоставить имение в наше распоряжение. В том-то и дело, что я избегаю всяких распоряжений. Вы знаете, что жизнь моя идет не без тревоги...»⁹² В декабре 1862 года в связи со смертью отца Н. Некрасов, так же как его братья и сестра, находился в Ярославле. Об этом указывали ярославский уездный суд и городская полиция, озабоченные вызовом наследников умершего в суд для рассмотрения уже известного дела.⁹³ Но Н. Некрасов не принял участия в деле по долгам своего отца. В декабре 1862 года он уехал в Петербург, где к началу января 1863 года оформил на своего брата Федора Некрасова доверенность, по которой предоставлял ему право на управление отцовским наследством.⁹⁴ В доверенности Н. Некрасов указывал: «Прошу тебя принять на себя труд в следующем: принадлежащее нам ныне вообще все

⁸² О смерти в 1851 году в г. Ярославле А. Бельшковой свидетельствовали в своих показаниях А. Некрасов (18 сентября 1852 года) и священник церкви села Абакумцева Василий Горский (25 февраля 1854 года) (см.: ГАЯО, ф. 196, оп. 1, д. 3207, л. 47, 56).

⁸³ ГАЯО, ф. 196, оп. 1, д. 3207, л. 201.

⁸⁴ Там же, л. 208.

⁸⁵ Там же, л. 211—211 об.

⁸⁶ Там же, л. 3049, л. 260.

⁸⁷ Там же, л. 3207, л. 218.

⁸⁸ Там же, л. 3049, л. 328—329.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Архив села Карабики. С. 41.

⁹¹ Там же, с. 45.

⁹² Там же. С. 3.

⁹³ ГАЯО, ф. 196, оп. 1, д. 3049, л. 262 об.

⁹⁴ Там же, л. 4263, л. 77—78 об.

имение принять в свое распоряжение... уплачивать лежащие на имени долги...»⁹⁵ Ранее, 18 декабря 1862 года, аналогичную совместную доверенность в Ярославле выдали Федору Анна Буткевич и Константин Некрасов.⁹⁶ Описываемые события могли быть использованы поэтом при работе его над поэмой «Кому на Руси жить хорошо»: они происходили в 1850-е предреформенные годы в обстановке нарастающего обострения крестьянского вопроса в России, отражавшего позицию духовенства и затрагивавшего интересы помещичьего дворянства. Об этом нам свидетельствуют реально существовавшие лица: поп Г. Аквилев, помещик А. Некрасов и семь романово-борисоглебских крестьян, которые, получив еще до реформы 1861 года свободу, лишились права иметь землю. Следует также добавить, что изложенные события предшествовали появлению у Н. Некрасова творческого замысла будущей поэмы.

В заключение следует указать на особое место, которое занимала Т. Некрасова в дворянском роде Некрасовых. С именем Т. Некрасовой были связаны события довольно продолжительного периода, не только получившие развитие в рамках истории некрасовского рода, но и выходящие далеко за его пределы. И в первую очередь здесь необходимо отметить ее роль в предоставлении семи ярославским крестьянам свободы и земли. Вышедшие из крепостной зависимости и пытавшиеся закрепить свои права на купленные ими земли помещиков Некрасовых крестьяне встретили резкое противодействие со стороны А. Некрасова. Возникшая на этой почве судебная тяжба помещика с семеркой крестьян носила для последних драматический характер. Столь неординарное положение, в котором оказались конфликтующие стороны, не могло пройти без внимания к нему Н. Некрасова. Сюжетная привлекательность события была так велика, что использование его Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» весьма вероятно.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, л. 79—80.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Н 1 — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 12-ти т. М., 1948—1953.
Н 2 — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15-ти т. Л., 1981. —
Издание продолжается.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. А. 206
 Абдель-Кадара 195
 Авсеенко В. Г. 10, 128
 Агриколянский 218
 Азадовский К. М. 182, 207
 Аквилев Г. А. 213—218
 Аксаков И. С. 85, 18
 Александр 112, 166
 Александров А. 32
 Александрова Н. П. 178
 Алексеев А. Д. 135, 169
 Алексеева О. Б. 194, 196, 198, 200, 202
 Алмазов Б. Н. 126
 Альфьери 187
 Андреев Л. Н. 87
 Андреевский С. А. 9, 11, 18, 52, 54
 Анисимов А. И. 185
 Анисимов Ф. Л. 179
 Анненков П. В. 11, 36, 81, 156, 202
 Анненский И. Ф. 128, 130
 Антонович М. А. 166, 167
 Арнольд Ю. К. 47
 Арсеньев К. К. 10
 Афанасьев В. 215, 216
 Афанасьев И. 215, 216
 Афанасьев С. 215, 216
 Ашешов Н. С. 126
 Ашукин Н. С. 180, 181, 186, 187, 208

 Базилевская Е. В. 138, 139, 141
 Байрон Д.-Г. 4, 110, 152
 Балтрушайтис Ю. К. 181
 Бальмонт К. Д. 5, 124, 128—130, 178, 180, 181
 Баранов В. 181
 Баранцевич К. С. 89
 Баратынский Е. А. 59
 Барбье О. 150—151
 Баренбаум И. Е. 197
 Барков И. С. 143
 Басаргин А. 12
 Батюто А. И. 41
 Батюшков К. Н. 59, 180
 Бахтин М. М. 20, 27
 Башуцкий А. П. 37, 40, 42, 155, 160, 161
 Бедный Демьян (псевд.; наст. имя — Придворов Е. А.) 169, 170
 Бекедин П. В. 137, 138, 140
 Бекфорд 180, 184
 Белецкий А. 24
 Белинская М. В. 36
 Белинский В. Г. 4, 9, 11, 18, 25, 27, 28, 30—32, 35—51, 72, 74, 75, 81, 82, 100, 105—109, 134, 137, 150, 151, 153, 155—161, 168, 191
 Белинский М. 138
 Бельй А. 8, 9, 114, 115, 120, 122—124, 130, 169, 178, 182
 Бельшков Д. 218
 Бельшков М. 218
 Бельшкова А. И. 212, 214, 218
 Бенардаки Н. Д. 72
 Бенедиктов В. Г. 20, 59, 85, 86, 134
 Бенуа А. Н. 185
 Берг Н. В. 81, 194, 195
 Бердяев Н. А. 185
 Берковский Н. 27
 Беседина Т. А. 57
 Бессонов Б. Л. 191
 Бестужев-Марлинский А. А. 27
 Бибиков В. И. 103
 Бильбасовы 209
 Бирар А. А. (ур. Закревская) 199, 200, 202, 203
 Бирар Г. 202
 Благосветлов Г. Е. 85
 Блан Л. 105
 Блок А. А. 4, 18, 20, 115—120, 123, 124, 130, 178, 182, 183
 Боборыкин П. Д. 131
 Богданов Николай 46
 Бодлер Ш. 114, 128
 Боккаччо Д. 182
 Боровиковский А. Л. 151, 152
 Боткин В. П. 10, 11, 12, 36, 46, 48, 83, 84, 109, 157, 205
 Брант Л. В. 36, 38, 45
 Браун М. 14
 Броуллинг 184
 Брюсова И. М. 180
 Брюсов В. Я. 17, 114, 115, 121—124, 128, 130, 178—183, 187
 Будникова Л. И. 126
 Булгарин Ф. В. 37, 45, 46, 48
 Бунин И. А. 183, 184
 Буренин В. П. 132, 192, 193
 Буткевич А. А. 150, 152, 153, 167, 212, 218
 Буткевич Г. С. 214
 Буткевич П. А. 71
 Бухштаб Б. Я. 16, 37, 41, 42, 142, 143, 155
 Бычкова С. 214
 Бялый Г. А. 141

 Ваганова И. В. 178, 180, 182, 184, 186, 188
 Валицкая 196
 Валицкий Е. П. 194—196
 Васильева Е. Г. 154, 155, 156, 158, 160
 Вацадзе И. Е. 208—210
 Вацуро В. Э. 189, 190
 Вашков Е. И. 169, 170
 Введенский А. 141
 Вебстер 181
 Венгеров С. А. 126, 167
 Веневитинов Д. В. 180
 Веневцева К. Н. 207—210
 Верхарн 114, 120
 Верховский Г. П. 12
 Вершинина Н. Л. 24, 26, 28, 30, 32, 34
 Виардо Л. 105
 Виардо П. 105
 Викторovich В. А. 192
 Виноградов В. В. 24, 25, 27
 Владиславлев В. 31

- Вогтоэ, Мельхиор де 129
 Вознесенский 90
 Волгин И. 13
 Волошин М. А. 124, 130
 Вольпе 8
 Вольтер 144, 158, 183
 Вольф М. О. 183
 Воронов И. А. 89
 Вронченко М. А. 142
 Вурм 192
 Вяземская В. Ф. 197
 Вяземский П. А. 60, 143, 180, 194, 196, 197
 Гаврилов Г. 216, 217
 Гаврилов Н. П. 197
 Гаевский В. П. 143
 Галахов А. Д. 28, 32
 Гаркави А. М. 36, 37
 Гартман 9
 Гаршин В. М. 137—141
 Гегель Г.-В.-Ф. 9
 Герцен А. И. 84, 89, 90, 108, 156, 159
 Гершензон М. О. 185—187
 Гете И.-В. 45, 110
 Гин М. М. 13, 20, 36, 39, 70, 79, 81, 89
 Гинзбург Л. Я. 8, 9
 Гишпиус В. В. 9, 21
 Гишпиус З. Н. 183
 Глуховская И. И. 24
 Глушицкий Н. И. 191
 Гоголь Н. В. 4, 11, 22, 36, 38, 40, 41, 74, 81—83, 85, 109, 110, 126, 156, 159
 Голицыны 3
 Головшиков К. Д. 173
 Голубев А. 166, 168
 Гольц-Миллер И. И. 18
 Гомер 112
 Гончаров И. А. 85, 134—136
 Горский В. 218
 Горький М. (псевд.; наст. имя — Пешков А. М.) 87
 Горячев И. Я. 210
 Гощи К. 182, 184
 Грабарь И. Э. 185
 Грановский Т. Н. 11, 81, 85, 109
 Гребенка Е. П. 32, 38, 40, 44
 Греч Н. И. 45, 46
 Гржебин З. И. 182
 Грибоедов А. С. 58
 Григорович Д. В. 19, 38, 44, 97, 134, 192
 Григорьев А. А. 10, 12, 22, 24, 32, 84, 108, 109, 164, 183
 Григорьев П. 216, 217
 Григорьев П. В. 150
 Грифцов Б. А. 185
 Громов В. А. 131, 132
 Гуковский Г. А. 25, 126, 207
 Давыдов 192
 Давыдова А. А. 136
 Даль В. И. (псевд. — В. Луганский) 19, 38, 41, 44, 59, 60, 63, 144
 Даниенберг К. А. 201
 Данилевский Г. П. 84
 Данте 184
 Дарвин Ч. 98
 Дедлов В. 92, 95
 Демидов М. 46
 Демиховская Е. К. 134, 136
 Деннери А.-Ф. 29
 Дершау Ф. К. 48
 Дидро Д. 158
 Дикбей (леди) 195
 Дикбей (лорд) 195
 Диккенс Ч. 47, 80, 108, 109
 Дмитриева В. И. 94, 102
 Добровольский Л. М. 173
 Добролюбов Н. А. 3, 4, 12, 75, 83, 88, 89, 98, 132, 133, 139, 150—152
 Долгополов Л. 182
 Долгоруков А. И. 46
 Долгушин А. В. 151, 152
 Достоевский М. М. 134
 Достоевский Ф. М. 4, 5, 9, 10, 12, 20, 22, 24, 34, 36, 54, 65—70, 89, 96, 106, 108, 112, 114, 134, 140, 149, 156, 157, 160
 Дружинин А. В. (псевд. — «Иногородный подписчик») 10, 12, 83, 84, 164
 Дружинин Н. П. 179, 188
 Дубинина А. Ф. 211, 212
 Дулек Г. 13
 Дудышкин С. С. 86, 134, 164
 Дунаев Ю. А. 205
 Дунаев Я. А. 205
 Духи 194, 195
 Душина Л. Н. 52, 54, 56
 Дюжикова А. М. 136
 Евгенийен-Максимов В. Е. 26, 36, 83, 135, 150, 163, 186, 191, 201
 Евфимий (старец) 171
 Еголин А. М. 26
 Елисеев Г. З. 132, 135, 151, 153, 167
 Ераков А. Н. 108
 Ершов П. П. 20
 Ефремов П. А. 71, 136, 143, 152
 Жерар Жюль-Сесиль-Базиль 195
 Жирмунский В. М. 27, 207
 Жукова М. С. 32
 Жуковский В. А. 20, 32, 52, 53, 59, 143
 Жюль-Жерар 194
 Заборова Р. Б. 145, 146, 148, 150, 152
 Загоскин М. Н. 76
 Зайончковский П. А. 65
 Зайцев Б. К. 180, 184, 185
 Зайцев В. 166, 178
 Засодимский П. В. 93
 Звонарев В. С. 201
 Зимина А. Н. 26
 Златовратский Н. Н. 101
 Зотов В. Р. 38, 193
 Зюзина В. А. 176
 Зюзины 176
 Иванов А. И. 38, 48, 49
 Иванов В. И. 8, 130
 Иванов Ермолай 37
 Измаил-Атраш 194, 195
 Ильёв С. П. 114, 116, 118, 120, 122, 128
 Ильин Н. 183
 Илья Пророк 186
 Иоанн Предтеча 186
 Кабе 105
 Кавелин К. Д. 151
 Казанова 184
 Казаринов А. 215, 217
 Казаринов И. 215
 Каменская 192
 Каменский А. П. 169, 170
 Кант И. 9
 Капыгин С. С. 179

- Карамзин Н. М. 28, 31—33
 Касаткин 211, 212
 Катков М. Н. 68
 Квитка-Основьяненко Г. Ф. (псевд. — Основьяненко Грыцько) 49
 Кетчер Н. Я. 142
 Кийко Е. П. 112, 156
 Кинчерф 10
 Клейст 183
 Клемм Ф.-Г. 192
 Клюев Н. А. 181, 182
 Княжнин В. 183
 Ковалевская С. В. 92
 Ковалевский П. М. 140
 Кожанчиков Д. Е. 194, 197, 198
 Кожебаткин А. М. 181
 Кольцов А. В. 44
 Комарович В. Л. 157
 Комиссаров О. И. 166
 Кони А. Ф. 34, 151
 Кони Ф. А. 46, 47, 48
 Копнин И. 211, 212
 Копьева С. П. 213, 214, 217
 Корман Б. О. 9, 20, 168
 Корнфельд М. Г. 182
 Короленко В. Г. 89, 102, 103
 Костомаров Н. И. (псевд. — Иеремия Галка) 46, 47, 49, 50
 Костылева Н. А. 197
 Котляревский Н. А. 49
 Котомин А. М. 189, 190, 198, 199
 Кошелев В. А. 57, 58, 60, 62, 64
 К. Р. (наст. имя — Романов К. К.) 134, 136
 Краббе Н. К. 194, 198
 Красевский А. А. 44—47, 49, 83, 86, 135, 136, 194, 197—199, 206
 Крамской И. Н. 145, 146, 149, 150, 152, 153, 209
 Кранихфельд В. П. 129
 Красинский З. 182
 Краснов Г. В. 71, 83, 84, 146, 149
 Красотин А. 186
 Крестовский В. В. 94, 192
 Кроммелинк Ф. 180, 181
 Кроненберг А. И. 70, 107
 Крупышев А. М. 75, 76, 78, 80, 82
 Крылов А. Л. 175, 215
 Кудрявцев П. Н. 33, 192
 Кузмин М. А. 178, 182, 183
 Кулешов В. И. 75, 163, 166
 Кункль А. 148, 151
 Куцевский И. А. 94, 97, 100
 Кюстин А. де 156, 158, 161

 Лаврецкий А. 75
 Лаговской Е. 175
 Лазарев И. 186
 Лазаревский В. М. 198, 205, 206, 208
 Ланской Л. Р. 207
 Ларра 152, 153
 Левитов А. И. 90, 91
 Лемке М. К. 150
 Лемуан Г. 28
 Ленин В. И. 3, 6
 Лермонтов М. Ю. 12, 25, 44, 45, 71, 96, 137—140, 150, 167, 180
 Лернер Н. О. 143, 180
 Лесков Н. С. 92, 96, 97
 Лесневский С. 183
 Лизанцер Д. фон 46
 Лисенков И. Т. 48
 Лихачев Д. С. 50
 Лихачева Е. О. 110

 Ломан О. В. 205, 206, 208, 210
 Лукашевич Н. П. (ур. Носачевская) 194, 199, 200, 203
 Лукин В. П. 79
 Львов П. 29

 Майков А. Н. 85
 Майков В. Н. 27, 28, 33, 134
 Майков Н. А. 134
 Макашин С. А. 145
 Маковский С. К. 185
 Максимов В. Е. 124, 187
 Максимович А. Я. 79, 150
 Малышев М. Е. 138
 Малютин С. 186
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 97, 102, 104
 Мандельштам О. Э. 20
 Манн Ю. В. 25, 81
 Мариво 183
 Маринетти 114
 Марков В. 114
 Марков Е. 163—165
 Маркевич Н. 156
 Маркович М. А. 95
 Марло К. 181
 Мартынова-Павлова О. П. 73
 Марченко А. Я. 78, 79, 112
 Маслова Е. 202, 203
 Маслов В. 202, 203
 Мачтет Г. А. 150
 Маяковский В. В. 10
 Медведева А. И. 141
 Медведенко А. М. 46
 Межевич В. С. 45, 46, 191
 Межуэль 195
 Мей А. А. 84
 Мельгунов Б. В. 35, 44, 46, 48, 50, 84, 151
 Мережковский Д. С. 8, 12, 124—127, 130, 183
 Мещерский В. П. 136
 Миллер Ор. Ф. 165, 192
 Миннаев Д. Д. 78
 Михайлов М. Л. (М. И.) 108, 150
 Михайлов О. Н. 169
 Михайловский Н. К. 193
 Михайловский Н. Н. 131, 132
 Мишкевич А. 195
 Мичурин А. М. 200
 Мичурин В. В. 194
 Мичурина (Самойлова 2-я) В. В. 200
 Мичурин-Самойлов Н. А. 200
 Мичурина-Самойлова В. А. 200
 Мордовцев Д. Д. 97, 99
 Морозов 132
 Морозов Н. (псевд.; наст. имя — М. А. Протопопов) 131
 Морозов Н. А. 173
 Мостовская Н. Н. 35, 36, 38, 81, 82, 105, 106, 108, 110, 112
 Мундт Н. 31, 32
 Муравлин (псевд.; наст. имя — Д. П. Голицын) 89
 Муравьев М. Н. 53, 166
 Муратов П. П. 178, 180, 182, 184—188

 Надеждин Н. И. 32, 47
 Надеждин С. Н. 179
 Надсон С. Я. 129
 Наполеон I Бонапарт 101
 Направник Э. Ф. 209
 Нарская Е. (псевд.; наст. имя — Н. П. Шаликова) 203, 204
 Наттер 192
 Наумов А. А. 136

- Наумов Н. И. 13
 Незнакомец (псевд.; наст. имя — А. С. Суворин) 167
 Некрасов А. С. 211—219
 Некрасов А. Ф. 186
 Некрасов Д. 212
 Некрасов К. А. 199, 202, 219
 Некрасов К. Ф. 178—188
 Некрасов Н. К. 171, 172, 178
 Некрасов С. С. 211—213
 Некрасов Ф. А. 178, 186, 217, 218
 Некрасова В. С. 212, 213
 Некрасова З. Н. 198, 200, 205—207
 Некрасова Т. И. 211—219
 Нерваль 184
 Никитенко А. В. 38, 136, 189—191, 193
 Никитина Е. П. 126
 Николаев Ю. (Ю. Н. Говоруха-Отрок) 12
 Николай (крестьянин?) 207
 Николай I 158
 Ницше Ф. 9
 Новиков И. А. 184, 185
 Новомлинский А. 32

 Огарев Н. П. 85
 Одоевский В. Ф. 41, 44, 60
 Оксман Ю. Г. 26, 37
 Орлова А. В. 37
 Осипович-Новодворский А. О. 97
 Островский А. Н. 85, 193, 197, 198
 Остроухов И. С. 185, 186
 Офросимов Ю. 169

 Павлов 181
 Павлова И. Б. 194, 196, 198, 200, 202, 204
 Павлова К. К. 180
 Пайков Н. Н. 24, 25, 124, 126, 128, 130, 176
 Палкин 9
 Панаев В. А. 194, 201, 202
 Панаев И. А. 201
 Панаев И. И. (псевд. — «Новый поэт») 32, 40, 44, 83, 84, 106, 111, 134, 136, 201, 203, 204
 Панаева (Головачева) А. Я. 36, 37
 Пастернак Б. Л. 18, 169
 Патер 184
 Пашкевич 203
 Певницкая Е. С. 211
 Первухин Н. 186
 Перовская С. Л. 98
 Петр I 115, 117, 156—159
 Пирогов Н. И. 81
 Писарев Д. И. 95, 102, 139, 150, 151
 Писемский А. Ф. 62, 81, 110
 Плансон А. 65
 Плеве В. К. 178
 Плетнев П. А. 189—191
 Плеханов Г. В. 137—139, 141
 Плещеев А. Н. 52—54, 131
 Погодин М. П. 29
 Покровский М. Н. 11
 Полевой К. А. 81
 Полевой Н. А. 28, 32, 45, 76, 142, 190
 Полонский Я. П. 80, 110, 183
 Помяловский Н. Г. 94, 192
 Пономарев С. И. 72—74, 149, 150, 153
 Попов А. В. 171, 172
 Порошин В. С. 191
 Поспелов Г. Н. 27, 32
 Потехин А. А. 192
 Потоцкая 173
 Прийма Ф. Я. 36, 40—42, 48, 50, 124, 126, 137, 138, 141

 Прозоров Ю. М. 24
 Протопопов М. А. 131—133
 Пруцков Н. И. 24, 25
 Пушкин А. С. 5, 10, 12, 18, 21, 30, 35, 52—54, 59, 71, 80—83, 85, 88, 101, 114, 117, 137, 139, 140, 143, 150, 151, 162, 164, 167, 180
 Пушкин В. Л. 180
 Пшениная Ф. А. 24
 Пыпин А. Н. 3, 36, 153
 Пятковский А. П. 14

 Раевская О. А. 214
 Реизов Б. Г. 156
 Рейсер С. А. 169, 189, 191, 208
 Рейтблат А. И. 169
 Рейхель М. К. 84
 Ремизова Н. А. 141
 Решетников Ф. М. 13, 192
 Римский-Корсаков 209
 Розанов В. В. 3, 5
 Розанова Л. А. 57
 Ройзман В. П. 111
 Романов К. К. 136
 Романов Н. А. 194, 199, 200, 202, 203
 Рубец А. И. 192
 Русов Н. В. 214
 Руссо Ж.-Ж. 107, 158—161

 Сакулин П. Н. 16, 30, 31
 Салтыков-Щедрин М. Е. 4, 89, 105, 135, 136, 151—153, 192, 201, 202, 207
 Самойлов В. М. 200
 Самойлов С. В. 200
 Санд Ж. (псевд.; наст. имя — А. Дюдеван) 80, 105—113, 156
 Сартр Ж. П. 18
 Северский М. К. 21
 Семевский А. И. 153
 Семевский М. И. 153
 Сен-Жюльен К. 191
 Сен-Симон А. де 105, 157
 Серебряков (домовладелец) 210
 Скабичевский А. М. 132, 140, 167, 168
 Скатов Н. Н. 3, 4, 6, 75, 80, 83, 115, 120, 129
 Скафтымов А. П. 105, 110
 Скотт В. 110
 Слепцов В. А. 13
 Случевский К. К. 4, 129
 Смарагдов С. 156, 157, 159
 Сметана 209
 Смирдин А. Ф. 47
 Смирнов С. В. 171, 172, 174, 176
 Смирнова-Сазонова С. И. 136
 Соколов И. Я. 191
 Соколов Н. И. 163, 166
 Соколов С. А. 182
 Соллогуб В. А. 38, 41, 77, 78
 Соловьев В. С. 93
 Соллогуб Ф. К. 128—130, 178, 183
 Сорокин М. П. 45
 Станиславский К. А. 183
 Старчевский А. В. 83
 Стасюлевич М. М. 71—73, 135
 Стахеев Д. 165
 Стебницкий М. (псевд.; наст. имя — Лесков Н. С.) 192
 Стенгоп (леди) 194
 Степан (крестьянин?) 206
 Степанов Н. Л. 24, 25
 Степняк-Кравчинский С. М. 65
 Стравнин 194
 Стратилат Феодор (св.) 186

- Страхов Н. Н. 10, 11
 Строганов М. В. 58
 Струве П. Б. 182
 Струговщиков А. Н. 45
 Ступин Н. 76
 Суворин А. С. 166, 167, 180, 202
 Сухотин П. С. 183—185
 Сущков Н. В. 78
 Тарасов А. Ф. 171, 172
 Твардовский А. Т. 10
 Твердохлебов И. Ю. 75
 Теккерей 108
 Теплинский М. В. 71, 72, 135
 Терешенко М. И. 182
 Терпигорев С. Н. 104
 Тимофеев Л. И. 114
 Тихомиров В. В. 162, 164, 166, 168
 Ткачев П. Н. 166
 Толстой А. Н. 178, 181
 Толстой Л. Н. 3, 4, 11, 12, 19, 83, 85, 89, 110, 180, 205
 Третьяков П. Н. 145
 Туниманов В. А. 101
 Тур Евгения (Е. Н. Салиас де Турнемир) 109, 113
 Тураев С. В. 114
 Тургенев И. С. 12, 41, 43, 83, 85, 87, 106—110, 112, 113, 131, 132, 134, 138, 141, 151, 152, 200, 205
 Тургенева А. 182
 Тынянов Ю. Н. 8, 9, 20
 Тютчев Ф. И. 4, 126
 Узнанский Н. П. 214
 Уитмен У. 114
 Успенский Г. И. 13, 89, 93, 97, 101, 166
 Успенский Н. В. 13
 Утин Е. И. 136
 Федоров В. 216, 217
 Федоров Е. 216, 217
 Фемистокл 10
 Феоктистов Е. М. 200
 Фет А. А. 4, 9, 17, 85, 183
 Фигнер М. И. 209
 Фигнер Н. Н. 209
 Филимонов П. С. 46
 Филиппов Т. И. 112
 Фихте И.-Г. 9
 Фофанов К. М. 129
 Фурье Ш. 105, 195
 Хайлов А. 181
 Хвошинская Н. Д. 95
 Хогарт У. 164
 Ходасевич В. Ф. 182, 185
 Холшевников В. Е. 207—210
 Холшевников В. Н. 208
 Холшевников Е. В. 207—209
 Холшевников Н. В. 205—210
 Холшевников М. П. 208
 Холшевников П. Н. 208—210
 Холшевникова Е. П. 209
 Холшевниковы 208, 209
 Хомяков А. С. 85
 Чайковский П. И. 209
 Чеботаревская А. Н. 183
 Чельский А. (псевд.; наст. имя — И. А. Гончаров) 134
 Чернов А. В. 65, 66, 68
 Чернов А. Ю. 143
 Чернышев 201
 Чернышевский Н. Г. 3, 4, 12, 75, 83, 86, 88, 89, 94, 98, 99, 106, 108—111, 113, 132, 135, 145, 150, 152, 153, 195, 203, 204
 Чехов А. П. 10, 18, 22, 95, 101, 104, 141
 Чешихин В. 183, 186
 Чириков Е. Н. 95, 98, 103, 104
 Чичерин А. В. 52
 Чудаков А. П. 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22
 Чуковский К. И. 8, 9, 11, 16, 18, 20, 25, 124—126, 137, 138, 145, 148, 150, 163, 169, 186
 Шадрин И. 103
 Шаликов Н. П. 194
 Шаликова Н. П. 203, 204
 Шамиль 85
 Шатобриан Ф.-Р. 183
 Шаховской Д. И. 179
 Шашков С. С. 166
 Шевченко Т. Г. 44—51, 151
 Шекспир В. 111, 112, 142
 Шелгунов Н. В. 166
 Шеллер-Михайлов А. К. 96, 100
 Шеллинг Ф.-В.-И. 9
 Шереметьевы (гр.) 180
 Шершеневич В. 114
 Шимкевич К. А. 9
 Шкловский В. Б. 169
 Шопенгауэр А. 9
 Штейнер Р. 182
 Штейнменц К. 212, 213
 Щеглов И. (псевд.; наст. имя — И. Л. Леонтьев) 94
 Эйхенбаум Б. М. 7, 9, 20, 25, 52, 207
 Эльзон М. Д. 142, 144
 Эренбург И. 181
 Эргель А. И. 101
 Языков 181
 Языков М. А. 45, 59, 134
 Яковлев В. И. 211, 212, 214, 216, 218
 Яковлев К. Ф. 171, 172
 Якушин Н. И. 26
 Ямпольский И. Г. 87, 88, 90, 92, 94, 96, 98, 100, 102, 104
 Ясинский И. И. 136
 А... Е... 46
 Braun M. 14
 Dudek Y. 13
 Głowinski M. 114
 Kjeld Bjørnager Jensen 123
 Kostkiewiczowa I. 114
 Okopień-Stawińska A. 114
 Sand George 105
 Stawiński I. 114
 Viardot Pauline 105
 Vogüé E.-M. de 129

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

- «Баба Яга, Костяная Нога» 19
 «Балет» 10, 11, 16, 18, 142
 «Баюшки-баю» 5, 6, 145—149
 «Без вести пропавший пиита» 26
 «Безнадежность» 120
 «Блажен незлобивый поэт...» 73
 «В. Г. Белинский» 35, 36
- «Ванька» 18
 «В больнице» 19, 72, 88, 92—93
 «В день смерти Гоголя» («Блажен незлобивый поэт...») 74
 «В деревне» 73
 «В дороге» 19, 21, 97
 «Вино» 19
 «Влас» 20, 21, 93, 97
 «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» 112, 113
 «Внимая ужасам войны...» 73, 98
 «В полном разгаре страда деревенская...» 16, 20, 73, 103
- «Газетная» 117, 122
 «Говорун» 9, 19, 117, 119
 «Голодная» («Кому на Руси жить хорошо») 63
 «Гробок» 21
- «Давно — отвергнутый тобою...» 94
 «Дамский альбом» 80
 «Дедушка» 11, 174
 «Деловой разговор» 35
 «Деревенские новости» 175
 «Д(олгуши)ну» 148
 «До сумерек» («О погоде») 100
 «Драматические сочинения Н. А. Полевого» 76
 «Дума» 89, 99
 «Душно! без счастья и воли...» 101
- «Еду ли ночью по улице темной...» 99
- «Железная дорога» 15, 89, 102
 «Жизнь Александры Ивановны» 27, 28, 29
 «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» 25, 28—31, 38, 43, 111, 127, 161
- «За городом» 16
 «Заметки о журналах» 79, 81—86
 «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» 80, 108, 113
 «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года» 79, 80
 «Замолчки, Муза мести и печали!..» 72, 93
 «Застенчивость» — 73
 «Зеленый шум» 21, 73, 97, 104
 «Землетрясение» 115, 116, 121, 122
 «Зине» («Пододвинь перо, бумагу, книги...») 145
- «И здесь душа унынием объята...» 201
 «И он их не чуждался в годы оны...» 111
 «Из поэмы „Мать“. Отрывки. 1877» 110, 111, 145
- «История ежовой головы» («Жизнь и похождения Тихона Тростникова») 43
 «История Параша» («Жизнь и похождения Тихона Тростникова») 28, 35
- «Как опасно предаваться честолюбивым снам. Фарс совершенно неправдоподобный» 175
 «Калистрат» 73, 102
 «Каменное сердце» («Как я велик!»; «В тот же день часов в одиннадцать утра...») 35, 36
 «Карп Пантелеч и Степанида Кондратьевна» 171, 172
 «Княгиня» 96
 «Княгиня М. Н. Волконская» («Русские женщины») 11, 13, 16, 136
 «Княгиня Трубецкая» («Русские женщины») 200
 «Когда из мрака заблуждения...» 88, 89, 91, 100
 «Колыбельная песня» 148
 «Кому на Руси жить хорошо» 5, 10, 15, 20—23, 57—64, 89, 92, 102, 148, 164, 171, 172, 174, 175, 193, 219
 «Коробейники» 14, 21, 91, 95, 99, 175
 «Куз(ь)ма Петрович(ь) Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. В 4-х частях. Сочинение М. Загоскина» 76
 «Кумушки» 21
- «Литературные новости» 39, 40, 42
- «Макар Осипович Случайный» 24, 26, 32, 33, 175
 «Материнское благословение, или Бедность и честь» 28
 «Мать» 6, 18, 110, 145, 148, 149
 «Маша» 20
 «Медвежья охота» 11, 35, 96
 «Мертвое озеро» 175
 «М. Е. С(алтыко)ву» 148
 «Мечты и звуки» 26, 46, 60, 190, 191
 «Молебен» 149
 «Молодик на 1843 год. Часть первая» 48, 49
 «Мороз, Красный Нос» 88, 95, 96
 «Москва, поэма в лицах и действии, в 5-ти частях, Н. В. Сушкова. Москва, 1847. Слава о вещем Олеге, соч. Д. Минаева. СПб., 1847. Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий. Варшава, 1844» 78
 «Муж и жена» 175
 «Муза» 73
- «На Волге» 16, 93, 98, 99
 «Надрывается сердце от муки...» 18
 «Накануне светлого праздника» 174
 «На смерть Шевченко» 20
 «На улице» 90, 120
 «Необыкновенный зайтрак» («Жизнь и похождения Тихона Тростникова») 43, 76
 «Не рыдай так безумно над ним...» 95, 102
 «Несжатая полоса» 72
 «Несчастные» 15, 19, 35, 36, 89
 «Новости (Газетный фельетон. 1845)» 9, 10

- «Новый год» 99
«Ночь. Успели мы всем насладиться...» 98
- «Огородник» 19, 21, 94, 98
«О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить хорошо») 61
«О петербургских углах и почтенных постояльцах, которые в них помещаются» («Жизнь и похождения Тихона Тростникова») 43
«О погоде» 17, 18, 100, 117—119, 122
«Опытная женщина» 29, 175
«Орина, мать солдатская» 21, 95
«Осторожность» 175
«Отрывок» 19
«Очерки литературной жизни» 110, 175
- «Памяти Белинского» 35, 73, 74
«Памяти Добролюбова» 152
«Памяти приятеля» («Памяти Белинского») 35, 73, 74
«Папаша» 20, 112
«Певица» 26
«Перед дождем» 16
«Песни о свободном слове» 89, 99, 175
«Песня Еремущке» 94, 103
«Петербургская хроника» 51, 52
«Петербургские углы» 37, 38, 42, 76
«Петербургский ростовщик» 43, 154
«Петербургский сборник» 35
«Пир на весь мир» («Кому на Руси жить хорошо») 61, 65—70, 147, 148, 153
«Плач детей» 14, 72
«Повесть о бедном Климе» 27—29, 33
«Подражание Шиллеру» 129
«Пожарище» 15
«Помещик двадцати трех душ. Записки молодого человека» 175
«Последние песни» 5, 71, 136, 145—147, 149, 150
«Последние элегии» 60
«Похороны» 120
«Поэт и гражданин» 35, 79, 100, 102, 103, 110
«Праздник жизни — молодости годы...» 60
«Прекрасная партия» 97, 98, 111
«Привет русскому патриоту» 76
«Признания труженика» 19
«Притча о „Киселе“» 143
«Провинциальный подьячий в Петербурге» 9, 19, 111, 118, 119
«Пролог» («Кому на Руси жить хорошо») 59
«Пропала книга!» («Песни о свободном слове») 99
«Пророк» 5, 145, 149—153
«Псовая охота» 14, 16, 175
«„Путевые заметки“ Т. Ч.» 78, 79, 112
«Пьяная ночь» («Кому на Руси жить хорошо») 61, 148
«Пьяница» 19
«Пять стихотворений Н. Ступина. В пользу нуждающихся и соотечественников» 76
- «Размышления у парадного подъезда» 10, 20, 87, 89, 94, 95, 99, 101, 103, 104, 129, 151
«Родина» 89, 92, 167, 201
«Рубка леса» («Саша») 88
«Русские второстепенные поэты» 40, 52, 80
«Русские женщины. Книгина Трубецкая. Книгина М. Н. Волконская» 88, 136, 137, 193, 200
«Русские народные сказки» 107, 108
- «Русский патриот. Отечественное песнопение» 76
«Русь» («Кому на Руси жить хорошо») 63
«Рыцарь на час» 10, 15, 95, 98, 101, 102, 174
- «Саша» 16, 17, 88, 90, 99, 101, 110
«Свадьба» 14, 20
«Секрет» 19
«Сельская ярмонка» («Кому на Руси жить хорошо») 61
«Сеятелям» 95
«Сказка о царевне Ясноцвете» 19
«Скорбь и слезы» 30
«Смолкли честные, доблестно павшие...» 152
«Современники, части первая, вторая» 14, 72, 95
«Старые хоромы. (Из Ларры)» 201
«Стихотворения Н. Некрасова» — 190
«„Стихотворения“ Я. Полонского» 80, 110
«Сто русских литераторов» 47
«Страшный год» 152
«Суд» 143
«Сургучов» 32, 43
- «Так, служба!..» 19
«Так это шутка? Милая моя...» 73
«„Тарангас. Путевые впечатления“ В. Соллогуба» 77, 78
«Тишина» 14, 18, 92, 104, 147, 148, 165, 167, 174
«Тонкий человек, его приключения и наблюдения» 175
«Три страны света» 175
«Три элегии» 52—56, 72
«Тройка» 20, 73, 89, 90, 94, 99
«Тяжелый крест достался ей на долю...» 97, 102
- «Убогая и нарядная» 88, 94, 95, 97, 103
«Уж было за полночь. Во сне...» 143
«Умру я скоро. Жалкое наследство...» («Неизвестному другу»; «Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение „Не может быть“») 5, 73
«Уныние» 16
«Утро» 13, 15, 17, 119, 120
- «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке» 111
«Физиология Петербурга» 35, 37, 76
«Филантроп» 19, 94
- «Хроника петербургского жителя» 37
- «Человек с высшим взглядом, или Как выйти в люди» 76
«Черты из характеристики петербургского народонаселения» 37, 42, 155—157, 159—161
«Чиновник» 10, 43
«Что думает старуха» 73
- «Школьник» 20, 91
- «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...» 93
- «Я мирно задремал. Во сне...» 143
«Я посетил твоё кладбище...» 73
«Я сегодня так грустно настроен...» 72, 97
«Я — фельетонная букашка...» («Песни о свободном слове». V. «Фельетонная букашка») 89

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

	Стр.
Скатов Н. Н. Перечитывая Некрасова	3
Чудаков А. П. Слово и предмет в стихе Некрасова	8
Вершинина Н. Л. Традиции сентиментальной культуры в прозе Некрасова 1840-х годов	24
Мостовская Н. Н. Некрасов и Белинский в 1840-е годы	35
Мельгунов Б. В. «Литературная газета» в 1840—1844 годы о произведениях Т. Г. Шевченко. (К проблеме атрибуции рецензий)	44
Душина Л. Н. О содержательности ритма «Трех элегий» (А. Н. Плещееву) Некрасова	52
Кошелев В. А. О возрастных указаниях в поэме «Кому на Руси жить хорошо»	57
Чернов А. В. «Пир на весь мир» Некрасова и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в свете общественно-политической ситуации 1876—1877 годов	65
Теплинский М. В. Последнее прижизненное издание избранных стихотворений Некрасова	71
Крупышев А. М. Свособразие Некрасова-критика	75
Краснов Г. В. «Заметки о журналах» 1855—1856 годов	83
Ямпольский И. Г. Стихи Некрасова в произведениях других писателей	87
Мостовская Н. Н. Некрасов и Жорж Санд	105
Ильёв С. П. Некрасов как предтеча русских поэтов-урбанистов символистского круга	114
Пайков Н. Н. Еще раз о восприятии Некрасова русскими символистами	124

II. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Громов В. А. Некрасов и М. А. Протопопов	131
Демиховская Е. К. Некрасов и И. А. Гончаров	134
Бекедин П. В. Некрасов в восприятии В. М. Гаршина. (Необходимые уточнения)	137
Эльзон М. Д. О курсиве и кавычках у Некрасова. (Три примера)	142
Заборова Р. Б. 1. «Баюшки-баю». 2. «Не говори: „Забыл он осторожность...“»	145
Васильева Е. Г. 1. Дополнения к комментарию. 2. Очерк Некрасова «Черты из характеристики петербургского народонаселения» в литературном контексте 1840-х годов	154
Тихомиров В. В. Газетные и журнальные некрологи как источник сведений о личности и творчестве Некрасова	162
Рейсер С. А. Еще раз о «Светочах». (Завершение поисков)	169
Смирнов С. В. Ярославские деревни и села в творчестве Некрасова	171
Ваганова И. В. К. Ф. Некрасов и его книгоиздательство	178

III. ПУБЛИКАЦИИ

Вацуру В. Э. Некрасов, Плетнев и Никитенко в 1839 году	189
Викторович В. А. Об одном письме Некрасова	192
Неизданные письма к Некрасову. Публикация О. Б. Алексеевой и И. Б. Павловой	194
Ломан О. В. Забытый адресат Некрасова	205
Яковлев В. И. Татьяна Ивановна Некрасова. (К родословной поэта)	211
Условные сокращения	220
Указатель имен	221
Указатель произведений Н. А. Некрасова	226

Научное издание
НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК. XI—XII

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства Г. А. Альбова
Технический редактор Е. В. Траскевич
Корректоры О. И. Буркова, И. А. Крайнева и Э. Г. Рабинович

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 25.05.98. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.3 + 0.35 вкл.
Уч.-изд. л. 23.2. Тираж 500 экз. Тип. зак. № 3659. С 117

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12